М. Л.
МИХАЙЛОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

М. Л. МИХАЙЛОВ

Советский
писатель

Meinen lieben Freunden

Ruth und Helmut

Graßhoff

mit herzlichen Grüßen

und besten Wünschen

zum Jahreswechsel

vom Herausgeber

überreicht

Dezember

1969

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

М. Л. МИХАЙЛОВ

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

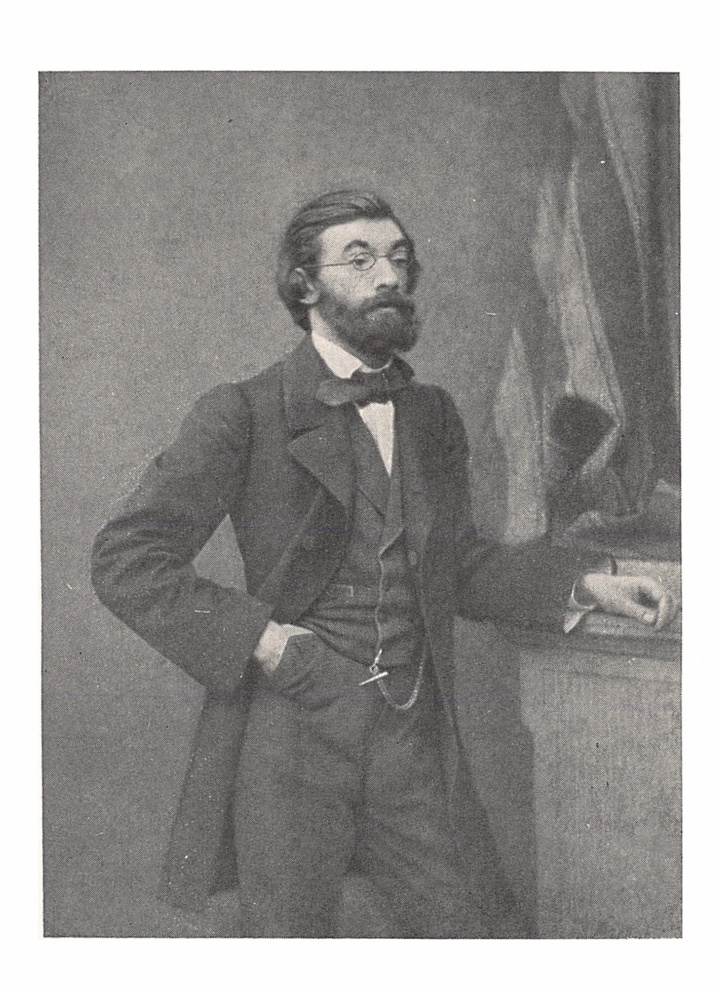
Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Ю. Д. Левина

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1969

Р-1
М 69

Настоящее издание стихотворений известного писателя-революционера М. Л. Михайлова (1829—1865) включает все существенное из его поэтического наследия. Михайлов — выдающийся мастер поэтического перевода. Ему принадлежат переводы с немецкого, английского, французского и других языков (Гете, Шиллера, Бернса, Байрона, Беранже и многих других зарубежных поэтов). Выполненные Михайловым переводы лирических стихотворений Гейне, по отзыву А. Блока, — «настоящие перлы поэзии».

7-4-1
336-69

ПОЭЗИЯ М. Л. МИХАЙЛОВА

14 сентября 1861 года по Петербургу распространился слух: утром арестован известный писатель и переводчик, сотрудник многих журналов М. Л. Михайлов. Весть эта взволновала петербургских литераторов, и на другой день они составили петицию министру народного просвещения, прося его ходатайствовать об освобождении Михайлова. В петиции говорилось: «Мы не знаем, в чем обвиняется М. Л. Михайлов... Мы знаем только, что вся литературная деятельность этого писателя направлена была к самым благородным и высоким целям и постоянно клонилась к уменьшению в человечестве страданий и преступлений, а не к увеличению их».[1] Прошение подписали тридцать один литератор и среди них: Некрасов, Добролюбов, братья Курочкины, Минаев, Лавров, Аполлон Майков, Краевский и др.

Никакого результата петиция, разумеется, не имела. Вскоре стало известно, что Михайлов обвиняется в сочинении и распространении антиправительственной революционной прокламации «К молодому поколению» и признал себя виновным. Он был предан суду Сената, который приговорил его к шести годам каторжных работ и пожизненному поселению в Сибири. 14 декабря 1861 года над Михайловым был совершен обряд гражданской казни, после чего в кандалах он был отправлен в Сибирь.

Михайлов стал первой жертвой царствования Александра II. Тогда, в 1861 году, суд по политическому преступлению был делом необычным, давно уже невиданным. Беспокойство, вызванное процессом Михайлова, было тем сильнее, что в тревожной обстановке осени

---

[1] Цит. по кн.: Мих. Лемке, Политические процессы в России 1860-х гг. (По архивным документам), изд. 2, М.—Пг., 1923, с. 93.

1861 года брожение охватило чуть ли не все слои русского общества. Ближайший друг Михайлова, критик и публицист революционно-демократического лагеря Н. В. Шелгунов, вспоминал впоследствии: «Михайлов, сосланный на каторгу, стал святым даже для тех, кто не прочел ни одной его строчки. Да и какие тут строчки! В воздухе чувствовалось политическое электричество, все были возбуждены... И вдруг среди этого всеобщего возбуждения неожиданный удар грома и внезапно вырванная жертва. Каждый точно чувствовал в Михайлове частичку себя, и процесс его стал личным делом каждого».[1]

В Михайлове настроенные против правительства общественные круги, особенно молодежь, к которой была обращена прокламация, видели революционного героя и мученика, пример для подражания. «Учителем» назвали его в своем послании участники студенческих волнений, заключенные одновременно с ним в Петропавловскую крепость.

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам,
Верь — плод взойдет, и наше племя
Отмстит сторицею врагам, —

писали они. «За что?» — спрашивал П. Н. Ткачев, в то время еще студент Петербургского университета, в стихотворении «14 декабря 1861» (дата гражданской казни Михайлова), —

...За то ль, что он свободно
Восстал за угнетенных кровь,
Что отозвался благородно
На стоны страждущих рабов?
За то ль, что был он Человеком
Среди рабов и палачей?..

Образ бесстрашного, непреклонного революционера, беззаветно жертвующего собою во имя правого дела и увлекающего своим примером других, создавали на страницах «Колокола» Герцен и Огарев, откликаясь на расправу царского правительства над Михайловым. В начале 1862 года было выпущено специальное прибавление к «Колоколу» под заглавием «Михайлов и студентское дело». В стихотворении «Михайлову» Огарев напутствовал «мученика ссыльного»:

---

[1] Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов, Воспоминания, т. 1, М., 1967, с. 241 (ниже ссылки на это издание даются сокращенно: «Воспоминания»).

Твой подвиг даром не пропал —
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал — не жалей!

. . . .

Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Герцен в статье «1831—1863» писал: «Человек, гонимый за свои мнения, за слово, снова гордо стоит перед судом... он знает, что его слово жадно слушается, он знает, что его пример будет великою проповедью.

Грустно, твердо явился *Михайлов* перед Сенатом. Богадельня стариков, судивших его, обомлела, разинула рот; в прохождении их долголетней военной и гражданской службы они ничего подобного не слыхали». [1]

В августе 1865 года Михайлов умер на каторге. Но подвиг его не был забыт и на какое-то время даже заслонил его литературное творчество. И если анонимный автор нелегальной брошюры «На смерть М. Л. Михайлова» упоминал о его литературном даровании и известности «всему читающему люду», он тут же добавлял: «Нам он еще дороже как человек, как один из еще более редких у нас мучеников свободной мысли». «Михайлов святой пример для нас: он честно сделал то, что мог, и если бы каждый следовал его примеру, Россия не была бы тем, что она теперь. . .» [2]

Позднее, в 70-е годы, поэт-народник С. С. Синегуб вспоминал «гордого борца», который

Беззаветно, страстно
Родину любил,
За нее страдал он,
Для нее лишь жил!

Другой народоволец, П. Ф. Якубович, передавал завет «старшего товарища по делу святому»:

«Верь в молодость! Верь в ее силу и счастье,
Зови ее песней отважной вперед!»

---

[1] А. И. Герцен, Собр. соч., т. 17, М., 1959, с. 109—110.
[2] Цит. по «Воспоминаниям», т. 2, с. 445, 450.

Таким сохранился облик Михайлова в памяти передового русского общества, и В. И. Ленин в 1901 году назвал его в числе «сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е. «коноводов» «революционной партии»)», которых беспощадно истребляло самодержавное правительство.[1]

1

В отличие от Чернышевского или Добролюбова, с которыми он был близок, Михайлов не был боец по складу своего характера. Логика жизненного пути подвела его к свершению подвига.

Михаил Ларионович (Илларионович) Михайлов родился 3 января 1829 года в семье провинциального чиновника.[2] Дед его был крепостным. В 1861 году в показаниях на следствии Михайлов писал: «Покойный отец мой происходил из крепостного состояния, и семейное предание глубоко запечатлело в моей памяти кровавые события, местом которых была его родина. По беспримерной несправедливости село, где он родился, было в начале нынешнего столетия подвержено всем ужасам военного усмирения... Дед мой был тоже жертвою несправедливости: он умер, не вынеся позора от назначенного ему незаслуженного телесного наказания. Такие воспоминания не истребляются из сердца».[3]

Отец будущего писателя, отпущенный «на волю», поступил копиистом в губернское правление. Ценой многолетнего упорного труда он сумел подняться по служебной лестнице и даже получил дворянское звание. Он дал своим детям хорошее домашнее образование. Михайлов еще в детстве овладел несколькими иностранными языками и начал увлекаться литературой, пробуя свои силы в самостоятельном поэтическом творчестве и в переводах.

---

[1] В. И. Ленин, Гонители земства и аннибалы либерализма. — Полн. собр. соч., т. 5, М., 1959, с. 28 и 30.

[2] Относительно места рождения Михайлова существуют разноречивые сведения. Первый его биограф П. В. Быков считал таким местом Илецкую Защиту (см.: М. Л. Михайлов, Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1913, с. VII). На Оренбург указал В. В. Мияковский, пользовавшийся архивными материалами о служебной деятельности отца писателя (см.: «Голос минувшего», 1915, № 9, с. 10), и это указание повторялось во всех последующих биографиях. В недавно обнаруженной автобиографической записке сам Михайлов назвал местом своего рождения Уфу (см.: «Литературный архив», т. 6, М.—Л., 1961, с. 198).

[3] Цит. по кн.: Мих. Лемке, Политические процессы в России 1860-х гг., с. 106—107.

Рано осиротев (мать Михайлова умерла в 1841, отец — в 1845 году), молодой поэт, старший в семье, был вынужден сам заботиться о своем существовании. В 1846 году он отправился в Петербург, намереваясь стать студентом университета, но потерпел неудачу на вступительных экзаменах и поступил туда вольнослушателем. На первой же лекции он познакомился с Чернышевским, с которым вскоре сблизился. «...Чем больше я стал узнавать его, — писал Чернышевский о Михайлове своему отцу 7 февраля 1847 года, — тем более стал любить, хоть и не скажу, чтобы все в нем мне нравилось». «Не любить его нельзя, потому что у него слишком доброе сердце». [1]

Михайлов много пишет; его стихи, очерки и переводы печатаются в «Иллюстрации», «Библиотеке для чтения» и особенно в «Литературной газете», издававшейся под редакцией молодого литератора В. Р. Зотова. Спустя много лет Зотов вспоминал, что Михайлов сразу же завоевал симпатии в кругу литературной молодежи Петербурга: «Добродушный, восторженный, увлекающийся, он всегда был готов жертвовать собою для других, для тех идей, которые он считал справедливыми и гуманными». [2]

Литературные труды, однако, не могли прокормить Михайлова, и в феврале 1848 года «по расстройству его денежных дел» он был вынужден покинуть Петербург и отправиться в нижний Новгород, где поступил на службу в Соляное правление. Жизнь в провинции, чиновничья служба, обывательское окружение в условиях воцарившейся в стране политической реакции тяготили молодого писателя. Но он не бросает творчества, напротив, круг его литературных интересов расширяется: продолжая писать стихи и переводить иностранных поэтов, он начинает выступать как беллетрист, пробует свои силы в драматургии, занимается библиографией русской литературы, собирает фольклор. В 1851 году в «Москвитянине» печатается первая его большая повесть «Адам Адамыч», которая привлекла внимание читателей и критики и сразу же поставила автора в ряды писателей «натуральной школы». Успех повести окрылил Михайлова: в начале 1852 года он бросает службу и возвращается в Петербург.

Теперь он уже довольно известный писатель, работающий в самых различных жанрах, но преимущественно в беллетристике, сотрудничающий в нескольких журналах. Он сближается с редакцией наиболее передового в России журнала «Современник», руководи-

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 14, М., 1949, с. 110.

[2] В. Р. Зотов, Петербург в сороковых годах. — «Исторический вестник», 1890, № 5, с. 295.

мого Некрасовым. Он знаком чуть ли не со всеми петербургскими литераторами; некоторые из них — Тургенев, Григорович, Дружинин — принимают участие в его литературной судьбе, стараются ему помочь. А необходимость в такой помощи была, потому что обеспечить свое существование одним литературным трудом оказалось нелегким делом.

Социальные воззрения Михайлова в это время еще расплывчаты и неопределенны. Демократизм, свободолюбие, сочувствие к угнетенным, ненависть ко всякой несправедливости носили у него отвлеченный, абстрактно гуманистический характер. Это и позволило ему сближаться с литераторами различных общественных взглядов. Впрочем, четкой революционно-демократической программы шестидесятников в то время еще не существовало. Жестокий политический гнет последних лет николаевского царствования, так называемого «мрачного семилетия», объединял самых разных писателей, сколько-нибудь противостоявших откровенно реакционной официозной печати, одинаково страдавших от свирепого цензурного террора. Размежевание либералов и революционных демократов было еще впереди.

В 1855 году Михайлов познакомился с Н. В. Шелгуновым, в то время офицером корпуса лесничих. Знакомство постепенно перешло в самую тесную дружбу. Эту дружбу не смогли поколебать тягчайшие испытания, выпавшие на долю Михайлова и Шелгунова, в том числе и взаимная любовь Михайлова и жены Шелгунова — Людмилы Петровны, которая оказала большое влияние на дальнейшую жизнь и творчество писателя. В мемуарах Шелгунов оставил выразительный портрет своего друга:

«Михайлов был небольшого роста, тонкий и стройный. Он держался несколько прямо, как все люди небольшого роста. В его изящной фигуре было что-то такое, что сообщало всем его манерам и движениям стройность, грацию и какую-то опрятность. Это природное изящество сообщалось Михайловым всему, что он носил... Михайлов не был красив: маленькие, узкие, вкось, как у киргиза, разрезанные глаза и бледно-смуглый цвет лица имели что-то восточно-степное, оренбургское; а приподнятые и загнутые дугой брови придавали его лицу своеобразную оригинальность. Но именно эта-то оригинальность лица и гармонировала со всей его фигурой... И это-то некрасивое лицо светилось внутренней красотой, лучилось успокаивающей кротостью и мягкостью, чем-то таким симпатичным и женственно привлекающим, что Михайлова нельзя было не любить... Вообще Михайлов, как все люди живого темперамента, отличался порядочной долей легкомыслия... Легкомыслие не есть недостаток; оно — красивая принадлежность известных натур, делающая их более привле-

кательными... Вот этим-то легкомыслием, составляющим основу мужества, создающим быстрые переходы настроений и сообщающим душе светлый праздничный характер, был богат Михайлов».[1]

Важным событием в жизни Михайлова была его поездка в 1856—1857 годах на родину в Оренбургскую губернию и на Урал по командировке Морского министерства, которое посылало литераторов «для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством». Это было время общественного подъема, начавшегося после смерти Николая I и поражения России в Крымской войне, когда, по словам Шелгунова, «Россия точно проснулась от летаргического сна». «...После Севастополя все очнулись, все стали думать и всеми овладело критическое настроение...»[2]

Михайлов внимательно изучал жизнь местного населения, его быт, экономическое положение, народное творчество, обычаи и верования; особенно интересовался массовыми движениями — башкирскими бунтами, восстанием Пугачева, память о котором еще сохраняли устные предания. В обследованных областях он столкнулся с чудовищной эксплуатацией бесправного населения, испытывавшего двойной гнет — крепостной и колониальный. Свои впечатления он изложил в двух обширных историко-этнографических трудах. «Везде стараюсь, по мере возможности, говорить откровенно, без прикрас о положении края, — сообщал он Шелгунову. — Гадостей несть числа».[3]

Почти ничего из написанного не удалось провести через цензуру и напечатать. Однако поездка не прошла для Михайлова бесследно. «Мне кажется, я и дышу теперь полнее и светлее думаю», — писал он из экспедиции.[4] Своему другу поэту Я. П. Полонскому он признавался, что странствия дали ему «и опыт, и встречи с людьми, и ближайшее изучение Руси. Всего этого недоставало мне...»[5]

После экспедиции Михайлов с новой энергией принимается за литературный труд. Но эта деятельность уже не может полностью удовлетворить его: общественно-политические вопросы, связанные с путями дальнейшего развития России, настоятельно привлекают его внимание. Вместе с Шелгуновыми он решает совершить поездку во Францию и Англию. Сообщая об этом Полонскому в апреле 1858

---

[1] «Воспоминания», т. 1, с. 111—112.
[2] Там же, с. 76, 77.
[3] Там же, с. 116.
[4] Письмо к А. В. Дружинину от 4 ноября 1856 года. — «Письма к А. В. Дружинину», М., 1948, с. 214.
[5] Письмо от 7 июня 1857 года. — «Шестидесятые годы», М.—Л., 1940, с. 446.

года, Михайлов добавлял: «...многое надо посмотреть, многому научиться».[1]

Заграничное путешествие расширило идейный кругозор писателя. Публиковавшиеся в «Современнике» «Парижские письма» и «Лондонские заметки», в которых он знакомил русских читателей с культурой Западной Европы, с жизнью и бытом населения, проникнуты подлинным публицистическим пафосом. С гневом и возмущением писал Михайлов о «мраке» буржуазно-католической реакции, сгустившейся над Францией Наполеона III, о «невиданной нищете», ценою которой куплено «промышленное величие» Англии, о прусском национализме. Но, обличая реакцию и социальное неравенство, писатель с уважением и сочувствием относился к национальной культуре зарубежных стран, к прогрессивным деятелям, к «простому и бедному» народу. Он язвительно высмеивал пропагандистов «официальной народности», разглагольствовавших о «гниющем Западе», и наглядно показывал не только недостатки, но и достоинства европейских форм жизни.

Большое впечатление произвело на Михайлова знакомство с Герценом и Огаревым, состоявшееся в Лондоне в феврале 1859 года.

Вернувшись весною того же года в Россию, Михайлов входит в состав редакции «Современника», где ведет отдел иностранной литературы. Деятельно сотрудничает он и в «Русском слове». Несколько раз пытается, правда безуспешно, основать собственное периодическое издание, «серьезное», «с благородным и определенным направлением»,[2] как он писал Шелгунову в июле 1859 года.

1859—1861 годы — годы революционной ситуации в России — довершили политическое воспитание Михайлова. От былого политического индифферентизма не осталось и следа; он становится сподвижником Чернышевского и Добролюбова. Основное место в его литературной деятельности занимает критика и публицистика. Общественная жизнь, искусство рассматриваются и оцениваются в его статьях с революционно-демократических позиций, хотя между ним, с одной стороны, и Чернышевским и Добролюбовым, с другой, существовали расхождения в решении некоторых социальных и эстетических проблем (оценка женского вопроса, отношение искусства и жизни и др.).

В центре публицистических выступлений Михайлова стоял вопрос о женском равноправии. В ряде статей, главная из которых «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (1860), он требовал признания за женщиной всех общественных и политических

---

[1] «Шестидесятые годы», с. 447.
[2] «Воспоминания», т. 1, с 118.

прав, уравнения ее с мужчиной. Статьи эти произвели, по свидетельству Шелгунова, «в русских умах землетрясение»; [1] они явились наиболее полным выражением взглядов революционной демократии на женский вопрос. Проблема женской эмансипации связывалась с перестройкой всех общественных отношений на основе равенства и свободы.

К 1860—1861 годам относится практическая революционная деятельность Михайлова. Он активно сотрудничает с Чернышевским и П. Л. Лавровым при организации литературно-политического Шахматного клуба, который должен был объединить прогрессивных литераторов и ученых Петербурга. Через брата Шелгуновой, Е. П. Михаэлиса, устанавливаются его связи с революционно настроенным студенчеством, политическому воспитанию которого он отдавал много сил. П. Д. Боборыкин, попавший на студенческую сходку вскоре после опубликования манифеста 19 февраля 1861 года об «освобождении» крестьян, рассказывал впоследствии: «Они только что читали вслух текст манифеста и потом все начали его разбирать по косточкам. Никого он не удовлетворял... Сильнее и ядовитее всех говорил Михайлов. Он прямо называл все это ловушкой и обманом и не предвидел для крестьян ничего, кроме новой формы закрепощения... Тон и содержание его протестов показывали, что этот человек уже „сжег свои корабли“». [2]

Подобное выступление, видимо, было не единичным. Михайлов придавал огромное значение пропаганде. «Слово становится делом... кто в этом сомневается?» — это выражение Шамиссо он поставил эпиграфом к стихотворению «Памяти Добролюбова». Михайлов имел непосредственное отношение к трем основным прокламациям революционных демократов 1861 года, призывавшим к восстанию. Он организовал печатание прокламации Чернышевского «Барским крестьянам», [3] помогал Шелгунову в написании прокламации «Русским солдатам», которую удалось напечатать благодаря его хлопотам. Особенно близка ему была прокламация «К молодому поколению». Правда, доля участия Михайлова в написании ее не установлена; некоторые исследователи полагают, что она принадлежит одному Шелгунову. Но если даже и принять эту точку зрения, несомненно, что Михайлов, питавший «веру светлую» «в молодое поколенье», возлагавший на

---

[1] Там же, с. 121.

[2] П. Д. Боборыкин, Воспоминания, т. 1, М., 1965, с. 234.

[3] Существовавшее ранее предположение, что Михайлов собственноручно переписал прокламацию Чернышевского, в настоящее время окончательно опровергнуто С. А. Рейсером (см.: «Книга». Сб. XIV, М., 1967, с. 210—214).

него «лучшие надежды»,[1] полностью разделял изложенные здесь взгляды.

«Молодое поколение! .. — говорилось в прокламации, — только в вас мы видим людей, способных пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся к вам потому, что считаем вас людьми, более всего способными спасти Россию, вы — настоящая ее сила, вы — вожаки народа. . .»[2]

Прокламация содержала резкую критику самодержавия, требовала раздела земли, установления равенства всех перед законом, упразднения цензуры. Она призывала молодежь вести пропаганду среди народа, искать вождей, способных возглавить народную революцию.

Летом 1861 года Михайлов доставил рукопись прокламации в Лондон, где она была отпечатана в Вольной русской типографии Герцена в шестистах экземплярах, которые он затем тайно провез через границу. В начале сентября Михайлов и Шелгунов с помощью Михаэлиса и А. А. Серно-Соловьевича распространили прокламацию в Петербурге. Но Михайлов был выдан В. Д. Костомаровым, поэтом-переводчиком, которому он неосмотрительно доверил тайну. После ареста, стремясь отвести подозрение от Шелгунова и других соучастников, Михайлов взял всю вину на себя.

В тяжелые годы каторги и ссылки Михайлов не оставил творчества — единственного оставшегося у него средства продолжать борьбу с самодержавием. Тогда были созданы многие замечательные, проникнутые революционным духом произведения: записки о следствии, суде и пути на каторгу, автобиографический роман о «новых людях» — «Вместе», «Сибирские очерки», стихотворения, переводы.

В 1864 году на каторгу в Кадаю, где находился Михайлов, начали прибывать польские повстанцы, осужденные царским судом. Михайлов быстро сблизился с борцами за освобождение Польши; в них он видел братьев по оружию и судьбе. Один из них, Людвик Зеленка, позднее вспоминал о нем: «Мы открыли ему свои сердца, а он нам — свою возвышенную душу». «Михайлов чувствовал, что среди нас, даже в Сибири, он не одинок, ибо и он и мы имеем одну цель. . . Искренний Михайлов на закате печальной, но благороднейшей своей жизни не имел, пожалуй, более сердечных, преданных и любящих друзей. . . чем мы. . . Мы этого брата нашего по духу. . . слезами на-

---

[1] См. письмо Михайлова Шелгуновым из Петропавловской крепости от 8 ноября 1861 г. («Воспоминания», т. 2, с. 431).
[2] Цит. по «Воспоминаниям», т. 1, с. 335.

шими, болью сердец наших провожали в конце его жизни... и память о нем вечно пребудет среди нас святой и великой».[1]

Царское правительство убило Михайлова в пору расцвета его таланта, но оно тщетно старалось предать забвению его имя. В одной из своих статей поэт писал: «...только те имена идут в потомство и становятся дорогими для людской памяти, о которых люди, носившие их, забывали, жертвуя всею своею личностью общему благу».[2] Так Михайлов, сам того не ведая, предсказал свою посмертную славу.

2

Литературная деятельность Михайлова поражает своим многообразием.[3] Подобно многим революционным демократам-просветителям шестидесятых годов, он был энциклопедически образованным человеком с разносторонними литературными и научными интересами. Поэзия, проза, драма, перевод, критика и публицистика, история литературы и библиография, этнография и фольклор — таковы литературные жанры и области знания, в которых он пробовал свои силы.

Трагическая судьба Михайлова сказалась и на судьбе его поэтического наследия. Оно дошло до нас не полностью: далеко не все из того, что он написал, было напечатано при его жизни, а хранение рукописей «государственного преступника» преследовалось и после его смерти. Многие стихи Михайлова, причем именно те, которые не могли быть опубликованы по цензурным условиям, по-видимому, безвозвратно утрачены. Еще в 1848 году поэт сообщал редактору «Литературной газеты» В. Р. Зотову, что пишет «очень много; но, вероятно, и половины не пропустит заботливая цензура».[4] Из оригинальных поэтических произведений 50-х годов сохранилось менее десятка альбомных стихотворений и шуточных посланий. Сообщалось также, что в Кадае, где умер Михайлов, купец Глазков уничтожил «из трусости» целый ящик остававшихся у него рукописей поэта.[5]

Поэтому мы можем составить только общее представление об оригинальной поэзии Михайлова, наметить лишь основные вехи его поэтического развития.

---

[1] L. J. Zielonka, Wspomnenia z Syberji od r. 1863—1869, ser. I, Lwów, 1886, s. 184, 187—188.

[2] «Русское слово», 1860, № 6, отд. II, с. 87—88.

[3] Второй раздел статьи написан при участии М. И. Дикман.

[4] Письмо от 25 апреля 1848 года. — «Литературный архив», т. 6, М.—Л., 1961, с. 146.

[5] См.: Л. Мельшин, На могиле М. И. Михайлова. — «Степной край», 1896, 14 июля.

Ранние стихи Михайлова (1845—1847 годов) подражательны. Написанные в духе эпигонского романтизма, они лишены конкретного жизненного содержания, изобилуют поэтическими штампами, условными образами, ситуациями. Поэт вскоре сам откажется от этих «стишков пустых, слезливых», в которых он, 16—17-летний юноша, повествовал о своей печальной и холодной душе, о сомнениях и тревожной тоске, рвущей его душу, черной думе, владеющей бледным челом, о бремени горести и бед, о сумрачном пути, который он прошел, и ожидающей его темной будущности («Дорога» — 1845, «Дума», «Вдохновенье», «Бывают дни. . .» — 1847, и др.). Под стать лирическому герою и поэтический пейзаж, который впоследствии будет иронически охарактеризован поэтом:

. . .во мгле туманно-бледный
Лик луны, и листьев шепот,
И ландшафт полночный бедный,
И пруда немолчный ропот. . .

(«Если б я вас снова встретил. . .»)

Перелом в лирике Михайлова намечается после его переезда в столицу. Петербург 1847—1848 годов жил напряженной литературной жизнью. Ведущее место в литературе занимали писатели передового демократического течения, так называемой «натуральной школы», утверждавшие принципы реализма и «социальности». В «Отечественных записках», в «Современнике», в альманахах Некрасова публиковались произведения Герцена, Тургенева, самого Некрасова. В печати, по выражению Герцена, «господствовал» Белинский, и на его статьях воспитывалась «вся учащаяся молодежь».[1] Знакомство с этими статьями имело решающее значение и для творчества Михайлова тех лет.

В стихотворениях 1847—1848 годов Михайлов откликается на актуальные вопросы литературно-общественной борьбы и решает эти вопросы как последователь Белинского. В пору резких нападок славянофилов на критика и возглавляемую им «натуральную школу» молодой поэт публикует остро сатирическое стихотворение «Охотник» («Помещик»). В образе помещика, некогда «вольномыслящего» либерала, а потом оставившего былые увлечения ради псовой охоты, Михайлов разоблачал крепостническую сущность славянофилов. Другое сатирическое стихотворение «Современный гидальго» было направлено против эпигонов романтизма, «маленьких Дон-Кихотов», как их

---

[1] А. И. Герцен, О развитии революционных идей в России. — Собр. соч., т. 7, М., 1956, с. 237.

называл Белинский, со свойственным им отрывом от действительности, презрением к «толпе».

В некоторых стихотворениях («Если б я вас снова встретил...», «Помню я рощу зеленую...» — 1847, «Бывало, в беседке...» — 1848) поэт уже осмеивает прежние романтические настроения, а в стихотворении «Еще в школе он был...» (1847) показывает, как «романтические искания» некоего непризнанного поэта завершаются обывательским прозябанием.

Так, в поисках новых путей Михайлов примыкает к демократическому направлению в поэзии 40-х годов, начало которому было положено стихотворениями Огарева («Кабак», «Дорога» — 1841, «Изба» — 1842), Тургенева («Человек каких много» — 1843), Некрасова («В дороге», «Когда из мрака заблужденья...» — 1845, «Тройка», «Псовая охота» — 1846, «Нравственный человек» — 1847, и др.). Именно о таких произведениях Белинский писал: «...это — не стишки к деве и луне; в них много умного, *дельного* и современного».[1]

Михайлов обращается к характерным для нового направления темам: жизнь и страдания людей из народа («Груня», «Кабак»), судьба падшей женщины — жертвы уродливых общественных отношений («Надя»), трагедия неравного брака («Хорошая партия»), безрадостная любовь бедняка разночинца («Встреча»). Характерными были не только темы и герои, но и стиль этих стихотворений: вводятся конкретные бытовые детали, социально дифференцированная разговорная речь и т. п. Специфичны и жанры: социальная сатира, сохранившая следы куплетной традиции («Помещик»), стихотворный очерк («Еще в школе он был...», «Надя»), рассказ из народной жизни с использованием просторечия и диалектизмов («Груня»).

Стихи молодого Михайлова еще художественно незрелы, но они показательны для творческой ориентации поэта в конце 40-х годов. В дальнейшем линия бытового реализма, связанная с «натуральной школой», была развита в его прозе.

Следует отметить, что одновременно с социальной тематикой поэт отдал некоторую дань и распространенной в те годы «антологической» поэзии, имитировавшей античные образцы, и чистой лирике. В эпоху «мрачного семилетья», эпоху беспощадного цензурного гнета, когда, как вспоминал впоследствии Добролюбов, «общественная жизнь остановилась; вся литература остановилась»,[2] такая лирика стала

---

[1] В. Г. Белинский, «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. — Полн. собр. соч., т. 9, М., 1955, с. 573.

[2] Н. А. Добролюбов, «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта». — Собр. соч., т. 6, М.—Л., 1963, с. 213.

преобладать у Михайлова. Стихи, которые он посылал в 1849—1851 годах из Нижнего Новгорода в журнал «Москвитянин», ограничены кругом личных, интимных переживаний, по своей поэтике они близки к романтической лирике раннего Фета, Полонского.

Но это продолжалось недолго. В 1852 году Михайлов, вернувшийся в Петербург, опубликовал в «Современнике» пародийный «чувствительный роман» «Камелия», в котором высмеял романтический идеализм, поэзию, оторванную от конкретной действительности, от реальных житейских обстоятельств.

Герой романа Лиодор — поэт, импровизирующий «очень звучные и полные чувства, хотя иногда и очень туманные стихи». Чуждый «толпе» с ее «прозаическими интересами», презирающий «обыденную житейскую прозу», он живет в мире грез и охвачен высокой, неземной любовью к встреченной им красавице незнакомке. В реальной действительности Лиодор бедняк, снимающий угол у глухой немки, а очаровавшая его незнакомка — одна из обычных посетительниц загородных увеселительных заведений. Михайлов подчеркивает детали быта, жизненной обстановки, контрастирующие с романтическим образом поэта и его стихами. «Пьеса Лиодора слишком метафорична и не совсем, если хотите, верна действительному факту, подавшему повод к ее созданию, но ведь Лиодор был поэт... А поэт всегда немножко склонен к преувеличению», — замечает автор. Это несоответствие создает комический эффект и в то же время обнажает смысл пародии. В уста героя романа наряду со стихами, пародирующими лирическую манеру Фета, Михайлов вложил и свои собственные стихи, которые он посылал раньше в «Москвитянин». «Пора нам от грез пробудиться И жизнью действительной жить» — эти слова из последнего стихотворения Лиодора звучали уже не пародийно: «чувствительный роман» означал, что Михайлов окончательно порвал с романтической чистой лирикой.

После 1852 года он публикует только прозу и переводы. Немногие сохранившиеся в рукописях последующие стихотворения 50-х годов показывают, что поэт обратился к политическим темам: его раздумья над судьбой своей страны и народа отразились в стихотворении «России» («Когда пройдут искуса годы?..», 1853).[1] Другое стихотворение — «Спали́, господь, своим огнем...» (1854) — направлено против казенного патриотизма литераторов, воспевавших Крымскую войну. Стихотворения были написаны в традиционной для гражданской лирики манере: ораторская интонация, одический четырех-

[1] Ниже это стихотворение печатается в поздней редакции: «Когда ж минует испытанье?..» (1858).

стопный ямб, «высокая» лексика (славянизмы, архаизмы) создают впечатление торжественности и приподнятости.

5 апреля 1856 года Михайлов, находившийся в командировке, сообщал Я. П. Полонскому: «Я сделался поэтом, пишу стихи, пишу, а не перевожу».[1] Однако стихи этих лет неизвестны, возможно они не могли быть опубликованы по цензурным условиям и в дальнейшем не сохранились.

Политическая лирика и сатира, тесно связанные с революционной деятельностью, преобладают в оригинальной поэзии Михайлова и в период революционной ситуации; они становятся достоянием широко распространенной в те годы «потаенной» рукописной литературы. Зрелый Михайлов с большой ответственностью подходит к своим поэтическим произведениям. В статьях конца 50-х годов он изложил свои взгляды на значение поэзии и «задачи лирического поэта». Многие положения Михайлова совпадают с тем, о чем писал и Н. П. Огарев в статье «Памяти художника» (1859), в предисловиях к «Думам» Рылеева (1860) и к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861). Оба поэта на новом историческом этапе продолжили традицию декабристов, обосновывая и пропагандируя принципы политической лирики.

Поэзия для Михайлова — средство «гуманистического образования», морального и политического воспитания. В статье о Викторе Гюго (1860) он цитирует слова французского поэта об искусстве: «Народ рабский, оно делает тебя свободным; народ свободный, оно делает тебя великим».[2] «Влияние на читателя» — одна из главных целей, к которой должен стремиться поэт, — указывает он далее. Возможность и сила этого влияния определяются прежде всего правдивостью чувств, непосредственностью, органичностью для поэта высказанных мыслей. «Надо только, чтобы поэт черпал содержание своих произведений из глубины своей собственной жизни, своего собственного опыта, — писал Михайлов. — Только неумытная правда сделает их художественным достоянием каждого... Стоит воображению поэта бросить немножко неверный свет на чувства, волнующие его сердце, и выражение их незаметным образом утрачивает свою правдивость, а с нею и влияние на читателя».[3]

Михайлов, как и Огарев, настойчиво связывал самую художественность произведения с глубиной и подлинностью переживания, с гражданской нравственной чистотой его: «Только исходящий из...

---

[1] «Шестидесятые годы», с. 445.
[2] М. Л. Михайлов, Соч., т. 3, М., 1958, с. 83.
[3] Там же, с. 81.

согласия с натурой поэта дидактизм может облечься в художественную форму, а стало быть и действовать». И далее Михайлов приводит слова из «Фауста» Гете: «Чего не чувствуешь, того не добудешь; только то, что рвется у тебя из души, может могучею властью покорить сердца всех слушателей». [1]

Для Михайлова неприемлема поэзия, в которой стоит «на первом плане своя собственная особа поэта с... мелкими притязаниями и скорбями». [2] Он требовал, чтобы современный художник был гражданином своей страны и своего времени. «Общее» и «личное» для него неразрывно связаны. Источником вдохновенья такого художника служит «негодование на дикие судьбы нашего общества, сменяющее подчас грусть, порожденную тем же печальным хаосом, окружающим нас», и «смутные чаяния лучшего будущего». [3]

Требование сосредоточиться на общественно-политическом содержании породило некоторую тематическую ограниченность зрелой лирики самого Михайлова, родственную той «святой односторонности» Рылеева и поэтов-декабристов, о которой писал Огарев в предисловии к «Русской потаенной литературе XIX столетия».

Особенно ценным в поэзии Михайлов считал «благородный энтузиазм», революционный дух, в котором видел «задаток лучшей судьбы, ожидающей человечество». [4] «Вечно рвущаяся вдаль поэзия» должна быть подчинена борьбе за новый, человечный и справедливый строй, борьбе против деспотической власти, которая «душит и убивает все порывы разумной жизни».

Тесная связь с непосредственной революционной деятельностью обусловила и своеобразие поэзии самого Михайлова. Как поэт и революционер, он осознает себя наследником декабристской традиции. Эпиграфом для воззвания «К молодому поколению» было избрано стихотворение Рылеева «Гражданин». Воззвание заканчивалось словами: «Да ведут... вас на великое дело, а если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны, тени мучеников 14 декабря!» [5]

В своем обращении к памяти декабристов Михайлов и Шелгунов были не одиноки. В конце 50 — начале 60-х годов Герцен и Огарев усиленно пропагандировали в вольной печати декабристские традиции и литературное наследие. В 1860 году Огарев издал в Берлине «Думы» Рылеева, предпослав им стихотворное посвящение, в котором

---

[1] М. Л. Михайлов, Соч., т. 3, с. 89.
[2] М. Л. ⟨Михайлов⟩, Сочинения Э. И. Губера. — «Русское слово», 1859, № 10, отд. II, с. 26.
[3] М. Л. Михайлов, Соч., т. 3, с. 82.
[4] Там же, с. 76—77.
[5] Цит. по «Воспоминаниям», т. 1, с. 350.

утверждал бессмертие и преемственность революционного дела. Эта мысль была подхвачена и развита Михайловым в стихотворении «Пятеро».

Одновременно Михайлов воскрешает и темы декабристской поэзии. Влияние рылеевских «Дум» сказалось на стихотворении «Вадим», в котором Михайлов обратился к истории новгородской вольницы; сам сюжет «Вадима» должен был напоминать о восстании декабристов. Мотив обреченности тех, «кто первый восстает на утеснителей народа» (Рылеев, «Исповедь Наливайко»), вера в конечную победу звучат и в стихах Михайлова:

А не сломим эту силу,
Сами ляжем головами,
Но на воле — не рабами.

Пусть погибнем, — наше дело
Не умрет и рано ль, поздно
Отзовется; восстановим
Новгородскую свободу.

Трагический аспект другой распространенной среди декабристов темы — борьба против императорской власти в Древнем Риме — представлен в стихотворении «Аррия».

Традиции высокой поэзии декабристов нашли продолжение не только в содержании поэзии Михайлова, но и в присущем ей ораторском стиле, волнующей гражданской патетике. Как речь оратора-трибуна написаны стихотворения «Памяти Добролюбова», «О сердце скорбное народа! . .», «И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье. . .» и особенно реквием декабристам — «Пятеро».

«Пятеро» построено как развернутое ораторское рассуждение на тему о том, что память о декабристах бессмертна, ибо она венчает подлинно «прекрасную жизнь», отданную революционному делу, — делу, которое победит. Развитию этой мысли подчинены все образы, композиция, ритмическая и звуковая структура стихотворения.

Первая часть, представляющая собою ораторский «приступ», повествует о казненных декабристах. Построение в виде единого периода, произносимого на одном дыхании, параллелизмы в синтаксической и ритмической структуре стихов, почти полное отсутствие переносов (enjambements) придают этой части спокойное, скорбно торжественное звучание. В заключительных ее строках говорится об «упованьи» декабристов на победу их дела. Следующая часть начальными словами «Пора та близко» предвещает осуществление их надежд, однако эта мысль здесь еще не развивается; пока говорится

лишь о «живых сердцах», хранящих память о декабристах, то есть о силах, готовых прийти им на смену.

Третья часть представляет собой антитезу первой. «Безвестной», «незнаемой» могиле, над которой «выровняли землю», противопоставлены «великолепные гробницы», сверкающие «резьбой и золотом», окруженные угодливым почитанием «наемного клира». Если первая часть кончалась надеждой на победу, то эта — предсказанием гибели. Короткие предложения, обилие переносов создают напряженное, прерывистое движение стиха, который, однако, снова приобретает торжественность, когда доходит до грозного пророчества, и эта торжественность усиливается звуковой инструментовкой:

И п*ра*хом *ра*спадется тве*р*дый м*ра*мор,
Пос*ле*дняя их память на зем*ле*.

Четвертая часть возвращается к предвестию близкой революции, содержавшемуся во второй части («Пора та близко» — «Пора близка»), но теперь уже полностью развивает его в аллегорическом образе бури. Напряжение, создаваемое вначале анафорическим зачином «Пора близка», нарастанием («ложью и коварством и преступленьем»), усиливается звуковой инструментовкой,[1] перечислением имен декабристов, достигает вершины в словах «Буря грянет» и разрешается в строках:

Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.

В заключении (начинающемся строкой «Не золото стирающихся букв») в двух параллельно построенных противопоставлениях суммируется содержание всего стихотворения и подводится итог, устанавливающий мнимые и подлинные ценности с точки зрения высшего критерия истины — сознания народа. Блестящее золото оказывается «золотом стирающихся букв», прочные гробницы — «хрупкими». Им противостоит неумирающая «песнь народа свободного» и «сердца грядущих просветленных поколений». Резкость противопоставлений подчеркнута здесь ритмически переносами; напротив, последние стро-

[1] Звуковая инструментовка этих строк довольно сложная. Основным моментом в ней является перекличка сочетаний звука *р* с глухими согласными *п* и *к* и соответствующими им звонкими — *б* и *г*. Звучность этих сочетаний постепенно возрастает: «*Пор*а *б*лиз*к*а» — «*б*лиз*к*ой *б*у*р*и» — «*р*о*к*от *гр*ома» — «в*р*а*г*ам на*р*ода» — «*б*у*р*я *гр*янет».

ки стихотворения, соответственно замыслу автора, звучат спокойно и торжественно.

Особенности гражданской лирики Михайлова 60-х годов не исчерпываются, однако, продолжением декабристских традиций. Он был поэтом общественной жизни своего времени. В его поэзии появляются черты, непосредственно связанные с новым этапом освободительного движения.

В отличие от одинокой героической личности, стоявшей в центре декабристской поэзии, от рефлектирующего героя, внутреннюю борьбу и переживания которого раскрывала лирика петрашевцев и отчасти Огарева, лирический герой Михайлова — один из многих передовых людей своего времени, человек, чья жизнь полностью согласуется с его убеждениями.[1] Не только от своего имени говорит поэт в своих стихах; субъект его лирики не только *я*, но и *мы* — «друзья», «братский круг» революционных деятелей 60-х годов, неотъемлемым членом которого он себя ощущает. Отвечая на послание студентов, он пишет:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая *нас*.[2]

(«Крепко, дружно вас в объятья. . .»)

Нашу жизнь за мысль и слово
Топчет произвол, —

говорится в стихотворении «Памяти Добролюбова», которым, по словам Михайлова, он откликался «на общее *наше* горе».[3]

Высокая гражданственность и патриотизм лирического героя Михайлова неотрывно связаны с самоотверженным служением народу, с которым он ощущает кровную близость:

Изнемогший в вековом томленьи,
Искушенный в вековом терпеньи,
Мой родной, несчастный *мой* народ.

(«Те же всё унылые картины. . .»)

---

[1] Именно это качество, как одну из отличительных черт представителя нового этапа освободительного движения — нового героя русской литературы, выделяет Чернышевский в статье о стихотворениях Огарева (1856).

[2] Здесь и ниже курсив в цитатах мой. — *Ю. Л.*

[3] См. примеч. к стих. «Памяти Добролюбова» (с. 525).

С точки зрения революционно-демократического идеала «истинного гражданина своего времени» Михайлов критически относится к тем воспетым в поэзии героям былых войн, которые, «стараясь избавить от беды свой народ... в то же время оставались как будто чуждыми интересам его и ставили на первом плане свою личную славу». Им он противопоставляет «людей истинно полезных, глубоко любивших родину и жертвовавших этой любви всеми своими личными благами».[1] Подлинный патриотизм в понимании Михайлова невозможен без преданности интересам народа.

Именно таким патриотизмом продиктованы сатирические произведения Михайлова начала 60-х годов: «Апостол Андрей» и «Гипербореи». Они проникнуты настоящей любовью к родине, любовью, «тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения», которая, как писал Ленин, стояла за известными словами Чернышевского о «нации рабов».[2]

Говоря о потаенной литературе 50-х годов, «обращающей в ничто все усилия цензуры»,[3] Огарев замечал, что политическая поэзия примкнула к публицистике, появившейся ранее. Эта связь обнаруживается и в творчестве Михайлова. Поэт использует события общественной жизни (будь то реформа 1861 года, или безвременная смерть Добролюбова, или подавление польского восстания 1863 года) для агитационного призыва.

Так, стихотворение «О сердце скорбное народа!..», которое разоблачало реформу 1861 года, доказывало тщетность надежд на царя и призывало к восстанию, могло восприниматься в одном ряду со статьями и воззваниями, написанными после опубликования манифеста об «освобождении» крестьян.[4]

Как и революционная публицистика, стихи Михайлова непосредственно обращены к широкой демократической аудитории: к народу, к молодому поколению, к друзьям-соратникам по революционной борьбе, и это подчеркивало их агитационно-пропагандистское звучание. Не случайно такие стихотворения, как «Памяти Добролю-

---

[1] ⟨М. Л. Михайлов⟩, Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. — «Русское слово», 1860, № 6, отд. II, с. 79, 86.

[2] В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

[3] Н. П. Огарев, Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX столетия». — Избр. произведения, т. 2, М., 1956, с. 500.

[4] Ср. статьи Н. П. Огарева «Разбор нового крепостного права» (1861), каждая часть которой заканчивалась словами «Народ царем обманут», и А. И. Герцена «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ» (1861) и др.

бова», «Крепко, дружно вас в объятья...», превратились в революционные песни.

В последние годы жизни, на каторге, Михайлов вновь обращается к интимной лирике. В ней с большой искренностью он выразил переживания человека, вся жизнь которого связана с «делом великим» революции, который хочет «радости, любви, борьбы, свободы», но обречен на «бесплодное», «глухое» существование и медленную смерть на далеком Кадаинском руднике.

Михайлов не только мужественно и стойко переносил выпавшие на его долю испытания, он остался верен своим убеждениям и перед лицом общественной трагедии 60-х годов. Сатирическими стихами, горькими и гневными эпиграммами откликался ссыльный поэт на важнейшие события политической жизни: трусливые царские реформы, репрессии против революционных демократов, кровавое подавление польского восстания 1863 года и т. д. Не предназначавшиеся для печати, эти стихотворения беспощадно клеймили торжествующие реакционные силы и прежде всего самого царя. Они принадлежат к лучшим образцам русской революционной сатиры.

«Из-за решеток и замков» Михайлов вновь обращается к молодому поколению, на этот раз со страстной инвективой:

> И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье,
> И за стеной тюрьмы — тюремный звон цепей;
> Ни мысли движущей, ни смелого воззванья,
> Ни дела бодрого в родной стране моей!

Антитезы, повторы, нагнетание риторических вопросов, слова-сигналы создают эмоциональное напряжение, как бы задыхающуюся от боли и скорби интонацию, которая достигает апогея в гневном обличении:

> Не плюйте на отцов бесславные могилы,
> Чем лучше сами вы? где ж дело? где борьба?
> . . . .
> Опять у вас в глазах исходит Польша кровью...
> А вы? Поете гимн державным палачам?

Последняя строфа («Так часто думаю, в своей глуши тоскуя...» и т. д.) переводит стихотворение в лирический, личный план. В ней слышится голос человека, ощущающего нравственную ответственность за судьбы своей страны, за историю.

Неразрывность, органическое слияние личного и общего сказалось и в любовной лирике Михайлова, обращенной к Л. П. Шелгуновой. Встреча с нею была событием, определившим во многом дальнейшую жизнь поэта. Энергичная, деятельная, всесторонне образованная, увлеченная общественными вопросами, Л. П. Шелгунова пользовалась большим успехом в литературной среде как «новая женщина». «Вообще окружают Шелгунову почти поклонением», — писала Е. А. Штакеншнейдер. [1]

С Шелгуновой связан и пережитый поэтом в середине 50-х годов внутренний перелом.

Мне грозит мой путь глухой
Злою встречей, битвой;
Но душа полна тобой —
Как святой молитвой, —

писал он в посвященном ей стихотворении «На пути» (1856).

Глубокая, серьезная любовь стала для Михайлова «зарею обновления»:

В ней, как в сияньи дня,
Я увидал, что истинно, что ложно,
Что жизненно, что призрачно, ничтожно
Во мне и вне меня.

Волнующие чистотой и глубиной чувства стихотворения Михайлова к Л. П. Шелгуновой раскрывают свойственное революционным демократам понимание любви, отношение к любимой женщине как к другу, товарищу по деятельности и борьбе. Написанный на каторге автобиографический роман Михайлова о «новых людях» «Вместе» служит выразительным комментарием к таким стихотворениям, как «Зарею обновленья...», «Долиной пышной шли мы рядом...», «Всегда, везде ты, друг, со мной...» и др.

В лирике Михайлова последних лет не только передается живая конкретность переживания, скупые точные детали воспроизводят внешний мир, черты местности, где поэт провел последние годы жизни («Вечерний ветер встал и по ущельям стонет...», «Снова дней весенних...» и др.).

Михайлов всегда утверждал единство творчества поэта и его личности — его слов и дела. Образ реального человека стоит за его

---

[1] Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки (1854—1886), М., 1934, с. 111.

собственной лирикой: обаяние нравственной чистоты и гражданской доблести дает его стихам жизнь. В этом отношении лирика Михайлова предваряла поэзию народовольцев. Не случайно долгое время ему приписывался народовольческий гимн «Смело, друзья! . .»:

Смело, друзья! не теряйте
Бодрость в неравном бою,
Родину-мать защищайте,
Честь и свободу свою!

. . . .

Стонет и тяжко вздыхает
Бедный забитый народ;
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.

. . . .

Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых, —
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.[1]

3

В поэтическом творчестве Михайлова перевод несомненно занимал центральное место. Блестящий знаток зарубежных литератур, свободно владевший несколькими иностранными языками, Михайлов был одним из наиболее выдающихся русских поэтов-переводчиков XIX века, уступая, быть может, одному только Жуковскому. Хотя он переводил также и прозу, основным для него был поэтический пере-

---

[1] Это стихотворение, которое было очень популярно в среде народовольцев в 1870—1880-е годы, а затем в качестве революционной песни бытовало до 1917 г., приписано Михайлову П. Ф. Якубовичем (см.: «Русская муза». Составил П. Я. Переработанное и дополненное изд. «Русского богатства», СПб., 1907, с. 274), после чего входило во все издания стихотворений Михайлова. Сомнение в правильности этой атрибуции высказала А. М. Новикова («Подпольные песни эпохи революционных демократов шестидесятых годов XIX века». — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 86, 1960, с. 121—124). Позднее Е. Г. Бушканец привел убедительные доводы в пользу того, что стихотворение было создано в начале 1870-х годов и, следовательно, не могло принадлежать Михайлову («Об ошибочной атрибуции стихотворения „Смело, друзья, не теряйте. . .“» — «Русская литература», 1968, № 2, с. 111—115).

вод. Число его переводных стихотворений, дошедших до нас (более 400), примерно в четыре раза превосходит число оригинальных. И современники знали и ценили Михайлова прежде всего как поэта-переводчика. «Немногие из наших оригинальных поэтов высказали столько самобытности и такое богатство внутреннего содержания, как Михайлов своими переводами», — писал автор нелегальной брошюры «На смерть М. Л. Михайлова». [1]

Михайлов был не только переводчиком-практиком, но и выдающимся теоретиком перевода, который внес большой вклад в развитие отечественной переводческой культуры. И в этой области он опирался на воззрения Белинского, развив их дальше, обобщив опыт, накопленный им самим и его современниками.

Как и во всей своей деятельности, в вопросах перевода Михайлов был просветителем и демократом. Цель перевода он, вслед за Белинским, видел в том, чтобы «усвоить русской литературе» лучшие произведения зарубежных писателей. «Близкое знакомство с классическими писателями других народов, — писал он, — расширяет умственный кругозор нации, вносит свежие элементы и в язык, и в сферу мысли. Это международное общение есть один из самых действительных двигателей человечества по пути прогресса». [2] Михайлов считал при этом, что не следует ограничиваться кругом привычных западноевропейских литератур. Он приветствовал деятельность переводчиков, обратившихся к поэзии славянских и скандинавских народов, а также народов Азии.

Наследие самого Михайлова-переводчика чрезвычайно разнообразно. Он переводил произведения более чем шестидесяти поэтов различных стран Европы, Азии и Америки, от древних времен до современности. По мере развития его творчества все яснее выявлялись основные принципы выбора, которыми он руководствовался. В этом отношении его переводческую деятельность можно разделить на три периода.

В юношеские годы (1845—1852) перевод носил еще бессистемный характер, хотя и занимал значительное место в творчестве начинающего поэта. Михайлов публиковал переводные стихотворения вперемежку с оригинальными, не делая между ними принципиального различия (не всегда отмечал, что стихотворение — перевод, не указывал автора). Круг литератур, из которых он выбирает произведения для перевода, довольно традиционный: это в основном — немецкая литература, затем — французская и древнегреческая, из-

---

[1] Цит. по «Воспоминаниям», т. 2, с. 446.
[2] М. Л. Михайлов, Соч., т. 3, с. 48.

редка — английская. В самóм выборе много случайного. Правда, уже наметились поэты, к творчеству которых Михайлов непрестанно обращался всю свою жизнь, — Гейне и Гете. Он переводит также Шиллера, Байрона, Гюго, Сафо, Анакреона. Но, наряду с этими великими поэтами, можно встретить и случайные для Михайлова имена: Шатобриана, Мильвуа, Казимира Делавиня и др. Видно, что поэт еще пробует силы, ищет своего пути в переводе, как и в оригинальном творчестве. В этой связи интересно свидетельство Шелгунова, который сообщает, что, когда он «познакомился с Михайловым... его литературная физиономия не выяснилась еще вполне. Сам Михайлов считал себя беллетристом и, кажется, мало ценил себя как переводчика и знатока иностранной литературы». [1]

В период творческой зрелости Михайлова (1853—1861) стихотворный перевод стал основой его поэтического творчества, тем более что он прекратил публикацию оригинальных стихотворений. Значительно расширился круг его интересов: он обращается к поэтам Азии, Америки, восточной Европы. Многочисленные и разнообразные переводы объединяет общая культурно-просветительская, демократическая направленность. Большая часть из переводившихся произведений появлялась впервые на русском языке.

Преимущественное внимание Михайлов по-прежнему уделяет Гейне и в 1858 году издает сборник «Песни Гейне». Помимо стихов он переводит также прозу Гейне («Путевые картины»). Деятельно сотрудничает Михайлов в предпринятом Н. В. Гербелем издании Шиллера в переводе русских писателей. С 1858 года Михайлов начинает публиковать ряд переводов из восточных литератур. Большое внимание он уделяет демократическим поэтам Запада: английским — Бернсу, Байрону, Гуду, немецким — Шамиссо, Ленау, Гартману, Фрейлиграту, венгерскому — Петефи (стихотворения которого до Михайлова на русский язык не переводились), американскому — Лонгфелло и др. В 1860 году Михайлов начинает переводить стихотворения Т. Шевченко, с которым он был лично знаком. К 1859 году относятся его первые переводы из Беранже. Внимание его привлекают также произведения европейского фольклора — песни, баллады. И в творчестве зарубежных поэтов (например, Уланда, Теннисона) он нередко отыскивает стихотворения, проникнутые фольклорными мотивами, написанные в духе народных песен.

Михайлов знакомил русских читателей с иностранными литературами не только с помощью переводов, но и в критических и пуб-

---

[1] «Воспоминания», т. 1, с. 110.

лицистических статьях, которыми откликался на различные явления литературы Европы и Америки. Он писал о великих английских реалистах Диккенсе и Теккерее, о французских народных поэтах-песенниках Дюпоне и Потье, популяризовал творчество английской романистки Джордж Элиот и американца Готорна, разбирал поэзию Гюго и Лонгфелло.

Начиная с конца 50-х годов Михайлов все чаще использует перевод как средство пропаганды передовых идей, позволяющее обходить цензурные рогатки. Такую цель преследовали переводы ряда стихотворений Гейне («Брось свои иносказанья...», «Сумерки богов», «С толпой безумною не стану...», «Афронтенбург» и др.), «Белого покрывала» Гартмана, воспевавшего революционную стойкость, «Песни о рубашке» Гуда, раскрывавшей трагедию жизни бедных классов, и некоторых других произведений, которые получили широкое распространение в демократических кругах. Появление в «Современнике» в 1861 году антирабовладельческих «Песен о неграх»[1] Лонгфелло явилось замаскированным политическим выступлением революционной демократии против крепостничества.

В 1861 году Михайлов намеревался подвести первый итог своей переводческой деятельности: он начал готовить издание лучших своих стихотворных переводов. Арест и ссылка лишили его возможности довести издание до конца, и оно было осуществлено его друзьями в 1862 году в Берлине.

Особый характер носила переводческая деятельность Михайлова в годы ссылки (1862—1865). Просветительские задачи отошли на второй план. Свое творчество как оригинальное, так и переводное поэт посвящает в основном делу революционной пропаганды, рассчитывая на то, что хотя бы часть произведений дойдет до публики. Именно в ссылке Михайлов переводит социально острые произведения Гейне («Enfant perdu», «Оборванцы», «Порядок вещей», «Юдоль плача», «Вицли-Пуцли» и др.), стихотворения, связанные с революционной и национально-освободительной борьбой европейских народов («К польке-матери» Мицкевича, «Завещание» Т. Шевченко, «Мир вам, почившие братья!..» Т. Мура, «Военный гимн» Ригаса), произведения поэтов — участников антифеодального демократического движения 40-х годов в Германии — Гервега, Руге, Гофмана фон Фаллерслебена и др. Идеей борьбы против тирании за человеческую культуру и свободу проникнуты «Скованный Проме-

[1] В настоящем издании печатается под более поздним заглавием: «Песни о невольничестве».

тей» Эсхила и «Прометей» Гете. Переводчик много трудится и над созданием сборника песен Беранже.

С другой стороны, в последние годы жизни Михайлов переводит ряд стихотворений о неволе, изгнании, заточении. Это — «Изгнание» Гуда, «Жена каторжного» Барри Корнуола, «Птичка-изгнанница» Ипсиланти, некоторые из песен Беранже: «Птицы», «Изгнанник», «Прощание с полями», «Свобода», «Ласточки», «Камин в тюрьме». Вообще почти все стихотворения, переведенные в ссылке, в той или иной мере служили Михайлову средством для выражения собственных мыслей, чувств, настроений.

Благодаря усилиям друзей поэта многие из его последних переводов были опубликованы под разными псевдонимами в 60—70-е годы, причем некоторые еще при жизни поэта. В частности, в 1863 году в «Современнике» появился «Скованный Прометей» Эсхила, воспринятый читателями как гневный вызов, который томившийся в неволе поэт бросал в лицо своим тиранам.

Революционная направленность переводческой деятельности Михайлова не ускользнула от внимания царских властей. Чиновник особых поручений министерства внутренних дел граф П. И. Капнист в «Очерке направления русской лирической поэзии с 1854 по 1864 год включительно», составленном по указанию министра, дал поэзии Михайлова, хотя весьма одностороннюю и тенденциозную, но не лишенную проницательности характеристику. Михайлов был назван первым из поэтов, которые, по словам Капниста, «обратились к переводам с иностранных языков тех именно лирических пиес, в которых изображены яркими красками неудовлетворительные стороны общественной жизни на Западе со всеми язвами пролетариата, и в этих переводах стараются внешними формами стиха, выражений или переделкой содержания напомнить некоторые явления из нашей жизни».[1] Многие переводы Михайлова подвергались цензурным искажениям или запрещались к переизданию. Даже в 1889 году, через двадцать четыре года после смерти поэта, цензор, просматривавший собрание его переводов, отметил ряд стихотворений, указывая, что одни из них «могут послужить к возбуждению негодования к высшим сословиям, другие же оскорбляют религиозное чувство».[2] Некоторые переводы Михайлова были напечатаны только в советское время.

Михайлов-переводчик был в подлинном смысле «взыскательным

---

[1] П. И. Капнист, Соч., т. 2, М., 1901, с. 419.

[2] Цит. по изд.: М. Л. Михайлов, Полн. собр. стихотворений, М.—Л., 1934, с. 654.

художником». Он неутомимо работал над своими переводами, возвращался к сделанным раньше и переделывал их заново, стремясь достигнуть возможно большей близости к оригиналу и художественного совершенства. Многие его переводы из Гете, Шиллера и особенно из Гейне имеют по две-три редакции. Значительное число его юношеских переводов не увидело света, потому что требовательный к себе поэт счел их недостаточно хорошими и, по-видимому, уничтожил впоследствии. [1]

Стремление к точности перевода было для Михайлова глубоко принципиальным, оно соответствовало новому взгляду на цели и значение переводческого искусства. В. А. Жуковский, как бы подводя итог своему творчеству, в феврале 1847 года писал Гоголю: «...у меня почти все или чужое, или по поводу чужого — и все, однако, мое». [2] И в том же году Михайлов опубликовал эпиграмму «Переводчик» (см. с. 63). Нельзя, конечно, утверждать, что эпиграмма метила в самого Жуковского, но она была направлена против распространенного среди поэтов-романтиков использования перевода как средства самовыражения. Не личность переводчика должен находить читатель в переводе, но переводимых авторов — таково требование Михайлова, рассматривающего перевод прежде всего как форму просветительской деятельности. В дальнейшем он неоднократно возвращался к этому вопросу и писал, что настоящий переводчик «имеет прежде всего в виду познакомить как можно ближе, сколько позволяют его силы, с избранным им подлинником читателей, лишенных возможности узнать сочинение в оригинале». [3] Именно то обстоятельство, что для читателя оригинал недоступен, требует от переводчика прежде всего добросовестности. «Добросовестность, — писал Михайлов, — великое дело в переводчике. Она ставит высоко и несильные дарования; тогда как без добросовестности и хорошие стихотворцы падают очень, очень низко». [4]

Сознательное стремление Михайлова к объективности в переводе не препятствовало, однако, пониманию субъективного момента в деятельности переводчика. Он признавал, что личность поэта неизбежно накладывает отпечаток на создаваемый им перевод. Поэтому он

---

[1] К числу таких несохранившихся переводов, о которых известно из переписки, относятся, помимо многих стихотворений Гейне, «Фауст» Гете (обе части), «Моисей» Виньи, стихотворения Катулла.

[2] В. А. Жуковский, Собр. соч., т. 4, М.—Л., 1960, с. 544.

[3] М. Михайлов, «Песни и думы из Гейне», переводы в стихах А. Мантейфеля. — «Русское слово», 1860, № 8, отд. II, с. 43.

[4] М. Л. Михайлов, «Фауст». Трагедия Гете, перевод Н. Грекова. — Соч., т. 3, с. 71.

считал необходимым «согласие подлинника с собственным настроением» переводчика. Этим принципом он руководствовался и в своем творчестве. К поэзии Гейне он обращался не только ради просветительских целей, но и потому, что автор «Книги песен» был внутренне близок ему. По свидетельству Н. В. Шелгунова, «любимым его поэтом был Гейне, — конечно, потому что у Михайлова был тот же душевный склад, те же переходы от серьезного настроения к внезапной иронии или шутке и тот же острый, тонкий ум, умевший схватывать оттенки мыслей и чувств». [1]

Благодаря этому духовному созвучию стихотворения Гейне явились основным вкладом Михайлова в русскую переводную поэзию XIX века. Как писал один критик: «Лучше всех переводил Гейне М. Л. Михайлов: что Жуковский для Шиллера, Гнедич для Гомера, Соколовский для Шекспира, то Михайлов для Гейне». [2] В своих переводах из Гейне Михайлов стремился представить творчество немецкого поэта во всем многообразии, показать тончайшего лирика и пламенного борца, глубокого мыслителя, язвительного сатирика, воссоздать на русском языке «вечные жемчужины поэзии». И его усилия были не напрасны. Добролюбов считал, что Михайлов «лучше всех других передавал силу впечатления, оставляемого в читателе стихами Гейне». [3] А в 1919 году А. А. Блок, подводя итог деятельности русских переводчиков Гейне, говорил, что Михайлов «до сих пор по качеству своих переводов не превзойден никем», «бóльшая часть из них — настоящие перлы поэзии». [4] Показательно, что крупнейшие русские композиторы XIX века, которые вдохновлялись поэзией Гейне, — Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, Ц. А. Кюи, М. А. Балакирев, А. К. Лядов и др., — писали романсы на текст переводов Михайлова.

Увлеченность поэзией Гейне не сужала кругозор Михайлова. Выше уже отмечалась широта охвата зарубежной поэзии в его творчестве. Но богатство наследия Михайлова-переводчика определяется не только и не столько перечнем имен переводимых поэтов или числом переведенных стихотворений, сколько многообразием воспроизведенной поэтической фактуры, разностью интонационного

---

[1] «Воспоминания», т. 1, с. 111.

[2] Пл. Краснов, Переведенный Гейне. — «Книжки „Недели“», 1898, № 6, с. 178.

[3] Н. А. Добролюбов, «Песни Гейне», в переводе М. Л. Михайлова. — Собр. соч., т. 2, с. 489.

[4] А. А. Блок, Гейне в России. — Собр. соч., т. 6, М.—Л., 1962, с. 118, 119.

строя его переводов. Здесь можно встретить и торжественную ораторскую инвективу:

Не прерывай свой грозный клич,
Покуда Ложь — законом века,
Пока здесь цепь, клеймо и бич
Позорят званье человека!

(Лонгфелло, «К Вильяму Чаннингу»),

и скорбную медитацию:

Я не ропщу, хоть в сердце стынет кровь,
Моя навек погибшая любовь!
Алмазы, что в кудрях твоих горят,
Ночь сердца твоего не озарят.

(Гейне, «Я не ропщу. . .»),

боевой призыв:

За меч, сыны Эллады!
Сряжайте корабли!
Огнем твердыни вражьи
Снесем с лица земли!

(Ригас. «Военный гимн»).

и вопль отчаянья:

Заставь мне пыткою ужасной
Все кости вывихнуть, сломать, —
Не заставляй лишь ждать напрасно:
Страшнее муки нет, как ждать!

(Гейне, «Заставь горячими клещами. . .»),

эпическое повествование:

И черный адский демон
Гнал Агасвера из страны в страну, —
И не было гонимому ни сладкой
Надежды умереть, ни утешенья
Найти успокоение в могиле.

(Шубарт, «Вечный жид»),

и разухабистый циничный куплет:

Любовь их была глубока и сильна:
Мошенник был он, потаскушка она.
Когда молодцу сплутовать удавалось,
Кидалась она на кровать — и смеялась.

(Гейне, «Женщина»)

Число этих взятых наудачу примеров может быть значительно увеличено.

Однако среди всего этого многообразия нередко пробивается одна постоянная интонация. Ее можно встретить в переводах из разных поэтов, в стихотворениях различного метрического строения. Всех их отличает какая-то тихая, немного сентиментальная грусть, необычайная задушевная простота и напевность, напоминающие народную песню.

Так прощай, моя радость, прощай!
Дождались мы с тобой расставанья.
Поцелуй же меня, приласкай!
Уж другого не будет свиданья.

(Уланд, «Прощанье»)

Из-за моря ласточка
Весной полетит,
И ветер, мне веющий,
Твой сад навестит;
С тем ветром кораблик наш
Вернется домой.
А я? Не видать уж мне
Сторонки родной!

(Гуд, «Изгнание»)

Тихо и печально ветерок лепечет,
Сладко и уныло пташечка щебечет.
Приумолкли парень и его зазноба...
Отчего — не знают, только плачут оба.

(Гейне, «Трагедия»)

Можно предположить, что в этих стихотворениях звучит голос самого Михайлова, та присущая ему личная поэтическая интонация, которая, однако, не могла проявиться в его оригинальном творчестве, тяготевшем к гражданственности. Вероятно, П. Ф. Якубович

подразумевал стихотворения, подобные приведенным выше, когда писал, что на многих переводах «лежит своеобразный *михайловский* колорит, позволяющий сразу отличить их среди множества других».[1]

Важнейшей заслугой Михайлова-переводчика и теоретика перевода является то, что он отчетливо сформулировал требование точного воссоздания формы переводимого поэтического произведения. В этом отношении теория Михайлова, равно как и практика, обозначили новый этап в развитии перевода в России.

До середины XIX века критика не требовала точной передачи в переводе характерных черт поэтической формы, особенно в лирических стихотворениях. Более того, самая возможность и целесообразность такой передачи зачастую подвергалась сомнению. Правда, еще в 1841 году Белинский указал: «Так как форма всегда соответствует идее, то размер отнюдь не есть случайное дело, — и изменить его в переводе значит поступить произвольно»,[2] но эта мысль не получила у него дальнейшего развития.

Михайлов в своих статьях, посвященных разбору переводных произведений, подчеркивал принципиальное значение правильной передачи формы. «В художественном произведении, — писал он, — форма постоянно обусловливается содержанием, в ней не может быть ничего произвольного. Мы говорим как о форме в обширнейшем смысле, то есть о постройке всего произведения, о согласии между идеей и образом, являющимся для ее воплощения, так и о форме в более тесном, но чрезвычайно важном значении, а именно об языке, о стихе, о метре».[3]

Рассматривая форму и содержание в единстве, Михайлов требовал от переводчика понимания содержательности формы, «того проникновения духом подлинника, которое сообщает переводу характер почти оригинального, незаимствованного произведения».[4]

С другой стороны, считал Михайлов, переводчик должен сделать новую форму органичной, естественной, «усвоить» ее русскому

---

[1] «Русская муза». Составил П. Я., СПб., 1907, с. 273.

[2] В. Г. Белинский, «Фритиоф, скандинавский богатырь». Поэма Тегнера в русском переводе Я. Грота. — Полн. собр. соч., т. 5, М., 1954, с. 287.

[3] М. Л. Михайлов, «Фауст». Трагедия Гете, перевод Н. Грекова. — Соч., т. 3, с. 62.

[4] М. Л. ⟨Михайлов⟩, Сочинения Э. И. Губера. — «Русское слово», 1859, № 10, отд. II, с. 32—33. Ср. высказывание Михайлова о трагедии Гете «Фауст»: «И содержание, и форма слиты в ней так органически, что переводчику необходимы и глубокое понимание высоких идей, волнующих Фауста, и глубокое сочувствие к ним, и могучее слово для их выражения» (там же, с. 32).

языку. Для этого недостаточно механического воспроизведения внешних признаков строфики, размера и т. д., но нужно подлинное овладение формой в ее новом языковом воплощении, нужна «твердость руки гения, распоряжающегося языком, как покорным своим орудием», — писал Михайлов, ссылаясь на пример Пушкина, на Жуковского, у которого «гекзаметр является нам почти русским народным размером».[1]

В своей переводческой практике Михайлов сознательно работал над освоением новых стихотворных форм. Бывали, однако, случаи, когда поэт нарушал провозглашенные им самим принципы и отступал от формы подлинника. Так, например, в переводе «Песни Миньоны» Гете он заменил ямбы амфибрахиями и смежные рифмы опоясывающими, в «Прощании Гектора» Шиллера вместо хорея употребил дактиль, отступил от формы сонета в переводе из Гейне «С толпою безумною не стану...» и т. д. Слишком тяготела над поэтом укоренившаяся традиция «вольных переложений», и он не мог полностью освободиться от нее. Правда, такие нарушения встречаются у Михайлова значительно реже, чем у других переводчиков его времени.

На переводах Михайлова не могло не отразиться и общее состояние современной ему поэтической культуры. В частности, он обычно передавал дольники английских и немецких поэтов (в том числе и Гейне) правильными русскими силлабо-тоническими размерами. Причиной этого было отнюдь не неумение. Среди рукописей поэта сохранился не публиковавшийся при его жизни перевод из Гейне, который представляет собою удачный опыт русского дольника:

Нависла над морем немая скала,
На ней сижу я в мечтаньях.
И ветер свистит, и чайки кричат,
И волны ходят с роптаньем...
и т. д.[2]

Показательно, что, продолжая работать над переводом, Михайлов создал новую редакцию, написанную правильным амфибрахием.[3]

---

[1] М. Л. Михайлов, «Шиллер в переводе русских писателей». — Соч., т. 3, с. 50—51.

[2] «Известия АН СССР». Отд. литературы и языка, 1953, т. 12, вып. 5, с. 438.

[3] Приводим эту редакцию, ранее не публиковавшуюся:

Над морем, поникнув на голый гранит,
С моими мечтами сижу я.

Можно предположить, что поэт сознательно отказался от дольника, справедливо считая, что, при недостаточной разработанности этой формы в русской поэзии его времени (в отличие от немецкой), она будет производить иное впечатление на русского читателя, чем оригинал на немецкого, и в этом смысле в середине XIX века правильные русские силлабо-тонические размеры были более адекватны стиху Гейне, чем непривычные дольники. [1]

Однако Михайлов далеко не всегда «смирялся» подобным образом перед традиционной поэтикой. Напротив, при каждой возможности он смело экспериментировал. Блестящим примером такого эксперимента может служить его перевод цикла стихотворений Гейне «Северное море». Безрифменные вольные стихи или, как определял их сам Михайлов в предисловии к переводу, «кадансированные строки без определенного количества стоп или ударений, даже без постоянного ритма», «подчиняющиеся единственно музыкальному чувству», [2] не были распространены в русском стихосложении, хотя опыты в этом направлении производили в 40-е годы Фет, Полонский, сам Михайлов («Горный поток»). Стремясь, как он писал, «удержать в своем переводе размер или, лучше сказать, форму подлинника», Михайлов, однако, отказался от буквального воспроизведения стиха оригинала. Он изучил *принципы организации* этого стиха и постарался применить их на материале русского языка. [3]

Глубокое осмысление цикла, творческое воссоздание средствами русского языка «стройности, благозвучия и поэзии», при сохранении вольных ритмов подлинника, позволили Михайлову передать музыкальное звучание стихотворений и обогатить русскую поэзию про-

---

Знать, бурю почуяла — чайка кричит,
И волны несутся бушуя.

Далекою дружбой, любовью былой
Печальные сны мои полны.
Гроза подымается с тучей седой,
Высоки и бешены волны.

(Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

[1] Ср.: Е. Рубинова, О принципах подхода М. Л. Михайлова к переводам произведений Генриха Гейне. — «Ученые записки кафедры русской и зарубежной литературы Казахского гос. университета им. С. М. Кирова», вып. 2, Алма-Ата, 1958, с. 72.

[2] Полностью предисловие см. ниже (с. 559).

[3] См.: А. Л. Жовтис, У истоков русского верлибра (Стих «Северного моря» Гейне в переводах М. Л. Михайлова). — «Мастерство перевода, 1969», М., 1969.

изведением, которое до сих пор остается классическим образцом переводов из Гейне. Особую трудность для перевода представляли многочисленные в стихотворениях цикла составные немецкие слова, которые сообщают произведению Гейне неповторимый характер. Михайлов сумел, не погрешая против правильного родного языка, передать это своеобразие оригинала.[1]

Вообще сопоставление переводов Михайлова с оригиналами наглядно показывает, насколько он был точен, как малы были допускаемые им «жертвы» — неизбежные в стихотворном переводе отступления от подлинника. Одним из ярких примеров может служить «Песня о рубашке» Т. Гуда.[2] Бросается в глаза текстуальная близость перевода. В рассматриваемых строфах, кроме строки «Здоровье

---

[1] Один из многочисленных примеров:

Und immer dich suchte, Du Immergeliebte, Du Längstverlorene, Du Endlichgefundene...	Всё только искал тебя, Вечно-любимая, Давно-утраченная, Наконец-обретенная!

(*«Морской призрак»*)

[2] Строфы 1 и 5 английского оригинала:

With fingers weary and worn,
With eyelids heavy and red,
A woman sat, in unwomanly rags,
Plying her needle and thread —
Stitch — stitch — stitch!
In poverty, hunger and dirt,
And still with a voice of dolorous pitch
She sang the «Song of the Shirt!»
. . . .
«But why do I talk of Death!
That phantom of grisly bone,
I hardly fear his terrible shape,
It seems so like my own —
It seems so like my own,
Because of the fasts I keep;
Oh God! that bread should be so dear,
And flesh and blood so cheap!»

(С пальцами усталыми и стертыми, с веками тяжелыми и красными сидела женщина в неженском тряпье, упорно работая иглой с ниткой. Стежок — стежок — стежок! В нищите, голоде и грязи. И все же заунывным голосом она пела «Песню о рубашке»...

«Но зачем я говорю о смерти? этом странном костлявом призраке. Едва ли меня испугает ее ужасный вид, она так похожа на меня, она так похожа на меня из-за постов, которые я соблюдаю. О Боже! что это хлеб так дорог, а плоть и кровь так дешевы»).

Соответствующие строфы перевода Михайлова см. ниже (с. 172—173).

не явится вновь» (она введена поэтом, чтобы поставить в конце весьма существенное для смысла произведения слово «кровь»), все образы перевода, все художественные детали так или иначе содержатся в подлиннике. Некоторые строки даже представляют собою дословный перевод, но при этом они не утрачивают поэтического звучания, например: «В грязи, нищете, голодна» или замечательные по силе гневного протеста слова: «О боже! зачем это дорог так хлеб, Так дешевы тело и кровь». В других случаях поэт передает не текст, а образы подлинника, например: «Сердце не дрогнет мое», «костлявая гостья» и т. д. Следует отметить, что Михайлов стремился сохранить также и распределение художественного материала внутри строфы.

Эти характерные особенности михайловского перевода становятся особенно ясными, если сопоставить его с близкими по времени другими переводами «Песни о рубашке» Д. Д. Минаева (1865) и Д. Л. Михаловского. Минаев, как правило, вольно пересказывает содержание, нарушая последовательность его изложения; не удовлетворяясь простотой образов Гуда, он развивает их дальше, например: «Поет и шьет она *спины не разгибая, Рукой усталою едва дёржа* иглу» или «Всегда голодная, *ведь я едва жива*». Михаловский придает своему переводу несвойственную оригиналу метафоричность: «Худобой черты мне исказила *Горькой нужды жесткая рука*» и т. п. Все это лишает переводы Минаева и Михаловского присущей произведению Гуда суровой лаконичности и сдержанной страсти, которую удалось передать Михайлову.

Михайлов сознательно добивался адекватной передачи художественной формы оригинала.[1] Правда, вместо акцентного стиха он применил в большинстве строк амфибрахий, но при этом он сохранил неравномерное чередование трех- и четырехударных строк, порядок и характер рифмовки (мужские окончания — abcbdede) и в ряде случаев точно воспроизвел те необычайно резкие и выразительные строки, состоящие только из трех ударных слогов, которые придают стихотворению особую напряженность (в приведенном примере: «Stitch — stitch — stitch!» — «Шьет — шьет — шьет!»). В тех случаях, когда точная передача формальных особенностей была невозможна, Михайлов стремился достичь того же художественного эффекта, используя аналогичные стилистические средства. Так, параллелизм в строении первых двух строк оригинала он заменяет лексическим повтором: «Затекшие пальцы *болят*. И веки *болят*. . .» В пятой строфе частично воспроизведен содержащийся в оригинале

---

[1] См. примечание Михайлова к переводу (с. 539).

повтор: «Я стала *похожа* сама *на нее. Похожа* от голоду я *на нее*» и т. д. Все это позволило поэту передать не только содержание, но и эмоциональный тон произведения. (Отметим, что ни Минаев, ни Михаловский даже не пытались сохранить в переводе особенности формы и стиля произведения.)

Другой пример — перевод «Гренадеров» Генриха Гейне. Этот перевод подвергся детальному критическому разбору А. А. Блока, который, отметив ряд неточностей в передаче лексики подлинника, другой размер и порядок рифмовки, изменение тона стихотворения, тем не менее признавал: «Едва ли и в наше время удастся достигнуть той высоты, той насыщенности, даже той близости к подлиннику, которой достиг Михайлов. . .» [1]

Отступления Михайлова от формы оригинала не были следствием переводческого произвола. Заменив акцентный стих Гейне амфибрахием, русский поэт стремился найти иные средства для передачи эмоционального звучания подлинника. [2] В первой редакции перевода (1846) он еще сохранял число ударений в строках и характер рифмовки, но перевод этот, несмотря на значительную точность в передаче содержания (местами даже бóльшую, чем в окончатель-

---

[1] А. Блок. Гейне в России. — Собр. соч., т. 6, с. 127; см. там же, с. 119—120.

[2] Приводим заключительные строфы 7, 8, 9:

Das Ehrenkreuz am roten Band
Sollst du aufs Herz mir legen;
Die Flinte gib mir in die Hand,
Und gürt mir um den Degen.

So will ich liegen und horchen still,
Wie eine Schildwach', im Grabe,
Bis einst ich höre Kanonengebrül
Und wiehernder Rosse Getrabe.

Dann reitet mein Kaiser wohl über mein Grab,
Viel Schwerter klirren und blitzen;
Dann steig' ich gewaffnet hervor aus dem Grab, —
Den Kaiser, den Kaiser zu schützen!

(Ты должен положить мне на сердце почетный крест на красной ленте; дай мне в руку ружье и опоясай меня шпагой.

Так я буду лежать в могиле и тихо прислушиваться, как часовой, пока я наконец не услышу рев пушек и топот ржущих коней.

Вот скачет мой император над моей могилой, множество мечей звенит и сверкает. Тогда я выйду вооруженный из могилы — защищать императора, императора!)

Соответствующие строфы перевода Михайлова см. ниже (с. 294).

ной редакции), был рыхлым и вялым[1] и совершенно не передавал возрастающего эмоционального напряжения, которое появляется в конце стихотворения Гейне.[2]

Сократив размер стихотворных строк, Михайлов добился большей энергии стиха. В то же время устранение рифмовки 1-й и 3-й строк как бы намекало на более свободный размер в стихотворении Гейне. Нарастание напряжения достигается сперва трехкратным анафорическим повторением союза «и» («*И* шпагой меня опояшешь, *И* в руки мне вложишь ружье. *И* смирно и чутко я буду...») и развивается дальше звуковой организацией 8-й строфы, завершающейся грохочущей строкой: «И *пу*шечный *гро*м и *трубу*». (Характерно, что Михайлов ввел отсутствующую в оригинале «трубу» для того, чтобы как можно ближе передать звуковое окончание строфы «Getrabe».) Вершина напряжения в переводе Михайлова — начало 9-й строфы: «То Он...», в котором, в сущности, сталкиваются два ударных слога. Самый конец стихотворения удался Михайлову меньше, энергия здесь ослабевает как в звуковой организации стиха, так и в смысловом его содержании: вместо активного — «Тогда я выйду *вооруженный* из могилы, чтобы *защищать* императора», пассивное — «Тут выйдет к тебе, император, Из гроба твой верный солдат».

Интересным опытом была работа Михайлова над переводом песен Беранже. Первые попытки относились еще к 1859 году («Прости», «Залоги»), но в следующем году Михайлов высказывал сомнение в переводимости Беранже.[3] Затем он снова вернулся к нему

---

[1] Ср. строфу 7:

«На сердце ко мне ты мой крест положи,
  На ленточке красной пришитый;
Ружье мне в холодную руку вложи
  И шпагой меня обвяжи ты...»

Или в строфе 8:

«И вот я услышу, как пушки гремят,
  Как кони несутся на битву...»

[2] Блок писал о строке «So will ich liegen und horchen still»: «В этом стихе у Гейне уже слышна отдаленная конская рысь; по мере приближения лошадей, количество «р» увеличивается; через четыре строки — император уже тут, копыта его лошади сотрясают землю над могилой» (Собр. соч., т. 6, с. 120).

[3] «...Он ⟨Беранже⟩ или совсем непереводим, или... нужно браться за перевод его несколько иначе» («Сборник стихотворений иностранных поэтов». Переводы В. Костомарова и Ф. Берга. — «Современник», 1860, № 12, «Совр. обозр.», с. 289).

в ссылке. Михайлов несомненно знал знаменитые переводы В. С. Курочкина (во всяком случае бо́льшую их часть, вышедшую до 1861 года), но, по-видимому, не был с ними согласен. Он искал новых, своих путей разрешения этой сложнейшей переводческой задачи, причем обращался и к тем стихотворениям, которые уже перевел Курочкин. Совпадение выбора объясняется общей для обоих переводчиков идейной направленностью, но методы перевода у них несколько различались.

Сравнивая стихотворения Михайлова и Курочкина, мы убеждаемся, что переводы Михайлова по содержанию почти всегда ближе к оригиналу. Точнее, чем Курочкин, воспроизводит он и размеры оригиналов (в той мере, в какой это возможно при переводе силлабических стихов), стремится удержать их песенный характер, тогда как Курочкин часто придавал стихотворениям Беранже вид устного рассказа. Наконец, Михайлов сохранял в переводах соответствующий национальный колорит, а Курочкин, напротив, «русифицировал» их, за что его упрекал в свое время Добролюбов.[1] Однако, несмотря на все достоинства переводов Михайлова, нельзя не признать, что он часто уступал Курочкину в остроте выражения, в легкости и изяществе стиха.

Стихотворные переводы Михайлова не утратили своего значения и в наши дни. И не только потому, что лучшие из них, до сих пор непревзойденные по мастерству продолжают включаться в издания классиков мировой литературы: Гейне, Беранже, Гете, Шиллера и других поэтов. Взятые вместе переводы образуют в совокупности с оригинальными стихотворениями многообразный и в то же время единый комплекс *поэзии Михайлова* — наиболее ценной и долговечной части его литературного наследия. Михайлов был несомненно прав, когда писал из тюрьмы Шелгуновым: «Хотелось бы хоть что-нибудь оставить на память по себе; а стихи мои едва ли не лучшее из всего, что мною написано».[2]

Ю. Д. Левин

---

[1] См.: Н. А. Добролюбов, «Песни Беранже». — Собр. соч., т. 3, с. 452. О сознательной «русификации» переводов у Курочкина см. вступительную статью И. Г. Ямпольского к кн.: В. С. Курочкин, Собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1947, с. XLII—XLV.

[2] «Воспоминания», т. 2, с. 433—434.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Ее он безмолвно, но страстно любил,
И редко и холодно с ней говорил;
А в сердце его всё была лишь она,
И ум занимала об ней мысль одна...
Но детской и резвой своею душой
Любви не постигла она той святой.
Он вечно был мрачен, в печаль погружен,
А взор ее ясный к другим обращен.
Но вот уж расстались они — и далеко
Живет он, но любит ее, одинокой;
А те, что встречали взор девы живой,
Об ней позабыли холодной душой...

⟨1845⟩

2. ДОРОГА

Черными ветвями
Машет мне сосна,
Тусклыми лучами
Светит мне луна,

И как вихрь несется
Тройка через лес...
Сердце тихо бьется...
Мрачен свод небес,

Вторит отклик дальний
Песне ямщика, —
Будто вздох печальный
Мне звучит она.

Колокол унылый!
Сон напел ты мне,
И край, сердцу милый,
Вижу я во сне.

Вижу дом знакомый,
Вижу круг родной,
Вижу, будто дома
Отдан мне покой;

И в саду заветном
Я опять брожу,
Вновь в речах приветных
Радость нахожу...

Но недолго тешил
Меня чудный сон:
Скоро всё умчалось —
И я пробужден...

Темная дорога
По́ лесу бежит,
Под дугой уныло
Колокол звенит,

Мрачно ель кивает
Мне издалека...
Сердце замирает,
Душу рвет тоска.

⟨1845⟩

3. МОГИЛА

Из бездны далекого моря
Глядит одинокий гранит,
И стонут вкруг бурные волны,
И море печально шумит.

На острове том есть долина:
Две ивы там мирно растут,
И редко залетные птицы
В долине безмолвной поют.

Полночною тихой порою,
Когда загорится луна,
На ивах тех искрятся слезы,
И жалобно шепчет одна:

«Давно ли под нашею тенью
Здесь витязь могучий лежал
И камень плитою тяжелой
Могилу его покрывал?

Пред ним вся земля трепетала, —
И где ж лег в могилу герой?..
Изгнанник из края родного
Схоронен под чуждой землей.

И странники часто бывали
На здешних крутых берегах:
Звала их немая могила
И витязя страшного прах.

Но помню... вдруг с шумной толпою
Сюда принеслись корабли,
И люди разрыли могилу
И витязя прочь унесли.

В родимой земле схоронили
Его успокоенный прах;
Но мы без него сиротеем,
И грустно на наших скалах».

Тут ива, склонясь, замолчала...
Вдали забелел уж восток...
А с листьев катилися слезы
На желтый холодный песок.

⟨1846⟩

4. МУЗА

Рано в тенистой дубраве являлась мне чудная дева,
Рано учила ребенка играть на свирели. Сломивши
Гибкий тростник у потока, в стволе я отверстия делал —
И, приложивши к устам, играл нестройные песни.
Муза, довольная мною, меня целовала в награду, —
И с младенчества я полюбил ее поцелуи.
Часто я играю с тех пор на звонкой свирели,
Часто на жарких устах моих веет дыханье богини.

⟨1847⟩

5. ЭЛЛАДА

Как часто я тоскующей душою
Безумно рвусь в твой чудный древний мир,
Святая Греция! Как часто я мечтаю,
Молюсь тебе, низвергнутый кумир!..
Ты снишься мне с свободою святою;
Я вижу твой роскошно вольный пир,
Твоих богов и женщин светлооких
С смолой кудрей на их грудях высоких...

Твоих певцов я слышу песнопенья:
Звучит как гром свободная их речь;
Мне видятся твоих сынов сраженья,
Я зрю в мечтах их всеразящий меч.
Виденьями сменяются виденья...
Передо мной, средь мира и средь сеч,
Несется жизнь пирующей Эллады.

. . . .

⟨1847⟩

6

Бывают дни — и дней таких немало, —
Когда душа печальна, холодна;
Клянешь и жизнь, и всё, чем сердце трепетало,
И будущность так кажется темна.

Бывают дни — но дней таких немного, —
Когда в душе и ясно и тепло,
Когда за жизнь свою благодаришь ты бога,
И в будущем так кажется светло.

⟨1847⟩

7. УЗНИК

Гляжу я в окошко
Темницы моей,
И будто немножко
В душе поясней...

Там синее море
Приветно шумит,
Печальные взоры
Там лодка манит;

Вдали, над струями
Как снег паруса,
И с морем краями
Слились небеса;

И луг зеленеет
Под самым окном,
И ласточка реет
Над пестрым кустом;

Приветно главою
Кивает сосна...
С моею душою
Опять тишина!

Но сердце недолго
Так сладостно спит...
Чу! шаг часового
За дверью звучит.

⟨*1847*⟩

8. К СТИХАМ А. ШЕНЬЕ

Шенье! твоих стихов мелодия живая
Влечет мои мечты в чудесный древний мир —
Мир красоты и воли. Забывая
Наш грустный век, я строю древних лир
В твоих строфах пластических внимаю.
Как наша жизнь бедна в сравненьи с той,
Которую тогда в мечтах переживаю:
Как дышит эта жизнь свободой, красотой!

⟨*1847*⟩

9. ГОРНЫЙ ПОТОК

О юноша вечный! ты мчишься
Из мрака ущелий...
Не зрело смертного око
Твоей колыбели, могучий!
И ухо ничье не внимало
Великого детскому лепету
В шумном потоке.

О, как ты прекрасен в кудря́х серебристых!
Как страшен в громе отзывном
Окрестных скал!

Трепещет сосна пред тобою —
И со́сну ты повергаешь
С главой и корня́ми.
Боятся утесы тебя —

Ты рушишь утесы
И с смехом, как легкие камни, их катишь.

Солнце тебя одевает
Славы лучами,
Оно покрывает красками радуги
Волны твои.

Зачем ты спешишь к зеленому озеру?..
Разве не любо тебе
Вблизи у небес?
Не любо в отзывных скалах?
Не любо в висячих дубовых кустах?

О, не спеши так к злачному озеру!..
Юноша! еще как бог ты могуч,
Свободен как бог!

Тебе улыбается там тишина
И зыбь молчаливая струй —
То серебристых при лунном мерцаньи,
То золотых и пурпурных
В лучах заката!..

О юноша! что́ в шелко́вом покое,
В улыбке доброго месяца,
В золоте, в пурпуре солнца вечернего —
Тому, кто в рабских цепях.

По зову сердца
Ты вольно стремишься теперь,
А там часто царствует ветер изменчивый
Или смертная тишь...

О, не спеши так к злачному озеру!..
Юноша! еще как бог ты могуч,
Свободен как бог!

⟨1847⟩

10

Помню я рощу зеленую,
Помню я пруд голубой,
Помню я речи свободные —
Речи вечерней порой;

Помню я взгляды любимые,
Щечку с румянцем живым,
Помню уста твои влажные
С их поцелуем немым;

Помню я трепет руки твоей —
Детской, прекрасной руки. . .
Помню. . . но сердцу не жалко их —
Дней этой глупой тоски!

⟨1847⟩

11. НАДЯ

По улице шел я. . . Мерцали
В тумане кой-где фонари. . .
Пуста была улица; встретил
Я пары четыре иль три
Прохожих. Но вдруг я увидел,
Навстречу мне девушка шла;
На ней была белая шляпка,
И плечи ей шаль облегла.

Когда я был близко к ней, ярко
Фонарь подле нас засверкал,
Знакомый я образ увидел —
И за руку бедную взял. . .
И с тайною грустью взглянул я
На вянущий этот цветок.
Она крепко руку мне сжала,
Сронив с своей шеи платок. . .

Хоть много сказать мне хотелось,
Молчали упорно уста;

Она мне твердила: «Что, разве
Я хуже теперь, чем была?»
И взором печальным я долго
С тоскою глядел на нее.
«Нет, Надя! Тебя не узнал я:
Лицо изменилось твое.

В глазах твоих черных нет блеска,
И бледность видна на щеках,
Искусствен их яркий румянец,
Притворна улыбка в устах!»
Печально она улыбнулась...
Я много во взоре прочел —
И проповедь бросил, и с нею
Вдоль улицы молча пошел.

Ее до квартиры довел я
И молча ей руку пожал...
Она мне сказала: «Зайдите!»
Но я отвечал: «Я устал!»
И грустно своею дорогой
Побрел я... Туман всё густел, —
И крупными каплями дождик
По темным плитам зашумел...

⟨1847⟩

12

Весной перед пышною розой
Я тихо с малюткой стоял,
Так весело на́ сердце было,
Я сладко ее целовал.

Один на то место пустое
Я осенью поздней пришел...
И что же? Ни розы, ни друга
Я более там не нашел.

⟨1847⟩

13

Порою мнится мне: на голове моей
Сверкает светлый луч бессмертия и славы;
С груди больной скатился груз скорбей,
И нет в очах горючих слез отравы.
Весь мир передо мной любовью обновлен;
В объятья братские певца он принимает...
И всем священ любви и истины закон;
И правда, как звезда, во всей красе сверкает.

Но этот миг прошел; и голову мою
Опять, как прежде, жмет певца венец колючий,
И слезы вновь по-прежнему я лью,
И скорби давят грудь, как пасмурные тучи;
А люди старою дорогою веков,
Не отряхая прах страстей отцов,
Как прежде лживые, идут передо мною,
Любви и истины чуждаяся душою...
И голос мой молчит — болезненно молчит...

⟨*1847*⟩

14. ПОМЕЩИК

Когда-то и я в Петербурге живал,
Писателей всех у себя принимал
И с гордой улыбкой являлся на ба́лах...
Стихи мои очень хвалили в журналах:
Я в них и свободу и истину пел,
Но многих представить в цензуру не смел.

Эй, Ванька! скорее собак собирай!
Эй, Сенька! живее мне лошадь седлай!

Политикой также заняться любил —
В кондитерских все я журналы следил...
Читал и философов... Сам рассужденье
Писал о народном у нас просвещеньи...
Потом за границей я долго блуждал,
Палаты, Жорж Санда, Гизо посещал.

Эй, Ванька! скорее собак собирай!
Эй, Сенька! живее мне лошадь седлай!

В чужбине о родине я сожалел,
Скорей воротиться домой всё хотел —
И начал трактат (не окончил его я)
О том, как нам дорого вчуже родное.
Два года я рыскал по странам чужим:
Всё видел — Париж, Вену, Лондон и Рим.

Эй, Ванька! скорее собак собирай!
Эй, Сенька! живее мне лошадь седлай!

Приехавши в Питер, соскучился я...
Казна истощилась порядком моя.
Поехал в деревню поправить делишки,
Да все разорились мои мужичишки!..
Сначала в деревне я очень скучал
И всё перебраться в столицу желал.

Эй, Ванька! скорее собак собирай!
Эй, Сенька! живее мне лошадь седлай!

А нынче так, право, меня калачом
Туда не заманишь. И славный здесь дом,
И повар обед мне готовит прекрасный;
Дуняшке наделал я платьев атласных.
Пойдешь погулять — вкруг мальчишки бегут...
(Пострелы! они меня тятей зовут.)

Эй, Ванька! скорее собак собирай!
Эй, Сенька! живее мне лошадь седлай!

С соседями езжу я зайцев травить;
Сойдемся ль — за карты, а после попить...
Прекрасные люди мои все соседи,
Хоть прежде твердил я с презреньем: «Медведи!»
Политику бросил — и только «Пчелу»
Читаю от скуки всегда поутру.

Эй, Ванька! скорее собак собирай!
Эй, Сенька! живее мне лошадь седлай!

Однажды я как-то письмо получил:
Писал мне приятель мой, славянофил,
Чтоб ехал скорее к нему я в столицу —
Тащить меня вздумал опять за границу...
Но я отвечал ему: «Милый мой друг!
В себе воскресил я народный наш дух!»

Эй, Ванька! скорее собак собирай!
Эй, Сенька! живее мне лошадь седлай!

«Мне ладно в деревне: здесь сладко я сплю,
Гоняться с собаками в поле люблю.
С житьем не расстануся патриархальным,
Дышу теперь духом я национальным!..
Ко мне, братец, лучше сюда приезжай:
Народность в деревне моей изучай!»

Что ж, Ванька-каналья! чего же ты ждешь?
Да скоро ль ты, Сенька, Гнедка приведешь?

С тех пор мой приятель ко мне не писал...
И слышал я, нынче известен он стал
Своими трудами. Знакомцы другие —
Все люди теперь тоже очень большие...
А всё отчего? Нет деревни своей:
А то бы гонялись за зайцами в ней!!

Мерзавцы! уж сколько я вам говорю!..
Постойте! ужо я вам спину вспорю.

⟨1847⟩

15

Если б я вас снова встретил,
Чтó бы было между нами?
Я бы вам одно заметил:
Что умнеем мы с годами;
Что во мгле туманно-бледный
Лик луны, и листьев шепот,
И ландшафт полночный бедный,

И пруда немолчный ропот —
Много детской нашей страстью
Управляли в стары годы;
Что любовь теперь, к несчастью,
Не зависит от погоды —
Ни от бледного мерцанья
Звезд небесных, молчаливых,
Ни от глупого мечтанья
И стишков пустых, слезливых...
Я сказал бы вам при встрече,
Если вы умнее стали:
«Переменим эти речи,
Чтобы нас не осмеяли!»

⟨1847⟩

16

Еще в школе он был,
А стишки уж кроил, —
И частенько
Книги в сторону клал,
Хоть уроков не знал
Хорошенько...

Запирали его,
И секали его...
Мало прока!..
Страсть была велика:
Не касалась рука
До урока.

Щколу бросив потом,
Он сердитым пером
Размахался.
Не признал его свет —
И великий поэт
Стушевался.

Нынче, в мирной тиши,
Он в уездной глуши
Процветает.

Служит — всё о делах
Да про восемь в червях
Рассуждает...

Завелся он женой,
Есть пяточек-другой
И ребяток...
Средь семейных отрад
Счастлив он... и *богат*...
(Не от взяток!)

⟨*1847*⟩

17. ГРУНЯ

Снег засыпает окошко,
С треском лучина горит...
Дремлет старик на полатях,
С пряжей старуха сидит.

Вяло жужжит у старухи
Веретено под рукой...
В теплой печурке свернувшись,
Кот распевает седой.

А у окна молодица
Тихо сгорюнясь сидит,
В белую вьюгу всё смотрит...
Слезка глаза ей мутит.

Воле послушна отцовской
Она, бедняжка, была —
И за немилого замуж
Не прекословя пошла...

С Ваней ее разлучили —
Ваню любила она...
Вот и теперь всё об милом
Плачет она у окна.

Жалко ей Ваню... Бедняжка,
Как повезли под венец

Грунюшку, больно крушился —
Да и ушел наконец...

С той поры в ихней деревне
Нету вестей от него.
«Воля родимых, сгубила
Милого ты моего».

⟨1847⟩

18. ХОРОШАЯ ПАРТИЯ

Она пред налоем стояла,
Бледна и поникнув головкой, —
Вдоль щек у ней слезка сбегала,
И билася грудь под шнуровкой.
Жених старичок был почтенный:
Увешана грудь орденами...
И с важностию неизменной
Вокруг поводил он глазами.

И вот обвенчалася пара...
У них беспрестанно пируют.
Средь бального часто разгара
Жена и бледна, и тоскует.
За картами мужу не время
Заметить, как чахнет супруга;
Уж в грудь ей заброшено семя
Ужасного, злого недуга.

И скоро болезнь и несчастье
Цветок этот нежный сломили...
«Как мало жила она в счастье!» —
Так в свете об ней говорили.
Супруг же по-прежнему любит
Сытнее в обед нагрузиться,
Здоровья страстями не губит...
И чаще за карты садится.

⟨1847⟩

19. СОСЕДКА

Тому давно... Я был почти ребенок,
Она была прекрасна, молода;
Ее волнистый волос был так тонок,
А голосок так серебрист и звонок...
Прошли давно те ясные года.

В большом саду плющовую беседку
Как будто вижу я перед собой...
Раздвинувши ветвей густую сетку,
Бывало, жду красавицу соседку
И рву листок дрожащею рукой.

Придет она... Глаза горят так ярко,
И пышут щеки нежные огнем...
И с ней вдвоем (Лаура и Петрарка!)
Мы говорим так долго и так жарко...
О чем?.. Да так! Бог ведает о чем!

Рука моя так радостно сжимала
Ее ручонку детскую. Меня
Она порой тихонько целовала
И, наклонясь, мне на ухо шептала...
А что?.. Всё это позабыл уж я.

И уж давно я с нею не видался...
Я слышал, замужем теперь она...
А я с тех пор всё пó свету скитался,
И чувством что-то очень издержался,
И стала мне смешна та старина.

А всё иной порою, и нередко,
Случается, придет на память мне:
Цела ли та плющовая беседка?
Меня забыла ль милая соседка?
Иль так, как я, смеется старине?

⟨*1847*⟩

20

Акация цветы душистые роняет,
И роза аромат с листов мне посылает...
По тихим берегам хожу в раздумье я.
В водáх спит лебедей пугливая семья, —
И тихо всё кругом... Лишь редко пронесется
Зефир по тростникам, и нежно раздается
В них песня дивная, — и лебедь, пробудясь,
Взмахнет крылом и вновь уснет, в волну
глядясь...

⟨1847⟩

21. ПУТНИК

Ночной туман покрыл мой путь...
Пора мне дома отдохнуть!..
Меня он ждет, мой кров родной,
Там будет путнику покой.

Приятно страннику заснуть,
Когда он кончил длинный путь...
Мне виден дуб в дали немой:
Под ним приют родимый мой.

⟨1847⟩

22. ПЕРЕВОДЧИК

Шиллер и Гете!.. Но я их не вижу в твоем переводе...
Вместо обоих поэтов — вижу тебя одного!

⟨1847⟩

23. АНАКРЕОН

Он любил плющом ползучим
Кудри белые венчать
И при звоне чаш глубоких
В час полночный пировать...

Наполняя светлый кубок,
Пел он негу и вино,
И, при звуках флейты звонкой,
Осушалось в чашах дно.
Незакрытая амфора
Аромат вокруг лила, —
И вакханка к ложу неги
Старца юного влекла...
Как ее пылали щеки,
Кровью жертв не смоче́ны!
Как уста полуоткрыты
Были трепета полны!
И когда вкруг шеи старца
Ручка нежная вилась,
Громко струны трепетали,
Песня чудная лилась...
Нам оставил он кифару
С этой песнию живой...
Над далекою могилой
Долго вился плющ густой;
Долго Грации на камень
Приносили по венку,
Девы, юноши ходили
На могилу к старику.
И теперь, когда порою
Веселится тесный круг,
В песне старой, вечно юной
Песнопевца веет дух...

⟨1847⟩

24. КОЛЬЦОВ

Он с юных лет был угнетен судьбою,
Своей семьей он не был оценен...
Несытый ум томился, но борьбою
С холодной жизнью не был сокрушен.

Его душа любовию святою
Любила всё, чем был он окружен...
И песнь его нам кажется родною:
Весь мир души в ней завещал нам он.

Шаржъ М. Л. Михайлова, исп. Н. А. Степановымъ.

Степной разгул, крутую силу воли,
Упорную борьбу с лихой судьбой
И эту долю, сумрачную долю,
В которой жизнь он проклинал порой,
И грусть свою, порою плач неволи —
Всё высказал он в песни огневой.

⟨1847⟩

25—28. *ЗИМА*

1

Чтó нам весна с соловьями, с цветущею рощей! На что нам
Пышный венок из цветов и горячее солнце полудня?
Если со мной ты, дитя, и зима мне милее весенней
Теплой поры. Разложивши огонь, сижу я с тобою,
Так же как в солнечный день. Твоя резвая песня мне тот же
Звонкий напев соловья. А цветущая роща... Зачем мне
Рощу!.. И здесь, в мягком кресле, я счастлив, как в чаще дубовой
На душистой траве. Вместо ярких долины цветов
Есть незабудки в глазах у тебя, на щеках твоих розы;
Шея и грудь твоя — те же лилеи; а светлые волны
Русых кудрей благовонней, чем воздух расцветшего сада.

2

Сивка пó полю бежит,
Снег под санками скрипит;
Солнце светит высокó...
Так отрадно и легко!

Щечки свежие в мороз
Расцвели алее роз...
Не озябла ль ты, дитя?
Дома сядем у огня.

Сивка пó полю бежит,
Снег под санками скрипит...
Поседели в злой мороз
Кудри шелковых волос!

Вьется дым невдалеке...
В нашем теплом уголке
Печка весело горит,
Кресло мягкое стоит.

Там согреешься шутя,
Мое доброе дитя...
Будут греть уста мои
Ручки мерзлые твои.

Солнце ярко в небесах,
Поле всё горит в звездах...
Сивка, ну!.. лети стрелой...
Стой! приехали домой!..

3

Ярко и с треском огонь разгорелся... Уж поздно!..
Надо ли свечи зажечь?.. Для чего? В полумраке
Будем сидеть и болтать... да о чем же? О всем мы
Переболтали с тобою вечерней порой.
Что говорить... Поцелуй меня лучше, малютка!
Лучше всех толков моих поцелуй твой один.

4

Вечером поздно уляжешься ты на кушетке. Сижу я,
    Лампа горит на столе, быстро вожу я пером.
Только задумаюсь, только перо отведу от бумаги,
    Тотчас ты мне говоришь: «Рифмы не можешь найти?
Что за слово? скажи!.. Я найду тебе тотчас отзвучье..,
    Разве не знаешь, что я рифмы люблю прибирать?»
Знаю, дитя: ты прекрасный поэт, и уста твои звучно
    К каждой ласке моей в рифму целуют меня!

(1848)

29. НА ПУТИ

Предо мной лежит
Степь печальная.
Всё мне слышится
Речь прощальная.

Всё мне видятся
Взоры милые,
Всё твержу *прости*
Через силу я.

И всё та ж в ответ
Речь прощальная...
Но молчит кругом
Степь печальная.

⟨1848⟩

30. КАБАК

У двери скрыпучей
Красуется елка...
За дверью той речи
Не знают умолка.

Тяжелое ль горе
На сердце заляжет,
Аль лапушка слово
Немилое скажет,

Аль денег к оброку
В мошне не хватает,
Аль староста рыжий
За леность ругает —

К той елке зеленой
Своротит детина...
Как выпита чарка —
Пропала кручина!

Да если и счастлив,
Кипит ретивое,
И с Машей шептался
Всю ночь за рекою,

Оброк весь заплачен,
Сам староста любит...
И радость, как горе,
Кабак приголубит.

Под елкой зеленой
Лей чарку полнее!..
Там горькое горе
Пройдет поскорее.

Под елкой зеленой
Лей чарку полнее...
Коль весело — будет
Еще веселее!..

⟨1848⟩

31. СОВРЕМЕННЫЙ ГИДАЛЬГО

Юноша поджарый,
Кудри по плечам...
Сюртучишка старый
Расползся по швам...

Рыжая шляпенка,
Стеклышко в глазу,
Завит очень тонко,
Угорь на носу.

Сморщен лоб широкий,
Ямы вместо щек,
И в глазах глубокий
Светится упрек...

Скверная сигара
У него в зубах...

Говорит он с жаром,
Прогрессивно страх.

Весь в дугу согнулся,
Словно пуд несет...
Слушайте! Надулся —
Речь он поведет:

«Манекены-люди,
Вам ли *нас* понять?
Камень — ваши груди...
Вам ли мысль приять?

Избраны веками
Для чреды иной,
Высимся над вами
Целой *мы* главой.

Суета мирская
Занимает вас —
Ноша мировая
На плечах у *нас!*»

Юноша умолкнул,
Грозно брови сжал,
Языком прищелкнул
И сигару взял.

Речи не внимая,
Всё шумит народ,
И толпа пустая
Мимо, вдаль идет.

⟨*1848*⟩

32. ВСТРЕЧА

Давно тебя знал я: ребенок
Была ты веселый, живой;
Был голос твой детский так звонок,
Так ярок твой глаз голубой.

Мы часто с тобою играли...
(Я сам был ребенок тогда!)
Мы вместе резвились. Умчали
И детство, и юность года.
И встретил тебя я печально,
Мне горько тебя узнавать...
Я вспомнил и угол мой дальний,
Отца и покойницу-мать;
Я вспомнил про игры с тобою,
Я вспомнил о давних годах...
Всё ожило вдруг предо мною
В роскошных и светлых мечтах.
Да! многого вовсе не стало,
Другое же стало не тем,
Чего мое сердце желало,
Во что уповало... Зачем
Тебя еще раз я встречаю
На жизненном темном пути?
Мне было легко, уповая,
По грустной дороге идти...
Неужто и всем упованьям
Такая ж судьба суждена?
Убитая тяжким страданьем,
И ты не была спасена.
Как много я думал, бывало,
О счастье грядущем твоем...
Всё светлую жизнь обещало,
Сияло приветливым днем.
Душа твоя, полная силы,
И в трудной житейской борьбе,
Казалось, до самой могилы,
Всю жизнь — не уступит судьбе.
Удары ль ее беспощадно
Сгубили всю силу твою,
Иль только мечтою отрадной
Лелеяла душу мою
Надежда... не знаю; но встрече
С тобою теперь я не рад...
Так пусты короткие речи,
Так грустен мой сумрачный взгляд.
И ты избегаешь со мною
Свиданий тяжелых, и я,

Я встреч избегаю с тобою...
Душа изнывает моя!
Тебя не узнаешь... Ты стала
Бледна, и худа, и больна,
Ты рано и скоро увяла,
. . . .
И только одним сожаленьем
Могу я тебя подарить:
Я беден и сам, я с терпеньем
Обязан мой путь проходить...
Но образ твой грустный и бледный
Всё будет мечта представлять,
И буду я — счастием бедный —
Молиться, терпеть, уповать!..

⟨1848⟩

33—36. *АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ*

1
НАЯДА

Когда на западе горит заря пожаром
И грудь моя дрожит, пылая тайным жаром, —
Иду на берег вод и, распростершись там,
Устами теплыми к холодным льну волнам.

И из зеленых вод наяда молодая,
Устами влажными мои уста лобзая,
В моей груди тогда желаний гасит жар,
Как гасит мрак ночной на западе пожар.

2
ЖАТВА

Помона щедрая так пышно убрала
Златою жатвою широкие поляны
И в частые ряды колосьев заплела
Лазурноглавые, прелестные цианы.
Оделась ризою богатою земля:
Как море злачное, волнуются поля,

И спеет наливной, под лаской солнца, колос...
Вечернею порой под кровлей поселян
Звучнее песни: всяк, кто лишь имеет голос,
Поет богине гимн за пышный вид полян.

3

В косы зачем заплела ты кудри густые, Дорида?
Или хотела сердцам новые сети сплести?

4

МОЛЬБА

Что бы просил ты у Зевса, великого бога вселенной,
Если б из урны судеб жребий выбрать ты мог?
Дар сладких песен просил бы и сильно разящее слово:
Словом порок поражать, песнью сердца умилять.

⟨1848⟩

37

Мне жаль тебя... Семья жестоко
Тебя замучила, и ты
Постыдно пала — и глубоко
Погрязла в тине пустоты.
Но мне не больно было б это,
Когда б не знал я, что в тебе
Была душа и ум поэта
И сила — устоять в борьбе.

⟨1848⟩
Н. Новгород

38

Бывало, в беседке
Зеленой и темной
Читал я соседке,
Плаксивой и томной,
И плакал я с нею
Над песнями Гейне,

Звал милой своею
(Du Holde, du Meine[1]).

Немецкие грезы
Давно мной забылись,
И глупые слезы
Давно истощились...
Она ж вспоминает
Меня на свободе
И Гейне читает
В моем переводе.

⟨1848⟩

39. ТРОЯ

Снится мне твой берег дальний,
Древний, славный Илион!
Вижу я твой дол печальный,
Слышу моря вещий стон.
Вьется в прахе повилика
По руинам гробовым,
И не слышно битвы клика...
Всё объято сном немым.
Не шумят уже ветрила
У пологих берегов,
И безмолвен, как могила,
Спит Скамандр среди лугов.
Лишь один бежит с роптаньем
Шумноводный Симоис,
И с глухим его журчаньем
Плески волн морских слились.
Зеленеет холм священный,
С другом где Ахилл зарыт;
А вдали, как отчужденный,
Гектор спит под грудой плит.
Над грядой холмов печальных
Плющ и терны разрослись,
И под кровом погребальным

[1] Ты милая, ты моя (нем.). — *Ред.*

Все герои улеглись.
Увенчанная грозою,
Ида мрачная стоит,
И, как серою чалмою,
Гаргар тучами повит.
Не идут переговоры
На вершинах их крутых,
И богов не слышны споры
О боях сынов земных.
Над пустынными брегами
Веют сон и тишина,
И одна, слиясь с волнами,
Песня древности слышна.

⟨*1849*⟩

40. ОБЛАКА

Волнистой чертой отделились
От поздней зари облака
И грозно, как горы, столпились,
И светит заря, как река.
С тоской безотчетною взоры
Глядят на разлив той реки,
На эти воздушные горы...
И мысли мои далеки.
И снится река мне иная,
Угрюмые горы над ней,
На береге роща большая
С роскошною тенью ветвей;
Деревня за рощею темной,
Там церковь с крестом золотым
И дом одинокий, огромный,
Закутанный садом густым.
По-прежнему церковь белеет
И бедные избы стоят,
Но дом опустелый дряхлеет,
И глохнет заброшенный сад.
В том доме, где людно так было,
Теперь, как в гробу, тишина...
В разбитые окна уныло

Вечерняя светит луна.
В саду заросла та дорожка,
Где часто, как спрячется день,
Бродила прекрасная ножка
И белая виделась тень.

⟨1849⟩

41. ПЕСНЯ ПЛОВЦА

Небо в тучах, страшно море...
Как мне хочется быть дома!
Волны воют на просторе,
Небо в тучах, страшно море...
Сам пытал беду и горе!..
Даль темна и незнакома,
Небо в тучах, страшно море...
Как мне хочется быть дома!

1850 или 1851 (?)

42. ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Мы встречались часто, говорили
Много всякой безотрадной гили;
А о том, как сердце наше ныло,
Как рвалось, как бешено любило,
Никогда словца не проронили.

Мы прощались тихо, без рыданий,
Без излишних нежных излияний;
При пожатьи не дрожали руки...
А меж тем душа рвалась от муки,
Сердце замирало от страданий.

⟨1851⟩

43

В молчаньи грустном мы стояли
Над погасающей рекой.
Две тучки по небу бежали
Жемчужно-белою чертой...
Разливом берег затопляя,
Неслась широкая река,
И где-то, тихо замирая,
Звучала песня рыбака.

В тоскливой думе, головою
Поникла ты, и две струи
Горячих слез текли рекою
На щеки бледные твои...
Но молчаливыми устами
К твоим щекам я не припал;
Ни поцелуем, ни словами
Я дум твоих не возмущал.

И ты сказала мне, рыдая:
«Далек наш путь, река шумна...
Но наша воля молодая
Тут не натешится сполна.
Дорога наша раздвоится,
И по неведомым волнам
Всё розно будем мы носиться,
Не приставая к берегам!»

⟨1851⟩

44—46. *СТРАННИК*

1

Темнеет... Влажные туманы
Над сонным озером встают,
И бледных тучек караваны
Лениво по небу идут.

Не запылится путь пустынный...
Ни зверь по нем не пробежит,
Ни стая птиц чертою длинной
Над ним, шумя, не пролетит.

Как тяжкий гнет, над ровной степью
Лежит глубокий, смертный сон.
Тоскою смутной, словно цепью,
Окован путник... Ищет он

В тумане дали непроглядной
Приветной искры огонька;
Но тот же мрак всё безотрадный,
Дорога так же далека!

2

Был темен путь мой, бесприютен, глух.
Я шел один, бездомный странник. Сзади
Я не оставил ни родного крова,
Ни сердца матери: давно разрушен
Был дом отцовский, любящее сердце
Моей родной давно в могиле тлело.
Я шел вперед, но силы молодые
Всё больше, больше иссякали; тяжкий
Смертельный сон крылами бил мне в очи.
Передо мной седой туман клубился
И застилал унылую дорогу.
Глухая тишь была кругом меня,
И голос мой, бесплодно замирая,
Ждал отклика напрасно. Долго так
Тянулся этот безотрадный путь,
И не хватало сил влачиться дальше.
Но вдруг, среди могильной тишины,
Раздался голос сладкий и певучий...
Меня он назвал именем моим...
И разглядел я среди мрака образ
Прекрасный. Много было в нем родного
Моей душе. Казалось, так же мрачно
И перед ним шел бесконечный путь,
Туманом затканный; казалось, так же

Искал и он ночлега или сердца
Знакомого и так же, как и я,
Не находил ни отклика, ни крова.
Мы протянули друг ко другу руки,
Готовы были оба на распутьи
Остановиться... Но опять туманом
Всё заволок угрюмый мрак, и дикий
Нас вихрь помчал вперед, своей дорогой
Отдельно каждого... Зачем же посох
Из слабых рук моих тогда не выпал?
Не оковал последний сон очей?

Сердцу трудно, оку больно...
    Тяжко мне идти!
Где же отдых ждет привольный?
    Где конец пути?

Шаг за шагом... Да куда же?
    Где же мой приют?
«Близок он: твой путь туда же,
    Все куда идут!»

⟨1851⟩

47. НАДЕЖДЕ ВАСИЛЬЕВНЕ САМОЙЛОВОЙ

От Нижегородца

Полон свежих вдохновений,
Полон грации и сил,
Ваш прекрасный, светлый гений
Много радостных мгновений,
Много чистых наслаждений
    Сердцу подарил!

Каждый выход ваш встречала
Тайным трепетом душа...
Переполненная зала

То крича рукоплескала,
То с любовью вам внимала,
    Молча, чуть дыша.

Дан вам славой неизменной,
Свеж и полон ваш венок.
Пусть же мой листок мгновенный,
Безыскусственный, смиренный,
Ляжет, вами вдохновенный,
    Хоть у ваших ног!

1851

48—53. ⟨*ИЗ РОМАНА «КАМЕЛИЯ»*⟩

Стихи Лиодора

1

Опять налетают роями
Знакомые сердцу виденья,
И снова объят я мечтами
И полон любви и томленья...
То милый доносится шепот,
То видятся светлые очи;
То слышен немолкнущий ропот
Далекого моря; то ночи
Темнеют туманом осенним,
То дни лучезарные блещут;
То в тихом мерцаньи весеннем
Знакомые руки трепещут;
То поле, широкое поле,
Белеет, как саваном, снегом;
То лодка гуляет на воле;
То быстрым проносятся бегом
Родные, любимые лица, —
И все мне поют про былое...
Вот вся пронеслась вереница —
И смотрит лицо молодое...
Далекая! светлая! ты ли?
Тебя ли мой глаз различает?

Твоей ли обманчивой были
Опять мое ухо внимает?..
Широко волшебною тканью
Чарующих снов я окутан...
Я весь поддался обаянью,
Я негой и страстью опутан.
То ласки, то песни, то слезы...
Во мне и тоска и отрада!
Безумные, дикие грезы,
Чего же от сердца вам надо?

2

Месяц в тумане вставал,
Стлался туман по земле...
Кто-то манил меня, звал,
Чей-то мне голос звучал,
Чей-то мне образ мелькал,
Смутно теряясь во мгле...
Месяц в тумане вставал,
Стлался туман по земле.

3

О мой призрак далекий,
Неземной, светлоокий!
Мрак безмесячной ночи
Застилает мне очи.
О! пошли мне луч света!
Золотого привета
Сердце ждет не дождется;
Оно ноет и рвется.
Мрак безмесячной ночи
Ослепит мои очи.
Где ты, призрак далекий,
Неземной, светлоокий?

4

Мой нежный друг, мой чистый гений,
Я одинок, я одинок...
Ни песен нет, ни вдохновений!..
Мой свет далек, мой свет далек.

Мой нежный друг, мой чистый гений,
Я одного себе молю:
Молю я слез, молю мучений...
Зачем так грустно я люблю?

5

Друг мой! мне довольно полуслова,
Друг мой! мне довольно полувзгляда.
Верить и любить душа готова,
И любви она, и вере рада.

Друг мой! уверений мне не надо:
Это счастье так свежо и ново!
Друг мой! мне довольно полувзгляда,
Друг мой! мне довольно полуслова.

6

Я видел во сне человечка
С косым и зеленым лицом.
Он глупо смотрел, улыбался
И тотчас же плакал потом.

Ко мне подошел он и руку
Мне крепко и дружески сжал,
И долго качал головою,
И мне наконец прошептал:

«Меня вы не знаете, друг мой,
Да я-то вас знаю давно.
Ну что? Исцелилось ли сердце,
Иль так же болит всё оно?

Зачем вы в лицо мне глядите?
Ну чтó вы увидите тут?
Хоть цвет его — краска надежды,
Да нашей надежде — капут.

Как вы, я надеялся долго,
И зелен с надежды я стал,
Как вы, я всё плакал да грезил,
Стишонки писал и вздыхал.

Пора нам, ей-богу, оставить
Так глупо страдать и любить,
Пора нам от грез пробудиться
И жизнью действительной жить».

Со мною он тут распрощался,
Отвесив неловкий поклон,
И всё-то смеялся да плакал. . .
Какой безалаберный сон!

⟨1852⟩

54. ⟨ИЗ ПОЭМЫ «ДОСУЖЕСТВО МУЖЧИНЫ»⟩

Люблю я Палкина селянки,
Стихов нелепых пустоту,
Камин, валдайские баранки,
Шампанское, Жорж Санда, санки,
Шекспира, кошку на лежанке
И подражания тщету!
Люблю я блеск и лоск паркета,
Галоп, гризеток, море, мглу
И нежный трепет полусвета
Луны полночной на полу!
Люблю я кейфа безмятежность,
Безбрежность злачную степей,
Медведя сонную медвежность
И сказки родины моей.
Люблю свою я статуэтку
В окошке Беггрова, кальян,
Дюма, весной Неву-кокетку,
Бореля, с трюфлями котлетку
И аравийский ураган.
Мой идеал — любовь, Камена,
Пассаж, французские духи,
Мотивы нежные Шопена,
Статейки Шарля Сен-Жюльена
И Данилевского стихи.

1853

55

Когда ж минует испытанье?
Когда из лона черных туч
Тебя, колосс, осветит луч
Животворящего сознанья?
Ты гордо голову вознес,
Дивя испуганное око;
Но безглаголен ты, колосс!
Когда же луч сойдет с востока
И под святым его огнем
Твоих речей раздастся гром?
Ведь, говорят, во время о́но
И неподвижный столб Мемнона
Гудел под солнечным лучом.

1853, 1858 (?)

56

Как храм без жертв и без богов,
Душа угрюмо сиротеет,
Над нею время тяготеет
С суровым опытом годов.

Кумиры старые во прахе,
Погас бесплодный фимиам. . .
Но близок миг — и, в вещем страхе,
Иного бога чует храм!

1853

57

Спали́, господь, своим огнем
Того, кто в этот год печальный
На общей тризне погребальной,
Как жрец, упившийся вином,

В толпе, рыдающей кругом,
Поет с улыбкою нахальной
Патриотический псалом.

1854

58. К ПОРТРЕТУ ГР. ДАНИЛЕВСКОГО

Булгарин, зря сего детину
И радость в сердце не тая,
Вскричал: «Не скоро мир покину!
Какое сходство! — это я!»

1854

59. СТАРЧЕВСКИЙ

Орлом с Подьяческой на Невский
Летит безмозглый польский грач,
Альберт Викентьев сын Старчевский,
Купца Печаткина палач.
Беги, Печаткин, от злодея,
Беги домой, беги в подвал;
Старчевский смотрит оком змея
На твой убогий капитал.
Но поздно, поздно — нет надежды!
Уже в дверях искариот...
Печаткин, рви свои одежды!
Ты не издатель, а банкрот!

1854

60. ПЕРЕПУТЬЕ

Труден был путь мой. Холодная мгла
Не расступалась кругом,
С севера туча за тучею шла
С крупным и частым дождем...

Капал он с мокрых одежд и волос;
Жутко мне было идти:
Много суровых я вытерпел гроз,
Больше их ждал впереди.

Липкую грязь отряхнуть бы мне с ног
И от ходьбы отдохнуть!..
Вдруг мне в сторонке блеснул огонек...
Дрогнула радостью грудь...

Боже, каким перепутьем меня,
Странника, ты наградил!
Боже, какого дождался я дня!
Сколько прибавилось сил!

11 февраля 1856
СПб.

61. НА ПУТИ

За туманами потух
Свет зари вечерней;
Раздражительнее слух,
Сердце суеверней.

Мне грозит мой путь глухой
Злою встречей, битвой;
Но душа полна тобой —
Как святой молитвой.

Май 1856

62. ⟨ Я. П. ПОЛОНСКОМУ ⟩

В стихах тебе посланье шлю,
О друг Полонский, издалека.
Вот видишь — болен я жестоко,
Бульоны ем, микстуры пью
И огорчен притом глубоко.

Сгубил я молодость свою
Среди пиров и буйных оргий
И за безумные восторги
Страданья чашу ныне пью.
Тебе хотел бы я поведать
О всем случившемся со мной:
Сегодня враг — желудок мой —
Не мог и супом пообедать.
Но нет! я нынче страшно глуп,
И телом вял, и мыслью туп,
И потому в Женеве дальней
При шелесте женевских струй
Прими от друга хоть печальный,
Но братски нежный поцелуй.

Август 1857

63. 〈Н. В. ШЕЛГУНОВУ〉

Встала младая из мрака с перстами пурпурными Эос.
Мирный покинула сон Николаева сила святая.
Встал он и видит, в ковчеге лежат драгоценном (подносом
Этот ковчег в просторечьи зовется) подарки от милых
Сердцу его домочадцев: два чудной работы, чугунных
Тяжких сосуда, чтоб пепел с сигар отряхать в кабинете —
В виде корзины один, другой же дракону подобный;
Восемь пар превосходных носков, и самой Пенелопой
Лучше б не связанных, и папиросница темныя кожи
С внутренним малым карманом, к хранению денег удобным,
Если они не поют петухами, просяся на волю.
О Шелгунов, лесоводственный муж, Николай благородный!
Сам на эти дары напросился ты хитростной речью,
Так же как древле в гостях у святой Алкиноевой силы
Выклянчил много подарков себе Одиссей хитроумный.

Ноябрь 1859

64. ЭКСПРОМТ
АРЕСТОВАННОГО ЛОНДОНСКОГО МАЗУРИКА
(pocket - boy [1]*)*

С полисменом поневоле
Должен я хлеб-соль вести:
Иль они со мною в доле,
Или я у них в части.

⟨1860⟩

65. ГИПЕРБОРЕИ

«За фракийскими горами, —
Говорил элидский грек, —
Над безвестными морями
Не прошел астреин век.

Есть счастливое там племя:
Дольше жизнь его идет,
В сладкой неге мчится время,
Всё невинностью цветет.

Не несет крыло Борея
Вздоха к нам из той страны:
Не мрачат гиперборея
Ни вражда, ни зло войны.

Выпив чашу наслажденья,
Чашу смерти он берет
Равнодушно, без волненья, —
И друзей на пир зовет.

И когда сойдутся братья
К берегам в единый круг,
К морю синему в объятья
Сам кидается их друг.

---

[1] Карманный воришка (англ.). — *Ред.*

Хоть никто еще на свете
Не видал тех чудных стран,
Но твердят: счастливцы эти
Будут предки россиян».

Орхоменский гость почтенный
Так элидцу отвечал:
«В этот край благословенный
С кораблем я раз попал.

Да, в блаженстве и в покое
Там для всех катятся дни!
Есть и племя там такое —
Под названьем „тюлений“».

1860 или 1861 (?)

66. АПОСТОЛ АНДРЕЙ

Апостолы носят ученье Христа
　　По свету стопой неустанной;
Идет и в славянские наши места
　　Апостол Андрей Первозванный.
По северным дебрям, холмам и топям
Забрел он к туманным ильменским водам.

Пустынное озеро в сизых волнах;
　　Ни паруса нет в отдаленьи.
Но люди тут есть: на его берегах
　　Местами темнеют селенья.
«Каков-то, — подумал апостол, — народ,
Что в этих убогих лачугах живет?»

И шаг ускори́л он, идя к берегам.
　　Вот к первым избушкам подходит.
Навстречу народ к нему выбежал сам;
　　Кричит и руками разводит...
Ни слова пришельцу сказать не дает
И за руки к озеру прямо влечет.

В их криках нельзя разобрать ничего:
Привет ли то, или угрозы?
Но вот притащили на берег его:
Горой тут навалены лозы.
«Не казнь ли какая?» — подумал Андрей.
Но мимо влекут его, с воплем: «Скорей!»

Стоит деревянная дальше изба.
Обуглены срубы, и паром
Все щели дымятся, а сбоку труба
Погибельным дышит угаром.
В избе всё клокочет, шипит и бурлит,
И дымная туча над кровлей висит.

Зияет как пасть почерневшая дверь,
Вся мокрою сажей одета.
Подумал апостол: «Погибну теперь!»
Но верой душа в нем согрета.
«Спасся Даниил и от хищных зверей.
Изми меня, боже, из рук дикарей!»

Всё ближе толпа подступает к нему,
С обоих боков нажимает,
Теснит его к двери — и в грозную тьму,
Как жертву, с собой увлекает.
Зловонным и знойным туманом объят,
Апостол подумал, что ввергнулся в ад.

На миг у него помутилось в глазах
И дух захватило от жара.
Хотел закричать он — ни звука в устах!
И видит сквозь облако пара:
Стоит раскаленная печь, и при ней
Хлопочет толпа обнаженных людей.

Растрескались красные камни жерла,
И искры дождем с него прыщут;
В потемках угара два страшных котла
Шипят, и клокочут, и свищут.
Припомнил Андрей вавилонскую печь
(В которой трех отроков думали сжечь).

Он хочет спросить о вине их своей.
    Все разом кричат, не внимая.
Опять обступили. «Скорее, скорей!»
    Толпятся, его раздевая...
По скользкому полу волочат к печи.
В жерло ей плеснули водой палачи.

Пары над каменьями шумно встают
    Удушливой белою тучей.
Андрей содрогнулся: его обдают
    Ушатами влаги кипучей.
Едва удержаться он мог на ногах...
И видит — у всех уже прутья в руках.

Запрыгали лозы по мокрым спинам:
    Все сами себя они хлещут.
Смеясь, и апостола бьют по бокам;
    Смеясь, в него щелоком плещут.
От скорби великой лишаяся сил,
Отчаянным голосом он возопил:

«Скажите, пред кем я из вас виноват?
    За что мне такое мученье?»
Те хлещут и плещут, хохочут, кричат:
    «Какое мученье — мовенье».
Тут замертво на пол апостол упал
И, как его вынесли вон, не слыхал.

Но вот окатили студеной водой —
    Он ожил. Толпа суетится,
Его одевая, и снова с собой
    Зовет; но зовет подкрепиться.
Хотел из них каждый его угостить,
И начал апостол по и́збам ходить.

Отведав их хлеба и соли, Андрей
    На холм из села удалился;
Прилег там и нравам славянских людей
    Смущенной душою дивился.
И думал о том он, что́ в будущем ждет
И сторону эту, и этот народ.

«Казалось бы, — молвил он, — славно им жить;
У всех есть и хлеб и свобода.
Откуда ж привычка самих себя бить
Явилася здесь у народа?
Никто их не мучит, никто их не бьет,
Так сами придумали. Странный народ!

Да, любит побои, пристрастен к битью!
Пожалуй, народу такому
Захочется спину подставить свою
Под розги и палки другому».
Но, баней славянской вконец истомлен,
Андрей погрузился в дремоту — и в сон.

И снится ему, что его уж давно
В Патрасе распяли как надо,
Что мир обновился и всюду одно
Христово покорное стадо,
Что там, где стояла в болотах вода,
У русских воздвиглись везде города;

Что вот миновал и семнадцатый век,
Как умер он крестной кончиной, —
Великий у русских царит человек,
И ходит повсюду с дубиной,
И орден апостолу в честь создает
Для тех, кто народу с ним больше побьет.

От ужаса вмиг пробудился Андрей,
Немедля собрался в дорогу
И дальше пошел от ильменских зыбей,
Смиряя молитвой тревогу.
«О господи! всякого в жизни земной
Избавь от невольных и вольных побой!»

1860 или 1861 (?)

67. ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Вечный враг всего живого,
Тупоумен, дик и зол,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчет произвол.

И чем жизнь честней и чище,
Тем нещаднее судьба;
Раздвигайся ты, кладбище, —
Принимай гроба!

Гроб вчера и гроб сегодня,
Завтра гроб... А мы стоим
Средь могил и... «власть господня»,
Как рабы, твердим.

Вот и твой смолк голос честный,
И смежился честный взгляд,
И уложен в гроб ты тесный,
Отстрадавший брат.

Жаждой правды изнывая,
В темном царстве лжи и зла
Жизнь зачахла молодая,
Гнета не снесла.

Ты умолк, но нам из гроба
Скорбный лик твой говорит:
«Что ж молчит в вас, братья, злоба?
Что любовь молчит?

Иль в любви у вас лишь слезы
Есть для ваших кровных бед?
Или сил и для угрозы
В вашей злобе нет?

Братья, пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой!»

Мы стоим, не слыша зова, —
И, ликуя, зверски зол,
Тризну мысли, тризну слова
Правит произвол.

20 ноября 1861

68

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, назло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенье
Свято в сердце сохраню.

В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И души одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

Ноябрь 1861

69

О сердце скорбное народа!
Среди твоих кромешных мук
Не жди, чтоб счастье и свобода
К тебе сошли из царских рук.

Не эти ль руки заковали
Тебя в неволю и позор?
Они и плахи воздвигали
  И двигали топор.

Не царь ли век в твоей отчизне
Губил повсюду жизнь сплеча?
Иль ты забыл, что дара жизни
  Не ждут от палача?

Не верь коварным обещаньям!
Дар царский — подкуп и обман.
Он, равный нищенским даяньям,
  Их не введет в изъян.

Оставь напрасные надежды,
Само себе защитой будь!
На их привет закрой ты вежды,
Их злодеяний не забудь!

Ты сильно! Дремлющие силы
В глуби болящей воскреси!
Тысячелетние могилы
О гнете вековом спроси!

И всё, что прожито страданий,
Что в настоящем горя есть,
Весь трепет будущих желаний
Соедини в святую месть.

О, помни! чистый дар свободы
Назначен смелым лишь сердцам.
Ее *берут* себе народы;
И царь не даст ее рабам.

О, помни! и без боя злого
Твердыню зла шатнет твой клик.
Восстань из рабства векового,
Восстань свободен и велик!

1861 (?)

70. ВАДИМ

1

Темной ночью в двор Вадима
Вече тайное сходилось.
Тут голов не много было,
Да зато голов всё вольных.

Да, голов не много было,
Но за каждой головою
Рать сомкнулась и пошла бы
Всё равно в огонь и воду.

«Запирай, Вадим, ворота,
Запирай избу и сени.
Говори! мы за советом», —
Говорили новгородцы.

И сказал, тряхнув кудрями,
Им Вадим: «Один лишь только
У меня совет. Другого
Я не знаю. Каждый слушай!

Завтра к ночи наточите
Вы ножи свои острее,
Завтра к ночи соберите
Каждый верную дружину.

Завтра ночью с вражьей силой
Нам сходиться на расправу.
Если головы мы сложим,
Так за волю и за славу.

Завтра к ночи в княжий терем
Все на пир они сберутся.
Вся родня сберется княжья,
Вся их чадь и вся дружина.

Все на пир они сберутся,
Станут пить и есть беспечно,
А напьются, наедятся —
Станут хвастаться, наверно.

Многим хвастаться им можно,
Как из жалких проходимцев
Стали вдруг они князьями
Над народом смелым, вольным.

Кто то видел? кто то слышал?
Чтоб в семье на ссору звали
Рассудить чужих, соседей.
Иль наскучила нам воля?

А заморские бродяги
Рады — тотчас прикатили,
Навели с собою рати,
Словно вороны на падаль.

Не было у нас наряду!
Заведут наряд тюремный.
Видите теперь и сами,
Если где наряд без воли?

Пировать недаром будут:
Княжья сволочь разбирает
Наши волости родные
По рукам своим голодным.

По селеньям нашим рыщут,
Словно зверь какой, варяги,
Грабят, дани собирают,
Наших дочерей позорят.

Грабежу их и насилью
Нет суда и нет расправы.

Не от княжных рук дождаться, —
На расправу встанем сами!

Как расхвастаются очень
На пиру своем варяги,
Тут-то пир другой с врагами
Заварим мы, новгородцы!

Тут-то мы князьям покажем,
Что не все у нас холопы
И что вольные остались
В Новегороде граждáне.

Их дубовые столы мы
Опрокинем, вместо меда
Обольем их черной кровью
Все их скатерти цветные.

Завтра ночью пир нам будет!
А не сломим эту силу,
Сами ляжем головами,
Но на воле — не рабами.

Пусть погибнем, — наше дело
Не умрет и рано ль, поздно
Отзовется; восстановим
Новгородскую свободу».

2

Но коварная измена
В терем княжеский прокралась,
И уже к двору Вадима
Собиралась вражья сила.

У ворот и у заборов,
У плетней и у калиток,
Утаясь во мраке ночи,
Соглядатаи засели.

И как вече расходилось,
Безоружно, потаенно,

В груди всех гостей Вадима
Нож варяжский очутился.

Что борьбы, сопротивленья
Было, скрыла ночь во мраке;
Под ее ж туманом Волхов
Нес волнами десять трупов.

И поутру двор Вадима
Пуст стоял и заперт. К ночи
В княжьем тереме варяги
Пировали и хвалились.

Но лилось не много меду,
Похвальба была скромнее,
И порою шепот страха
Пробегал по всей палате.

Старый княжеский приспешник
Говорил: «С таким народом
Справиться не скоро можно,
Нам не жить здесь безопасно.

Ночью тайной и изменой
Все они побиты нами;
Нынче пали, завтра станут
Помыкать, владеть князьями».

1861 (?)

71

Те же всё унылые картины,
Те же всё унылые места:
Черный лес да белые равнины,
По селеньям голь и нищета.
А кругом всё будто стоном стонет...
И вопрос тоскливый сердце жмет:
Лес ли то со стоном сосны клонит,
Или вьюга твой мне стон несет,

Изнемогший в вековом томленьи,
Искушенный в вековом терпеньи,
Мой родной, несчастный мой народ?

1861 (?)

72. ПЯТЕРО

Над вашими телами наругавшись,
В безвестную могилу их зарыли
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов,
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился, чтоб ваши имена
На смену вам идущим поколеньям
С могильного креста не говорили,
Как вы любили правду и свободу,
Как из-за них боролись и страдали,
Как шли на смерть с лицом спокойно-ясным
И с упованьем, что пора придет —
И вами смело начатое дело
Великою победой завершится.

Пора та близко. Пусть могила ваша
Незнаема, пусть царственная зависть
Старается стереть повсюду память
О вашем деле, ваших именах, —
В глуби живых сердец она живет!
И с каждым днем таких сердец всё больше,
Самоотверженных, могучих, смелых
И любящих.

Близ места вашей казни
Есть пышный храм. Там гордыми рядами
Стоят великолепные гробницы,
Блестя резьбой и золотом. Над ними
Курится ладан, теплятся лампады,
И каждый день священство в черных ризах
Поет заупокойные обедни.

Гробницы эти прочны; имена
Их мертвецов угодливой рукою
Глубоко в камень врезаны. Напрасно!
От одного дыхания Свободы
Потухнет ладан и елей в лампадах,
Наемный клир навеки онемеет
И прахом распадется твердый мрамор,
Последняя их память на земле.

Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью и коварством
И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури,
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена,
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
Бестужев и Каховский! Буря грянет.
Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святые ваши имена
Далекому потомству — песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят
Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений,
И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимою лампадой.

1861 или 1862 (?)

73. БЕСПОКОЙСТВО

(После чтения «Сев. пчелы» в июле 1862)

Что за странным беспокойством
Обуяло вдруг всю Русь?
С этим новым нашим свойством
Я никак не примирюсь.
Сверху, снизу, слева, справа

Беспокойны все и вся;
Как хотите, эдак, право,
Скоро будет жить нельзя.
Беспокойство и в столице,
Беспокойство и в глуши;
Беспокойны царь с царицей,
Беспокойны голыши.
Беспокоен губернатор,
Частный пристав, откупщик,
Поп, фотограф, регистратор,
Мещанин, купец, мужик,
Сыщик, доктор, сочинитель,
Типографщик, журналист,
Архирей, студент, учитель,
Академик, гимназист,
Старый воин, юный воин,
Новобранец, инвалид...
Разве тот один спокоен,
Кто уж в крепости сидит!

Июль 1862

74

Если лет бесстрастный холод
Всё в тебе оледенил
И забыл ты, как любил,
Как боролся, как был молод,

Если юной жизни гул
Мирно спать тебе мешает,
Что же гроб тебя пугает?
В нем бы крепче ты заснул.

Под землей уж не наскучат
Дети шумом... Шуму нет,
И бессонницы не мучат,
И проходит злобный бред.

1862 (?)

75

Горя, шуму и досады
Много день принес.
Как хотел бы я отрады
Сна без всяких грез!

Ночь; и немо всё и глухо,
Скованное сном.
Как ни вслушивайся ухо,
Звука нет кругом.

Я лежу, закрывши вежды,
И в тиши немой
Мне как будто весть надежды
Шепчет голос твой.

1862 (?)

76

Как долгой ночью ждет утра
Больной, томясь в бреду,
Так в этой безрассветной тьме
Я милой вести жду.

День бесконечен... грудь полна
Невыплаканных слез.
Наступит ночь — ко мне бегут
Рои зловещих грез.

О, только б знать, что над тобой
Без туч восходит день,
Что, ясная, встречаешь ты
Без слез ночную тень, —

Как стало бы светло, тепло
В холодной этой тьме!
Пусть воли нет... Пока придет,
Есть счастье и в тюрьме!

Но дни и месяцы идут...
Я жду — напрасно жду...
Так в ночь бессонную утра
Не ждет больной в бреду.

1862 (?)

77. АРРИЯ

...Перед ним лежал
Уже наточенный кинжал, —
И молвил он, вздохнув невольно:
«А расставаться с жизнью больно».

Горда, прекрасна и бледна,
Стояла перед ним жена.
Вдруг ярче, радостней, смелее
Зажегся взор у ней. Она
Одной рукой у белой шеи
Застежку платья сорвала,
На мужа, на кинжал взглянула
И верх туники распахнула:
Свежа, полна, как снег бела,
Раскрылась грудь... Еще мгновенье —
И перед мужем со стола
Она без страха, без волненья
Другой рукой кинжал взяла.
Как луч, блеснул удар кинжала...
Кровь брызнула и струйкой алой
По белой груди потекла.

На ложе Аррия склонилась.
Последней судорогой билось
В ней сердце, взор оделся мглой...
Жизнь уходила молодая.
Но, холодеющей рукой
Кинжал из раны вынимая,
Она сказала, умирая:
«Не больно вовсе, милый мой!»

1862 (?)

Долиной пышной шли мы рядом,
Блаженных дум полны.
Кругом весь мир цветущим садом
Сиял в лучах весны.

Казалось, радостным полянам
Из века в век цвести
И к ним ни бурям, ни туманам
Не отыскать пути.

Мы как во сне остановились
У быстрого ручья.
Как чудно в нем лучи дробились!
Как искрилась струя!

Ты пела мне: «К угрюмой да́ли
Журча бежит ручей,
Там всё страданья да печали,
Темна там жизнь людей.

Пойдем — осушим Горю слезы
Счастливою рукой;
Снесем им радость, песни, розы,
Свободу, свет, покой!»

Мы шли, соединясь руками,
Над синей быстриной;
Ручей играл, сверкал меж нами
Веселою волной.

Мы поцелуем обменяться
Через него могли;
Нам было любо петь, смеяться...
Мы в чудных грезах шли.

Но вдруг рассеял наши грезы
Зловещий шум ручья:
Вздымалась в нем, полна угрозы,
Померкшая струя.

Он шире стал — и наши руки
Невольно разлучил.
Темнела даль, и грома звуки
К нам ветер доносил.

Чрез миг завыла непогода...
Ручей влился в поток.
Искать мы стали перехода...
Волна срывала с ног.

Мы оглянулись... И за нами
Разливы бурных вод
Клубились по полям волнами...
Поток шумел: «Вперед!»

И мы пошли... Катилась с ревом
Меж нас уже река.
Мы только обменяться словом
Могли издалека.

Нам не сомкнуть уста и руки...
Река всё шире, злей...
И милых слов родные звуки
Доносятся слабей.

Их заглушают злобной силой
И гром и вой реки.
Лишь виден мне твой образ милый
И знак твоей руки.

Но волны выше; тьма густая
Чернеет, свет губя...
Мне не видать тебя, родная!
Мне не видать тебя!

Зову... Во мраке исчезает
Бесследно крик тоски.
Лишь ураган мне отвечает
Один из-за реки.

И вот передо мною море:
В него влилась река...

И я один... со мной лишь горе,
Тревога и тоска.

Напрасно вопли посылаю
Я с темных берегов...
Ни мой тебе, ни твой, я знаю,
Мне не услышать зов.

Вдали лишь молнии трепещут
Среди зловещей мглы,
Вблизи же злобно в берег хлещут
Студеные валы.

1862 (?)

79

Снова дней весенних
Дождалися мы:
Ласточки щебечут
Над окном тюрьмы.

Между гор зеленых
Темной полосой
Вьется вдаль дорога
К стороне родной.

1862 (?)

80

Вышел срок тюремный —
По горам броди;
Со штыком солдата
Нет уж позади.

Воли больше; что же
Стены этих гор
Пуще стен тюремных
Мне теснят простор?

Там под темным сводом
Тяжело дышать:
Сердце уставало
Биться и желать.

Здесь над головою
Под лазурный свод
Жаворонок вьется
И поет, зовет.

1862 (?)

81

Говорят, весна пришла,
Ярки дни, и ночь тепла;
Луг зеленый весь в цветах,
Соловьи поют в лесах.
Я хожу среди лугов —
Я ищу твоих следов;
В чаще слушаю лесной,
Не раздастся ль голос твой.

Где ж весна и где цветы?
Их срывать не ходишь ты.
Где же песня соловья?
Не слышна мне речь твоя...
Не пришла еще весна.
День угрюм, ночь холодна.
Поле инеи куют,
Птицы плачут, не поют.

1862 (?)

82

Зарею обновленья
В моей ночи взошла любовь твоя,
В ней стали ясны мне и мир, и жизнь моя,
Их смысл, и сила, и значенье.

В ней, как в сияньи дня,
Я увидал, что истинно, что ложно,
Что жизненно, что призрачно, ничтожно
Во мне и вне меня.

Когда я сердцем ощутил биенье,
Которым сердце билося твое,
В нем мира целого вместилось бытие,
Все радости людей, тревоги и стремленья.

О свет всевоскрешающей любви!
Ты дал на дело мне и на страданье силы.
Веди меня сквозь мрак моей живой могилы
И к делу жизни вновь могучим призови!

1862 (?)

83—89. ⟨*ЭПИГРАММЫ*⟩

1
БОРОДЫ

Долго на бороды длилось гоненье, но сняли опалу.
Всем теперь ясно, куда либерализм этот вел.
Слышатся толки везде о земских соборах и думах.
Как же, «уставя брады», в них без бород заседать?

2
КОНСТИТУЦИОНИСТ

Тошно из уст его слышать и самое слово *Свобода.*
Точно как будто кастрат стал о любви рассуждать.

3
НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Много у нас толковали в журналах о прессе свободной.
Публика так поняла: гни нас свободно под пресс!

4

ПРЕДАННОСТЬ

Преданность вечно была в характере русского люда.
Кто же не предан теперь? Ни одного не найдешь.
Каждый, кто глуп или подл, наверное, предан престолу;
Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду.

5

ВЗЫСКАНИЕ

Каторгу даже и казнь именуют указы взысканьем:
Взыскан (так понимай!) царскою милостью ты.

6

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ГУМАННОСТЬ

Дайте мне слово не думать о кознях подземных и вредных,
Хоть за вами следить будут шпионы везде.

7

ХРИСТИАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

«Меньше пекись о земном — и в царствии будешь небесном!»
Новый земский устав прямо нас в рай приведет.

Между 1862 и 1864 (?)

90. DIES IRAE [1]

Настает пора уплат кровавых,
Настает день страшного суда,
Кара злым и торжество для правых —
Лейся кровь, пылайте города!

1863 (?)

91. ДЕСПОТУ

Резец истории тебе, ханжа лукавый,
Глубоко начертит на гробовой плите:
«Он знаменье креста творил рукою правой,
А левой распинал народы на кресте».

1863 (?)

---

[1] День гнева, день «страшного суда» (лат.). — *Ред.*

92

Минуты горького сомненья,
Когда слабел средь битвы я,
Минуты скорби и паденья
Не помяните мне, друзья.

Всё, в чем пред правдой я в ответе,
За что я сам себя корил,
Желайте, чтоб минуты эти
Годами горя искупил.

И если. . . . .
Дождаться нам святого дня,
Пусть лучшим, скорбью обновленным
Ваш круг приветствует меня.

1863 или 1864 (?)

93

Только помыслишь о воле порой —
Словно повеет откуда весной.

Сердце охватит могучая дрожь;
Полною жизнью опять заживешь.

Мир пред тобою широкий открыт;
Солнце надежды над далью горит.

Ждет тебя дело великое вновь,
Счастье, тревога, борьба и любовь.

Снова идешь на родные поля,
Труд и надежды с народом деля.

Пусть будет снова боренье со злом,
Пусть и падешь ты, не сладив с врагом,

Пусть будут гибель, страданья, беда —
Только б не эта глухая чреда.

1863 или 1864 (?)

94

Ведь только строчка лишь одна,
Узнать, что ты жива,
Что ты здорова и ясна;
Всего лишь слова два —

И всё вокруг меня светло,
И счастлив я опять,
И всё, что бременем легло,
Могу я презирать.

1863 или 1864 (?)

95

Всегда, везде ты, друг, со мной,
Пока гляжу на свет.
В моей душе любви к одной
Тебе утраты нет!

Всё, чем живу, что есть в душе
Святых и чистых грез,
Не ты ли, светлый гений мой,
Для жизни мне принес.

1863 или 1864 (?)

96

Идут года, но всё сильней любовь;
И думаешь — пора угомониться.
Но сердце любит с прежней страстью
И хочет воротить всю негу,
Которая одним воспоминаньем
Всё сердце жжет.

1863 или 1864 (?)

97

Знаю, что ты память
Ко мне сбережешь,
Но с другим, быть может,
Счастье ты найдешь.

О, пришли ко другу
Весть о счастье том.
Эта весть мне будет
Светлым дня лучом.

От моих страданий,
От тоски моей
На твоем я счастье
Отдохну скорей.

1863 или 1864 (?)

98

Вам смешно, что часто
Так мечтаем мы:
Что наш мир не создан
Для беды и тьмы,

Что и нам засветит
Здесь из темных туч
Счастья и довольства
Для народа луч,

Что мы все, как братья,
Будем общий пир
Праздновать, вкушая
Беспредельный мир.

Вам бы, чтобы вечно
Был везде раздор,
Чтоб с тюремной двери
Не сходил запор,

Чтобы ворон жадный
Голубей клевал,
Чтобы над землею
Вечный мрак лежал.

Наши грезы светлы,
В них для бедняка
Светит будто счастье —
Хоть издалека.

1863 или 1864 (?)

99. ПОСЛАНИЕ УЗНИКА

На ваш приветливый и милый,
Хотя и незнакомый зов
Что́ скажет вам мой стих унылый
Из-за решеток и замков? ..

Под гнетом каменного свода
Твердишь и думаешь одно:
«Свобода... скоро ли свобода? ..»
А впереди — темно, темно! ..

Но верю я, что я вас встречу,
Как выйду вновь на вольный свет,
И вольной песнью вам отвечу
На добрый, ласковый привет.

А здесь — и стих мой не клеится,
И в сердце — жалобы одне...
Я не балованная птица,
А не поется в клетке мне! ..

1863 или 1864 (?)

И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье,
И за стеной тюрьмы — тюремный звон цепей;
Ни мысли движущей, ни смелого воззванья,
Ни дела бодрого в родной стране моей!

Идет за годом год. Порою весть приходит,
А что несет та весть в глухие норы к нам?
Всё тот же произвол людей в оковах водит,
Всё тот же молот бьет по рабским головам.

Иль всё ты вымерло, о молодое племя?
Иль немочь старчества осилила тебя?
Иль на священный бой не призывает время?
Иль в жалком рабстве сгнить — ты бережешь
себя?

А кажется, давно ль, о юноши, я видел
В вас доблесть мужества и благородный пыл?
Не каждый ли из вас глубоко ненавидел?
Не каждый ли из вас боролся и любил?

Что ж изменило вас? Иль напугали казни?
Иль нет уж общего и давнего врага?
Иль стал вам другом он, внушив вам дрожь
боязни?
Иль не скользит теперь в крови его нога?

Давно ли он дрожал, — уступками, и лестью,
И обещаньями вам отводил глаза?
Иль вы поверили? Иль, правосудной местью
Не разразясь над ним, рассеется гроза?

Иль жизненный поток улегся в мирном ложе?
Иль стало зло добром, надев его наряд?
Иль позабыли вы: змея и в новой коже —
Всё прежняя змея, и в ней всё тот же яд?

Иль длинный ряд веков не прояснил вам зренье?
Иль можете, слепцы, надежду вы питать,
Чтоб то, что было век орудьем угнетенья,
Могло орудием любви и блага стать?

И за этой строфою — покорное молчанье,
И за этой строфою — покорный звон [illegible];
Ни звука движенья, ни гневного возстанья,
Ни тени бодраго в родной стране моей!
Идёт за годом год. Народ опять проходит;
А что несёт за собой из глухих годов он?
Всё тот же производит, [illegible] в охотах водит,
Всё тот же молотит [illegible] по давнишним законам.
Иль все вы вымерли, о молодые силы?
Иль мощного богатства отнимали вы?
Иль под [illegible] бой не прозвучит труба?
Иль в молчании [illegible] — вы бережёте себя?
А давно ли, о юноши, и [illegible]
Вы [illegible] в благородной [illegible]?
Не каждый ли из вас глубоко [illegible]?
Не каждый ли из вас [illegible] и любил?
Что же случилось с вами? Иль [illegible]?
Иль нет уж общаго и давняго врага?
Иль стал вам другом он, внушавший вам [illegible]?
Иль не смотрите теперь в глаза его [illegible]?
Давно ли он [illegible], — [illegible] и [illegible]
И [illegible] вам отводили глаза?
Иль вы поверили? Иль, [illegible]
Не разразясь [illegible], разсеялась гроза?
Иль [illegible] потоки [illegible] в [illegible]?
Иль стало зло добром, [illegible] его [illegible]?
Иль позабыли вы: была и [illegible]
Всё прошлая зима, а в ней всё тот же лёд?

Иль на одни слова у вас хватило силы?
Иль крик ваш криком был бессильного раба?
Не плюйте на отцов бесславные могилы!
Чем лучше сами вы? где ж дело? где борьба?

Иль истощились вы в своем словесном пренье
И вместо смелых дел вам сладок жалкий сон?
Иль рады, что на вас надели в утешенье
Каких-то мнимых прав заплатанный хитон?

О горе! о позор! Где ж, гордые любовью,
Свидетельства любви вы показали нам?
Опять у вас в глазах исходит Польша кровью...
А вы? Поете гимн державным палачам?

Иль в жертвах и крови геройского народа,
В его святой борьбе понять вы не могли,
Что из-за вечных прав ведет тот бой свобода,
А не минутный спор из-за клочка земли?

Иль ход истории достиг того предела,
Где племя юное уж не несет с собой
Ни свежих доблестей, ни свежих сил на дело
И вслед тупым отцам идет тупой толпой?

Иль тех, кто миру нес святое вдохновенье,
Ведет одна корысть и мелочный расчет?
Кто с песнью шел на смерть и возбуждал движенье,
В мишурное ярмо покорно сам идет?

И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье,
И за стеной тюрьмы — тюремный звон цепей;
Ни мысли движущей, ни смелого воззванья,
Ни дела бодрого в родной стране моей!

Так часто думаю, в своей глуши тоскуя,
И жду, настанет ли святой, великий миг,
Когда ты, молодость, восстанешь негодуя
И бросишь мне в лицо названье: клеветник!

1863 или 1864 (?)

101

Вечером душным, под черными тучами, нас похоронят.
Молния вспыхнет, заропщет река, и дубрава застонет.

Ночь будет бурная. Необоримою властью могучи,
Громом, огнем и дождем разразятся угрюмые тучи.

И над могилами нашими, радостный день предвещая,
Радугу утро раскинет по небу от края до края.

1864 или 1865 (?)

102

Зимние вьюги завыли
В наших пустынях глухих;
Саваном снега накрыли
Мертвых они и живых.

Гроб — моя темная келья,
Крышка свинцовая — свод;
Ветер полночный в ущелье
Мне панихиду поет.

1864 или 1865 (?)

103

Вечерний ветер встал и по ущельям стонет;
По скатам голых гор ложится гуще тень;
Глухая ночь идет. . . Придет и похоронит
Еще один пустой, бесплодный день.

Ты просишь радости, любви, борьбы, свободы?
Угомонись, засни и не гляди вперед!
Что день? Так провожать тебе придется годы
И говорить: еще бесплодный год!

А там и смерть придет, как эта ночь, — и канет
Одним бесплодным днем вся жизнь во мрак немой. . .
И разве лишь одна душа вдали помянет
Бесплодный век бесплодною слезой.

1865 (?)

104. НОВЫЕ ГОЛОСА

Еще обилен мир бедами,
Невежеством, корыстью, злом,
Печалью, горькими слезами
И неоплаченным трудом.

Еще немало уцелело
Порядку старому опор.
Еще не кончен тьмы и света,
Добра и зла давнишний спор.

Но с каждым днем всё крепнут боле
Добро и свет,
Им уступают поневоле
И тьма и зло.

Свой свет разносит в массах знанье,
Свое добро любовь несет,
И всюду упованье
В сердцах проснувшихся растет.

Счастливых более, чем было;
И счастье стало их прочней,
И новую ему даст силу
Благополучье всех людей.

1862 (?)

105. ⟨ ПОСЛАНИЕ ГЕРЦЕНУ И ОГАРЕВУ ⟩

[Ко мне] в трущобу ссылки,
Во мрак и холод изгнанья
Донесся [чрез моря и горы] братский твой привет,
Сердечный привет твой, брат.
Слова твоего благословенья,
Слова твоих надежд и веры
Согласно слились с теми голосами,
Что слышны в моей душе,
Что звучат и во мраке моей тюрьмы.
Это те голоса, что показали мне правду,
Что внушили мне ненависть ко лжи,
Что заставили забыть о себе,
Пожертвовать всем
И все мои слабые силы направить
На дело будущего.
Порой мне горько, что в начале
Пресечено мое служение делу.
Но не пресечена и не погасла мысль.
Она жива, она сильна,
Мне жизнь и силу даст она.
Я бодро цель свою пронес
В стр⟨ану⟩ страдания и слез,
И у позорного столба
Мой смех видела толпа.
Своб⟨оды⟩ вер⟨ные⟩ друзья,
Верна вам жизнь моя.
Пусть зло грозится и
Оно меня не покорит.
Я гляжу на св⟨ою⟩ тюрьму,
Как на честь себе, позор ему.
И полон веры [гов⟨орю⟩]. . .

1862 или 1863

106

О, если б хоть в одной груди
При вести о чреде моей
Забилось сердце горячей

И свет, горящий впереди,
Показался ясней,
Я б счастлив был, и если б мне
Пришлось здесь умереть,
В могилу б светел я сошел
И знал, что всё, чем я грешил
В бесплодной юности моей,
Мне прощено
И всё искуплено.

1862 или 1863 (?)

107

1

Праздник весны. Наше небо холодное
Хмурится меньше; с темнеющих гор
Катятся с шумом струи многоводные,
Рвется река из оков на простор.

Не напрасно ли ранней надеждою,
Радостью жизни себя обольщать?
Может быть, зимней холодной одеждою
Вьюга закутает всё здесь опять.

Горы опять побелеют; под холодом
Снова застынут ручьи;
Небо грозить станет снова лишь голодом
Бедному жителю грустной земли.

Всё здесь обманчиво — дни безненастные,
Небо, замерзшая почва, весна,
[Вы же,] надежды отрадные, ясные,
Изменчивость вам здесь больше всего суждена.

2

Праздник весны, воскресения,
Братства, сверженья цепей,

Всех воскресения, всех обновления
Грустно мне встретить в глуши своей.

Пусть к тебе мыслью я полон неверия,
Знаю, что всё в тебе ложь;
Знаю, что в маске одной лицемерия
Ты нам обман лишь несешь.

Знаю я, ложны все эти объятия
Слабого с сильным, с богачом бедняка;
Знаю, что ты не снимаешь проклятия
С жизни и цепь ее так же тяжка.

Знаю, но памятью детства далекого
Часто мне твой отраден обман.
День лишь забвенья средь горя глубокого —
Ладно и то, — и он в тебе дан.

Бедный поет, забывая страдания,
Темного завтра как будто и нет.
Нет ожидания, воспоминания,
Только и виден, что праздничный свет.

Помню, мне в детстве казались так радостны
Эти веселые, ясные дни.
Звон раздавался, широкий и благостный,
Были мне видны улыбки одни.

В доме у нас будто всё обновленное:
Тьма исчезала с лица.
Светлело у матери лицо огорченное,
Были похожи на ласки — ласки отца.

Бедные люди казались счастливыми,
Всё улыбалось кругом;
Веяло всюду лишь жизни призывами,
Всё было полно неведомым звом.

1865 (?)

108

Грусть ко мне в сердце назойливей просится...
Будто я к доле своей не привык.
Громкие песни в мой угол доносятся,
Будто бы ожил рудник.

Пусты сегодня трущобы бездонные,
Где при мерцаньи свечей
Видны лишь лица одни истомленные,
Слышно бряцанье цепей.

Песни доносятся в мрачное здание,
Где за решеткой, за стражей штыков
Собрано нации целой страдание.
Братья поляки! ваш праздник каков!

Над головою проносится каждого
Воспоминание радостных дней.
Воли опять ненасытною жаждою
Сердце налилось полней.

Там, [на далекой отчизне] подавленной, —
Праздник весны там праздником слез.
Много на почве их там окровавленной,
Много на почве, спаленной от гроз.

Плачет там мать, и жена, и милая
Плачет сестра, не осушая глаз.
Плачет и вся отчизна унылая,
Плачет по вас.

Плачь, о страдалица, плачь над могилами
Мертвых своих и живых сыновей.
Каждая слезка там новыми силами
Отродится на почве кровавой твоей.

Снова сошла ты во гроб искупления;
Но не смерть же тебе суждена.
Праздник воскресения, праздник обновления
Всем принесет иная весна.

1865 (?)

ПЕРЕВОДЫ
И ПОДРАЖАНИЯ

ДЖАЛАЛЕДДИН РУМИ

109

Я — дикий виноград; мне явором ты будь,
Чтоб мог своей лозой я стан твой обогнуть!

Я — плющ; мне кедром будь, под бурями созрелым,
Чтоб слабой зеленью ко праху мне не льнуть!

Я — птица робкая; ты мне крылом будь смелым,
Чтоб мог я в синеве твоих небес тонуть!

Я — утомленный конь; будь шпорой мне колючей —
Да быстро к цели мчусь, куда твой ляжет путь!

Я — черная гряда; в ней розой будь пахучей,
Чтоб корни диких трав ей не сушили грудь!

Я — сумрачный восток; взойди над темной бездной
Ты солнцем пламенным — туманы распахнуть!

Я — ночь безлунная; о! будь ей ризой звездной,
Чтобы, отринув страх, я мог вольней вздохнуть!

⟨*1858*⟩

МУСЛИХИДДИН СААДИ

110

Капля дождевая пала с тучи в море,
Где буграми волны ходят на просторе.

«Что же я-то в этой страшной бездне значу? —
Капля горевала. — Здесь и жизнь утрачу!»

Но от темной доли в лоне вод суровом
Раковина каплю осенила кровом. . .

Сберегла от смерти, от беды и страха,
И теперь та капля — лучший перл у шаха.

⟨1858⟩

111

Крепко ударил я заступом в рыхлую землю.
Вдруг из таинственной тьмы ее вещему голосу
внемлю:
«Помни, врываясь в глубокие недра мои:
Их удобрили своими костями собратья твои!»

⟨1858⟩

ФАРИДАДДИН АТТАР

112

Что от врагов ты хочешь скрыть,
Друзьям не должен говорить.

Начало 1860-х годов (?)

БХАРТРИХАРИ

113

Пусть горит лампада,
Пусть очаг пылает,
Пусть сияет в небе
Месяц в сонме звездном,
Пусть и солнце блещет:
Если мне не светят
Ненаглядной очи,
Мир передо мною
Мглой ночной окутан.

⟨1861⟩

114

Как не вижу — только б увидаться;
Увидал — охота целоваться;
Поцелую — сросся бы с тобой,
Светлоокая, и телом и душой!

⟨1861⟩

115

Груди волнуются; кудри трубчатые
Бьются, дрожа, за спиной;
Почки лилеи — глаза ее сжатые
Брызнули страстной росой;
Блещут, как жемчугом, щеки пушистые
Влагой любовной борьбы;
Медом поят меня губы душистые. . .
Я ль не избранник судьбы?

⟨1861⟩

116

Как тень поутру,
Со злыми дружба —
Что час, то меньше;
А дружба добрых,
Как тень под вечер,
Растет, покуда
Не закатишься
Ты, солнце жизни!

Между 1862 и 1865 (?)

117

Пусть твои благие
Мысли и дела
Подавить, унизить
Тщится сила зла, —
Будь как яркий факел,
Обращенный вниз:
Пусть твой дух, как пламя,
Всё стремится ввысь!

Между 1862 и 1865 (?)

ИЗ «ШИ-КИНГ»

118

Мой хороший, мой пригожий
Носит смушковый кафтан;
Опоясан стройный стан
 Барсовою кожей.

Игры — скучны без него;
В битву ль понесется —
Не страшится ничего.
«Много их таких найдется!»
Да, найдется!
Только мне не надо никого!

Мой хороший, мой пригожий
Носит смушковый кафтан;
Опоясан стройный стан
Барсовою кожей.
Все мечты об нем одном —
Де́нные, ночные...
Кротость в нем, отвага в нем...
«Есть такие и другие!»
Есть другие!
Только мне не думать о другом!

⟨*1861*⟩

ИЗ КОРАНА

119

Из рода в род твой глас идет:
«Жестокосердые, внемлите!
Кормясь от трапезы сирот,
Вы пламень огненный ядите!»
Но, не спалив себе гортань,
Они не ведают боязни...
Восстань, о господи! и грянь
По ним бичами правой казни!
Да в день, как нищий с богачом
И раб с владыкой рядом станут,
Завет твой злобные помянут,
Палимы внутренним огнем!

⟨*1855*⟩

ИЗ ТАЛМУДА

120

Где сверкает меч,
Не цвести искусству;
Где цветет искусство,
Не сверкать мечу.

⟨1861⟩

121

«Что мое — мое,
Что твое — твое!» —
Общий глас людской.

«И мое — мое,
И твое — мое!» —
Так вещает злой.

«И твое — твое,
И мое — твое!» —
Говорит благой.

⟨1861⟩

МИРЗА ШАФФИ ВАЗЕХ

122

Мирза Шаффи! пчелой прилежной
Ты долго по́ свету летал;
Тебя поили влагой нежной

Фиал лилеи белоснежной
И розы пу́рпурный фиал.

Пора из рощи благосклонной,
Мирза Шаффи, тебе домой.
С своею ношей благовонной
На крыльях песни легкозвонной
Лети к подруге молодой!

⟨1860⟩

123

Распахни покрывало! не прячь ты себя!
Ведь не прячутся розы в саду у тебя. . .
Красота тебе богом, как розе, дана;
Ты, как роза, на радость очей создана. . .
Создана ты под солнцем цвести и сиять.
Перестань же чадрою лицо закрывать!

Распахни покрывало! Увидит весь свет,
Что пышней и желанней красавицы нет.
Пусть огнем по сердцам пробегает твой взгляд,
А уста многоценным рубином горят,
И одна только ночь самотканной чадрой
Облекает твой лик и твой стан молодой!

Покажись! .. Пред лицом твоим, бледен и нем,
У султана в Стамбуле смутится гарем.
Да и где же, когда же, какой падишах
Перед взглядом таким не упал бы во прах? ..
Не тумань же чадрой лучезарных очей —
Торжества красоты и блаженства людей!

⟨1855⟩

ИЗ ПОЭТОВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

САФО

124

Закатилася луна,
Закатилися плеяды;
Ночь идет... А я, тоскуя,
Всё лежу без сна, одна,
И душе всё нет отрады,
И устам нет поцелуя!

Между 1862 и 1865 (?)

125. НАДГРОБИЕ РЫБАКУ

Бедный отец рыбака Пелагона — Мениск схоронил здесь
Милого сына и холм его смертный просто украсил...
Ве́рша с веслом означают могилу пловца молодого:
Памятник грустный жизни его, и печальной и трудной!..

⟨1847⟩

АНАКРЕОН

126

Увидал Эрот, что время
Мне покрыло снегом темя, —
Крылья быстрые расправил,
Одного меня оставил.

Между 1862 и 1865 (?)

127

Молодая кобылица,
Знойной Фракии дитя!
Полно бешено коситъся,
Полно рваться, полно биться,
Полно бегать от меня.
Захочу: узда крутая
Кровью рот твой обагрит, —
Кобылица удалая,
Робко голову склоняя,
Мерным шагом побежит.
Не скакать тогда ретивой
На раздолье луговом,
Не махать густою гривой,
Выступая терпеливо
Под искусным седоком.

⟨1848⟩

ИЗ АНТОЛОГИИ

АНТИПАТР СИДОНСКИЙ

128. МОГИЛА САФО

Имя и пепел певицы под этою насыпью скрыты;
    Нежная песня ее вечною жизнью живет.

Между 1862 и 1865 (?)

ПСЕВДО-СИМОНИД

129. НАДГРОБИЕ СПАРТАНЦАМ В ФЕРМОПИЛАХ

О, прохожий! скажи, как придешь в Лакедемон,
что все мы,
    Верны законам его, здесь костями легли.

⟨1847⟩, между 1862 и 1865 (?)

ЛУКИАН

130. БОГИ

Делая зло, от людей еще можешь укрыться; но боги
    Видят не только дела — самые мысли твои.

⟨1847⟩, между 1862 и 1865 (?)

ЭСХИЛ

131. СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ

(Последняя сцена трагедии)

Прометей, прикованный к скале, и Хор океанид.

Прометей

И Зевс — как гордо ни упорствуй — будет
В урочный час унижен глубоко.
Он сеть себе сплетет, вступивши в брак:
Тот брак и власть отнимет у него,
И трон отнимет. Вочью совершится
Проклятие, которым Крон-отец
Клял сына, в прах летя со своего
Предвечного престола... И никто
Из всех богов, опричь меня, не может
Ему сказать, как отвратить погибель.
Лишь я единый слово тайны знаю.
Пусть царствует покуда, тешась властью,
Своим воздушным громом величаясь!
Пусть ярко прыщут из его руки
Губящих молний огненные стрелы!
Ничто уж не спасет его; ничто
От страшного позора не удержит
И горького паденья. Он снарядит
И сам вооружит себе врага, —
И явится противник с дивной мощью:
Найдет он пламя жгучей молний Зевса,
И голосом заставит онеметь
Могучий гром, и сокрушит державный
Трезубец Посейдона, все моря
И земли потрясающий. Тогда-то —
Постигнут грозным роком — Зевс узнает
Различие меж властью и паденьем!

Хор океанид

Давно грозишь желанным злоключеньем
Ты Зевсу.

Прометей

Сбудется, чего желаю!

Хор океанид

Кто смеет думать Зевса одолеть?

Прометей

Страшней и горше гибель он узнает!

Хор океанид

И произнесть ты это не страшишься?

Прометей

Страшиться? мне? Я непричастен смерти.

Хор океанид

Тебя страшнейшей пытке он подвергнет.

Прометей

Пускай! Я вижу всё — и жду всего
Бестрепетно.

Хор океанид

Пред правотой небесной
Склоняется, немея, ум премудрых.

Прометей

Молись, немей, склоняйся пред властями!
А я... Да что мне этот Зевс? что в нем?
Пусть царствует как знает! Срок корóток —
И быть ему царем богов недолго.
Но вон летит сюда гонец крылатый:
Шлет новый царь мне нового посла.
Уж, верно, с важной новостью!

Гермес несется по воздуху, с жезлом и в крылатых сандалиях.

Гермес

Тебе,
Вреднейший, нетерпимый бунтовщик,

Восставший мятежом против богов
Из-за людского блага, дерзкий хищник
Священного огня, тебе сказать
Я прилетел по повеленью Зевса:
Сейчас же объясни свои намеки
На брак какой-то, хвастовство свое,
Что кто-то Зевса свергнет с трона. Всё
Без всяких изворотов и загадок
Определенно сказывай! Смотри,
Чтоб плохо не было, как мне придется
В другой раз прилететь к тебе. Ты знаешь,
Пощады не бывать тогда от Зевса.

Прометей

Надменно, важно, с горделивым видом
Словами сыплешь ты, как подобает
Холопу Зевса. И давно ль попали
Вы, новички, на царство? А туда же —
Уверены, что можно беспечально
Вам в золотом чертоге пировать!
Я видел сам, как с этой вышки двое
Владык свалилось, [1] — и еще увижу,
Как третий — господин твой — полетит. . .
Быстрее всех, позорней всех. . . Иль ты
Вообразил, что я затрепещу
И преклонюсь пред новыми богами?
Нет, многого до этого не хватит —
Всего! Так знай: ты можешь отправляться
Обратно той же самою дорогой,
Какой сюда явился! Ничего
На все свои допросы от меня
Ты не узнаешь.

Гермес

Не такое ль точно
Упорство привело тебя сюда
И горькой муке пре́дало?

Прометей

Своей
Плачевной доли — знай ты это! — я

---

[1] Уран, дед Зевса, и Крон, отец его. — *Примеч. Михайлова.*

Отнюдь не променяю на твое
Служенье Зевсу. Нет! милей мне этой
Скале служить, чем быть, как ты, усердным
И преданным рассыльным Зевса. Так-то
Должны мы вам, противникам всего,
Противиться!

Гермес

Тебе, как видно, любо
Быть в этом положеньи?

Прометей

Любо? Очень
Желал бы я, чтоб так же было любо
И всем моим врагам! Ты в их числе.

Гермес

По-твоему, я тоже виноват
В твоем страданьи?

Прометей

Что тут толковать?
Всех вас, богов, я ненавижу — всех
И каждого, — неправых и спокойных
В своем злодействе надо мной!

Гермес

Я вижу,
Ты сильно болен умственным расстройством.

Прометей

Да, болен, если только ненавидеть
Своих врагов — болезнь.

Гермес

Коль ты здоров,
Нигде терпим ты быть не можешь.

Прометей

Ах!

Гермес

Такого звука прежде от тебя
Мы не слыхали.

Прометей

Время старит нас
И учит многому.

Гермес

Тебя, однако ж,
Не научило быть благоразумней.

Прометей

Конечно; ведь иначе ты, холоп,
Ни слова от меня не услыхал бы.

Гермес

Так ты не скажешь ничего о том,
Что знать желает Зевс?

Прометей

Не должником ли
Меня считает он? Не ждет ли платы
За всю любовь свою ко мне?

Гермес

Оставь
Свои издевки: я ведь не ребенок.

Прометей

Ты не ребенок, а глупей ребенка,
Коль думаешь услышать от меня
Хоть что-нибудь! Такой нет пытки, нет
Таких уловок, чтоб меня заставить
Сказать, что́ знаю: можете в позорных
Цепях меня держать хоть до свершенья
Предвестья моего! Итак, пусть Зевс
Огонь своих зубчатых молний шлет!

Пусть белокрылым снежным ураганом
И грохотом подземным пошатнет
И опрокинет всё кругом в бесчинный
Хаóс! Меня не склонит он ничем
Открыть ему, кто некогда с престола
Его столкнет.

Гермес

Подумай, чтó себе
Готовишь ты!

Прометей

Давно обдумал всё;
Давно решился твердо!

Гермес

Так узнай же,
Узнай, несчастный, всё обилье зол,
Которым обречен!

Прометей

Ты надоел
Мне пустозвонным словом. И не думай,
Чтоб перед Зевсом в страхе я, как баба,
Метаться стал и вздохи воссылать
К нему, всененавистному, с мольбою,
Чтоб он меня от этих уз избавил!
Нет, этому вовеки не бывать!

Гермес

Напрасно я слова с тобою трачу.
Нет, просьбами своими мне тебя
Не укротить, не тронуть: ты, как конь,
Впервые взнузданный, рвешь удила
И бешено в ярме тяжелом бьешься.
Но ослеплен ты гордостью бессилья:
Одним упорством без разумной меры
Нельзя победы в споре одержать.
Подумай — коль слова мои ты презришь, —
Какая неминучая ударит
В тебя гроза, что за пучина мук

Тебя поглотит! Знай: нещадным громом
И булавами молний гневный Зевс
В утесы этого ущелья грянет,
Дробя их в прах, а твой состав телесный
Отсюда сбросит в каменные недра
Дремучей пропасти. Потом, когда
Свершится круг годов неисчислимых,
Ты свет дневной увидишь; но к тебе
Начнет слетать могучий, бурнокрылый
Орел от Зевса: дик и алчен, станет
Терзать тебе измученное тело —
Незваный гость по целым дням, — клевать
Остатки черной печени твоей.
И уж не жди себе от этой муки
Спасенья: разве бог какой тебя
Захочет искупить собой — и снидет
В потемки ада, в мрачные, как гроб,
Пределы тартара. Размысли это!
Не выдумка мои угрозы; нет!
В них слишком много правды. Никогда
В устах священных Зевса не бывало
Ни слова лжи: что скажет, то исполнит.
Так рассуди ж, подумай хорошенько!
Благоразумья не гони упрямством!

Хор океанид

А право, Гермес недурной совет
Тебе дает. Вонми благоразумью,
Упрямство брось, послушайся его:
Неправо поступать — позор для мудрых.

Прометей

Давно я прежде знал всё то, что мне
Ты насказал. От злейшего врага
Принять такую муку — не позорно.
Пускай в меня двойным ударит жалом
Губительная молния! Пусть воздух
Всколеблется от грохота громов,
От судорог и взрывов урагана!
Пусть буря глубь земную расшатает
И с основанья сдвинет землю! Пусть
Смешаются, бичуемые гневом,

В бореньи диком — воющее море
И молчаливая стезя светил!
Пусть в вечный сумрак тартара свирепо
Низринет роковой круговорот
Мое грозой раздробленное тело!
Всё ж умертвить меня не может Зевс.

Гермес

Как слово извращается, когда
Смешает мысли заблужденье, — в нем
Живой пример! Он близок уж к безумью;
А от безумья перейти легко
И к бешенству. Но вы — о нем скорбеть
И над его ужасной долей плакать
Пришедшие — идите прочь, о девы,
Из этих мест! бегите дальше, дальше!
Иль, оглушив, лишат сознанья вас
Раскаты нескончаемые грома.

Хор океанид

Найди совет получше, чтоб могли
Мы внять ему; твои ж слова глубоко
Противны нам: не совратишь нас ими!
Тебя мы не послушаем; себя
Не обречем позору. Нет, мы с ним
Погибель примем! Ненавистны нам
Отступники, — и нет на свете яда
Гнуснее и презреннее измены!

Гермес

Так ладно ж! Помните мои слова:
Коль вас сразят громóвые удары,
Не жалуйтесь на участь вы свою;
Не смейте говорить, что в вас нежданно,
Негаданно грозой ударил Зевс!
Вы знали всё вперед: ни тайных козней
Тут не было, ни хитрого обмана.
Вы сами в бесконечной мреже рока
Запутались в безумном ослепленьи.

Гермес исчезает. Страшный грохот в воздухе. Землетрясение.

Прометей

Слова его сбываются: грозил
Недаром он. Земля заколебалась;
За молньей молния — шипят и вьются
И всюду мечут огненные стрелы;
Столбами вихри поднимают пыль;
Везде шумит, как в буйном хмеле, буря;
С мятежнической яростью и с воем
В отчаянном схватились бое море
И небеса... И эту кару Зевс
Мне шлет, чтоб испугался я!.. Рази,
Хлещи, гроза! О мать моя святая!
О ты, эфир, священная стезя
Зиждительного света! посмотрите,
Какую я терплю несправедливость!

1862

КРИСТОФЕР МАРЛО

132. ИЗ «ФАУСТА»

Фауст

(один)

Часы бьют одиннадцать.

О Фауст!
Один лишь час тебе осталось жить,
И обречен ты муке бесконечной.
Остановись, клубящаяся бездна
Небесных сфер! Пусть оборвется время
И полночь не наступит никогда!
Ты, око светозарное природы,
Взойди опять; о солнце! принеси
Мне вечный день! Иль этот час продлится
Пускай хоть год, хоть месяц, хоть неделю,
Хоть даже день, чтоб покаяньем душу
Себе спасти от муки я успел!
O, lente, lente currite, noctis equi! [1]
Но звезды всё вращаются, и время
Бежит, бежит. Пробьют часы, и дьявол
Придет за мной — и я погиб навеки.
О! я рванусь — и буду в небе! .. Кто же
Всё тянет вниз меня? По темной тверди,
Я вижу, кровь Христова разлилась.

[1] О, медленно, медленно бегите, кони ночи! (лат.) — *Ред.*

Лишь каплю мне одну — и я спасен!..
О мой Христос! Не истяжи мне сердца,
Что я своим Христом его зову!
Я звать не перестану. Пощади,
О Луцифер!.. Но где же всё? Исчезло!
Передо мной грозящая рука
И лик грозящий... О холмы! о горы!
Обрушьтесь на несчастного! сокройте
Меня от тяжкой кары неба! Нет?
Так в землю я ударюсь головой.
Земля, раскройся! И земля не хочет
Меня укрыть... О звезды! вы светили,
Когда родился я; влиянье ваше
Определяет смерть и ад... Снимите
Вы Фауста, как дымный пар, с земли,
И туча пусть в своем тревожном чреве
Меня сожмет, чтобы потом извергнуть
Лишь тело из дымящейся гортани,
Душе же дать на небо вознестись!

Часы бьют раз.

Уж полчаса — и скоро час! О, если
Душа должна несть кару за грехи,
Всё ж пусть конец скорбям бессонным будет!
Пусть проживу в аду тысячелетье,
Сто тысяч лет — и всё ж потом спасусь!
Но мукам душ проклятых нет конца.
О, для чего я одарен душой?
Иль для чего душа моя бессмертна?
О Пифагор! зачем твое ученье
Несбыточно? Душа, со мной расставшись,
Вселиться в зверя дикого могла бы.
Зверь счастлив: умер — и душа его
В стихиях тонет. А моя душа
Всё жить должна, чтоб ныть от адской пытки.
Будь прокляты родившие меня!
Нет; будь я проклят сам! будь проклят бес,
Меня лишивший радостей небесных!

Часы бьют полночь.

Бьет полночь! полночь! Распадись ты, тело,
Чтоб дьявол не унес тебя в геенну!

Душа! рассыпься брызгами над морем
И в нем неуследимо пропади!

Гром. Входят бесы.

О, сжалься, небо! не рази угрозой!
Ехидны! змеи! дайте мне вздохнуть!
Не разевай ужасной пасти, ад!
Не приближайся, Луцифер! Сожгу
Все книги я свои... О, Мефистофель!

(1861)

РОБЕРТ БЕРНС

133

Джон Андерсон, сердечный друг!
Как я сошлась с тобой,
Был гладок лоб твой и как смоль
Был черен волос твой.
Теперь морщины по лицу
И снег житейских вьюг
В твоих кудрях; но — бог храни
Тебя, сердечный друг!

Джон Андерсон, сердечный друг!
Мы вместе в гору шли,
И сколько мы счастливых дней
Друг с другом провели!
Теперь нам под гору плестись;
Но мы рука с рукой
Пойдем — и вместе под горой
Заснем, сердечный мой!

(1856)

134. К ПОЛЕВОЙ МЫШИ, РАЗОРЕННОЙ МОИМ ПЛУГОМ

(В ноябре 1785)

Трусливый серенький зверек!
Велик же твой испуг: ты ног
Не слышишь, бедный, под собой.
　　Поменьше трусь!
Ведь я не зол — я за тобой
　　Не погонюсь.

Увы! с природой наша связь
Давно навек разорвалась...
Беги, зверек, хоть я, как ты,
　　Жилец земли
Убогий: сам терплю беды,
　　Умру в пыли.

Воришка ты; но как же быть?
Чем стал бы ты, бедняжка, жить?
Неужто колоса не взять
　　Тебе в запас,
Когда такая благодать
　　В полях у нас?

Твой бедный домик разорен;
Почти с землей сровнялся он...
И не найдешь ты в поле мхов
　　На новый дом;
А ветер, грозен и суров,
　　Шумит кругом.

Ты видел — блекнули поля,
И зимних дней ждала земля;
Ты думал: «Будет мне тепло,
　　Привольно тут».
И что же? плуг мой нанесло
　　На твой приют.

А скольких стоило хлопот
Сложить из дерна этот свод!

Пропало всё — и труд и кров;
Нигде вокруг
Приюта нет от холодов,
От белых вьюг.

Но не с тобой одним, зверек,
Такие шутки шутит рок!
Неверен здесь ничей расчет:
Спокойно ждем
Мы счастья, а судьба несет
Невзгоду в дом.

И доля горестней моя:
Вся в настоящем жизнь твоя;
А мне и в прошлом вспоминать
Ряд темных лет
И с содроганьем ожидать
Грядущих бед!

⟨1856⟩

135. К СРЕЗАННОЙ ПЛУГОМ МАРГАРИТКЕ

(В апреле 1786)

Цветок смиренный полевой!
Не в добрый час ты встречен мной:
Как вел я плуг, твой стебелек
Был на пути.
Краса долины! я не мог
Тебя спасти.

Не будешь пташки ты живой,
Своей соседки молодой,
Поу́тру, только дрогнет тень,
В росе качать,
Когда она румяный день
Летит встречать.

Был ветер северный жесток,
Когда впервые твой росток

Родную почву пробивал;
В налете гроз
Ты почку раннюю склонял,
Под бурей взрос.

От непогод цветам садов
Защитой стены, тень дерёв.
Случайной кочкой был храним
Твой стебелек;
В нагих полях ты взрос незрим
И одинок.

Ты скромно в зелени мелькал
Головкой снежною; ты ждал
Привета солнышка, — и вдруг
Во цвете сил
Тебя настиг мой острый плуг —
И погубил.

Таков удел цветка села —
Невинной девушки: светла
Душой доверчивой, живет
Не чуя бед;
Но злоба срежет и сомнет
Прекрасный цвет.

Таков удел певца полей:
Среди обманчивых зыбей
По морю жизни он ведет
Свой хрупкий челн,
Пока под бурей не падет
Добычей волн.

Таков удел в борьбе с нуждой
Всех добрых: гордостью людской
И злом на смерть осуждены,
Они несут —
Одних небес не лишены —
Кровавый труд.

Над маргариткой плачу я...
Но это доля и моя!

Плуг смерти надо мной пройдет
И в цвете лет
Меня подрежет — и затрет
Мой слабый след.

⟨1856⟩

136. ПАХАРЬ

Вешнее солнце взошло над землей.
Пахарь-красавец идет за сохой.
Тихо идет он и громко поет:
«Кто-то весною как пахарь живет?»

Резвая пташка летит в небеса;
Рано проснулась: на крыльях роса.
С пахарем пташка поу́тру поет;
К ночи подруга в гнезде ее ждет.

⟨1856⟩

137. ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Когда-то сильных три царя
Царили заодно —
И порешили: сгинь ты, Джон
Ячменное Зерно!

Могилу вырыли сохой,
И был засыпан он
Сырой землею, и цари
Решили: сгинул Джон!

Пришла весна, тепла, ясна,
Снега с полей сошли.
Вдруг Джон Ячменное Зерно
Выходит из земли.

И стал он полон, бодр и свеж
С приходом летних дней;

Вся в острых иглах голова —
И тронуть не посмей!

Но осень томная идет...
И начал Джон хиреть,
И головой поник — совсем
Собрался умереть.

Слабей, желтее с каждым днем,
Всё ниже гнется он...
И поднялись его враги...
«Теперь-то наш ты, Джон!»

Они пришли к нему с косой,
Снесли беднягу с ног
И привязали на возу,
Чтоб двинуться не мог.

На землю бросивши потом,
Жестоко стали бить;
Взметнули кверху высоко́ —
Хотели закружить.

Тут в яму он попал с водой
И угодил на дно...
«Попробуй, выплыви-ка, Джон
Ячменное Зерно!»

Нет, мало! взяли из воды
И, на пол положа,
Возили так, что в нем едва
Держалася душа.

В жестоком пламени сожгли
И мозг его костей;
А сердце мельник раздавил
Меж двух своих камней.

Кровь сердца Джонова враги,
Пируя, стали пить,
И с кружки начало в сердцах
Ключом веселье бить.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
  Ты чудо-молодец!
Погиб ты сам, но кровь твоя —
  Услада для сердец.

Как раз заснет змея-печаль,
  Всё будет трын-трава...
Отрет слезу свою бедняк,
  Пойдет плясать вдова.

Гласите ж хором: «Пусть вовек
  Не сохнет в кружках дно,
И век поит нас кровью Джон
  Ячменное Зерно!»

⟨*1856*⟩

138. ЗЛАЯ СУДЬБА

Под знойным вихрем злой судьбы
  Мой свежий лист опал;
Под знойным вихрем злой судьбы
  Мой свежий лист опал!

Мой стан был прям, побег могуч,
  Мой цвет благоухал;
В росе ночей, в блистаньи дня
  Я бодро возрастал.

Но буйный вихорь злой судьбы
  Весь цвет мой оборвал;
Но буйный вихорь злой судьбы
  Весь цвет мой оборвал!

⟨*1856*⟩

ТОМАС МУР

139

Мир вам, почившие братья!
Честно на поле сраженья легли вы;
Саваном был вам ваш бранный наряд.
Тихо несясь на кровавые нивы,
Вас только тучи слезами кропят.
Мир вам, почившие братья!

Смерть приняла вас в объятья.
Дуб, опаленный грозой, опушится
Новою зеленью с новой весной;
Вас же, сердца, переставшие биться,
Кто возвратит стороне вас родной?
Смерть приняла вас в объятья.

На победившем проклятье!
Вечная месть нам завещана вами.
Прежде чем робко изменим мы ей,
Ляжем холодными трупами сами
Здесь же, средь этих кровавых полей.
На победившем проклятье!

Между 1862 и 1865 (?)

ДЖОРДЖ БАЙРОН

140. ИЗ «ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА»

Прости, прости, мой край родной!
Ты тонешь в лоне вод.
Ревет под ветром вал морской,
Свой крик мне чайка шлет.

На запад, солнцу по пути,
Плыву во тьме ночной.
Да будет тих твой сон! Прости,
Прости, мой край родной!

Недолго ждать: гоня туман,
Взойдет и день опять.
Увижу небо, океан;
Отчизны — не видать.
Заглохнет за́мок мой родной;
Травою зарастет
Широкий двор; поднимет вой
Собака у ворот.

Малютка паж мой! ты в слезах.
Скажи мне, что с тобой?
Иль на тебя наводят страх
Шум волн и ветра вой?
Корабль мой нов; не плачь, мой паж!
Он цел и невредим.
В полете быстрый сокол наш
Едва ль поспорит с ним.

«Пусть воет ветер, плещет вал!
Не всё ли мне равно?
Не страх, сэр Чайльд, мне сердце сжал:
Оно тоской полно́.
Ведь я отца оставил там,
Оставил мать в слезах.
Одно прибежище мне — к вам
Да к богу в небесах.

Отец, как стал благословлять,
Был тверд в прощальный час;
Но долго будет плакать мать,
Не осушая глаз».
Горюй, горюй, малютка мой!
Понятна грусть твоя...
И будь я чист, как ты, душой,
Заплакал бы и я!

А ты, мой йомен, что притих?
Что так поник челом?
Боишься непогод морских
Иль встречи со врагом?
«Сэр Чайльд, ни смерть мне не страшна,
Ни шторм, ни враг, ни даль;
Но дома у меня жена:
Ее, детей мне жаль!

Хоть и в родимой стороне,
А всё ж она — одна.
Как спросят дети обо мне,
Что скажет им она?»
Довольно, друг! ты прав, ты прав:
Понятная печаль!
А я... суров и дик мой нрав:
Смеясь я еду вдаль.

Слезам лукавых женских глаз
Давно не верю я:
Я знаю, их другой как раз
Осушит без меня!
В грядущем — нечего искать,
В прошедшем — всё мертво.
Больней всего, что покидать
Не жаль мне ничего.

И вот среди пучин морских
Один остался я...
И что́ жалеть мне о других?
Чужда им жизнь моя.
Собака разве... да и та
Повоет день-другой,
А там — была бы лишь сыта,
Так я и ей чужой.

Корабль мой! пусть тяжел мой путь
В сырой и бурной мгле,
Неси меня — куда-нибудь,
Лишь не к родной земле!

Привет вам, темные валы!
И вам, в конце пути,
Привет, пустыни и скалы!
Родной мой край, прости!

⟨1860⟩

БАРРИ КОРНУОЛ

141. ЛОДОВИКО СФОРЦА

СЦЕНА 1

Улица.
Герцог Миланский. Лодовико Сфорца.

Герцог

А так ли гордая была чиста,
Как и прекрасна?

Сфорца

О! чиста, как пламя,
Горевшее на алтаре Дианы,
Мила, как вешний день. Она сияла,
Как светлый образ греческого мифа,
Как из стихий рожденная богиня,
Влекущая в свои объятья смертных.
Прекраснее виденья не являлось
Поэту в грезах; из арабских сказок
Такая гурия в заветный рай
Обетом счастья не манила. Голос
Чарующею музыкой звучал,
Как издали уловленные тоны
Певучей флейты, что разносит резвый
Июньский ветерок по цветникам
И по садам, в вечерней неге спящим.

Герцог

И умерла?

Изабелла показывается у окна.

Сфорца

Да! умерла! .. О боже!
Кого я вижу? Кто это?

Герцог

Взгляните
И полюбуйтесь ею!

Сфорца

Вижу, вижу...
Иль мертвые выходят из могил? ..
Она сама... Иль тень ее? .. Возможно ль?
Всё тот же блеск в глазах, хотя их смерть
Своей плевою темной затянула.
Смотрите!

Герцог

Государь!

Изабелла отходит от окна.

Сфорца

Она исчезла.

Герцог

Моя невеста это — Изабелла.

Сфорца

Невеста ваша? .. Да! она прекрасна! ..
Ее лицо знакомо мне... В мечтах я
Его видал... иль где-то... где — не знаю...
Теперь мечтать не стану — стану думать...
А может быть — и действовать.

Входит Изабелла со свитой, Пиетро де Медичи и другие.

Герцог

Прошла ли,
Мой друг, твоя усталость? Отдохнула ль
Ты после переезда? Да?.. Тревожить
Тебя и утомленье пожалело:
Твой взор горит, ища побед в Милане.

Изабелла

Мой долг велит искать мне лишь одной
Победы здесь.

Герцог

А сердце?

Изабелла

Сердце — тоже.

Герцог

Послушай, милая!.. два слова...

Говорят про себя.

Медичи

Принц!

Сфорца

А! Медичи! здорово!

Медичи

Милый Сфорца,
Что с вами? Вы в каких-то думах. Даже
Друзей не замечаете.

Сфорца

Ах, нет!
Вот разве мой племянник — в сладких грезах —
О дяде позабыл...

Герцог

Простите, друг мой!
Простите! Изабелла! это дядя

И опекун мой... Мне отцом он был.
Люби его!

Сфорца

Я — Лодовико Сфорца
И рыцарь ваш, принцесса, если только
Такой вам жалкий рыцарь пригодится.

Изабелла

Благодарю вас, Сфорца.

Герцог

Вон и Альпы!
Взгляни-ка, милая!

Сфорца

Сюда, принцесса,
Взгляните! Снежные вершины блещут,
Как будто солнце увидали.

Герцог

Горы —
И те встречают радостным приветом
Мою любовь. Всё счастливо и ясно.
А сколько счастья тут — вот в этом сердце!

Изабелла

Меня ты избалу́ешь!

Сфорца

Этот день —
Торжественный для всей природы праздник,
И вы — его царица.

Изабелла

Перестаньте!
Довольно!

Герцог

Так идем! Здесь стало жарко;
Поищем тени.

Сфорца

Я сейчас за вами.

Они уходят.

Она ушла — и будто ночь настала.
Как! мне безумствовать — в мои года?
Мне быть игрушкой этого мальчишки?
Ему теперь *поцарствовать* охота...
Нет! это уж моей заботой будет!
Что́ за глаза у ней!.. По ним не скажешь,
Что жизнь ее спокойно потечет;
Иное у нее во взгляде. Будет
Она всем править здесь. А я?.. О, будь я
Тот Сфорца, что тому лет двадцать был
Увенчан во Флоренции, быть может,
Она и полюбить меня могла бы.
Любовь!.. Ее ль стараться победить
Иль честолюбье?.. Но и жажда власти
И страсть меня влекут непобедимо.
Мой путь намечен... Но куда? То скрыто
Во мгле грядущего. Подумать надо.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Комната с пышно накрытым для ужина столом.
(Год спустя.)

Изабелла

Как медлит время! словно позабыло
Свою обязанность. А были дни,
Когда оно летело. О, как сладки
Те дни казались! как тогда досадна
Была мне быстрота его! А ныне
Его крыло слезами я мочу.
Как тяжко подвигаются минуты!
Уж не боится ль он прийти?.. О, нет!..
Чу! звонкий шаг по зале. Это *он*,
Убийца, Сфорца. Сердце! собери
Всю мощь свою и бодро соверши
Долг правосудной мести!.. Вот он!

Входит Сфорца.

Сфорца

Радость,
Любовь моя и божество! я вас
Пришел благодарить за вашу милость.
Не опоздал ли?

Изабелла

Нет, как раз — минута
В минуту.

Сфорца

Но вы грустны, Изабелла...
Уж не лишило ль что меня надежды
На ваше обещанье?

Изабелла

О, ничто!
Не сомневайтесь, не ропщите, герцог!
Вы знаете, что мне порою сердце
Вдруг схватывает боль... Но я сегодня
Достойно угостить вас постараюсь.

Сфорца

Надеюсь, лучше, милая, чем сто́ю?

Изабелла

Вам сто́ит пожелать — и нет желанья
Неисполнимого. Хоть я вдова,
Хоть и не всё я выплакала горе,
Но улыбаться стану вам сквозь слезы,
Как солнышко апрельское сквозь дождь.
Ведь надо ж положить предел любовным
Победам вашим: загордились вы!
Я постараюсь вас сдержать немножко.

Сфорца

О, милая!..

Изабелла

Вы будете моим,
Моим, пока — не разлучит нас смерть.

Мне было столько горя! так изныло
Всё сердце!.. Вы утешите меня.

Сфорца

Чем, милая?

Изабелла

Придумаем. Ах, нет!
Уж это слишком вольно, государь!..
Нет, покорить меня словами надо
(Хоть и пустыми), нежною улыбкой
И взглядом нежным, клятвами (хотя бы
Притворными) и тонкой лестью. Что ж?
Что ж? начинайте! говорите, герцог!
Я жду! я жду!

Сфорца

Да что ж тебе скажу я?
Пред прелестью твоей бессильно слово.
Поэтом воспеваемых красавиц
Считают люди вымыслом; не то же ль
И про тебя сказали б?

Изабелла

У меня
Поэта нет, чтоб лгать в гремучих рифмах,
И я останусь невоспетой.

Сфорца

Нет,
Нет! я хочу, чтоб в сладостных стихах
Твое звучало имя, чтобы славой
Скульптору и его искусству было
Твой образ изваять, чтоб живописцы
В изящном вымысле изображали
Нас вместе, милая, рука с рукою.

Изабелла

Мысль недурна.

Сфорца

Ты — царственная Гера,
А я — Зевес... в те чудные минуты,
Когда в ее очах тонул он взглядом.

Изабелла

Владычица Олимпа, государь,
Была сварлива, помнится; а я...

Сфорца

Так будь ты девой чудных древних басен,
Той девою, что весело сбирала
Цветы в полях Сицилии — и трон
С Плутоном разделила... Не была ли
Она прелестным о тебе предвестьем?..
Пусть встанут горы вкруг тебя, и лягут,
Дремотно нежась, пышные долины,
И потекут, сверкая, голубые
Ручьи Сицилии, и станет тихо
Под западным склоняться дуновеньем
Зеленый лес в мерцаньи предрассветном,
Благоговейно ожидая светлой
Улыбки Аполлона на востоке.
Еще бы что?.. Да! Преклонив колени,
Ты будешь рвать цветы и чутким слухом
Чего-то ждать; а я — влюбленный бог —
Уже несусь на быстрой колеснице
К моей прелестной Прозерпине...

Изабелла

Этим
Я недовольна.

Сфорца

Отчего, мой ангел?

Изабелла

Ведь, значит, вы возьмете в *ад* меня?..
Простите!.. я расстроена — больна...
Не станемте об этом говорить...
Хотите сесть за мой непышный ужин?

Сфорца

Конечно, милая.

Изабелла

Одни мы будем.

Сфорца

Тем лучше.

Садятся за стол.

Я не голоден; но выпью,
Моя царица, за твое здоровье!

Изабелла

Вот, государь, и редкое вино;
Оно, как драгоценные те капли,
Которых ищут мудрецы, вам даст
Бессмертие.

Сфорца

Так дай его сюда!
Желаю никогда тебе не знать
Минуты грустной!

Изабелла

Ах! остановитесь!
Не пейте!

Сфорца

Что такое?

Изабелла

Вы хотите
Пить без меня? .. Не стыдно ли! Видали
Вы этот плод? Один моряк почтенный,
Объехавший кругом весь мир, привез мне
Его с индийских островов: туземцы
Там молятся, я слышала, ему
Как божеству.

Сфорца

Он вкусом сладок. Помню —
Его любил покойник Галеаццо.

Изабелла
(про себя)

Благодарю вас, духи мести!
(Громко)
Что ж?

Теперь и за бессмертное вино
Приняться можно. Пейте, государь!
В честь Купидона!

Сфорца

Пью. О! это был
Коварный бог: он людям помрачал
Глаза, как мило повествует басня,
Но у *меня* (а как влюблен я!) светел
Взгляд, как у стоика... Ой!

Изабелла

Что такое?
Что с вами?

Сфорца

Ах, как холодно вино!

Изабелла

Сейчас теплей покажется: оно,
Мне говорили, согревает сердце.
Послушайте! вчера случилось мне
Прочесть про старца одного, поэта,
Что был когда-то в Греции. Всю жизнь
Он посвящал вину — и что же? Умер
От виноградинки. Ведь справедлива
Такая смерть!

Сфорца

О, да!.. Твое вино...

Изабелла

И множество рассказов я слыхала,
Как люди жизнь постыдную кончали
Постыдной смертью: как бывал убийца
И сам убит, как жертвою измены
Изменник падал, как сирот губивший
Сам по миру с сумой потом скитался.
Таков закон господень правосудный!
Как часто злодеянье обращалось
На самоѓо злодея, казнь отмщеньем
Была за казнь — и *яд за яд* отплатой!

Сфорца

Ой! сердце!

Изабелла

Что? всё холодно вино?

Сфорца

Я весь горю. Скорей воды!

Изабелла

Вы бледны.
Я позову на помощь. Эй! сюда!

Входят слуги.

Связать его!

Сфорца

Предательница!

Изабелла

Ладно.
Оставьте нас одних!

Слуги уходят.

Теперь не стану
Тебя обманывать: на этом свете
Ты пить уже не будешь больше.

Сфорца

Ох!
Ох! сердце!.. Вероломная!.. Нет сил...

Изабелла

Хотела б я, чтоб правое возмездье
Свершилось над тобой не столь сурово.
Но можно ль было? Чувствовала я,
Что должен *умереть* ты — за меня,
За сына моего, за государя...
Ведь ты *убил* супруга моего.
Что смотришь?.. Это горестная правда!
Ты в герцогстве на первом месте сел

И все права малютки моего
Развеял прахом. Что на это скажешь?
Иль вздумаешь опровергать меня?
Что ж! отвечай, пока еще есть время!

Он умирает.

Молчишь? Итак, ты осужден навеки!
Мне жаль почти, что взгляд твой помертвел.
Глаза темны, недвижны... Как похож он
Становится на эти изваянья,
Что в каменной, холодной белизне
На насыпях кладбища восседают —
На память о жильцах его холодных...
Да говори ж! Иль ты окаменел?
Что можешь ты сказать себе в защиту?..
Ах, отвернись и не гляди! Как смеешь
Так устремлять глаза ты на меня?..
Теперь уже не влюбишься! Не лучше ль
Его поднять? Как плети, у него
Повисли руки... Отвернись же!.. Страшно
Мне прикоснуться до него... а надо!..
А! умер!.. умер!.. от меня... О боже!
Прости ты мне! Я горькая вдова —
И мать... Ведь ради своего дитяти
Я это сделала. Он так жестоко
Нас притеснял, убийца! Он хотел
Из рук моих отнять мое дитя...
А у меня один он — бедный птенчик!..
Что было делать? как его спасти?
Другого средства не сыскала я!

⟨1860⟩

142. ЖЕНА КАТОРЖНОГО

У тебя клеймо на лбу,
И позорно и черно;
Всем видна твоя вина,
И не смоется оно.

У тебя клеймо на лбу;
Но везде пойду с тобой.

Кто тебя полюбит там,
Если будешь брошен мной?

Целый мир тебя отверг,
И грешна душа твоя.
Целый мир тебя отверг;
Но не я, не я, не я!

Если насмерть ранен тигр,
Рядом с ним лежит, любя,
И тигрица. Милый мой,
Я тигрица у тебя!

Между 1862 и 1865 (?)

ФЕЛИЦИЯ ГИМЕНС

143

Всё, что вольно, снится мне:
Голубой степной поток
И по яркой быстрине
Убегающий челнок;
Скок оленя в тьме лесов —
Глаз в огне, рога к спине;
Звон от тысячи ручьев...
Всё, что вольно, снится мне!

Над зубцами ясных гор
Снится мне полет орла,
Виден солнечный простор,
Слышен шумный взмах крыла.
Я иду... кусты к реке
Никнут, будто в мирном сне...
Хоть бы парус вдалеке!..
Всё, что вольно, снится мне!

Снится мне дитя в цветах
Средь сияющих полян;
Синей ночью при звездах
Стан кочующих цыган;
Шум на людных площадях;
Рощи в праздничном огне. . .
Сердце сдавлено в цепях —
И что вольно, снится мне!

⟨1862⟩

ТОМАС ГУД

144. У СМЕРТНОГО ОДРА

Всю ночь стерегли мы дыханье у ней. . .
Недвижно лежала она;
В груди колебалась слабей и слабей
Последняя жизни волна.

Старались чуть внятно мы все говорить,
Едва шевелились вокруг,
Как будто часть жизни своей уделить
Хотели, чтоб ожил наш друг.

То страхом надежда убита была,
То страх был надеждой убит:
Уснула — и кажется нам, умерла;
Скончалась — мы думали, спит.

Туманное утро настало для нас,
Сырая чуть дрогнула тень;
А очи усопшего друга, смежась,
Сияющий видели день.

⟨1858⟩

145. ПЕСНЯ О РУБАШКЕ

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иголкой в руках.
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет —
Поет о рубашке она.

«Работай! работай! работай,
Едва петухи прокричат!
Работай! работай! работай,
Хоть звезды сквозь кровлю глядят!
Ах, лучше бы мне пропадать
В неволе у злых басурман!
Там нечего женщине душу спасать,
Как надо у нас, христиан.

Работай! работай! работай,
Пока не сожмет головы как в тисках!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнет в глазах!
Строчку — ластовку — во́рот —
Во́рот — ластовку — строчку...
Повалит ли сон над шитьем — и во сне
Строчишь всё да рубишь сорочку.

О братья любимых сестер!
Опора любимых супруг, матерей!
Не холст на рубашках вы носите, нет!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..
В грязи, в нищете, голодна,
Рубашку и саван одною иглой
Я шью из того ж полотна!

Но что мне до смерти? Ее не боюсь,
И сердце не дрогнет мое,
Хоть тотчас костлявая гостья приди.

Я стала похожа сама на нее.
Похожа от голоду я на нее...
Здоровье не явится вновь.
О боже! зачем это дорог так хлеб,
Так дешевы тело и кровь?

Работай! работай! работай!
Мой труд бесконечный жесток.
А плата? Отрепье, солома в углу
Да черствого хлеба кусок.
Скамейка да стол — голый пол —
Убогая кровля сквозится...
И то́ любо мне, как на серой стене
Порой моя тень отразится.

Работай! работай! работай
От боя до боя часов!
Работай! работай! работай,
Как каторжник в тьме рудников!
Строчка — ластовка — во́рот —
Во́рот — строчка — рубец...
Застелет глаза, онемеет рука,
И сердце замрет под конец.

Работай! работай! работай,
Когда леденеет в окошке стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и светло и тепло —
И ласточки, к выступам кровли лепясь,
Щебечут в сиянии дня,
И кажут мне яркие спинки свои,
И дразнят весною меня.

О! только бы раз подышать
Дыханьем лугов, полевыми цветами!
Вверху только небо одно,
Трава и цветы под ногами.
О! только бы час лишь пожить
Блаженством младенческих лет,
Когда я не знала, что буду ценить
Дороже прогулки обед!

О! только бы час лишь один!
Лишь миг! .. чтоб душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вам нет:
Всё время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу от слез...
Нет, слезы мои! не теките!
Иголке моей не мешайте вы шить!
Шитья моего не мочите!»

Затекшие пальцы болят,
И веки болят на опухших глазах...
Швея в своем жалком отрепье сидит
С шитьем и иголкой в руках.
Шьет — шьет — шьет,
В грязи, в нищете, голодна,
И жалобно горькую песню поет...
Иль песня та к вам, богачи, не дойдет? ..
Поет о рубашке она.

⟨*1860*⟩

146. СТАНСЫ

1

Жизнь, прощай! Мутится ум;
Мир стал мертвенно угрюм;
Меркнет свет, и тьма растет,
Словно ночь, грозясь, идет;
Холодней и холодней
Серый пар ползет с полей,
И дыханье роз сменил
Запах тленья и могил.

2

Здравствуй, жизнь! Теплеет кровь;
Ожила надежда вновь;
Черный страх бежит, как тень
От лучей, несущих день;

Быстро гонят тьму и хлад
Свет, тепло и аромат...
Запах тленья всё слабей,
Запах розы всё слышней.

⟨1862⟩

147. ИЗГНАНИЕ

Из-за моря ласточка
Весной полетит,
И ветер, мне веющий,
Твой сад навестит;
С тем ветром кораблик наш
Вернется домой.
А я? Не видать уж мне
Сторонки родной!

Немало там льется слез —
И слезы твои
О том, что от слез твоих
Далеко мои.
И чем мы разрознены,
Родная, с тобой?
Одним только морем ли,
Иль смертью самой?

Белеет ли облачко
Вдали на волнах,
Мне грезится домик наш
На белых скалах.
Но облачко легкое
Вспорхнет к небесам...
Знать, заживо, милая,
Не свидеться нам!

⟨1863⟩

ЭБЕНЕЗЕР ЭЛЛИОТ

148. НАДГРОБИЕ ПОЭТА

Ваш общий брат схоронен здесь,
Певец скорбей людских.
Поля и реки — небо — лес, —
Он книг не знал иных.

Его скорбеть учило зло —
Тиранство — стон раба —
Столица — фабрика — село —
Острог — дворцы — гроба.

Повсюду он порок встречал.
Как быть! Он чистоты
От тины жизни и не ждал,
В страстях, в скорбях нужды.

Не тронул он червя в пыли
Презреньем, словом злым, —
И нищий с сильными земли
Был равен перед ним.

Он славил тех, кто беднякам
Служил своим добром,
И слал проклятье богачам,
Живущим грабежом.

Всё человечество любил,
И, честным сердцем смел,
Врагов народа он клеймил,
И громко Правду пел.

Между 1862 и 1865 (?)

АЛЬФРЕД ТЕННИСОН

149. ГОДИВА

Я поджидал поезда в Ковентри́
И на мосту стоял с толпой народа,
На три высоких, древних башни глядя;
И старое преданье городское
Мне вспомнилось. . .

Не мы одни — позднейший
Посев времен, новейшей эры люди,
Что мчимся вдаль, пути не замечая,
И прошлое хулим, и громко спорим
О лжи и правде, о добре и зле, —
Не мы одни любить народ умели
И скорбь его душою понимать.
Не так, как мы (тому теперь десятый
Минует век), не так, как мы, народу
Не словом — делом помогла Годива,
Супруга графа грозного, что правил
Всевластно в Ковентри. Когда свой город
Он податью тяжелой обложил
И матери сошлись толпами к замку,
Неся детей, и плакались: «Коль по́дать
Заплатим — все мы с голоду помрем!» —
Она пошла к супругу. Он один
Шагал по зале средь собачьей стаи;
На пядь вперед торчала борода,
И на́ локоть торчали сзади космы.
Про общий плач Годива рассказала
И мужа умоляла: «Если по́дать
Они заплатят — с голоду умрут!»
Он странно на нее глаза уставил
И молвил: «Полноте! вы не дадите
Мизинца уколоть за эту сволочь!»
«Я умереть готова!» — возразила
Ему Годива. Он захохотал;
Петром и Павлом клялся, что не верит;

Потом по бриллиантовой сережке
Ей щелкнул и сказал: «Слова! слова!» —
«Скажите, чем, — промолвила она, —
Мне доказать? Потребуйте любого!»
И сердцем жестким, как рука Исава,
Граф испытанье выдумал... «Ступайте
На лошади по городу нагая —
И отменю!» Насмешливо кивнул
Он головой и ровными шагами
Пошел, с собой собачью стаю клича.

Когда одна осталася Годива,
В ней мысли, словно бешеные вихри,
Кружились и боролися друг с другом,
Пока не победило состраданье.
Она отправила герольда в город,
Чтоб с трубным звуком всем он возвестил,
Что граф назначил тяжкое условье,
Но что она спасти народ решилась.
«Они меня все любят, — говорила, —
Так пусть до по́лдня ни одна нога
Не ступит, ни один не взглянет глаз
На улицу, когда я ехать буду;
Пусть посидят покамест дома все,
Затворят двери и закроют окна».

Потом пошла она в свою светлицу
И пряжку пояса с двумя орлами,
Подарок злого лорда своего,
Там расстегнула. Но у ней стеснилось
Дыханье, и замедлилась она,
Как медлит в белой тучке летний месяц.
Опомнившись, тряхнула головой,
И до колен рассыпались волнами
Ее густые волосы. Поспешно
Она одежду сбросила и стала
Украдкою по лестнице спускаться.
Как луч дневной между колонн скользит,
Так и Годива кралась от колонны
К колонне и в воро́тах очутилась.
Тут конь ее стоял уж наготове,
Весь в пурпуре и в золотых гербах.

И на коне поехала Годива,
Одета целомудрием. Казалось,
Вокруг нее весь воздух притаился,
И ветерок едва дышал от страха,
И щурились исподтишка, лукаво
На желобах с широкой пастью рожи.
Дворняжка где-то тявкнула, и щеки
Годивы вспыхнули. Шаги коня
Ее кидали и в озноб и в трепет.
Казалось ей, что все в щелях коварных
Глухие стены, что затем теснятся
Над головой у ней шпили домов,
Чтоб на нее взглянуть из любопытства.
Но ехала и ехала Годива,
Пока пред ней в готические арки
Градской стены не показалось поле,
Сияя белым цветом бузины.

Тогда она поехала назад,
Одета целомудрием. В то время
Один несчастный, никогда не знавший
Биенья благодарности в груди
И бранному присловью давший имя,
Дыру в закрытом ставне пробуравил
И, весь дрожа, лицом к нему припал;
Но не успел желанья утолить,
Как у него глаза оделись мраком —
И вытекли. Так сила дел благих
Сражает злые чувства. Ничего
Не ведая, проехала Годива —
И с сотни башен разом сотней медных
Звенящих языков бесстыдный полдень
Весь город огласил. Она поспешно
Вошла в свою светлицу, и надела
Там мантию и графскую корону,
И к мужу вышла, и с народа подать
Сняла, и в памяти людской навеки
Оставила свое святое имя.

⟨1859⟩

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

150. EXCELSIOR [1]

Уж Альпы крыла ночь туманом.
Селом, схороненным в снегах,
Шел юный путник и в руках
Нес знамя с начертаньем странным:
Excelsior!

Чело задумчиво и строго;
Но взгляд, как обнаженный меч,
Порой сверкал; звучала речь,
Как звон серебряного рога:
Excelsior!

Вокруг сверкали так приветно
В домах огни; а с высоты,
Как призраки, грозили льды;
Но он шептал свой клич заветный:
Excelsior!

1861

151—158. *ПЕСНИ О НЕВОЛЬНИЧЕСТВЕ*

1

К ВИЛЬЯМУ ЧАННИНГУ

Когда из книги мне звучал
Твой голос величаво, строго,
Я сердцем трепетным взывал:
«Хвала тебе, служитель бога!»

Хвала! Твоя святая речь
Немолчно пусть звучит народу!
Твои слова — разящий меч
В священной битве за свободу.

---

[1] Вперед и выше (лат.). — *Ред.*

Не прерывай свой грозный клич,
Покуда Ложь — законом века,
Пока здесь цепь, клеймо и бич
Позорят званье человека!

Во глубине твоей души
Господень голос непрестанно
Зовет тебя: «Пророк! пиши!» —
Как на Патмосе Иоанна.

Пиши кровавые дела
И возвести день скорби слезной,
День гнева над пучиной зла,
Апокалипсис этот грозный!

2
СОН НЕВОЛЬНИКА

Истомленный, на рисовой ниве он спал.
 Грудь открытую жег ему зной;
Серп остался в руке, — и в горячем песке
 Он курчавой тонул головой.
Под туманом и тенью глубокого сна
 Снова видел он край свой родной.

Тихо царственный Нигер катился пред ним,
 Уходя в безграничный простор.
Он царем был опять, и на пальмах родных
 Отдыхал средь полей его взор.
И, звеня и гремя, опускалися в дол
 Караваны с сияющих гор.

И опять черноокой царице своей
 С нежной лаской глядел он в глаза,
И детей обнимал, — и опять услыхал
 И родных и друзей голоса.
Тихо дрогнули сонные веки его,
 И с лица покатилась слеза.

И на борзом коне вдоль реки он скакал
 По знакомым, родным берегам...
В серебре повода, — золотая узда...
 Громкий топот звучал по полям

Средь глухой тишины, — и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокам.

Впереди, словно красный кровавый платок,
Яркокрылый фламинго летел;
Вслед за ним он до ночи скакал по лугам,
Где кругом тамаринд зеленел.
Показалися хижины кафров, — и вот
Океан перед ним засинел.

Ночью слышал он рев и рыкание льва
И гиены пронзительный вой;
Слышал он, как в пустынной реке бегемот
Мял тростник своей тяжкой стопой...
И над сонным пронесся торжественный гул,
Словно радостный клик боевой.

Мириадой немолчных своих языков
О свободе гласили леса;
Кличем воли в дыханьи пустыни неслись
И земли и небес голоса...
И улыбка и трепет прошли по лицу,
И смежилися крепче глаза.

Он не чувствовал зноя; не слышал, как бич
Провизжал у него над спиной...
Царство сна озарила сиянием смерть,
И на ниве остался — немой
И безжизненный труп: перетертая цепь,
Сокрушенная вольной душой.

3

БЛАГАЯ ЧАСТЬ, ЯЖЕ НЕ ОТЫМЕТСЯ

Она живет у вод Кенгавы,
В среде чужих детей.
Ей школа — всё; надежды, славы
Другой не нужно ей.

Как кроет всё одеждой ясной
Цветущая весна,
Так святостью души прекрасной
Объемлет всех она.

Сама с детьми в полях играет,
Все с лаской жмутся к ней,
И кроткий взгляд ее смиряет
Упрямых дикарей.

Под вечер слушать все готовы
О том, кто в мир грехов
Пришел снять с узника оковы,
Освободить рабов.

«Придет пора — все будут во́льны!
По всей земле — по всей —
Как звон раздастся колокольный,
Звук порванных цепей!»

Так, следуя Христа ученью,
Смиренна и бедна,
Себя лишь ближним на служенье
Всю обрекла она.

И у нее богатство было;
Но, помня божий страх,
Она рабов освободила
И в доме и в полях.

Все за морем они, на воле,
В краю своем родном;
Она ж живет в смиренной доле
Дневным своим трудом. . .

Горячей силой их молитвы
От бед охранена,
Как ангел, средь житейской битвы
Спокойна и ясна!

4
НЕВОЛЬНИК В ПРОКЛЯТОМ БОЛОТЕ

В Проклятом Болоте, в трущобе лесной,
Бежавший невольник лежал.
Он видел — костер зажигали ночной,
Он слышал собак, за ним рыскавших, вой
И топот коней различал.

Где светятся искры блудящих огней
    В болотной траве, по кустам,
Где лепится мох у древесных корней
И лозы — все в пятнах, как кожа у змей, —
    Ползут по кедровым стволам;

Куда человек заглянуть бы не смел,
    Где в зыбкой трясине кругом
Увлаженный дерн под ногами скрипел, —
В колючей и вязкой траве он засел,
    Как зверь в логовище своем.

Несчастный старик, истомленный, больной,
    Лицо всё в глубоких рубцах,
Как в клеймах позорных. Одеждой худой
Не мог он прикрыть и позор свой другой —
    Следы от бича на плечах.

Светло и прекрасно на свете всему,
    Свобода и радость есть всем!
Вот векша скакнула, вот в сонную тьму
Песнь вольная птиц донеслася к нему.
    А он неподвижен и нем!

Рассвета не видел он в жизненной мгле,
    В неволе, в цепях, под бичом. . .
Как Каин, проклятье он нес на челе,
Безвыходным рабством придавлен к земле,
    Как колос тяжелым цепом!

5

ПЕНЬЕ НЕВОЛЬНИКА В ПОЛНОЧЬ

Гимн Давида вдохновенный —
Раб и негр — он громко пел;
Пел Сион освобожденный,
Гром побед и славных дел.

Ночь была тиха, спокойна,
Всё объято было сном,
И звучал полно́ и стройно
Голос в воздухе ночном.

Не такой ли гимн свободный
Слышал черный фараон,
Как грозой пучины водной
Был с войсками окружен.

В глубь души мне мощно, страстно
Голос негра проникал;
То торжественно и ясно,
То стенаньем он звучал.

Павел с Силой в заточенье
Песнью славили Христа,
И в ту ночь землетрясеньем
Дверь была им отперта.

Ангел вестником спасенья
К негру явится ль в тюрьму?
Дверь тюрьмы землетрясенье
Распахнет ли и ему?

6
СВИДЕТЕЛИ

В пучинах глубокого моря,
Схоро́нены в зыбких песках,
Лежат, позабытые всеми,
Людские скелеты в цепях.

В глуби, где под вечным волненьем
Недвижимо воды легли,
Со всем своим людом и грузом
Недвижно стоят корабли.

Над морем шумящие бури
Не хлещут их черных боков.
И в тех кораблях — всё скелеты,
В тяжелых запястьях оков.

То бедных невольников кости!
Белея средь пагубной тьмы,
Из темных валов они громко
Взывают: «Свидетели мы!»

Есть рынки на нашей просторной
Земле, где людей продают:
Ярмо им вздевают на шею
И ноги им в цепи куют.

Без гроба валяются трупы
В пустыне, на снедь коршуна́м;
Убийства мерещатся детям,
Мешая им спать по ночам.

Корысть ненасытная, похоть,
Кичливый, бесстыдный порок,
Кровавые мысли, злодейства,
Мутящие жизни поток!

Несется вам клик обвиненья
Из этой неведомой тьмы.
Из тайных могил своих кости
Взывают: «Свидетели мы!»

7

КВАТРОНКА

Повесив праздно паруса,
Корабль в заливе ждал,
Чтоб месяц вышел в небеса
И вздулся темный вал.

Причалив к берегу в челне,
Рабочий люд следил,
Как аллигатор полз на дне
Улечься в мягкий ил.

А воздух вкруг благоухал
От трав и от цветов,
Как будто рай порой дышал
На этот мир грехов.

Плантатор в шалаше своем
Задумчиво курил.
Купец, прибывший с кораблем,
Окончить торг спешил.

Он молвил: «Не гостить привел
Я свой корабль в залив.
Я жду, чтоб месяц лишь взошел,
Да начался прилив».

В лице с предчувствием немым,
Робка и хороша,
Кватронка-девушка пред ним
Стояла чуть дыша.

Большие искрились глаза;
По груди молодой
Спускалась черная коса
До юбочки цветной.

Улыбки свет в лице у ней
Мерцал, так свят и тих,
Как свет лампад в углу церквей
На лике у святых.

Плантатор думал: «Стар мой дом,
И проку нет в земле!»
Взглянул на девушку, — потом
На деньги на столе.

В душе смущенной верх брала
То жадность, то любовь:
Он знал, чья страсть ей жизнь дала
И чья текла в ней кровь.

Но глубь души была черна:
Он не осилил зла —
И деньги взял. Тут вся она
Застыла, замерла.

И жертву новую свою
Купец повел с собой,
Чтоб быть ему в чужом краю
Наложницей, рабой.

8

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Припомните еврейское сказанье
О муже том, что растерзал рукой,
Как агнца, льва; как, жалкий и слепой,
Не видя света божья, истязанья
Он от врагов терпел, лишенный сил,
И жернов целый день в тюрьме кружил;
Как наконец на пир из заточенья
Был приведен — сносить врагов глумленья.

В отчаяньи, средь пира, обнял он
Столпы громадной храмины руками —
Шатнулся свод над пирными столами,
И стены рухнули со всех сторон.
При грохоте разрушенного зданья
Сменились страшным воплем ликованья,
Погиб и раб, несчастный и слепой;
Но тысячи похоронил с собой!

Самсон порабощенный, ослепленный
Есть и у нас в стране. Он сил лишен,
И цепь на нем. Но — горе! если он
Поднимет руки в скорби исступленной,
И пошатнет, кляня свой тяжкий плен,
Столпы и основанья наших стен, —
И безобразной грудой рухнут своды
Над горделивой храминой свободы!

⟨1861⟩

ХРИСТИАН ФРИДРИХ ШУБАРТ

159. ВЕЧНЫЙ ЖИД

Из темного ущелия Кармила
На солнце выполз Агасвер. Другое
Тысячелетье шло к концу с тех пор,
Как он бродил, бичуемый тревогой,
По всем странам. . . Когда, идя на казнь,
Христос под крестной ношею склонился
И отдохнуть у двери Агасвера
На миг остановился, Агасвер
Его сурово оттолкнул, — и дальше
Пошел Христос и пал под тяжкой ношей
Без слова, без стенанья. Тут предстал
Пред Агасвера грозный ангел Смерти
И с гневным взглядом молвил: «Отдохнуть
Ты сыну человеческому не дал;
Не знай же сам ты отдыха отныне,
Бесчеловечный, до его второго
Пришествия!»
И черный адский демон
Гнал Агасвера из страны в страну, —
И не было гонимому ни сладкой

Надежды умереть, ни утешенья
Найти успокоение в могиле.

Из темного ущелия Кармила
На солнце вышел Агасвер. С лица
И с бороды стряхнул он пыль; из груды
Костей, нагроможденных тут, взял череп
И по горе метнул его с размаха.
Запрыгал череп, зазвенел о камни —
И разлетелся вдребезги. «То был
Отец мой!» — Агасвер проскрежетал.
Еще схватил он череп — и еще. . .
Семь черепов, кружася, покатились
С утеса на утес. «А это — это. . . —
Он восклицал с налившимися кровью
Безумными глазами, — это были
Мои все жены!» Черепа катились. . .
Еще. . . еще. . . «А это — это были
Мои все дети! — скрежетал несчастный. —
И умерли! Они могли. . . а я,
Отверженный, я не могу! нет смерти!
Грознейший суд мучительнейшей карой
Навеки надо мной отяготел.

И пал Иерусалим. Я с лютой злобой
Смотрел, как мрут другие, — и кидался
В объятья пламени, и ярой бранью
Дразнил меч римлян. Грозное проклятье
Меня как бронь хранило: я не умер!

И рухнул Рим, всесветный исполин.
Я голову и грудь свою подставил.
Он рухнул и меня не раздавил. . .
Передо мною нации рождались
И умирали; я же оставался,
Не умирал! . . С вершин, одетых в тучи,
Кидался я в пучину; но прилив
Меня волною выносил на сушу,
И жгучий яд существованья снова
Меня палил. . . К запекшемуся зеву
Волкана я взобрался. Я скатился

В его утробу. Там стонал и выл
Я десять месяцев в чаду и мраке;
Ногтями рыл курящееся устье...
И огненная матка разродилась
Потоком лавы и меня опять
Из пламенного выкинула зева,
И в пепле шевельнулся я — живой!

В горящий лес я бросился. Я бегал,
Беснуясь, средь пылающих деревьев.
С волос своих они меня кропили
Огнем, — и пухло тело у меня,
И ныла кость. Но не сгорел я! жив!

И ринулся я в дикий пыл войны.
В грозе кровавых битв с врагом сходился
Лицом к лицу. Ругательством поносным
Я разжигал и галла и германца;
Но от меня отскакивали стрелы,
Обламывались копья об меня.
Об череп мой в осколки разлетались
Кривые сабли сарацинов. Пули
В меня летели градом — как горох
В железный панцирь. Молнии сраженья,
Змеясь, мне опоясывали тело,
И — как утес, зубчатою вершиной
Поднявшийся за тучи, — оставался
Я невредим. Напрасно слон меня
Топтал; напрасно конь своим железным
Копытом бил, дыбясь средь ярой сечи!
Пороховой подземный взрыв меня
Высоко взбросил; оглушенный, тяжко
Упал на землю я — и очутился
Средь изможженных трупов, весь обрызган
Их кровью, мозгом, — жив и невредим!

На мне ломались молот и топор;
У палачей мертвели руки; зубы
У тигров притуплялись. В цирке лев
Голодный растерзать меня не мог.
Я подползал к норе гремучих змей;

Кровавый гребень щекотал дракону.
И жало змей меня не заражало;
Терзал и грыз дракон, не умерщвляя.

И я пошел плевать хулой и бранью
В лицо тиранам. Говорил Нерону:
«Ты пес! ты кровопийца!» Христиерну
Я говорил: «Ты пес! ты кровопийца!»
Мулею Измаилу говорил:
«Ты пес! ты кровопийца!» И тираны
Мне злейшие придумывали пытки
И казни. . . Но меня не умертвили.

О, ужас! умереть не мочь! Покоя
Не мочь найти, томясь и изнывая!
И всё влачить иссохшее, как труп,
И тлением пропахнувшее тело!
Столетья и тысячелетья — видеть
Перед собой зияющую пасть
Чудовища *Одно и то же*! видеть,
Как Время, в ненасытном любодействе
И в вечном голоде, детей рождает
Иль пожирает! Умереть не мочь!
О беспощадный мститель! есть ли казнь
Грознейшая в твоей всевластной воле?
Казни меня, казни меня ты ею!
О, если б пасть от одного удара
И с этой выси покатиться вниз,
И у подошвы горной растянуться,
И, вздрогнув, — прохрипеть и умереть!»

И Агасвер шатнулся: смутный гул
Ему наполнил уши; тьма покрыла
Горячие зеницы. . . Светлый ангел
Взял на руки его и снес в ущелье
И там сложил и молвил: «Агасвер!
Спи мирным сном! Не вечен божий гнев».

Между 1862 и 1865 (?)

ИОГАНН ГОТФРИД ГЕРДЕР

160. ГЕРОДОТ

Принял под мирный свой кров Геродот сестер олимпийских —
И в награду ему каждая книгу дала.

⟨1847⟩

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ГЕТЕ

161. ОБМАН

Шелохнулась занавеска
У соседки на окне:
Видно, вздумалось плутовке
На окно взглянуть ко мне.

Видно, хочется проведать,
Всё ли так же я сердит,
Или ропот мой ревнивый
Приутих — и гнев забыт.

Ах! плутовка спит спокойно
И не грезит обо мне. . .
То шалун играет ветер
Занавеской на окне.

⟨1859⟩

162. ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

Кто возвратит мне прекрасные дни,
Дни моей первой любви?
Кто возвратит мне хоть час лишь один
Этой поры золотой?

Грусть моей ране зажить не дает;
Сердце назад свое счастье зовет
С новой и новой тоской.

Кто возвратит мне прекрасные дни,
Дни той поры золотой?

Между 1862 и 1865 (?)

163. БЛИЗОСТЬ МИЛОГО

С тобою мысль моя — горят ли волны моря
В огне лучей;
Луна ли кроткая, с туманом ночи споря,
Сребрит ручей.

Я вижу образ твой — когда далеко в поле
Клубится прах,
И в ночь, как странника объемлют поневоле
Тоска и страх.

Я слышу голос твой — когда начнет с роптаньем
Волна вставать;
Иду в долину я, объятую молчаньем, —
Тебе внимать.

И я везде с тобой, хоть ты далек от взора!
С тобой везде!
Уж солнце за горой; взойдут и звезды скоро. . .
О, где ты? где?

‹1859›

164. МОРСКАЯ ТИШЬ

Тишь глубокая над морем,
Недвижимо лоно вод, —
И на гладь морскую смотрит,
Озабочен, мореход.
Хоть одно бы дуновенье
Среди мертвой тишины!
Хоть бы где в дали безбрежной
Показался всплеск волны!

Между 1862 и 1865 (?)

165. СЧАСТЛИВОЕ ПЛАВАНИЕ

Туманы редеют,
Прояснилось небо;
Эол разрешает
Докучную цепь.
Вот ветром пахнуло;
Пловец встрепенулся.
Живее! живее!
Волна расступается,
Далекое близится.
Смотрите — земля!

Между 1862 и 1865 (?)

166. НАПОМИНАНИЕ

Долго ль вдаль тебе стремиться?
Ведь добро перед тобой.
Лишь умей ты ухватиться,
Счастье вечно под рукой.

Между 1862 и 1865 (?)

167. СВИДАНЬЕ И РАЗЛУКА

Коня! Я долго дожидался —
И конь почуял иглы шпор.
В долине вечер расстилался,
Сползала ночь с далеких гор.
Гигантом грозным восставая,
В туман завертывался вяз,
Где сквозь кустарник тьма ночная
Глядела сотней черных глаз.

Луна мерцала над полями,
Бледнея в дыме облаков;
Чуть вея тихими крылами,
Шушукал ветер. Рой духо́в
Под тусклым возникал светилом;
Но ясен мне казался путь.
Какой огонь бежал по жилам!
Каким огнем сгорала грудь!

И я с тобой. Ты кротким взглядом
Дарила радость и покой.
Два наши сердца бились рядом,
Дыханьем каждым был я твой.
Весенним розовым мерцаньем
Был милый образ твой одет.
А эта нежность! упованьем
Шептала мне, что счастье есть.

Но солнце уж встает с ночлега,
И сердце сжал разлуки страх.
В твоих устах какая нега!
Какая грусть в твоих очах!
Со мною здесь, тоской томимым,
Ты дни хотела проводить!
О, что за счастье быть любимым!
О, что за счастие любить!

Между 1862 и 1865 (?)

168. НОВАЯ ЛЮБОВЬ И НОВАЯ ЖИЗНЬ

Сердце, сердце! что с тобою?
Что смутило глубь твою?
Жизнью ты живешь иною...
Я тебя не узнаю!
Мимо всё, что ты любило,
Мимо, что тебя томило, —
И забота и покой.
Что же сделалось с тобой?

Или этот образ милый
Оковал мечты твои?
Иль в тебе не стало силы
Пре́зреть этот взор любви?
Захочу ли ободриться,
Отвернуться, удалиться —
Мне и шагу не шагнуть,
Снова к ней лежит мой путь.

Нить волшебную напрасно
Я стараюсь оборвать;
Против воли всё к прекрасной
Возвращаюся опять —
И, вступая в круг суровый,
Покоряюсь жизни новой.
Как я слаб и молод вновь!
Отпусти меня, любовь!

⟨*1851*⟩

169. ОСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Тучней зеленейте,
Виноградные лозы,
Взбираясь к окну моему!
Полней наливайтесь,
Густые гроздья, и зрейте
Быстрее, пышнее!
Вас греет,

Как лоно матери,
Прощальный взор солнца;
Вас обвевает
Плодотворящая ласка
Благого неба;
Вас освежает
Чудной прохладой
Дружественный месяц;
Вас орошают
Из этих глаз
Вечно-живящей любви
Крупные слезы.

1855, между 1862 и 1865 (?)

170. БЛАЖЕНСТВО ГРУСТИ

Не высыхайте, не высыхайте,
Слезы вечной любви!
Ах! и едва осушенному оку
Мертв и пустынен кажется мир.
Не высыхайте, не высыхайте,
Слезы несчастной любви!

⟨1861⟩

171. НОЧНАЯ ПЕСНЯ СТРАННИКА

Ты, небесный, ты, святой,
Все печали утоляющий,
Изнуренному борьбой
Облегченье посылающий!
Утомителен мой путь,
Край далек обетованный...
Мир желанный,
Снизойди в больную грудь!

⟨1855⟩

172. ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ ОХОТНИКА

Я крадусь полем, тих и дик;
Взведен курок ружья.
Опять твой светлый, милый лик
В мечтаньи вижу я.

Тиха, спокойна, в этот миг
Гуляешь ты в полях.
Мой промелькнувший бледный лик
Не встал в твоих мечтах?

Тоска и зло сдавили грудь. . .
Я исходил весь свет:
К востоку путь, на запад путь;
К тебе — дороги нет!

Но о тебе и мысль одна —
Мне луч во мгле ночной:
Покоем вновь душа полна. . .
Не знаю, что со мной!

⟨1851⟩

173. ПЕСНЯ МИНЬОНЫ

Ты знаешь ли край, где лимонные рощи цветут,
Где в темной листве померанец горит золотистый,
Где с неба лазурного негою веет душистой,
Где скромно так мирты, где гордо так лавры растут?
Ты край этот знаешь?
Туда бы! туда
С тобою, мой милый, ушла навсегда!

Ты знаешь ли дом? Его кровля на стройных столбах,
И зала сияет, и мрамор блестит на стенах,
И статуи рядом стоят и глядят, вопрошая:
«Ах, что с тобой, бедная? что с тобой сталось,
родная?»

Ты дом этот знаешь?
Туда бы! туда
С тобой, родной мой, ушла навсегда!

Ты знаешь ли гору? Тропинка за тучи ползет,
И мул средь туманов там, тяжко ступая, идет,
И старые гнезда драконов в ущелье таятся,
И рушатся скалы, и с ревом потоки клубятся.
Ты гору ту знаешь?
Туда бы! туда
Путем тем, отец мой, уйти навсегда!

⟨*1859*⟩

174. ПРЯХА

В тихой горенке своей
Я пряла спокойно;
К прялке парень подошел
Молодой и стройный.

Стал хвалить меня, сказал,
Что пряду я чисто
И что косы у меня —
Лен же золотистый.

Да не смирно он стоял, —
Не дал мне покою.
Нитка вдруг оборвалась
Между ним и мною.

Хоть на пряже мне пришлось
Много заработку,
Но не стать хвалиться им
Мне по околотку.

Шла я с пряжею к ткачу,
А сама горела;
Точно сердце у меня
Выскочить хотело.

Надо мыть, белить тканье,
У пруда трудиться;
А к воде едва-едва
Сможешь наклониться.

То, что в горенке тайком
От людей прядется,
Рано ль, поздно ль напоказ
Выносить придется.

Между 1862 и 1865 (?)

175. ПЕРЕД СУДОМ

От кого я беременна, вам не скажу:
То заветная тайна моя.
Потаскушкой меня называете вы?
Лжете — честная женщина я.

С кем слюбилась я, этого вам не узнать;
Он хорош и пригож, милый мой,
В чем бы он ни ходил, в золотой ли цепи,
Иль в соломенной шляпе простой.

Если надо насмешки сносить и позор,
Их снесу я одна на плечах.
Знает милый меня, знаю милого я, —
И про всё знает бог в небесах.

Перестаньте же, честные судьи мои,
Перестаньте меня вы томить!
Ведь дитя это было и будет моим,
И не вам его надо кормить.

Между 1862 и 1865 (?)

176

Жизнью украсил язычник свои саркофаги и урны.
Пестрою вязью сплетясь, фавны, вакханки вокруг
Пляшут. Щеки надул козлоногий сатир и трудится:
Рог дребезжащий его хрипло и дико звучит.
Мнится, из мрамора слышны и стройный кимвал
и тимпаны.
Вот наливные плоды резвые птицы клюют.
Шум не пугает их; он не спугнет и подавно Амура:
То-то раздолье ему с факелом бегать в толпе!
Так изобилию жизни и самая смерть покорилась:
В тихом вместилище сем словно и пепел живет!
Свиток мой! урну с пеплом певца окружи ты собою:
Жизнью обильной тебя щедро украсил певец!

⟨1861⟩

177

Вижу ли я богомольца, от слез не могу удержаться:
Счастье находим свое в ложном понятии мы!

Между 1862 и 1865 (?)

178

Эта гондола мне кажется тихо качаемой люлькой;
Ящик же этот на ней — словно вместительный гроб.
Так-то меж люлькой и гробом качают и носят нас волны,
И беззаботно мы вдаль пó морю жизни плывем.

⟨1861⟩

179

Пусть сумасброд, как морского песку, набирает адептов!
Мне жемчужина ты, мой рассудительный друг!

Между 1862 и 1865 (?)

180

Тщетно ты веешь, Морфей, надо мной усыпительным маком:
Глаз не закрою, пока их не смежит мне Амур.

Между 1862 и 1865 (?)

181. БЛАГОДАТЬ

Небо разверзлось, и дождь зашумел — и щедрою влагой
Злак и утес орошен, стены домов и древа;
Солнце взойдет — как пар, благодать отлетает от камня;
Только живое хранит неба благие дары.

Между 1862 и 1865 (?)

182

Сядь на коня, на корабль — и Забота с тобою засядет;
Но неотвязней еще, если пристанет Амур.

⟨1847⟩, между 1862 и 1865 (?)

183

Жить мы должны и любить. И жизнь и любовь прекратятся.
Разом, о Парка, ты режь нити и той и другой!

Между 1862 и 1865 (?)

184

Факел возьми Прометеев, — людей оживи ты им, Муза!
Факел Амура возьми, — мучь и счастливь им людей!

⟨1861⟩

185

Ты не знаешь, кому тебе верить? Верь жизни! Научит
Лучше всех мудрецов, лучше всех книг тебя жизнь.

Между 1862 и 1865 (?)

186. СЛАДКИЕ ЗАБОТЫ

Прочь от меня вы, заботы! Но, смертных, нас покидают
Наши заботы тогда, как покидает и жизнь.
Если ж иначе нельзя, заботы любви, приходите
И, все иные изгнав, сердце займите мое!

Между 1862 и 1865 (?)

187. ЗЕМЛЕДЕЛЬЦУ

Тонким слоем земля покрывает зерно золотое;
Глубже в ней будут лежать мирные кости твои.
Бодро паши ты и сей! Здесь вырастет пища живая;
А надежда живет даже у самых могил.

Между 1862 и 1865 (?)

188. МОГИЛА АНАКРЕОНА

Где роза юная в тиши благоухает,
Где горделивый лавр и цепкий виноград
Сплелися дружески, где горлица вздыхает
И слышен в зелени приятный крик цикад,
Кого из смертных здесь могила приютила?
Кому надгробный холм так пышно расцветила
Рука богов? Тут спит Анакреон-певец.
Счастливец, и весну он видел молодую,
И лето жаркое, и осень золотую,
И от седой зимы здесь скрылся наконец!

⟨1847⟩, ⟨1859⟩

189. СОЗНАННОЕ СЧАСТИЕ

Что между многих всегда природа расчетливо делит,
Тем она щедрой рукой всем наделила одну, —
И одаренная щедро, любимая многими жарко
Мне, счастливцу, дала полную долю любви.

Между 1862 и 1865 (?)

190. ИЗБРАННЫЙ УТЕС

Здесь в одинокой тиши о милой думал любовник.
Радостно молвил он мне: «Будь мне свидетель, утес!
Но не гордись чересчур: у тебя соучастников много.
Каждому камню полей, в счастье питавших меня,
Каждому дереву леса, где, светел душою, блуждаю,
Весело я говорю: „Памятью счастия будь!“
Голос же только тебе я даю. Так Муза средь многих
Выберет вдруг одного и поцелует в уста».

Между 1862 и 1865 (?)

191. ПРОМЕТЕЙ

Драматический отрывок

Действие первое

1

Прометей. Меркурий.

Прометей

Скажи им, не хочу —
Да, не хочу — и только!
Их воля противу моей!
Одно противу одного,
Мне кажется, равны!

Меркурий

И это передам я твоему
Отцу Зевесу? матери твоей?

П р о м е т е й

Что мать! отец!
Как знать, откуда мы?
Я стал стоять, как в первый раз заметил,
Что ноги у меня стоят,
И эти руки протянул, когда
Почувствовал, что тянутся они, —
И видел я, как чтили
Мои шаги *они*, которых ты
Зовешь отцом и матерью.

М е р к у р и й

И подавали помощь,
Необходимую тебе, ребенку.

П р о м е т е й

За то и был покорен им ребенок,
И бедного птенца они могли
Воспитывать и так и этак,
По ветру прихотей своих.

М е р к у р и й

Они ж тебя и охраняли!

П р о м е т е й

Да от чего?
От тех опасностей, которых
Страшились сами?
Они ли сберегли мне сердце
От змей, его язвивших втайне?
Они ли закалили эту грудь
Противиться титанам?
Иль мужа из меня сковало
Не время всемогущее, владыка
И *мой* и *ваш?*

М е р к у р и й

Несчастный!
И *это* передать твоим богам,
Им, бесконечным?

Прометей

Богам? Я и не бог,
А всё себя считаю я не меньше
Любого между них.
Вы бесконечны? всемогущи?
Да что же можете-то вы?
Иль можете простор великий
Земли и неба в руку мне вместить?
Иль можете меня вы разлучить
Со мной самим?
Иль можете меня расширить,
Распространить на целый мир?

Меркурий

Судьба!

Прометей

Так власть ее ты признаешь?
Я тоже!
Ступай! я не служу вассалам!

2

Прометей

(возвращаясь к своим статуям, стоящим вразброс по всей долине)

Незаменимое мгновенье!
Из круга вашего меня
Безумец оторвал,
О дети вы мои!
Что б ни внесло движенье в вашу грудь,

(Подходит к девушке)

Грудь эта мне навстречу
Должна бы рваться!
Глаза уж говорят!
Промолвите, скажите слово мне
Вы, милые уста!
О, если б мог я вас заставить
Почувствовать, что́ вы такое!

8

Входит Эпиметей.

Эпиметей

Меркурий жаловался горько.

Прометей

Не слушай жалоб ты его,
Он и без жалоб возвратился б!

Эпиметей

Будь справедлив, мой брат!
На этот раз
Немногого хотели боги.
Они хотят отдать тебе вершину
Олимпа, чтобы там ты жил
И управлял землею...

Прометей

Приказчиком их был
И защищал их небо?
Я требовал гораздо меньше:
Они хотят со мною поделиться,
А я им говорю, что мне
Делиться с ними нечем.
Что у меня и есть, того похитить
Они не могут;
Что есть у *них*, пусть сами берегут.
Вот тут мое, а вот твое,
И весь раздел покончен.

Эпиметей

Да многое ль твое?

Прометей

Тот круг, который наполняю
Я действием своим.
Ни больше и ни меньше!
Какое право надо мною
Имеют эти звезды в высоте,
Что на меня глазеют?

Эпиметей

Ты одинок стоишь!
Не понимаешь ты, упрямец,
Что́ б это было за блаженство,
Когда бы боги, ты,
И все твои, и небо, и весь мир
Себя единым целым ощутили.

Прометей

Я это знаю!
Прошу тебя, любезный брат,
Как знаешь делай,
Меня ж оставь!

Эпиметей уходит.

4

Прометей

Вот здесь мой мир! вселенная моя!
Здесь сознаю себя,
Здесь все мои желанья
В телесных образах,
Здесь дух мой, разделенный
Тысячекратно
И целостный в моих
Любезных детях.

5

Входит Минерва.

Прометей

И ты решилась,
Моя богиня?
Решилась низойти к врагу отца?

Минерва

Я чту отца, тебя ж люблю,
О Прометей!

Прометей

И ты ведь духу моему
То ж, что он сам себе.
Мне с самого начала
Твои слова небесным светом были.
Всегда, как будто бы моя душа
С самой собою говорила,
Она вся раскрывалась,
И сродные гармонии звучали
Из ней самой,
И божество вещало,
Когда, я думал, говорю я сам;
Когда же думал — божество вещает,
То сам я говорил.
Так я с тобою
Соединен; так глубока,
Вечна моя любовь к тебе!

Минерва

И я присутствую с тобою вечно!

Прометей

Как сладостно мерцающий тот свет
Склонившегося солнца
Там стелется по высям
Угрюмого Кавказа
И душу сладким миром мне объемлет,
Всегда, и в самом
Отсутствии присутствуя со мной,
Так силы развивалися мои
С дыханьем каждым
Из воздуха твоих небес.
Какое ж право
Хотят иметь над силами моими
Олимпа гордые жильцы?
Они *мои*, и их употребленье
Мое. Ни шага больше я
Не уступлю и вышнему из них.

Минерва

Так мыслит мощь.

Прометей

Я мыслю тоже, о богиня,
И тож могуч.
Да что! Иль не видала часто ты,
Как в самопроизвольном рабстве
Я бремя нес, которое они
С торжественною важностью валили
На плечи мне?
Иль я не исполнял работы
И каждого поденного труда
По их веленью, ибо верил,
Что прошлое и будущее им,
Как в книге, видно в настоящем,
Что руководство их, их повеленье
Есть довременная, святая
И нерасчетливая мудрость?

Минерва

Ты им служил, чтоб стать достойным
Свободы!

Прометей

Ни за какие блага не хотел бы
Чредою с птицей грома поменяться
И с гордостью держать
В холопских лапах молньи
Владыки моего.
Что я? и что они?

Минерва

Несправедлива ненависть твоя!
Богам на долю выпало бессмертье,
И мощь, и мудрость, и любовь.

Прометей

Но это всё
Не им одним досталось,
И я бессмертен, как они.
Мы вечны все!
Начала своего не помню я
И кончиться не чувствую стремленья,

Конца не вижу.
Я вечен, потому что существую!
А мудрость!

Минерва обходит статуи.

Взгляни на этот лоб!
Не мой ли перст
Его отметил?
А сила этой груди рвется
В борьбу с опасностью, всему грозящей.

(Останавливается перед женскою статуей.)

А ты, Пандора,
Святая чаша всех даров,
Какие лишь дают отраду
Под бесконечным небом
На бесконечной
Земле, — всё, что когда-либо меня
Одушевляло чувством неги,
Что в свежей тени
Мне проливало утоленье,
Что солнцем
Любви, весенней негой
И теплою волною моря
Ласкалось с нежностью к моей груди,
Чем наслаждался я, как блеском неба,
Как миром духа, — это всё,
Всё ты, моя Пандора!

Минерва

Юпитер позволяет
Тебе их жизнью наделить,
Коль ты свой слух
К его совету склонишь.

Прометей

Вот это лишь меня и колебало.
Но — мне холопом быть!
Мне — как и всем —
Признать там над собою
Власть громовержца? Нет!
Пусть будут связаны они

Своей безжизненностью здесь,
Они свободны,
Я чувствую свободу их!

Минерва

И жить должны они!
Судьба — не боги,
Дарит и отнимает жизнь.
Иди! я поведу тебя
К истоку всякой жизни,
Которого Юпитер
От нас не замыкает.
Пускай живут они —
И чрез тебя!

Прометей

Через тебя, моя богиня,
Пускай живут и чувствуют себя
Свободными! Живут.
Их радость будет для тебя отрадой.

Действие второе

1

НА ОЛИМПЕ

Юпитер. Меркурий.

Меркурий

Ужасная, верховная измена,
Отец Юпитер!
Минерва, дочь твоя,
С мятежным заодно,
Она источник жизни
Ему открыла и его
Скудельный мир и самого его
Одушевила.
Подобно нам, все движутся они,
Снуют, ликуют вкруг него,

Как мы вокруг тебя.
Где гром твой, Зевс?

Юпитер

Они живут! и будут жить!
И жить должны!
Над всем, что есть
Под необъятным небом,
На бесконечной
Земле — владыка я!
Род червяков умножит
Число моих рабов.
Им будет благо, если моему
Последуют отеческому слову!
Но горе, если станут
Моей деснице царственной перечить!

Меркурий

Всеблагостный! Отец всего живого!
Прощаешь ты преступных злодеянье,
Да будет же тебе любовь и слава
От всей земли и неба!
О, ниспошли меня, да возвещу
Я бедному, из праха
Рожденному народу
Тебя, отец, и доброту твою,
И силу!

Юпитер

Еще не время!
В новорожденном, юношеском счастье
Душа их мнит быть равной божеству.
Они тебя не станут слушать,
Пока ты не понадобишься им.
Их надо предоставить жизни.

Меркурий

Так мудр и благ!

2

ДОЛИНА У ПОДОШВЫ ОЛИМПА

П р о м е т е й

Взгляни сюда, Юпитер,
На мир мой: он живет!
По своему я образу их создал,
Род, равный мне,
Чтобы страдать и плакать,
И ликовать, и наслаждаться,
И на тебя не обращать вниманья,
Как я!

По всей долине рассеяно племя людей. Они взобрались на деревья и собирают плоды, купаются в реке, гоняются взапуски по лугу; девушки рвут цветы и плетут себе венки.

К П р о м е т е ю подходит ч е л о в е к с срубленными молодыми деревьями.

Ч е л о в е к

Вот дерева,
Каких хотел ты.

П р о м е т е й

Как с почвы снял ты их?

Ч е л о в е к

Вот этим острым камнем я
Их оторвал под самый корень.

П р о м е т е й

Сначала сучья прочь!
Теперь вот это вбей
Здесь в землю прямо,
А это здесь — насупротив того,
И сверху их свяжи.
Потом таких же два вбей сзади
И сверху положи одно.
Теперь спусти все сучья сверху
Вплоть до земли,
Свяжи их и сплети,
Вокруг положишь дерну

И сверху более ветвей,
Так, чтоб ни солнце,
Ни дождь, ни ветер не могли проникнуть.
Вот, милый сын, тебе защита
И хижина.

Человек

Спасибо, дорогой отец,
Тысячекратное спасибо.
Скажи мне, могут и все братья
Жить в хижине моей?

Прометей

Нет, — ты ее себе построил,
Она твоя.
Ты можешь разделить ее
С кем хочешь.
Кто хочет жить, построй себе и хату.

(Уходит.)

Два человека.

Первый

Ты ни одной не можешь взять
Из коз моих! Они мои!

Второй

Откуда?

Первый

Вчера я день и ночь
Карабкался в горах,
Старался с горьким потом
Их изловить живых
И эту ночь их сторожил
И запер
Каменьями и сучьями их тут.

Второй

Ну, дай одну мне!
Вчера я тоже положил одну
И приготовил на огне

И с братьями моими съел.
Тебе одной довольно на сегодня:
Мы завтра вновь наловим.

Первый

Отстань ты
От коз моих!

Второй

Однако...

Первый хочет его отогнать.
Другой дает ему толчок, так что тот падает, берет одну козу и уходит.

Первый

Насилье! Ой!

Прометей
(подходит)

Что сделалось?

Человек

Он отнял козу у меня!
Из головы моей струится кровь:
Он повалил меня
На этот камень.

Прометей

Сорви вон с дерева ту губку
И положи ее на рану!

Человек

Ах, дорогой отец!
Она нейдет уж.

Прометей

Ступай и вымой
Себе лицо.

Человек

А как же будет
С моей козой?

Прометей

Оставь его!
Коль против каждого он будет
Своей рукой, то каждая рука
Против него направится за это.

Человек уходит.

Еще не выродились вы,
Мои созданья!
Вы и прилежны, и ленивы,
Жестоки, кротки, щедры, скупы,
Равны своим вы братьям по судьбе,
Равняетесь с зверями и богами.

Входит Пандора.

Прометей

Что, дочь моя, с тобой?
Как ты тревожна?

Пандора

Отец мой!
О, что я видела, отец,
Что чувствовала я!

Прометей

Что? что?

Пандора

О, Мира бедная моя!

Прометей

Что с ней?

Пандора

О, чувство без названья!
Я видела, как шла она
К опушке леса, где мы часто
Цвѐты сбирали с нею на венки,
Я шла за нею.
И как сошла с холма,
Я увидала, ах!

Ее на мураве простертой.
Но, к счастью, близко был
В лесу Арбар.
Ее в руках он крепко удержал,
И не дал ей упасть,
И, ах! упал с ней сам.
Ее прекрасная головка
Поникла, он же
Без счету целовал ее
И весь прильнул к ее губам,
Чтобы в нее свой дух вдохнуть.
Мне стало страшно,
Я подбежала к ним и закричала;
Мой крик привел ее в себя.
Арбар ее оставил;
Она вскочила
И, ах! с полупотухшими глазами
Упала мне на грудь.
Грудь у нее так билась,
Как будто разрывалась.
Пылали щеки,
И сохли губы,
И слезы как ручей катились.
Я чувствовала снова,
Дрожат у ней колени,
И всё ее поддерживала, милый
Отец! и жар ее
И поцелуи
Такое новое, неведомое чувство
Мне влили в жилы,
Что я, встревожена и смущена,
Оставила, рыдая,
Ее, и лес, и поле.
К тебе, отец! Скажи,
Что это всё, что потрясло
Ее, меня?

Прометей

То — смерть!

Пандора

А это что такое?

Прометей

О дочь моя, ты много
Узнала радостей.

Пандора

О, тысячи! За все тебе спасибо.

Прометей

Пандора, грудь твоя
При всходе солнца трепетала,
При всплыве месяца, и в поцелуях
Твоих подруг
Чистейшим ты блаженством наслаждалась.

Пандора

Невыразимо!

Прометей

Что в пляске поднимало так легко
Твой стан с земли?

Пандора

Что? радость!
Мой каждый член, игрой и пеньем тронут,
Дрожал и шевелился,
И вся я таяла в тех звуках!

Прометей

И под конец всё разрешалось сном:
И радость и страданье.
Ты чувствовала пламень солнца,
Томленье жажды,
Усталость ног твоих,
Ты плакала и о твоей
Потерянной овечке
И как стонала, как дрожала,
Когда в лесу подошвой наступила
На острый терн,
Пока тебя не исцелил я!

Пандора

Отец, у жизни разные веселья
И горести.

Прометей

Ты сердцем чуешь,
Что радостей еще есть много
И много есть страданий,
Не знаемых тобой.

Пандора

Да! сердце часто рвется у меня
И никуда как будто,
И всюду!

Прометей

То миг, который исполняет всё,
Всё, что стремило нас тоской,
Что снилось нам, что ожидалось нами,
Чего страшились,
Пандора, — это смерть!

Пандора

Смерть?

Прометей

Когда из сокровенной глубины
Ты чувствуешь себя
Во всем существованьи потрясенной,
Всё, что когда-либо в тебя вливало
И радость и страданье,
И сердце, полно бурей,
Слезами облегчиться хочет,
И пыл свой умножает,
И всё в тебе звучит и всё трепещет,
И чувства тьмятся,
И кажется тебе, исходишь ты
И никнешь,
И всё вокруг тебя в ночи
Крушится,

И ты, всё в более незнанном чувстве,
Объемлешь целый мир:
Тогда-то умирает человек.

Пандора
(обнимая его)

Умрем, отец мой!

Прометей

Еще не время.

Пандора

А после смерти?

Прометей

Когда же всё — желанье, радость, скорбь —
В мятежном наслажденьи разрешатся,
Потом на отдых опочиет в неге,
Тогда ты оживешь еще юнее,
Чтобы опять страшиться,
Надеяться, желать!

Действие третье

Прометей
(в своей мастерской)

Закрой, о Зевс,
Ты небеса свои
Парами туч,
И тешься как мальчишка,
Что обивает у волчца головки.

Круши дуба и выси гор!
Мою ты землю
Не пошатнешь
И хижину мою,
Не ты ее построил,
И мой очаг, которого огонь
Тебе завиден.

Я ничего не знаю
Под солнцем жалче вас, о боги!
Питаете вы скудно
Дарами жертв
Да воздухом молитв
Свое величье
И были б нищи,
Не будь на свете
Доверчивых глупцов, детей и нищих.

Когда я был ребенком
И ничего не знал толково,
Заблудшие глаза я к солнцу обращал,
Как будто у него есть уши
Внимать моим словам
И сердце, как мое,
Над утесненным пожалеть.

Кто мне помог
С Титанами бороться?
Кто спас меня от смерти,
От рабства?
Не всё ль само ты совершило,
Святое пламенное сердце?
Не пламенело ль молодо и благо,
Обмануто признательностью, ты
Тому, что в небе спит?

Мне чтить тебя? За что?
Бывало ль, чтобы скорбь ты утолил
Обремененного?
Когда ты слезы осушал
У угнетенного?
Иль мужа из меня сложили
Не время всемогущее,
Не вечная судьба,
Мои владыки и твои!
Иль думал ты,
Что я возненавижу жизнь,
Бегу в пустыни, потому
Что сны цветущие не все
Созрели в яви?

Я здесь сижу, творю людей
По образу и лику моему,
Мне равное по духу племя,
Страдать и плакать,
И ликовать, и наслаждаться,
И на тебя не обращать вниманья,
Как я.

Между 1862 и 1865 (?)

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

192. БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Над бездной возникших из мрака миров
Несется челнок мой на крыльях ветрóв.
Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Где жизни дыхание спит,
Где грань мирозданья стоит.

Я видел: звезда за звездою встает —
Свершать вековечный, размеренный ход.
Вот к цели, играя,
Несутся... Блуждая,
Окрест обращается взор
И видит — беззвездный простор!

И вихря и света быстрей мой полет.
Отважнее! в область хаоса! вперед!
Но тучей туманной,
По тверди пространной,
Ладье дерзновенной вослед
Клубятся системы планет.

И вижу — пловец мне навстречу спешит.
«О странник! куда и зачем ты?» — кричит.
«Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Где жизни дыхание спит,
Где грань мирозданья стоит!»

«Вотще! Беспредельны пути пред тобой!»
— «Межи не оставил и я за собой! . .»
Напрасны усилья!
Орлиные крылья,
Пытливая мысль, опускай
И якорь, смиряясь, бросай!

⟨*1855*⟩

193. МИГ

Шумен, радостен и тесен,
Вновь сомкнулся наш кружок.
Заплетемте ж свежих песен
Зеленеющий венок!

Но кого между богами
Песня первая почтит?
Он воспет да будет нами —
Он, что радость нам дарит!

Хоть Церера с нивы нашей
Хлеб несет нам на алтарь
И вливает Бахус в чаши
Гроздий пурпур и янтарь, —

Но коль с неба огнь священный
Алтаря не опалит,
Не зажжется дух наш пленный,
В сердце радость не вскипит!

Свыше к нам нисходит счастье
От божественных владык;

Но из них всех выше властью
Из владык владыка — Миг!

С той поры, как произволу
Смутных сил назначен строй,
Всё божественное долу —
Свет лишь мысли огневой.

Тихо в мерном Ор движеньи
Дело жизни совершай;
Миг же краткий вдохновенья
Быстро сердцем уловляй!

Феб с безоблачной лазури
Стелет вмиг покров цветной,
Вмиг по небу после бури
Строит мост Ирида свой.

Так и каждый дар прекрасный,
Словно молнии струя,
Промелькнет — и гаснет, ясный,
В черной тьме небытия!

⟨1858⟩

194. ПРОЩАНИЕ ГЕКТОРА

Андромаха

О Гектор, супруг мой, ужели меня ты покинешь?
Пойдешь ли туда, где Ахилл беспощадной рукою
Приносит кровавые жертвы Патроклу? Кто будет
Малютку учить твоего покоряться бессмертным
И дротик метать? О мой Гектор, что станется с нами,
Когда ты потонешь в пучине туманного Орка?

Гектор

Не плачь, дорогая супруга! отри свои слезы!
В груди моей мщенье кипит врагам за отчизну...
Рука моя будет защитой родного Пергама;

И если паду я — паду за пенатов отцовских;
И к Стиксу сойду как защитник твердынь илионских!

Андромаха

Увы! не внимать мне бряцанью доспехов супруга!
Твой меч сиротеющий ржавчина съест, и с тобою
Погибнет навеки могучее племя Приама!
Сойдешь ты туда, где и дня не бывало от века,
Где волны Коцита рыдают и стонут в пустыне...
О Гектор, супруг мой, любовь твоя в Лете потонет!

Гектор

Потонут в ней все мои страсти, порывы и думы —
Любовь не погибнет в холодной пучине забвенья.
Но слышишь?.. уж варвар примчался к стенам
Илиона!
Мечом опояшь меня!.. Плач свой оставь ты и веруй:
Любовь моя вечная в Лете погибнуть не может!

⟨1847⟩, ⟨1861⟩

195. НАДОВЕССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

Посмотрите! вот — посажен
На плетеный одр —
Как живой сидит он, важен,
Величав и бодр.

Но уж тело недвижимо,
Бездыханна грудь...
В трубке жертвенного дыма
Ей уж не раздуть.

Очи, где ваш взор орлиный?
Не вглядитесь вы
По долине в след звериный
На росе травы.

Ты не встанешь, легконогий!
Не направишь бег,
Как олень ветвисторогий,
Через горный снег.

Не согнешь, как прежде, смело
Свой упругий лук...
Посмотрите! отлетела
Жизнь из сильных рук.

Мир душе его свободной!
Там, где нет снегов,
Там, где ма́ис самородный
Зреет средь лугов...

Где в кустах щебечут птицы,
Полон дичи бор,
Где гуляют вереницы
Рыб по дну озер.

Уходя на пир с духа́ми,
Нас оставил он,
Чтобы здесь, воспетый нами,
Был похоронен.

Труп над вырытой могилой
Плачем огласим!
Всё, что было другу мило,
Мы положим с ним:

В головах — облитый свежей
Кровью томаго́к;
Сбоку — окорок медвежий;
Путь его далек!

С ним и нож! Над вражьим трупом
Он не раз сверкал,
Как, бывало, кожу с чубом
С черепа сдирал.

Алой краски в руки вложим,
Чтоб, натершись ей,
Он явился краснокожим
И в страну теней.

⟨1855⟩

196. ИСТУКАН ИЗИДЫ

1

Жрецами Са́иса, в Египте, взят в ученье
Был пылкий юноша, алкавший просвещенья.
Могучей мыслию он быстро обнял круг
Хранимых мудростью таинственных наук;
Но смелый дух его рвался к познаньям новым.
Наставник-жрец вотще старался кротким словом
В душе ученика смирять мятежный пыл.
«Скажи мне, *что* мое, — пришелец говорил, —
Когда не *всё* мое? Где знанью грань положим?
Иль самой Истиной, как наслажденьем, можем
Лишь в разных степенях и порознь обладать?
Ее ль, единую, дробить и разделять?
Один лишь звук убавь в гармонии чудесной!
Один лишь цвет возьми из радуги небесной!
Что значит звук один и что единый цвет?
Но нет гармонии, и радуги уж нет!»

2

Однажды, говоря о таинствах вселенной,
Наставник с юношей к ротонде отдаленной
Пришли, где полотном закрытый истукан
До свода высился, как грозный великан.
Дивяся, юноша подходит к изваянью.
«Чей образ кроется под этой плотной тканью?» —
Спросил он. «Истины под ней таится лик», —
Ответил спутник. «Как! — воскликнул ученик. —
Лишь Истины ищу, по ней одной тоскую,
А от меня ее сокрыли вы, святую!»

«То воля божества! — промолвил жрец в ответ. —
Завесы не коснись (таков его завет),
Пока с себя само ее не совлеку я!
Кто ж, сокровенное преступно испытуя,
Поднимет мой покров, тому присуждено. . .»
— «Что?» — «Истину узреть». — «Значенье слов темно́;
В них смысл таинственный. Запретного покрова
Не поднимал ты?» — «Нет! и искушенья злого

Не ведал ум». — «Дивлюсь! О, если б точно я
Был им лишь отделен от цели бытия —
От Истины! . .» — «Мой сын! — прервал его сурово
Наставник. — Преступить божественное слово
Нетрудно. Долго ли завесу приподнять?
Но каково душе себя преступной знать?»

3

Из храма юноша, печальный и угрюмый,
Пришел домой. Душа одной тревожной думой
Была полна, и сон от глаз его бежал.
В жару метался он на ложе и стенал.
Уж было за полночь, как шаткими стопами
Пошел ко храму он. Цепляяся руками
За камни, на окно вскарабкался; с окна
Спустился в темный храм, и вот — пред ним она,
Ротонда дивная, где цель его исканья.

Повсюду мертвое, могильное молчанье;
Порой лишь смутный гул из склепов отвечал
На робкие шаги. Повсюду мрак лежал,
И только бледное сребристое мерцанье
Лила из купола луна на изваянье,
В покров одетое. . . И, словно бог живой,
Казалось, истукан качает головой,
Казалось, движутся края одежды белой.

И к богу юношу приблизил шаг несмелый,
И косная рука уж поднята была;
Но кровь пылала в нем, и капал пот с чела,
И вспять его влекла незримая десница.
«Безумец! что творишь? куда твой дух стремится?
Тебе ли, бренному, бессмертное пытать? —
Взывал глас совести. — Ты хочешь приподнять
Завесу, а забыл завещанное слово:
До срока не коснись запретного покрова!»
Но для чего ж завет божественный гласит:
Кто приподнимет ткань, тот Истину узрит?
«О, что́ бы ни было, я вскрою покрывало!
Увижу!» — вскрикнул он. «Увижу!» — прокричало
И эхо громкое из сумрачных углов. . .
И дерзкою рукой он приподнял покров.

4

Что ж увидал он там? . . У ног Изиды, в храме,
Поу́тру, недвижим, он поднят был жрецами.
И что он увидал? и что постигнул он?
Вопросы слышались ему со всех сторон.
Угрюмый юноша на них ответа не дал. . .
Но в жизни счастья он и радости не ведал.
В могилу раннюю тоска его свела,
И к людям речь его прощальная была:
«Кто к Истине идет стезею преступленья,
Тому и в Истине не ведать наслажденья!»

1853, ⟨1858⟩

197. КОЛУМБ

Далее, смелый пловец! И пусть невежды смеются,
Пусть, утомившися, руль выпустит кормчий из рук —
Далее, далее к западу! Должен там берег явиться:
Ясно видится он мысли твоей вдалеке.
Веруй вожатаю-разуму! бодро плыви океаном!
Если земли там и нет — выйдет она из пучин.
В тесном союзе и были и будут природа и гений:
Что обещает нам он — верно исполнит она!

⟨1854⟩, ⟨1861⟩

198. ОДИССЕЙ

Все моря переплыл Одиссей, возвращаясь в отчизну;
Слышал и Сциллы он лай, зрел и Харибды грозу;
Моря враждебного злобу и горе на суше изведал,
Даже и в темный аид, долго блуждая, попал.
Сонного волны его принесли ко прибрежью Итаки:
Скорбный, от сна пробудясь, родины он не узнал.

⟨1846⟩, ⟨1861⟩

199. СЕЯТЕЛЬ

Полон надежды, земле ты вверяешь зерно золотое —
И ожидаешь весной радостно всхода его.
Что же боишься на поле времен свои сеять деянья?
Мудрости смелой посев тихо цветет для веков.

⟨1857⟩

200. СОГЛАСИЕ

Истины оба мы ищем: ее ты ищешь в природе,
В сердце ищу я, и — верь! оба ее обретем.
Здравое око увидит творца в чудесах мирозданья;
Здравое сердце в себе мир и творца отразит.

⟨1857⟩, ⟨1858⟩

201. АРХИМЕД И УЧЕНИК

Юноша, жаждущий знаний, однажды пришел к Архимеду.
«О! посвяти меня в тайну науки божественной! — молвил. —
Той, что отчизне столь дивные службы служила
И охранила от вражьей самбуки родные твердыни!»
— «Ты называешь науку божественной! — мудрый ответил. —
Да, не служа государству, была таковою наука.
Хочешь плодов от нее? Но плодов и от смертной добудешь;
Хочешь богиню святую в ней видеть — жены не ищи в ней».

⟨1861⟩

202. ОЖИДАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ

С тысячью гордых судов пускается юноша в море;
Чуть уцелевший челнок к пристани правит старик.

⟨1848⟩, ⟨1861⟩

203. ДРУГ И ВРАГ

Дорог мне друг, но полезен и враг: наблюдения друга
Силу оценят мою; враг мне укажет мой долг.

⟨1848⟩, ⟨1861⟩

204. РЕБЕНОК В КОЛЫБЕЛИ

Счастлив младенец! ему в колыбели простор бесконечный;
Тесен будет потом мир бесконечный ему.

⟨1848⟩, ⟨1861⟩

205. TRIEBFEDERN[1]

Страх пусть прутом железным своим раба побуждает.
Розовой вязью своей ты меня, радость, веди.

⟨1858⟩

206. ЛЖЕУЧЕНЫЕ

Сколько у истины новых врагов!.. Душа замирает.
К свету теснится — увы! — стая незрячая сов.

⟨1857⟩

207. УЧЕНЫЙ РАБОТНИК

Ты дерево взрастил, но не вкусил плода:
Изящный вкус сорвет плод знанья и труда.

⟨1848⟩, ⟨1858⟩

---

[1] Движущие силы, побудительные причины (нем.). — *Ред.*

208. ОБЩАЯ УЧАСТЬ

Ненависть, распри меж нами; и мненья и чувства нас делят.
Время идет, серебря кудри и мне и тебе.

⟨1848⟩, ⟨1861⟩

209. К МУЗЕ

Что́ бы я был без тебя — не знаю; но страшно, как взглянешь,
Что́ без тебя этот рой сотен и тысяч людей.

⟨1848⟩, ⟨1861⟩

210. КЛЮЧ

Хочешь себя изучить — посмотри на людей и дела их;
Хочешь людей изучить — в сердце к себе загляни!

⟨1847⟩, ⟨1861⟩

211. НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ

Ты непонятно мне, племя! Иль было и прежде, как ныне?
Молоды старцы теперь, юноши стары у нас!

⟨1847⟩, ⟨1861⟩

212. ВЕЛИКИЙ МИГ

Век породил нам эпоху великую. Боже! как горько
В этот великий момент видеть ничтожных людей!

⟨1858⟩

213. ДОЛГ КАЖДОГО

К целому вечно стремись, и если не можешь стать целым
Сам, — подчиненным звеном к целому скромно примкни.

⟨1857⟩, между 1862 и 1865 (?)

214. МИЛОСТЬ МУЗ

Вместе с невеждой умрет его слава; небесная муза
В сень Мнемозины вселит верных любимцев своих.

⟨1848⟩, ⟨1861⟩

ЛЮДВИГ УЛАНД

215. ГОРНЫЙ ПАСТУХ

Я на горах пасу стада;
Внизу чуть видны города.
Здесь раньше солнышко встает
И позже вечер настает.
Я сын свободных гор!

Здесь чистый ключ скалу пробил;
Меня он первого поил.
Рекой он мчится там, в лугах;
А я вмещал его в руках.
Я сын свободных гор!

Мне горы — родина и дом.
Гроза ль кругом, гремит ли гром,
Шипит ли молния змеей,
Не заглушить им голос мой.
Я сын свободных гор!

В грозу под солнцем я стою;
Она ревет, а я пою.
А разозлится — крикну ей:
«Не тронь ты горных шалашей!»
Я сын свободных гор!

Когда ж ударят вдруг в набат
И вспыхнет где одна из хат,
Я вмиг туда! Топор в руках,
И та же песня всё в устах:
Я сын свободных гор!

Между 1862 и 1865 (?)

216. БЛАЖЕННАЯ СМЕРТЬ

Я умер от неги
Любви и счастья;
Мне были могилой
Объятья милой;
Меня воскресили
Ее лобзанья;
Я небо увидел
В очах прекрасных.

⟨1847⟩, ⟨1861⟩

217. ПАСТУШЬЯ ПЕСНЯ

Зима, зима лихая!
Как мал и тесен свет!
Ни в хатах, ни в долинах —
Нигде простору нет!

Иду ли мимо дома,
Где милая живет, —
Ее не видно: окна
Покрыл узорный лед.

Прижму ли к сердцу руки
И перейду порог —

Она сидит, не взглянет:
Отец суров и строг.

О лето золотое!
Широк с тобою свет!
На верх ли гор взберешься —
Ограды взору нет.

Когда с зеленой выси
Мне милая видна,
Зову — и зов мой слышит
Вдали она одна.

Когда сидим, целуясь,
Мы на горах вдвоем,
Мы никому не видны —
И видим всё кругом!

⟨1859⟩

218. ВЕСЕННИЙ ПОКОЙ

Ах! не кладите в могилу меня
В ясное утро весеннего дня!
Если меня схоронить захотите,
Лучше в густую траву положите!

Любо в траве и в цветах мне лежать:
Издали будет свирель мне звучать,
А в вышине будут плыть надо мною
Майские тучки прозрачной грядою!

⟨1861⟩

219. ПРОЩАНЬЕ

Так прощай, моя радость, прощай!
Дождались мы с тобой расставанья.
Поцелуй же меня, приласкай!
Уж другого не будет свиданья.

На прощанье нарви мне цветов!
Все на яблоне ветки белеют.
Не увижу на ней я плодов:
Без меня они летом созреют.

⟨1861⟩

220. ДОБРЫЙ ТОВАРИЩ

Был у меня товарищ,
Товарищ дорогой.
Бил барабан тревогу;
Он шел со мною в ногу,
Шаг в шаг, рука с рукой.

Тут вдруг шальная пуля.
Не мне ли? Нету; с ног
Его рядком свалило,
Как словно отхватило
От тела мне кусок.

Он протянул мне руку;
А мне — вбивать заряд.
«Ну, не взыщи, сердечный!
Дай мира в жизни вечной
Тебе господь, камрад!»

Между 1862 и 1865 (?)

АВГУСТ КОПИШ

221. СЕРЕНАДА БЛИЗ ВЕЗУВИЯ

О беспокойная! ты шлешь меня к покою...
Устал я; но мне нет ни отдыха, ни сна.
Куда в грозу пловец приляжет головою?
О боже, боже мой! как эта ночь длинна!

Я камень пламенный; жерлом горы суровой
Высоко взброшенный с клокочущего дна...
Он падает назад; но вдруг извержен снова.
О боже, боже мой! как эта ночь длинна!

Я муравейный рой, прохожим разоренный...
Всё, всё во мне, вся жизнь — разбита, смущена...
Средь неба ход светил — мне хаос беззаконный.
О боже, боже мой! как эта ночь длинна!

Я бедный перепел над бурным океаном...
Он бьется, он кричит... Кругом — лишь тьма одна;
Под ним — могилы глубь, одетая туманом.
О боже, боже мой! как эта ночь длинна!

⟨1861⟩

222. ИСТОРИЯ О НОЕ

Как вылез Ной из сундука,
Явился бог ему, слегка
Понюхал жертву и сказал:
«Тебя всегда я отличал
За смирный нрав твой. Честь тебе!
Проси же милости себе!»

«Вот, — Ной сказал, — моя беда...
Противна стала мне вода
С тех самых пор, как в ней гниют
И грешный скот и грешный люд, —
И мне хотелось бы, господь,
Иным питьем потешить плоть!»

Пошел господь в свой рай — и вот
Пук виноградных лоз несет...
И говорит: «Возьми, старик!
Смотри, за ним уход велик.
Вот так и так». Всё рассказал
И скрылся. Ной наш ликовал.

Он сóзвал всех — детей, жену...
Все сбились в кучку тут одну.

К работе! Садят по холмам —
И рассадили всё, а там
И погреб строят, жмут вино —
И в бочки розлито оно.

Ной был муж кроткий и святой...
Сначала — к бочке, там — к другой...
И в честь господню пил да пил —
И вечно здрав и весел был.
Так по потопе, говорят,
Он жил лет триста пятьдесят.

Отсюда истина видна,
Что нет греха в питье вина.
Коль христианин ты прямой,
Вина не смешивай с водой:
Еще с потопа в ней гниют
И грешный скот и грешный люд.

⟨1861⟩

ФРИДРИХ РЮККЕРТ

223. ПОХОРОНЫ

Как ее любили!
Как похоронили!

Ветерок над гробом
Проносился стоном;
Майский колокольчик
Вторил грустным звоном.

С яркими свечами
Светляки летели,
И на них ревниво
Звездочки глядели.

В черном одеяньи
Ночь, поникши взором,
Тихо шла с тенями
Молчаливым хором.

Много слез уронит
Утро молодое;
Освятит могилу
Солнце золотое.

Как ее любили!
Как похоронили!

⟨1859⟩

224. У ДВЕРЕЙ

У двери Богатства я долго стучал —
К ногам моим грош из окошка упал.

У дома Любви не пробился к дверям:
Так много народу толпилося там.

Стучался я в замок, где Слава живет —
Сказали: «Ты пеш, не отворим ворот!»

Мне слышались стоны под кровлей Труда,
И страшно войти показалось туда.

Побрел я по свету дом Счастья искать;
Никто мне дороги не мог указать.

Один остается мне домик теперь —
Туда постучаться попробую в дверь...

И верно, хоть много в Могиле гостей,
Найдется местечко мне, бедному, в ней!

⟨1847⟩, ⟨1858⟩

ИОЗЕФ ЭЙХЕНДОРФ

225. ТОСКА ПО РОДИНЕ

На наших дубах и березах
Старинные чары лежат,
И часто, в полуночных грезах,
Вдруг петь начинает весь сад.

Порою родное то пенье
Я слышу всю ночь до утра,
И сердце в тоске и томленьи
Зовет тебя, друг и сестра!

Другие мне чужды душою,
И страшно мне в чуждом краю.
Идти бы нам вместе с тобою...
Дай верную руку свою!

Идти — и не ведать разлуки,
И вместе, окончивши путь,
Под эти волшебные звуки
На отчей могиле заснуть!

⟨1859⟩

АДАЛЬБЕРТ ШАМИССО

226. НА МЕЛЬНИЦЕ

Ребенком принял мельник
Меня к себе в семью;
Здесь вырос я, здесь прожил
И молодость свою.
Как ласкова со мною
Дочь мельника была!

Как ясны были очи,
И как душа светла!

Порой, как с братом, сядет
Со мною вечерком,
И нет конца беседе —
Толкуем обо всем.
И радости и горе —
Всё поверял я ей;
Ни слова не промолвил
Лишь о любви своей.

Люби сама — без слова
Узнала бы она:
Чтоб высказаться сердцу,
Людская речь бедна.
Я сердцу молвил: «Сердце!
Терпи, молчи любя!
О счастье полно думать!
Оно не для тебя».

Бывало, чуть приметит
В лице печали след:
«Ах, что с тобой? Грустишь ты!
В щеках кровинки нет!
Да полно же крушиться!
Да будь же весел вновь!»
И из любви гасил я
В душе своей любовь.

Однажды — шел я к роще —
Меня вдруг догнала,
Так весело взглянула
И за руку взяла.
«Порадуйся со мною:
Теперь невеста я!
А без тебя и радость
Нерадостна моя!»

Я целовал ей руки,
Лицо стараясь скрыть;
Катились градом слезы,

Не мог я говорить.
Казалось, все надежды,
Всё, чем душа жила,
Передо мной могила
Навеки погребла.

В тот вечер обручали
Невесту с женихом;
Сидел почетным гостем
Я с ними за столом.
Вокруг вино и песни,
Веселый говор, смех;
Пришлось и мне смеяться:
Не плакать же при всех!

Наутро после пира
Ходил я сам не свой:
Мне было тошно, больно
Средь радости чужой.
О чем же я крушился?
Чего хотел от них?
Ведь все меня любили —
Она, ее жених.

Они меня ласкали,
А я болел душой.
Мне тяжко было видеть
Их ласки меж собой.
Задумал я — далеко,
Навек от них уйти:
Всё уложил в котомку
И всё припас к пути.

Прошу их: «Отпустите
На белый свет взглянуть!»
Сам думаю: «Кручину
Размычу где-нибудь».
Она так кротко смотрит.
«Куда ты? Бог с тобой!
Тебя мы все так любим!
Ведь ты нам свой, родной!»

Катились градом слезы, —
И не скрывал я их:
Все плачут, покидая
Знакомых и родных.
Они со мной простились
И провожать пошли...
И замертво больного
С дороги принесли.

На мельнице все ходят
За мной как за родным;
Она приходит с милым
Сидеть со мной, больным.
В июле будет свадьба.
Они меня зовут,
Чтоб ехал жить я с ними,
Что я стоскуюсь тут.

Шумят в воде колеса —
И всё б их слушал я!..
Всё думаю: нашла бы
Здесь мир душа моя!
Тут всё бы мое горе,
Все скорби утопил!
Они же ведь желают,
Чтоб я доволен был!

⟨1861⟩

ФЕРДИНАНД ФРЕЙЛИГРАТ

227. У ГРОБОВЩИКА

«Горькое дело! страшное дело!
Ляжет в досках этих мертвое тело!»

«Вот еще выдумал горе какое!
Нам чтó за дело? Не наше — чужое!»

«Полно бранить! разве я виноват?
Первый ведь гроб я работаю, брат».

«Первый, последний ли — чтó за забота?
Пой: веселее под песни работа.

Доски распилишь — отмерь же, смотри!
Выстругай глаже и стружки сбери!

Доску к доске пригони поплотнее:
Тесно лежать, так чтоб было теплее.

Выкрасить, — дно и бока уложить
Стружками надо, а сверху обить.

Стружки приличней, чем пух или перья;
Это старинное наше поверье.

Гроб ты снесешь; а как мертвый уж в нем,
Крышку захлопнул — и дело с концом!»

«Всё это знаю я! Доски исправно
Я распилил и их выстругал славно...

Только всё дрожь не проходит в руках,
Только всё слезы стоят на глазах.

Струг ли, пилу ли рука моя водит,
Сердце всё мрет, словно кровью исходит.

Горькое дело! страшное дело!
Ляжет в досках этих мертвое тело».

⟨*1860*⟩

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

228. ПРОЛОГ

Снова я в сказочном старом лесу:
Липы осыпаны цветом;

Месяц, чаруя мне душу, глядит
С неба таинственным светом.

Лесом иду я. Из чащи ветвей
Слышатся чудные звуки:
Это поет соловей про любовь
И про любовные муки.

Муки любовной та песня полна:
Слышны и смех в ней и слезы,
Темная радость и светлая грусть...
Встали забытые грезы.

Дальше иду я. Поляна в лесу;
Замок стоит на поляне.
Старые круглые башни его
Спят в серебристом тумане.

Заперты окна; унынье и мрак,
И гробовое молчанье...
Словно безмолвная смерть обошла
Это заглохшее зданье.

Сфинкс, и роскошен и страшен, лежал
В месте, где вымерли люди;
Львиные лапы, спина; а лицо
Женское, женские груди.

Дивная женщина! В белых очах
Дико светилось желанье;
Страстной улыбкой немые уста
Страстное звали лобзанье.

Сладостно пел и рыдал соловей...
И, вожделеньем волнуем,
Весь задрожал я — и к белым устам
Жарким прильнул поцелуем.

Камень холодный вдруг начал дышать...
Груди со стоном вздымались;

Жадно огнем поцелуев моих
Губы, дрожа, упивались.

Душу мне выпить хотела она,
В неге и млея и тая...
Вот замерла — и меня обняла,
Когти мне в тело вонзая.

Сладкая мука! блаженная боль!
Нега и скорбь без предела!
Райским блаженством поит поцелуй;
Когти терзают мне тело.

«Эту загадку, о Сфинкс! о Любовь! —
Пел соловей, — разреши ты...
Как в тебе счастье и смертная скорбь,
Горе и радости слиты?

Сфинкс! над разгадкою тайны твоей
Мучусь я многие лета.
Или загадкою будет она
И до скончания света?»

⟨1857⟩

ГРЕЗЫ

229

Мне снились страстные восторги и страданья,
И мирт и резеда в кудрях прекрасной девы,
И речи горькие, и сладкие лобзанья,
И песен сумрачных унылые напевы.

Давно поблекнули и разлетелись грезы;
Исчезло даже ты, любимое виденье!
Осталась песня мне: той песне на храненье
Вверял я некогда и радости и слезы.

Осиротелая! умчись и ты скорее!
Лети, о песнь моя, вослед моих видений!
Найди мой лучший сон, по свету птицей рея,
И мой воздушный вздох отдай воздушной тени!

⟨1856⟩

230

Снилась мне девушка: кудри как шелк,
Кроткие, ясные очи...
С нею под липой просиживал я
Синие летние ночи.

Слово любви прерывала порой
Сладкая речь поцелуя...
Звезды вздыхали средь темных небес,
Словно ревниво тоскуя.

Я пробудился... Со мной никого...
Страшно мне в сумраке ночи;
Холодно, немо глядят на меня
Тусклые звездные очи.

⟨1858⟩

231

Ночь могилы тяготела
На устах и на челе,
Замер мозг, застыло сердце...
Я лежал в сырой земле.

Много ль, мало ли, не знаю,
Длился сон мой гробовой;
Пробудился я — и слышу
Стук и голос над собой...

«Встань, мой Генрих, из могилы!
Светит миру вечный день —
И над мертвыми разверзлась
Гроба сумрачная сень».

«Милый друг мой, как я встану?
Всё темны мои глаза:
Много плакал я — и выжгла
Их горючая слеза».

«Генрих, встань! я поцелуем
Слепоту сниму с очей —
Узришь ангелов ты в небе
В ризе света и лучей».

«Милый друг мой, как я встану?
Сердце всё еще в крови:
Глубоко его язвила
Ты словами без любви».

«Я к больному сердцу, Генрих,
Нежно руку приложу —
Язвы старые закрою,
Токи крови удержу».

«Милый друг мой, как я встану?
Кровь и кровь на лбу моем:
Я не мог снести разлуки —
И пробил его свинцом!»

«Я косой своею, Генрих,
Обвяжу тебе чело —
Кровь уймется, боль уймется;
Снова взглянешь ты светло».

Так был сладок, так был нежен
Тихий звук молящих слов,
Что я встать хотел из гроба —
И идти на милый зов.

Но опять раскрылись раны,
Кровь, обильна и черна,
Снова хлынула ручьями,
И — очнулся я от сна.

Начало 1850-х годов, ⟨1856⟩

232

Зловещий грезился мне сон...
И люб и страшен был мне он;
И долго образами сна
Душа, смутясь, была полна.

В цветущем — снилось мне — саду
Аллеей пышной я иду.
Головки нежные клоня,
Цветы приветствуют меня.

Веселых пташек голоса
Поют любовь, а небеса
Горят и льют румяный свет
На каждый лист, на каждый цвет.

Из трав курится аромат,
Теплом и негой дышит сад...
И всё сияет, всё цветет,
Всё светлой радостью живет.

В цветах и в зелени кругом,
В саду был светлый водоем.
Склонялась девушка над ним
И что-то мыла. Неземным

В ней было всё: и стан, и взгляд,
И рост, и поступь, и наряд.
Мне показалася она
И незнакома и родна.

Она и моет и поет —
И песнью зá сердце берет:

«Ты плещи, волна, плещи!
Холст мой белый полощи!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здесь зачем, и моешь что́?»

Она в ответ мне: «Будь готов!
Я мою в гроб тебе покров».
И только молвила — как дым
Исчезло всё. Я недвижим

Стою в лесу. Дремучий лес
Касался, кажется, небес
Верхами темными дубов;
Он был и мрачен и суров.

Смущался слух, томился взор. . .
Но — чу! — вдали стучит топор.
Бегу заросшею тропой —
И вот поляна предо мной.

Могучий дуб на ней стоит —
И та же девушка под ним;
В руках топор. . . И дуб трещит,
Прощаясь с корнем вековым.

Она и рубит и поет —
И песнью за́ сердце берет:
«Ты руби, мой топорок!
Наруби ты мне досок!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто
И рубишь дерево на что́?»

Она в ответ мне: «Близок срок!
Тебе на гроб рублю досок».
И только молвила — как дым
Исчезло всё. Тоской томим,

Гляжу — чернеет степь кругом,
Как опаленная огнем,
Мертва, бесплодна... Я не знал,
Что ждет меня, но весь дрожал.

Иду... Как облачный туман,
Мелькнул вдали мне чей-то стан.
Я подбежал... Опять она!
Стоит, печальна и бледна,

С тяжелым заступом в руках —
И роет им. Могильный страх
Меня объял. О, как она
Была прекрасна и страшна!

Она и роет и поет —
И скорбной песнью сердце рвет:
«Заступ, заступ! глубже рой:
Надо в сажень глубиной!»

К ней подошел и молвил я:
«Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здесь зачем, и роешь что́?»

Она в ответ мне: «Для тебя
Могилу рою». — Ныла грудь,
И содрогаясь и скорбя;
Но мне хотелось заглянуть

В свою могилу. Я взглянул...
В ушах раздался страшный гул,
В очах померкло... Я скатился
В могильный мрак — и пробудился.

⟨1858⟩

233

И я когда-то знал край родимый...
Как светел он!

Там рощи шумны, фиялки сини...
То был лишь сон!

Я слышал звуки родного слова
Со всех сторон...
Уста родные «люблю» шептали...
То был лишь сон!

⟨*1858*⟩

234. СУМЕРКИ БОГОВ

Явился Май, принес и мягкий воздух,
И золотой свой свет, и аромат,
И дружелюбно белыми цветами
Всех ма́нит, и из тысячи фиалок
С улыбкой смотрит синими очами,
И расстилает свой ковер зеленый,
Весь пышно затканный лучами солнца
И утренней росой, и созывает
К себе любезных смертных. Глупый люд
На первый зов покорно поспешает.
Мужчины вышли в нанковых штанах
И в праздничных кафтанах с золотыми,
Сияющими пуговками; в цвет
Невинности все женщины оделись;
Крутит свой ус весенний молодежь;
У девушек высоко дышат груди;
Поэты городские запаслись
Карандашом, бумагой и лорнетом...
И все, ликуя, за город бегут,
Садятся на муравчатых полянах,
Любуются на быстрый рост деревьев,
На нежные и пестрые цветочки,
Внимают пенью беззаботных пташек
И шлют привет свой ясным небесам.

И у меня был Май с визитом. Трижды
В затворенную дверь он постучал
И кликнул мне: «Я Май! Не прячься, бледный
Мечтатель! выдь! Тебя я поцелую!»

Но двери я не отпер и сказал:
«Недобрый гость, зовешь меня напрасно!
Тебя насквозь прозрел я — и насквозь
Узнал строенье мира; слишком много
И слишком глубоко узнал — и прахом
Рассеялись все радости мои,
И в сердце скорби вечные вселились.
Сквозь каменную жесткую кору
Мне ясно видно всё в людских домах,
В людских сердцах; и здесь и там я вижу
Обман, да ложь, да жалостное горе.
На лицах я читаю злые мысли;
В стыдливом девственном румянце виден
Мне тайный трепет похоти; над гордым
И вдохновенным юноши челом —
Колпак дурацкий. Всюду на земле
Лишь тени прокаженные я вижу
Да рожи глупые и сам не знаю,
В больнице я иль в доме сумасшедших.
Насквозь, как в чистое стекло, я вижу
И всю земную глубь, и весь тот ужас,
Что Май напрасно хочет утаить
Под пышной муравой своей. Я вижу,
Как мертвецы лежат в гробах там тесных;
Глаза раскрыты, руки скрещены,
Лицо как полотно, и бел их саван,
И черви между желтых губ клубятся.
Я вижу — сын, с любовницей шутя,
Садится на отцовскую могилу...
Вокруг с насмешкой свищут соловьи,
И нежные цветочки полевые
Лукаво издеваются, и мертвый
Отец в своей могиле шевелится,
И вздрагивает скорбно мать земля».

О бедная земля! твои терзанья
Я знаю. Вижу я, как грудь твою
Снедает пламя, как исходят кровью
Бесчисленные жилы, как широко
Твоя раскрылась рана и потоком
Вдруг хлынули огонь, и кровь, и дым.
Я вижу — из земной разверстой пасти

Выходят исполинские сыны
Предвечной ночи, машут над собой
Багровыми светильниками, ставят
Свои литые лестницы и грозно
Бегут по ним на штурм твердыни неба.
За ними лезут карлики, и с треском
Там золотые лопаются звезды.
Руками дерзновенных пришлецов
Раздернута завеса золотая
У божьего шатра, и с воем ниц
Святые сонмы ангелов упали.
Весь побледнев, сидит на троне бог,
Рвет волосы и топчет свой венец.
Горит всё царство вечности. Повсюду
Пожар кровавый мечут исполины,
А карлы бьют горящими бичами
По спи́нам ангелов и в смертных корчах
Их за волосы тащут и кидают.
И мой хранитель-ангел там, с цветущим,
Прелестным ликом, с русыми кудрями,
С блаженством в голубых глазах и вечной
Любовью на устах... И гадкий, черный
Урод его схватил и повалил...
Со скрежетом он смотрит на его
Божественные члены... Сладострастно
Насилует его в своих объятьях...
И ярый крик несется по вселенной...
Шатнулися основы мировые —
И рухнули и небо и земля,
И воцарилась тьма предвечной ночи.

⟨1860⟩

235. РАТКЛИФ

Бог сна меня унес в далекий край,
Где ивы так приветно мне кивали
Зелеными и длинными руками;
Где на меня цветы смотрели нежно
И ласково, как любящие сестры;
Где родственно звучал мне голос птиц;

Где даже самый лай собак казался
Давно знакомым; где все голоса,
Все образы здоровались со мной,
Как с другом старым; но где всё при этом
Являлось мне так чуждо — странно-чуждо.
Перед красивой деревенской дачей
Стоял я. Грудь как будто содрогалась,
Но в голове моей спокойно было.
И я спокойно отряхнул с дорожной
Одежды пыль и за звонок взялся.
Он зазвенел, и двери отворились.

Тут было много женщин и мужчин,
Всё лиц знакомых. Тихая печаль
И робко затаенный страх лежали
На них на всех. Как будто смущены,
Они смотрели на меня так странно,
С каким-то состраданьем, — и по сердцу
Вдруг быстрый трепет у меня прошел
Предвестием неведомого горя.
Я тотчас же старуху Маргариту
Узнал и на нее взглянул пытливо.
Она не говорила. «Где Мария?» —
Спросил я, — и она, не отвечая,
Взяла мне руку и пошла со мной
По множеству блестящих длинных комнат,
Где царствовали роскошь, свет и всюду
Безмолвие могилы. Наконец
Мы очутились в сумрачном покое,
И, отвернувшись от меня лицом,
Она мне показала на софу.
«Мария, вы ли это?» — я спросил
И твердости вопроса своего
Сам подивился. Каменно и глухо
Послышался мне голос: «Да, меня
Так называют люди». Острой болью
По мне слова те пробежали. Этот
Тупой, холодный звук был всё ж когда-то
Прекрасным, нежным голосом Марии.
И эта женщина, в своем поблекшем
Лиловом платье, кое-как надетом,
С отвисшими грудями, с неподвижно

Стоящими стеклянными зрачками
И с бледной, вялой кожей на щеках, —
Да, эта женщина была когда-то
Цветущей, нежной, милою Марией.
«Вы долго путешествовали, друг, —
Она сказала с пошлой и холодной
Развязностью. — Теперь не так вы хилы;
Поздоровели, пополнели вы;
Живот и икры очень округлились».
И сладкая улыбка пробежала
У ней по желтым, высохшим губам.
В смущеньи, машинально я сказал:
«Вы замуж вышли, говорили мне».
— «Ах, да! — она сказала равнодушно
И с громким смехом. — У меня теперь
Полено есть, обтянутое кожей,
И мужем называется. Конечно,
Полено — всё полено». И беззвучно,
Противно засмеялася она.
Холодный страх стеснил мне грудь, и я
Подумал: это ль чистые уста —
Как розы, чистые уста Марии?
Она тут поднялась, взяла со стула
Поспешно шаль, накинула ее,
И, опираясь на руку мою,
Меня с собою быстро повлекла
В отворенную дверь, — и дальше, дальше —
Лугами, полем и опушкой леса.

Как огненный венец, катилось солнце
К закату; в пурпуре его горели
Цветы, деревья и река, вдали
Струившаяся строго-величаво.
«Как блещет это пламенное око
В лазури вод!» — воскликнула Мария.
«Молчи, несчастная!» — сказал я ей.
И предо мною в заревом мерцаньи
Свершалось будто сказочное что-то.
В полях туманные вставали лики,
И обнимались белыми руками,
И исчезали. С нежностью любви
Фиялки любовались друг на друга;

Один к другому припадали страстно
Венцы лилей; порывисто дышали,
В горячей неге замирали розы;
Огнем вилось дыхание гвоздик, —
И все цветы в благоуханьи млели,
Все обливались страстными слезами,
Шептали все: «Любовь! любовь! любовь!»
Порхали мотыльки; жучки, как искры,
Мелькали, напевая песню эльфов.
Вечерний ветер чуть дышал, и тихо
Шептались листья дуба. Соловей
Как будто таял в звуках чудной песни.
Под этот шепот, шелест, звон и пенье
Мне женщина увядшая болтала,
Склоняясь к моему плечу, несносным,
Холодным, будто оловянным, тоном:
«Я знаю, в ночь вы бродите по замку.
Высокий призрак — малый недурной;
На всё сквозь пальцы смотрит он; а тот,
Что в голубом, — небесный ангел. Только
Вот этот красный очень вас не любит».
И много диких слов, еще пестрее,
Она твердила мне без перерыву,
Пока не утомилась и не села
Со мною рядом на скамье под дубом.

Сидели мы уныло и безмолвно,
Порою взглядывали друг на друга,
И всё грустнее становились оба.
Казалось, вздох предсмертный проходил
По листьям дуба; соловей на нем
Пел песнь неисцелимой, вечной скорби.
Но сквозь листы прокрался алый свет
И лег на белое лицо Марии,
И вызвал блеск в ее глазах, — и прежним,
Мне милым голосом она сказала:
«Как ты узнал, что так несчастна я?
Прочла я всё в твоих безумных песнях».

Мороз прошел по телу у меня;
Я ужаснулся своего безумья,

Прозревшего в грядущее; мой мозг
Как будто вдруг погас, — и я проснулся.

Между 1862 и 1865 (?)

НА ГАРЦЕ

236

Фраки, белые жилеты,
Тальи, стянутые мило,
Комплименты, поцелуи...
Если б в вас да сердце было!

И любви хотя немножко
Было б в сердце!.. Тошны, право,
Ваши вопли и стенанья:
Разве жизнь вам не забава?

Ухожу от вас я в горы,
Где живут простые люди,
Где свободный веет воздух
И дышать просторно груди...

В горы, где темнеют ели —
Шумны, зелены, могучи,
Воды плещут, птицы свищут,
И по воле мчатся тучи.

Полированные залы...
Полированные гости...
В горы! в горы! Я оттуда
Улыбнуся вам без злости.

⟨1858⟩

237. ГОРНАЯ ИДИЛЛИЯ

1

На горе, в избушке скромной,
Рудокоп живет старик.
Шумны темные там ели,
Кротко-светел лунный лик.

Средь избушки стул высокий,
Весь резной, у ног скамья;
И сидит на нем счастливец,
И счастливец этот — я.

На скамье сидит малютка —
Оперлась на локоток;
Глазки — звезды голубые,
Губки — розовый цветок.

Мне сияют эти звезды,
Чистой радостью блестя;
К алым губкам приложила
Белый пальчик свой дитя.

Ни отец, ни мать не слышат;
Не до нас им: мать прядет,
А отец, бренча на лютне,
Песню старую поет.

И малютка шепчет тихо,
Речь ее едва слышна;
Важных тайн своих немало
Мне поведала она.

«Вот, как тетушка скончалась,
И сиди тут круглый год:
С ней пойдешь, бывало, в город,
Хоть посмотришь на народ.

Здесь и пусто так, и глухо,
И так холодно в горах;

А зима придет лихая —
Все схоронимся в снегах.

Я ж трусливая такая:
Как дитя, меня страшат
Злые духи гор, что бродят
Темной ночью и шалят».

Вдруг малютка умолкает,
Будто слов боясь своих,
И руками закрывает
Звезды глазок голубых.

И шумнее шелест елей,
Громче гул веретена,
И ясней со звоном лютни
Песня старая слышна:

«Не страшись, моя малютка,
Наважденья силы злой!
Божьи ангелы на страже
Днем и ночью над тобой».

2

К нам в окно стучит тихонько
Ель зеленою рукой
И сквозь веток с любопытством
Смотрит месяц золотой.

Крепко в горенке соседней
Спят давно отец и мать;
Мы не можем нашептаться,
И не хочется нам спать.

«Нет, не верю я, чтоб часто
Ты молился: шепот твой
Чем-то кажется мне странным,
Не молитвою святой.

Этот злой, холодный шепот
Уж не раз меня пугал;

Только кротким, светлым взглядом
Ты испуг мой отгонял.

Да и веришь ли ты, полно,
Что есть в небе над тобой
Бог-отец, бог-сын, распятый
На кресте, и дух святой?»

«Ах, дитя! еще малюткой
Верил я, что в небесах
Бог-отец живет над нами,
Что велик он, свят и благ...

Создал землю, человеку
Бытие и душу дал,
Солнцу, месяцу и звездам
Путь их вечный указал.

Стал я старше и умнее,
Стал побольше понимать,
И узнал я светлой веры
В бога-сына благодать.

Он принес нам, воплотившись,
Откровение любви;
Но народ безумный руки
Обагрил в его крови.

Возмужал я, много видел,
Много странствовал, читал
И теперь в святого духа
Жарким сердцем верить стал.

Чудеса его исчислить
Недостанет наших слов!
Он сломил твердыни злобы
И оковы снял с рабов.

Нашим язвам он целенье,
В нем и право и закон;
Перед ним с богатым нищий,
Раб с владыкой уравнен.

Гонит он туман тяжелый,
Что окутывал нам тьмой
Ум и сердце и пред нами
Шел как призрак гробовой.

Много рыцарей отважных
Обрекли себя ему
И по свету разъезжают —
Носят свет и гонят тьму.

Тихо веют их знамена,
И доспех горит на них...
Чтó, хотела б ты, малютка,
Видеть рыцарей таких?

Так скорей любуйся мною,
Ненаглядная моя,
И целуй меня покрепче!
Ведь такой же рыцарь я».

8

За ветвями темной ели
Прячет месяц светлый лик;
В нашей горенке чуть светит
Догорающий ночник.

Но в звездах моих лазурных
Свет мне радостный горит;
Пышут розы уст румяных,
И малютка говорит:

«Домовые наши — злые:
Хлеб воруют по ночам;
В ящик с вечера положишь —
Поутру уж пусто там.

С молока съедят все сливки,
Не покроют и горшка;
Кошка вылижет остатки —
И сиди без молока!

А ведь кошка наша — ведьма:
Ночью буря на дворе,
А она идет тихонько
К старой башне на горе.

Там стоял когда-то за́мок,
Весь сиял он по ночам:
В ярких залах танцевало
Много рыцарей и дам.

Но волшебницей лихою
Проклят замок и народ;
И остались лишь обломки,
И сова гнездо там вьет.

Помню, тетка говорила:
Лишь такое слово знать
И его в таком лишь месте
И в такой лишь час сказать —

Снова в замок превратятся
Все обломки эти там,
И запляшет в ярких залах
Много рыцарей и дам.

Будет тот, кто молвит слово,
Обладателем всего;
Станут трубы и литавры
Славить молодость его!»

Так живут и дышат сказки
У малютки на устах;
Вера теплится живая
В голубых ее глазах.

Локон шелковый на пальцы
Навивает мне она,
И целует, и смеется,
И дает им имена.

И глядит всё так приветно
В тихой горенке кругом:

Стол и шкап — как будто с ними
Я с младенчества знаком.

Тихо маятник лепечет,
Тихо лютня на стене
Прозвучит порой струнами,
И сижу я как во сне.

Не такое ль надо место,
Не такой ли надо миг,
Чтоб от слова замок снова
В блеске царственном возник?

Да, дитя! Смотри: светлеет
Ночи темная пора.
Чу! шумней ручьи и ели;
Пробуждается гора.

Песня гномов с струнным звоном
Меж утесами слышна;
По камням ковры цветные
Стелет знойная весна.

А цветы — пестры и чудны,
В благовонных завитках,
И трепещут слезы страсти
На широких их листах.

Вожделенно пышут розы,
Разгораясь всё красней;
На стеблях стоят хрустальных
Чаши снежные лилей.

Звезды с неба, словно солнцы,
Смотрят страстно-горячи,
И лилеям в чаши льются
Их влюбленные лучи.

Да и мы с тобой, малютка,
Мы как будто уж не те...
Посмотри: огни зажглися,
Шелк и золото везде!

И избушка стала замком,
И принцессой стала ты;
Вкруг всё рыцари и дамы,
Сколько пышной суеты!

Всё мое — и ты и замок!
Пир венчальный я даю!
Трубы, флейты и литавры
Славят молодость мою!

⟨1861⟩

238

Солнце близко; на востоке
Небо ярко и румяно.
Вправо, влево тонут горы
В море белого тумана.

Сапоги бы скороходы!
Я бы в них с волшебной силой
Зашагал чрез эти горы —
И примчался к дому милой.

Спит, — я тихо распахнул бы
Белый полог над кроваткой;
Целовать бы стал ей тихо
Глазки, щечки, ротик сладкий...

И еще бы тише молвил
На ушко: «Не верь обману!
Я с тобой, с тобой, как прежде,
И любить не перестану!»

⟨1859⟩

ПЕСНИ

239

Дай ручку мне! к сердцу прижми ее, друг!
 Чу! слышишь ли, что там за стук?
Там злой гробовщик в уголочке сидит
 И гроб для меня мастерит.

Стучит без умолку и день он и ночь...
 Уснул бы — при стуке не смочь.
Эй, мастер! уж время работу кончать!
 Пора мне, усталому, спать!

⟨1847⟩, ⟨1856⟩

240

Из слез моих много, малютка,
Родилось душистых цветов;
А вздохи мои превратились
В немолкнущий хор соловьев.

Уж только б меня полюбила —
Тебе и цветы я отдам,
И песнями станут баюкать
Тебя соловьи по ночам.

⟨1847⟩, ⟨1856⟩

241

Щекою к щеке ты моей приложись:
 Пускай наши слезы сольются!
И сердцем ты к сердцу мне крепче прижмись:
 Одним огнем пусть зажгутся!

Когда же в то пламя польются рекой
Из глаз наших слезы, — я руки
Сомкну у тебя за спиной и умру,
Умру от блаженства и муки.

⟨1856⟩

242

Стоят от века звезды
Недвижно над землей
И смотрят друг на друга
С любовью и тоской.

Их языка (богат он
И как хорош!) не мог
Постигнуть ни единый
Ученый филолог.

Но я его изгибы
Все изучил вполне...
Ведь глазки милой были
Грамматикою мне.

⟨1856⟩

243

Я глазки у милой моей
В прелестных воспел канцонетах;
Румяные губки у ней
В октавах хвалил, в триолетах;
Что личико розы свежей,
Твердил в благозвучных терцетах.
Как жаль, что сердечка в ней нет!
А чудный бы вышел сонет!

Между 1862 и 1865 (?)

244

Как из пены волн рожденная,
И прекрасна и пышна,
За другого обрученная,
Дышит прелестью она.

Сердце многотерпеливое!
Не ропщи и не грусти,
И безумство торопливое
Бедной женщине прости.

Между 1862 и 1865 (?)

245

Я не ропщу, хоть в сердце стынет кровь,
Моя навек погибшая любовь!
Алмазы, что в кудрях твоих горят,
Ночь сердца твоего не озарят.

Я это знал. Всё это снилось мне:
И ночь в твоей сердечной глубине,
И грудь твою грызущая змея,
И как несчастна ты, любовь моя!

Между 1862 и 1865 (?)

246

Несчастна ты — и ропот мой молчит.
Любовь моя, несчастны оба мы!
Пока нам смерть сердец не сокрушит,
Любовь моя, несчастны оба мы!

Как ни играй насмешка на устах,
Как гордо ни вздымайся грудь твоя,
Как ни гори упорный блеск в глазах,
Несчастна ты, — несчастна, как и я.

Незримо скорбь уста твои мертвит,
Глаза пылают, горечь слез тая,
От скрытой язвы грудь твоя болит;
Несчастны оба мы, любовь моя!

Между 1862 и 1865 (?)

247

Свадебной радости полны,
Скрипки и флейты поют.
Вот мою милую волны
Быстрого танца несут.

Трубы грохочут; несется
Гул, и гуденье, и звон.
Тихо меж них раздается
Плачущих ангелов стон.

Между 1862 и 1865 (?)

248

Когда бы цветы то узнали,
Как ранено сердце мое,
Со мной они плакать бы стали,
Шепча утешенье свое.

Узнай соловьи, как мне трудно,
Каким я недугом томим, —
О, как утешáли бы чудно
Они меня пеньем своим!

Узнай мое злое несчастье
И звезды в небесной дали,
Они со слезами участья
Ко мне бы радушно сошли.

Узнать мое горе им трудно,
И знает его лишь одна:
Ведь сердце мне так безрассудно
Сама ж и разбила она!

Между 1862 и 1865 (?)

249

Отчего это, милая, розы в цвету
Побледнели? скажи, отчего?
Отчего голубые фиялки в саду
Облетели? скажи, отчего?

Отчего это птицы так тихо поют?
Отчего их напев так уныл?
На лугу, где душистые травы растут,
Отчего слышен запах могил?

Отчего это, прячась среди облаков,
Солнце злобно глядит на поля?
Отчего это в серый оделась покров
И глуха и пустынна земля?

Отчего это, милая, болен так я
И тоска меня злая томит?
О, скажи, отчего, дорогая моя,
Я покинут тобой и забыт?

Между 1862 и 1865 (?)

250

Когда-то друг друга любили мы страстно...
Любили хоть страстно, а жили согласно.

Женой ее звал я, она меня мужем;
День целый, бывало, играем, не тужим.

И боже спаси, чтоб затеяли ссору!
Нет, всё б целоваться — во всякую пору!

Играть наконец мы задумали в прятки,
И в чаще лесной разошлись без оглядки.

Да так-то сумели запрятаться оба,
Что, верно, друг друга не сыщем до гроба.

⟨1856⟩

251

На северном голом утесе
Стоит одинокая ель.
Ей дремлется. Сонную снежным
Покровом одела метель.

И ели мерещится пальма,
Что в дальней восточной земле
Одна молчаливо горюет
На зноем сожженной скале.

⟨1845⟩, ⟨1856⟩

252

Как пришлось с тобой расстаться,
Разучился я смеяться...
Был в насмешках я жесток,
А смеяться всё не мог.

Как с тобою разлучился,
Я и плакать разучился...
Много сердцу горьких бед,
А слезы всё нет как нет.

⟨1856⟩

253

Порою картины былого
Встают из забытых могил
И кажут мне, как я когда-то
Вблизи тебя, милая, жил.

По улицам днем я скитался,
Затерянный в грезах больных.
Бывало, все встречные смотрят:
Так был я печален и тих.

Не так было жутко мне ночью:
Всё пусто и тихо кругом;
Не сплю только я с своей тенью,
И бродим мы с нею вдвоем.

Как мостом иду я — далеко
Мой шаг раздается звеня;
Из облака выглянет месяц
И грустно глядит на меня.

Вот дом твой. К нему подхожу я,
Смотрю на окно в вышине,
Окно твоей спальни девичьей, —
И сердце рыдает во мне.

Я знаю, ты часто с постели
Вставала — взглянуть из окна,
Как, словно статую, сияньем
Меня обливает луна.

⟨1861⟩

254

Только до слуха коснется
Песня, что милая пела,
Сердце заноет, забьется,
Вырваться хочет из тела.

К лесу тоска меня гонит;
Спрятался б в чащах дремучих...
Хочется слез мне горючих:
В них мое горе потонет!

⟨*1858*⟩

255

Сердце мне терзали,
Гнали мой покой:
Те — своей любовью,
Те — своей враждой.

Клали в хлеб отраву,
Яд — в напиток мой:
Те — своей любовью,
Те — своей враждой.

Та же, что терзала
Всех больней и злей, —
Ни любви, ни злобы
Не видал я в ней.

⟨*1861*⟩

256

Лето жаркое алеет
    На лице твоем;
Но зима морозом веет
    В сердце молодом.

Переменится всё это —
    Посмотри сама:
Скоро в сердце будет лето,
    На лице зима.

⟨*1847*⟩, ⟨*1856*⟩

257

Полны мои песни
И желчи и зла...
Не ты ли отравы
Мне в жизнь налила?

Полны мои песни
И желчи и зла...
Не ты ли мне сердце
Змеей обвила?

⟨1856⟩

258

Во сне неутешно я плакал:
Мне снилося — ты умерла.
Проснулся; а всё по ланитам
Слеза за слезою текла.

Во сне неутешно я плакал:
Мне снилось — забыт я тобой.
Проснулся; но долго катились
Горючие слезы рекой.

Во сне неутешно я плакал:
Мне снилось — мы вместе опять.
Проснулся; а слезы всё льются,
И я не могу их унять.

⟨1847⟩, ⟨1856⟩

259

Полночь немая была холодна;
Глухо в лесу мои вопли звучали.
Темные сосны очнулись от сна —
И с состраданьем главами качали.

⟨1848⟩, ⟨1861⟩

260

Самоубийц хоронят
Меж четырех дорог;
Растет цветок там синий,
Проклятых душ цветок.

Я плакал мертвой ночью
Меж четырех дорог;
В лучах луны кивал мне
Проклятых душ цветок.

Между 1862 и 1865 (?)

261

Как-то раз в потемках жизни
Засиял передо мной
Светлый образ; но погас он —
И я вновь окутан тьмой.

Дети малые в потемках,
Чтобы страх преодолеть
И унять тревогу сердца,
Начинают громко петь.

Вот и я — ребенок глупый —
Точно так пою впотьмах. . .
Пусть утехи в песне мало,
Да зато прошел мой страх!

⟨1859⟩

262

Не радует вешнее солнце
Смущенную душу мою;
У старых развалин, под липой,
Один и печален стою.

Как ярко блестит под горою
Лазоревой гладью река!
Плывет по ней лодка; далеко
Разносится песнь рыбака.

А там, за рекою, пестреют
Под ясной улыбкой небес
Сады и беседки, и дачи,
И люди, и стадо, и лес.

Вон девушки берегом и́дут
К зыбучему плоту с бельем;
Вон мельница шумно труди́тся —
И сыплет алмазным дождем.

Вон древняя ветхая башня
И будка у старых ворот;
Солдатик в нарядном мундире
Там ходит и взад и вперед.

Играет ружьем он — и ярко
Сверкает на солнце ружье...
«На пле́-чо! на кра́-ул!» Солдатик!
Прицелься ты в сердце мое!

⟨1856⟩

263

Печален по роще брожу;
А дрозд мне с кудрявой березы
Щебечет: «О чем твои слезы?»
Да что тебе, птица, скажу?

Ведь, верно, печаль мою знают
Касатки, сестрицы твои,
Что умные гнезда свои
Над окнами милой свивают.

Начало 1850-х годов, ⟨1856⟩

264

Привяжи, душа-рыбачка,
Ты у берега челнок!
Подойди: рука с рукою
Сядем вместе на песок.

Без боязни припади ты
Мне на сердце головой!
Ведь без страха синю морю
Ты челнок вверяешь свой.

Это сердце — то же море:
Так же часты бури в нем,
Так же, бурное, богато
Многоценным жемчугом.

⟨1847⟩, ⟨1856⟩

265

Вихорь смерчи водяные
Вздел, как белые штаны,
И бежит, бичуя волны;
Волны гневны и черны.

Тьма на небе; ливень хлещет;
Пуще злится ураган.
Мнится, с ночью довременной
Слился старый океан.

К нашей мачте чайка жмется,
Бурей смята на лету,
И пророчит хриплым криком
Неминучую беду.

⟨1858⟩

266

Буря поет плясовую,
Свищет во всю свою мочь. . .
Пляшет наш бедный кораблик. . .
Что за разгульная ночь!

По морю буйной ватагой
С грохотом волны бегут;
Черные пасти зияют,
Белые горы встают.

Слышны в каютах проклятья,
Рвота, молитвы и вой.
Крепко держусь я за мачту,
Думаю: буду ль домой?

⟨1859⟩

267

На дальнем небосклоне
Туманною грядой
Встает старинный город,
Одет вечерней мглой.

Кудрявит влажный ветер
Равнину синих вод;
Гребец мой однозвучно
Веслом по влаге бьет.

Заря, чуть теплясь, кажет
Места, где я любил,
Где всё, что мило сердцу,
Навек похоронил.

⟨1859⟩

268

Объятый туманными снами,
Глядел я на милый портрет,
И мне показалось: я вижу
В нем жизни таинственный след...

Как будто печальной улыбкой
Раскрылись немые уста,
И жемчугом слез оросилась
Любимых очей красота.

И сам я невольно заплакал —
Заплакал, грустя и любя...
Ах, страшно поверить!.. Неужто
Я точно утратил тебя?

⟨1857⟩

269

О, я несчастный Атлас! Целый мир,
Да, целый мир скорбей нести я должен.
Я это бремя не снесу, — и сердце
Готово сокрушиться!

Ты ж, сердце гордое, того хотело!
Ты жаждало иль счастья без конца,
Или хоть бесконечного несчастья.
Ну, вот ты и несчастно!

Между 1862 и 1865 (?)

270

Идет за племем племя,
Идет за годом год;
А всё любовь былая
Из сердца вон нейдет.

Лишь раз тебя б увидеть
И пасть к твоим ногам,
И молвить, умирая:
«Я вас люблю, Madame!»

Между 1862 и 1865 (?)

271

Снежная изморозь, ветер,
Слякоть — как быть октябрю...
Сел я от скуки к окошку,
В темень ночную смотрю.

Тусклый вдали огонечек
Виден во мраке сыром:
Это старушка из лавки
Тихо бредет с фонарем.

Верно, мучицы купила,
Масла, яичек пяток:
Хочет большой своей дочке
Сдобный испечь пирожок.

Дочка же дома — уселась
В кресло, и дремлется ей...
Милое личико скрыли
Русые волны кудрей.

⟨1858⟩

272

Полно, сердце! что с тобою?
Покорись своей судьбе!
Всё, что отнято зимою,
Возвратит весна тебе.

Да и всё ли изменило?
Ведь широк господень свет!
Всё, что любо, всё, что мило,
Всё люби — запрету нет!

⟨1859⟩

273

Лежу ли бессонною ночью
В постели, один, без огня, —
Лицо твое с кроткою лаской
Из мрака глядит на меня.

Закрою ль усталые веки
И тихо забудусь во сне —
Твой нежный и ласковый образ
Прокрадется в грезы ко мне.

И утро его не уносит,
Летучие грезы гоня:
Весь день, неразлучно со мною,
Живет он в душе у меня.

⟨1859⟩

274

Пусть на землю снег валится,
Вьюга бешеная злится
И стучится у окна!
Сердца бури не пугают:
В нем живут и расцветают
Образ милой и весна!

⟨1856⟩

275

Я к белому плечику милой
Прижался щекою плотней:
Хотелось бы очень подслушать,
Что кроется в сердце у ней.

Трубят голубые гусары
И в город въезжают толпой...
Я знаю, придется, голубка,
Нам завтра расстаться с тобой.

Пожалуй, покинь меня завтра!
Зато ты сегодня моя;
Зато в этих милых объятьях
Сегодня блаженствую я.

Начало 1850-х годов, ⟨1858⟩

276

Трубят голубые гусары
И едут из города вон...
Опять я с тобою, голубка,
И розу принес на поклон.

Какая была передряга!
Гусары — народец лихой!
Пришлось и твое мне сердечко
Гостям уступать под постой.

Начало 1850-х годов, ⟨1858⟩

277

Смерть — прохладной ночи тень,
Жизнь — палящий летний день.
Близок вечер; клонит сон:
Днем я знойным утомлен.

А над ложем дуб растет,
Соловей над ним поет. . .
Про любовь поет, и мне
Песни слышатся во сне.

⟨1847⟩, ⟨1856⟩

278

Липа вся под снежным пухом,
Ветер ходит по полянам,
Облака немые в небе
Облекаются туманом.

Лес безжизнен, дол пустынен,
Всё кругом темно, уныло.
Стужа в поле, стужа в сердце;
Сердце сжалось и застыло.

Вдруг качнулись ветви липы,
С них пушинки полетели. . .
Весь обсыпан, грустно молвишь:
«Дождался опять метели!»

Но вглядись — и сердце вздрогнет:
То не снег, не иней льдистый;
То цветов весенних белых
Рой пушистый, рой душистый.

Чары чудные свершились!
Дышит маем зимний холод,
Снег стал вешними цветами —
И опять ты сердцем молод!

⟨1859⟩

279

Глазки весны голубые
Кротко глядят из травы.
Любы вы милой, фиялки, —
С полем расстанетесь вы.

Рву я цветы и мечтаю...
В роще поют соловьи...
Боже мой! кто рассказал им
Думы и грезы мои?

Громко они разглашают
Всё, что я в сердце таю...
Целая роща узнала
Нежную тайну мою.

⟨1857⟩

280

Как трепещет, отражаясь
В море плещущем, луна,
А сама идет по небу
И спокойна и ясна, —

Так и ты идешь, спокойна
И ясна, своим путем;
Но дрожит твой светлый образ
В сердце трепетном моем.

⟨1847⟩, ⟨1857⟩

281

Священный союз заключили
Горячие наши сердца —
И тесно друг с другом сомкнулись,
Чтоб биться вдвоем до конца.

Была на груди твоей роза
Посредницей наших сердец...
Мы очень теснили бедняжку —
И смяли совсем наконец.

⟨1848⟩, ⟨1857⟩

282

Тот же сон, что снился прежде!
Прежним счастьем вновь живу я. . .
В той же вешней мир одежде,
Та же нега поцелуя.

Тот же месяц всё двурогий
Светит нам; беседка та же;
Те же мраморные боги
У дверей стоят на страже.

Сладкий сон — увы! — минует,
И сердечные обманы
Осень холодом обдует,
Как весенние поляны.

Да! цвести недолго счастью:
И поблекнет и сомнется. . .
И, покинутое страстью,
Сердце к сердцу не прижмется.

Начало 1850-х годов, ⟨1857⟩

283

Корабль мой на черных плывет парусах
    По дикой пустыне морей. . .
Ты знаешь, как больно мне горе мое, —
    Зачем его делать больней?

Как ветер, изменчиво сердце твое,
    Волны оно вольной беглей! . .
Корабль мой на черных плывет парусах
    По дикой пустыне морей.

Начало 1850-х годов

284

Всё море, братья, в час заката
Горит кругом, как золотое...
Когда умру, на дно морское
Усопшего вы бросьте брата!

Мы были долго с морем дружны:
Волною ласковой, бывало,
Так часто скорби утоляло
Оно в груди моей недужной.

⟨1857⟩

285

Из края в край твой путь лежит;
Идешь ты — рад, не рад.
По ветру нежный зов звучит —
И ты взглянул назад.

Твоя любовь в стране родной;
Манит, зовет она:
«Вернись домой! побудь со мной!
Ты радость мне одна».

Но путь ведет всё в даль и тьму —
И остановки нет...
Что так любил — навек к тому
Запал возвратный след.

Начало 1850-х годов, ⟨1859⟩

286

С толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладан воскурять.
Я не поверю рукожатьям
Мне яму роющих друзей;
Я не отдам себя объятьям
Надменных наглостью своей
Прелестниц... Шумной вереницей
Пусть за победной колесницей
Своих богов бежит народ!
Мне чуждо идолослуженье;
Толпа в слепом своем стремленьи
Меня с собой не увлечет!

Я знаю, рухнет дуб могучий,
А над послушным камышом
Безвредно пронесутся тучи
И прогудит сердитый гром...
Но лучше пасть, как дуб в ненастье,
Чем камышом остаться жить,
Чтобы потом считать за счастье —
Для франта тросточкой служить.

⟨*1856*⟩

287

Брось свои иносказанья
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?

Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?

Кто виной? Иль воле бога
На земле не всё доступно?
Или он играет нами?..
Это подло и преступно!

Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
Не забьют нам рта землею...
Да ответ ли это, полно?

1858

288. АФРОНТЕНБУРГ

Проклятый замок! образ твой
Еще мелькает пред очами —
С своими мрачными стенами,
С своей запуганной толпой.

Над кровлей в воздухе чернея,
Вертелся флюгер и скрипел,
И кто лишь рот раскрыть хотел,
На флюгер взглядывал, бледнея.

Не начинал никто речей,
Не справясь с ветром: всяк страшился,
Чтоб не зафыркал, не озлился
Старик придирчивый Борей.

Кто был умней, не молвил слова:
Он знал, что эхо в замке том
Переиначить всё готово
Своим фальшивым языком.

В саду, средь зелени убогой,
Темнел гранитный водоем:
Он вечно был с засохшим дном,
Хоть слез в него катилось много.

Проклятый сад! в нем нет угла,
Где б сердца злость не отравляла
И где бы слез моих не пало,
Которым не было числа.

Не счесть и тяжких оскорблений!
Во всех углах я был язвим
То речью, полной ухищрений,
То словом грубо-площадным.

Подслушать мой позор обидный
И жаба черная ползла...
И злую речь потом вела
С своею тетушкой — ехидной.

И — вся их грязная родня —
Лягушки, крысы узнавали,
Как беспощадно оскорбляли
И как позорили меня.

Алели розы, расцветая,
Но рано свяла их весна —
И, чем-то вдруг отравлена,
Поблекла жизнь их молодая.

С тех пор зачах и соловей,
Чья песнь лилась над сонным садом,
Ласкал роз во мгле ночей:
И он отравлен тем же ядом!

Проклятый сад! проклятый! да!
Повсюду клеймы отверженья!
И в ясный день там иногда
Меня пугали привиденья.

Порой мелькал мне чей-то лик —
Зеленый, злобой искаженный...
И слышал вопли я и стоны,
Последний хрип, предсмертный крик.

Террасой к морю сад кончался:
Там о пяты крутой скалы

Хлестали буйные валы —
И вал за валом сокрушался.

Скорбя, что воля хороша,
Стоял я часто там. Синела
Морская даль. Во мне душа
Рвалась, и билась, и кипела...

Кипела, билась и рвалась
Она, как этот вал мятежный,
Что мчится горд к скале прибрежной —
И вспять отходит, раздробясь.

О! сколько я судов крылатых
Вдали сквозь слезы различал!
Меня из стен своих проклятых
Проклятый замок не пускал.

⟨1858⟩

289. НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Как вспомню к ночи край родной,
Покоя нет душе больной:
И сном забыться нету мочи,
И горько, горько плачут очи.

Проходят годы чередой...
С тех пор, как матери родной
Я не видал, прошло их много!
И всё растет во мне тревога...

И грусть растет день ото дня.
Околдовала мать меня:
Всё б думал о старушке милой, —
Господь храни ее и милуй!

Как любо ей ее дитя!
Пришлет письмо — и вижу я:
Рука дрожала, как писала,
А сердце ныло и страдало.

Забыть родную силы нет!
Прошло двенадцать долгих лет —
Двенадцать лет уж миновало,
Как мать меня не обнимала.

Крепка родная сторона:
Вовек не сломится она,
И будут в ней, как в оны годы,
Шуметь леса, катиться воды.

По ней не стал бы тосковать;
Но там живет старушка мать, —
Меня не родина тревожит,
А то, что мать скончаться может.

Как из родной ушел земли,
В могилу многие легли,
Кого любил... Считать их стану —
И бережу за раной рану.

Когда начну усопшим счет,
Ко мне на грудь, как тяжкий гнет,
За трупом мертвый труп ложится...
Болит душа, и ум мутится.

Но — слава богу! — сквозь окна
Зарделся свет. Моя жена,
Ясна как день, глядит мне в очи —
И гонит прочь тревоги ночи.

⟨1858⟩

РОМАНСЫ И БАЛЛАДЫ

290. ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до Немецкой Земли.

Придется им — слышат — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола, ни двора.

Да что мне? Просить Христа-ради
Пущу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

⟨1846⟩, ⟨1858⟩

291. ГОНЕЦ

Вставай, слуга! коня седлай!
Чрез рощи и поля
Скачи скорее ко дворцу
Дункана-короля!

Зайди в конюшню там и жди!
И если кто войдет,
Спроси: которую Дункан
Дочь замуж отдает?

Коль чернобровую — лети
Во весь опор назад!
Коль ту, что с русою косой, —
Спешить не надо, брат.

Тогда ступай на рынок ты:
Купи веревку там!
Вернися шагом — и молчи:
Я угадаю сам.

⟨1848⟩, ⟨1858⟩

292. ВАЛТАСАР

Полночный час уж наступал;
Весь Вавилон во мраке спал.

Дворец один сиял в огнях,
И шум не молк в его стенах.

Чертог царя горел как жар:
В нем пировал царь Валтасар, —

И чаши обходили круг
Сиявших златом царских слуг.

Шел говор: смел в хмелю холоп;
Разглаживался царский лоб, —

И сам он жадно пил вино.
Огнем вливалось в кровь оно.

Хвастливый дух в нем рос. Он пил
И дерзко божество хулил.

И чем наглей была хула,
Тем громче рабская хвала.

Сверкнувши взором, царь зовет
Раба и в храм Еговы шлет,

И раб несет к ногам царя
Златую утварь с алтаря.

И царь схватил святой сосуд.
«Вина!» Вино до края льют.

Его до дна он осушил
И с пеной у рта возгласил:

«Во прах, Егова, твой алтарь!
Я в Вавилоне бог и царь!»

Лишь с уст сорвался дерзкий клик,
Вдруг трепет в грудь царя проник.

Кругом угас немолчный смех,
И страх и холод обнял всех.

В глуби чертога на стене
Рука явилась — вся в огне. . .

И пишет, пишет. Под перстом
Слова текут живым огнем.

Взор у царя и туп и дик,
Дрожат колени, бледен лик.

И нем, недви́жим пышный круг
Блестящих златом царских слуг.

Призвали магов; но не мог
Никто прочесть горящих строк.

В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы зарезали царя.

⟨1861⟩, между 1862 и 1865

293. ТРАГЕДИЯ

1

«Беги со мной! будь мне женой!
На сердце отдохни моем!
Оно тебе в стране чужой —
Родимый край, родимый дом.

Иль лягу я в земле сырой,
И будешь в мире ты одна,
И будет дом родимый твой
Тебе чужая сторона!»

2

На поляну иней пал
  Середь вешней ночки;
Познобил он, погубил
  Алые цветочки.

Темной ночкой с молодцом
  Девушка бежала;
Ни родимой, ни отцу
  Слова не сказала.

В чужедальной стороне
  Горе да несчастье,
И повянули они,
  Как цветы в ненастье.

8

Липа их могилу тенью покрывает;
Меж кудрявых веток пташка распевает.
На траве зеленой сели у могилы
Парень деревенский со своею милой.

Тихо и печально ветерок лепечет,
Сладко и уныло пташечка щебечет.
Приумолкли парень и его зазноба. . .
Отчего — не знают, только плачут оба.

⟨1857⟩

294. ЖЕНЩИНА

Любовь их была глубока и сильна:
Мошенник был он, потаскушка она.
Когда молодцу сплутовать удавалось,
Кидалась она на кровать — и смеялась.

И шумно и буйно летели их дни;
По темным ночам целовались они.
В тюрьму угодил он. Она не прощалась:
Глядела, как взяли дружка, — и смеялась.

Послал он сказать ей: «Зашла бы ко мне!
С ума ты нейдешь наяву и во сне;
Душа у меня по тебе стосковалась!»
Качала она головой — и смеялась.

Чем свет его вешать на площадь вели;
А в семь его сняли — в могилу снесли. . .
А в восемь она, как ни в чем не бывало,
Вино попивая, с другим хохотала.

⟨1858⟩

295. РЫЦАРЬ ОЛАФ

1

Кто те двое у собора,
Оба в красном одеяньи?
То король, что хмурит брови;
С ним палач его покорный.

Палачу он молвит: «Слышу
По словам церковных песен,
Что обряд венчанья кончен...
Свой топор держи поближе!»

И трезвон — и гул органа...
Пестрый люд идет из церкви.
Вот выводят новобрачных
В пышном праздничном уборе.

Бледны щеки, плачут очи
У прекрасной королевны;
Но Олаф и бодр и весел,
И уста цветут улыбкой.

И с улыбкой уст румяных
Королю он молвит: «Здравствуй,
Тесть возлюбленный! Сегодня
Я расстанусь с головою.

Но одну исполни просьбу:
Дай отсрочку до полночи,
Чтоб отпраздновать мне свадьбу
Светлым пиром, шумной пляской!

Дай пожить мне! дай пожить мне!
Осушить последний кубок,
Пронестись в последней пляске!
Дай пожить мне до полночи!»

И король угрюмый молвит
Палачу: «Даруем зятю
Право жизни до полночи...
Но топор держи поближе!»

2

Сидит новобрачный за браным столом;
Он кубок последний наполнил вином.
К плечу его бледным лицом припадая,
Вздыхает жена молодая.
Палач стоит у дверей!

«Готовятся к пляске, прекрасный мой друг!»
И рыцарь с женою становятся в круг.
Зажегся в их лицах горячий румянец —
И бешен последний их танец...
Палач стоит у дверей!

Как весело ходят по струнам смычки,
А в пении флейты как много тоски!
У всех, перед кем эта пара мелькает,
От страха душа замирает...
Палач стоит у дверей!

А пляска всё вьется, и зала дрожит.
К супруге склоняясь, Олаф говорит:
«Не знать тебе, как мое сердце любило!
Готова сырая могила!»
Палач стоит у дверей!

3

Рыцарь! полночь било... Кровью
Уплати проступок свой!
Насладился ты любовью
Королевны молодой.

Уж сошлись во двор монахи —
За псалмом поют псалом...
И палач у черной плахи
Встал с широким топором.

Озарен весь двор огнями...
На крыльце Олаф стоит —
И, румяными устами
Улыбаясь, говорит:

«Слава в небе звездам чистым!
Слава солнцу и луне!
Слава птицам голосистым
В поднебесной вышине!

И морским водам безбрежным!
И земле в дарах весны!
И фиялкам в поле — нежным,
Как глаза моей жены!

Надо с жизнью расставаться
Из-за этих синих глаз. . .
Слава роще, где видаться
Мы любили в поздний час!»

⟨1857⟩

296. ГАРАЛЬД ГАРФАГАР

Король Гаральд на дне морском
    Сидит под синим сводом
С прекрасной феею своей. . .
    А год идет за годом.

Не разорвать могучих чар;
    Ни смерти нет, ни жизни!
Минуло двести зим и лет
    Его последней тризне.

На грудь красавицы склонясь,
    Король глядит ей в очи;
Дремотной негою объят,
    Глядит и дни и ночи.

Златые кудри короля
    Иссеклись, побелели,
В морщинах желтое лицо,
    Нет сил в поблекшем теле.

Порой тревожит страстный сон
    Какой-то грохот дальний:

То буря на́ море шумит —
Дрожит дворец хрустальный.

Порою слышит Гарфагар
Норманский клик родимый,
Поднимет руки — и опять
Поникнет, недвижимый.

Порой до слуха долетит
И песнь пловца над морем,
Что про Гаральда сложена́, —
Стеснится сердце горем...

Король застонет, и глаза
Наполнятся слезами...
А фея льнет к его устам
Веселыми устами.

⟨1858⟩

297. ГАСТИНГСКОЕ ПОЛЕ

Глубоко вздыхает вальтамский аббат;
Дошли к нему горькие вести:
Проигран при Гастингсе бой — и король,
Убитый, остался на месте.

Зовет он монахов и им говорит:
«Ты, Асгод, ты, Эльрик, — вы двое —
Идите, сыщите вы труп короля
Гарольда́ меж жертвами боя!»

В печали монахи на поиск пошли;
Вернулись к аббату в печали.
«Нерадостна, отче, господня земля:
Ей дни испытаний настали!

О, горе нам! пал благороднейший муж,
И воля ничтожных над нами:
Грабители делят родную страну
И делают вольных рабами.

Паршивый норманский оборвыш — увы! —
Британским становится лордом;
Везде щеголяют в шитье золотом,
Кого колотили по мордам!

Несчастье тому, кто саксонцем рожден!
Нет участи горше и гаже.
Враги наши будут безбожно хулить
Саксонских святителей даже!

Узнали мы, что́ нам большая звезда
Кровавым огнем предвещала,
Когда на горящей метле в небесах
Средь темной полночи скакала.

Сбылося предвестье, грозившее нам
И нашей отчизне бедами!
Мы были на Гастингском поле, отец, —
Завалено поле телами.

Бродили мы долго, искали везде,
Надеждой и страхом томимы. . .
Увы! королевского тела нигде
Меж трупами там не нашли мы!»

Так молвили Асгод и Эльрик. Аббат,
Сраженный их вестью жестокой,
Поник головою — и молвил потом
Монахам с тоскою глубокой:

«Живет в гриндельфильдском дремучем лесу,
Сношений с людьми не имея,
Одна, в беззащитной избушке своей,
Эдифь Лебединая Шея.

Была как у лебедя шея у ней,
Бела, и стройна, и прекрасна,
И в бозе почивший король наш Гарольд
Когда-то любил ее страстно.

Любил он ее, целовал и ласкал;
Потом разлюбил и покинул.

За днями шли дни, за годами года:
Шестнадцатый год тому минул.

Идите вы, братие, в хижину к ней...
Туда вы поспеете к ночи...
Возьмите с собою на поиск Эдифь:
У женщины зоркие очи.

Вы труп короля принесете сюда;
Над нашим почившим героем
По чину мы долг христианский свершим
И с почестью тело зароем».

Уж в полночь монахи к избушке лесной
Пришли — и стучатся. «Скорее
С постели вставай и за нами иди,
Эдифь Лебединая Шея!

Нас герцог норманский в бою победил,
И много легло нас со славой;
Но пал под мечом и король наш Гарольд
На гастингской ниве кровавой!

Пришли тебя звать мы — искать, где лежит
Меж мертвыми наш повелитель:
Найдя, понесем мы его хоронить
В священную нашу обитель».

Ни слова не молвя, вскочила Эдифь
И вышла к монахам босая.
Ей ветер полночный трепал волоса,
Седые их космы вздувая.

Пошли. По оврагам, по топям и пням
Вела их лесная жилица...
И вот показался утес меловой,
Как в небе зажглася денница.

Белея как саван, взвивался туман
Над полем сраженья; взлетали
С кровавыми клювами стаи ворон —
И дико и мерзко кричали.

Ограблены, голы, без членов, черны,
Валялися трупы повсюду:
Там люди лежали, тут лошадь гнила,
Давя безобразную груду.

Бродила Эдифь по равнине, где меч
Разил и губил без пощады;
Из глаз неподвижных метала она,
Как стрелы, пытливые взгляды.

В крови по колени ходила Эдифь;
Порой рукавами рубахи
От мертвых гнала она стаи ворон.
За нею плелися монахи.

Весь день проискала она короля.
Закат был как зарево красен. . .
Вдруг бедная с криком поникла к земле.
Пронзительный крик был ужасен!

Нашла Лебединая Шея, нашла,
Кого так усердно искала!
Не молвила слова и слез не лила,
И к бледному лику припала. . .

Лобзала его и в чело и в уста
И жалась лицом к его стану;
Лобзала на мертвой груди короля
Кровавую черную рану.

Потом увидала на правом плече
(И к ним приложилась устами)
Три рубчика: в чудно-блаженную ночь
Она нанесла их зубами.

Монахи две жерди меж тем принесли
И доску к жердям привязали,
И на́ доску подняли труп короля
В глубокой, безмолвной печали.

В обитель святую его понесли —
Отпеть и предать погребенью;

За трупом любви своей тихо Эдифь
Пошла похоронною тенью.

И пела надгробные песни она
Так жалобно-детски!.. Звучали
Напевы их скорбно в ночной тишине...
Монахи молитву шептали.

⟨1857⟩

298. АЛЬМАНЗОР

1

Исполинские колонны —
Счетом тысяча и триста —
Подпирают тяжкий купол
Кордуанского собора.

Купол, стены и колонны
Сверху донизу покрыты
Изреченьями Корана
В завитках и арабесках.

Храм воздвигли в честь Аллаха
Мавританские халифы,
Но поток времен туманный
Изменил на свете много.

На высоком минарете,
Где звучал призыв к молитве,
Раздается христианский
Глупый колокол, не голос.

На ступенях, где читалось
Слово мудрое пророка,
Служат жалкую обедню
Бестолковые монахи.

Перед куклами своими
И кадят и распевают...

Дым, козлиное блеянье
И мерцанье глупых свечек!

Альманзор Бен-Абдулла́
Молчалив стоит в соборе,
На колонны мрачно смотрит
И слова такие шепчет:

«О могучие колонны!
В честь Аллы вас украшали,
А теперь служить должны вы
Ненавистным христианам!

Покорилися вы року —
И несете ваше бремя
Терпеливо; как же слабый
Человек не присмиреет?»

И с веселою улыбкой
Альманзор чело склоняет
К изукрашенному полу
Кордуанского собора.

2

Быстро вышел он из храма,
На лихом коне помчался;
Раздувалися по ветру
Кудри влажные и перья.

По дороге к Алколее,
Вдоль реки Гвадальквивира,
Где цветет миндаль душистый
И лимоны золотые, —

Там веселый мчится рыцарь,
Распевает и смеется,
И ему и птицы вторят
И реки журчащей воды.

Донья Клара де Альварес
Обитает в Алколее...

Без отца (он на войне)
Ей житье привольней в замке.

Издалека Альманзору
Слышны трубы и литавры,
И сквозь тень дерев струится
Яркий свет из окон замка.

В замке весело танцуют...
Там двенадцать дам-красавиц
И двенадцать кавалеров...
Альманзор — владыка бала.

Легок, весел, он порхает
По паркету светлой залы,
Ловко всем прекрасным дамам
Рассыпает комплименты.

Вот он возле Изабеллы —
Страстно руки ей целует;
Вот он около Эльвиры —
И глядит ей страстно в очи;

Вот смеется с Леонорой:
«Что́, хорош ли я сегодня?» —
И показывает даме
Крест, нашитый на плаще.

Всех красавиц уверяет
Он в любви и постоянстве;
И Христом божится в вечер
Тридцать раз — по крайней мере.

3

Танцы, музыка и говор
Смолкли в замке алколейском.
Нет ни дам, ни кавалеров,
Всюду свечи догорели.

Лишь вдвоем остались в зале
Альманзор и донья Клара;

Их мерцаньем обливает
Догорающая лампа.

В мягких креслах донья Клара,
На скамейке дремлет рыцарь,
Головой припав усталой
На любимые колени.

Дама розовое масло
Льет с любовью из флакона
На его густые кудри —
И глубоко он вздыхает.

Тихо нежными устами
Шевеля, целует донья
Кудри рыцаря густые —
И чело его темнеет.

Из очей ее прекрасных
Льются слезы на густые
Кудри рыцаря — и рыцарь
Злобно стискивает губы.

Снится: он опять в соборе
С наклоненной головою
Молчалив стоит и слышит
И глухой и мрачный говор.

Слышит — ропщут, негодуя,
Исполинские колонны,
Не хотят терпеть позора
И колеблются со стоном.

Покачнулись — треск и грохот;
Люди в ужасе бледнеют;
Купол падает в осколках...
Воют боги христиан.

⟨*1861*⟩

299. БОГОМОЛЬЦЫ В КЕВЛАРЕ

1

Старушка у окошка;
В постели сын больной.
«Идет народ с крестами, —
Не встанешь ли, родной?»

«Ах, болен я, родная!
В глазах туман и мгла.
Всё сердце изболело,
Как Гретхен умерла».

«Пойдем в Кевлар! Недаром
Туда народ бежит, —
Твое больное сердце
Мать божья исцелит».

Хоругви тихо веют,
Церковный хор поет,
И вьется вдоль по Рейну
Из Кёльна крестный ход.

В толпе бредет старушка,
И с нею сын больной.
«Хвала тебе, Мария!»
Поют они с толпой.

2

Мать божия в Кевларе
Вся в лентах и цветах,
И и́дут к ней больные
С молитвой на устах...

И вместо дара члены
Из воску ей несут —
Тот руку, этот ногу,
И исцеленья ждут.

Принес из воска руку —
И заживет рука;
Принес из воска ногу —
И заживет нога.

На клюшках ковылявший
Плясать и прыгать стал;
Руками не владевший
На скрипке заиграл.

И мать слепила сердце
Из свечки восковой...
«Снеси к пречистой! снимет
Недуг твой как рукой».

Взял сын, вздыхая, сердце;
Пред ликом девы пал...
Из глаз струились слезы;
Он плакал и шептал:

«Пречистая! Святая!
Слезам моим вонми!
Небесная царица!
Печаль мою прими!

Я жил на Рейне, в Кёльне,
С родимою моей,
В том Кёльне, где так много
Часовен и церквей.

Там Гретхен... Ах, не встать ей
Из-под сырой земли!..
О дева пресвятая!
Мне сердце исцели!

Сними недуг ты с сердца,
И чистою душой
Век воспевать я буду
Хвалу тебе, святой!»

3

В каморке тесной спали
И мать и сын больной.
Вошла к ним матерь божья
Неслышною стопой.

К больному наклонилась,
С улыбкой провела
Ему рукой по сердцу —
И, светлая, ушла.

А мать во сне всё видит...
Проснулась на заре.
Встает и слышит — лают
Собаки на дворе.

Сын нем и неподвижен —
Следа в нем жизни нет;
На бледные ланиты
Ложится утра свет.

И мать скрестила руки,
Покорна и ясна.
«Хвала тебе, Мария!» —
Молилася она.

⟨1858⟩

НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

300. РАДОСТЬ И ГОРЕ

Радость — резвая гризетка —
Посидит на месте редко...
Раз-другой поцеловала —
И, гляди, уж убежала!

А старуха Горе дружно
Приласкает, приголубит:
Торопиться ей не нужно —
Посидеть с работой любит.

⟨1853⟩

301. ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

У кого есть много, тот
Еще более возьмет;
А как мало, у того
И последнее уйдет.

Если ж нету ничего,
В гроб ложись — единый путь!
Право жить дано лишь тем,
У кого есть что-нибудь.

Между 1862 и 1865 (?)

302. ОГЛЯДКА НА ПРОШЛОЕ

Благоуханий кухни дольной
Понюхал вволю я, друзья!
Земная жизнь была привольной,
Блаженной жизнью для меня.
Я кофе пил и ел пастеты,
Прекрасной куколкой играл,
Носил атласные жилеты,
В тончайшем фраке щеголял;
В карманах брякали червонцы. . .
А что за конь! а что за дом!
Я жил беспечным богачом. . .
Под золотою лаской солнца
В Долине Счастья я лежал.
Венок лавровый обвивал
Мое чело; благоухая,
Он погружал в отрадный сон,
И в область роз, в отчизну мая

Тем сном я был переселен.
Все чувства сладостно дремали...
Блажен, без дум и без забот,
Я млел... и сами мне влетали
Бекасы жареные в рот.
Порой какой-то чудный гений
Уста шампанским мне кропил...
То были грезы, рой видений!
Они исчезли. Стар и хил,
Лежу теперь в траве росистой.
Как я озяб! как воздух мглистый
Мне давит грудь!.. Не встану я:
Недуг убил во мне все силы, —
И, чуя близкий зов могилы,
Устыжена душа моя...
За радости — за миг их каждый —
Досадой горькой я платил;
Томясь и голодом и жаждой,
Я ел полынь и уксус пил;
Мой день заботы отравляли
Пустой и мелкой суетой,
И комары всю ночь жужжали
Над горемычной головой.
Мне поневоле приходилось
И лгать, и деньги занимать,
И чуть ли даже не случилось
С сумою по миру сбирать.
Теперь устал я от тревоги,
Устал от бед и от скорбей
И, протянув в могиле ноги,
Желал бы выспаться скорей...
Прощайте! Там, за гробом, братья,
Я вас приму в свои объятья!

⟨1853⟩

303. В МАЕ

Кого я любил и кого целовал,
От тех я и худшее зло испытал.
Разбито сердце! А небо блещет;
Всё вешнею негой горит и трепещет.

Цветет весна. Опушились леса;
В них весело птичьи звенят голоса,
И запах цветов раздражительно-сладок...
О мир прекрасный! как ты мне гадок!

Милей бы мне Орка подземная мгла:
Там резких контрастов душа б не нашла!
Сносней для сердец, неусыпно болящих,
У темных вод Стикса, немолчно журчащих.

Их вечный ропот меж черных плит,
И мерзостный крик стимфалид,
И фурий пронзительно-дикое пенье,
И Цербера лай в отдаленье —

Всё кстати пришлось бы там скорби моей!
В унылой юдоли, средь царства теней,
В проклятых владеньях твоих, Персефона,
Всё создано только для вопля и стона.

А здесь — о ужас! — здесь всё: небеса,
И солнце, и розы — язвят мне глаза,
И май надо мной насмехается ясный...
О, как ты гадок мне, мир прекрасный!

⟨1861⟩

304. УМИРАЮЩИЕ

Солнца, счастья шел искать...
Наг и плох вернулся вспять.
И белье и упованья
Истаскал в своем скитаньи.

Скуден силой, худ лицом...
Но — утешься! — близко дом.
Как у матери любимой,
Сладко спать в земле родимой.

А иной в пути стал хром —
Не вернется в отчий дом.
Плачет в горе безутешном...
Боже! смилуйся над грешным!

‹1857›

305. ОБОРВАНЦЫ

Богатых можно приобресть
Лишь плоской лестью нам с тобой:
Ведь деньги плоски, милый мой,
И плоская нужна им лесть.

Усердней ладаном кури
Пред каждым золотым тельцом,
Лежи в пыли, в навозе лбом,
Лишь в меру не хвали смотри!

Хлеб дорог: всё неурожай;
Слова ж не стоят ничего.
Пой мецената, пса его
И с богом брюхо набивай!

Между 1862 и 1865 (?)

306. НЕСОВЕРШЕНСТВО

Ни в чем нет совершенства в этом мире:
В колючках даже пышной розы цвет;
Я думаю, без недостатков нет
И ангелов в заоблачном эфире.

Тюльпан не пахнет, как ни мил для глаз;
И честность, говорят, иным не к роже;
Не заколись Лукреция — как раз,
Пожалуй, забеременела б тоже.

На гнусных лапах движется павлин;
Милейшая из женщин может сплин
И скуку нам нагнать, как «Генриада»
Вольтерова иль даже «Мессиада».

Нет по-испански знающих коров;
Не знает Массман двух латинских слов.
Зад мраморной Венеры слишком гладок;
Нос Массмана уж слишком мал и гадок.

В душистом соте — жала берегись!
Как часто плохи рифмы в песне сладкой!
И Ахиллес был с уязвимой пяткой;
И Александр Дюма (отец) — метис!

Звезде небес — как ярко б ни сияла —
Порой упасть бывает суждено;
Нередко пахнет бочкою вино;
И в самом солнце пятен есть немало!

И ты, мой свет, так сладко не гляди!
И ты от недостатков не изъята.
Чего же нет — ты спросишь — у тебя-то?
Да груди нет, и нет души в груди.

Между 1862 и 1865 (?)

307. БЛАГОЧЕСТИВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Осторожней, душа ты бессмертная, будь,
    Чтоб беды не случилось с тобою,
    Как расстанешься с жизнью земною.
Среди смерти и ночи лежит тебе путь.

Пред столицею света, у врат золотых,
    На часах стоят божьи солдаты.
    Спросят только про то, как жила ты;
А про имя и званье нет спроса у них.

Оставляет у входа пришелец земной
Обувь пыльную, жавшую ноги.
Проходи! Тут найдешь ты с дороги
Хоры музыки — мягкие туфли — покой!

Между 1862 и 1865 (?)

308. ОСТЫВШИЙ

Когда умрешь, в земле лежать
Придется долго без движенья.
Боюсь, придется долго ждать
Мне дня из мертвых воскресенья.

Пока свет жизни не погас,
Не перестало сердце биться,
Еще хотелось бы мне раз
Любовью женской насладиться.

Блондинку бы! чтоб кроткий взгляд
Сиял, как свет луны спокойной:
Пред смертью был плохой бы лад
С брюнеткою, как солнце знойной.

Кто молод, полон свежих сил,
Тот хочет страстных бурь, волнений...,
И клятвы, и ревнивый пыл...
Чтó шуму, гаму! чтó мучений!

Мне лет и сил не воротить,
И о страстях чужда мне дума.
Хотел бы тихо я любить,
Хотел бы счастлив быть без шума.

Между 1862 и 1865 (?)

309. ENFANT PERDU[1]

Забытый часовой в Войне Свободы,
Я тридцать лет свой пост не покидал.
Победы я не ждал, сражаясь годы;
Что не вернусь, не уцелею, знал.

Я день и ночь стоял не засыпая,
Пока в палатках храбрые друзья
Все спали, громким храпом не давая
Забыться мне, хоть и вздремнул бы я.

А ночью — скука, да и страх порою...
(Дурак лишь не боится ничего.)
Я бойким свистом или песнью злою
Их отгонял от сердца моего.

Ружье в руках, всегда на страже ухо...
Чуть тварь какую близко разгляжу,
Уж не уйдет! Как раз дрянное брюхо
Насквозь горячей пулей просажу.

Случалось, и такая тварь, бывало,
Прицелится — и метко попадет.
Не утаю — теперь в том проку мало —
Я весь изранен; кровь моя течет.

Где ж смена? Кровь течет; слабеет тело...
Один упал — другие подходи!
Но я не побежден: оружье цело,
Лишь сердце порвалось в моей груди.

1863

310. СКОРБЬ ВАВИЛОНСКАЯ

Смерть меня кличет, моя дорогая!
О! для чего, умирая —

---

[1] Буквально — погибшее дитя; здесь — солдат, добровольно вызвавшийся выполнять опасное поручение (франц.). — *Ред.*

О! для чего, умирая любя,
Я не в лесу покидаю тебя?..
В темном лесу, где погибель таится,
Неотразимо-грозна,
Волк завывает, коршун гнездится,
С бешеным хрюканьем бродит веприца,
Бурого вепря жена.

Смерть меня кличет... О горе!
Лучше бы в утлом челне
Бросил средь бурного моря
Я существо, драгоценное мне!..
Яростно воет и волны вздымает
Там ураган;
Будит на дне и наверх высылает
Страшных чудовищ своих океан;
Всё там грозит неминучей напастью:
Мчится акула с разинутой пастью,
Вынырнул жадный кайман.

Верь мне, о друг мой прекрасный!
Как ни опасно
В море сердитом, во мраке лесном,
Вдвое опаснее — где мы живем.
Верь мне: ужаснее волка, веприцы,
Злее акул и всех чудищ морских —
Звери Парижа, всемирной столицы,
В играх, и песнях, и плясках своих.
Замерло сердце, и разум мутится...
Вкруг сироты моей, дурью объят,
Этот блестящий Париж суетится,
Дьяволам — рай, ангелам — ад!

Что так жужжит вкруг постели?
Черные мухи — озлобленный рой...
Боже! откуда они налетели!
Свет застилая, кишат предо мной...
Нá нос и нá лоб садятся — кусают...
Точно людские, глаза у иных...
Эта вон с хоботом... Страшно мне их!
Прочь! отвяжитесь!.. Еще налетают...

Словно свинцом придавило мне грудь...
Жить уж немного...
Стук в голове — и возня — и тревога:
Знать, мой рассудок сбирается в путь!

⟨*1857*⟩

311—331. СЕВЕРНОЕ МОРЕ

Часть первая

1. КОРОНОВАНИЕ

Песни, вы, добрые песни мои!
Вставайте! наденьте доспехи!
Трубите в трубы
И на щите поднимите
Мою красавицу!
Отныне всевластной царицей
В сердце моем она будет
Царить и править.

Слава тебе, молодая царица!

От солнца далекого я оторву
Клочок лучезарного,
Багряного золота
И сотку из него
Венец на чело твое царское;
От тонкой лазурной
Шелковой ткани небесного полога,
Осыпанной яркими
Алмазами ночи,
Отрежу кусок драгоценный
И им, как царской порфирой,
Одену твой царственный стан.
Я дам тебе свиту
Из щепетильно-нарядных сонетов,
Терцин горделивых и вежливых стансов;

У тебя скороходами будут
Мои остро́ты,
Придворным шутом —
Моя фантазия,
Герольдом с смеющейся слезкой в щите —
Мой юмор;
А сам я, царица,
Сам я колени склоню пред тобой
И, присягая тебе, поднесу
На бархатной алой подушке
Ту малую долю рассудка,
Что мне из жалости
Оставила прежняя
Царица моя.

2. СУМЕРКИ

На бледном морском берегу
Сидел одинок я и грустно-задумчив.
Всё глужбе спускалось солнце, бросая
Багровый свой свет полосами
По водной равнине,
И беглые, дальние волны,
Приливом гонимые,
Шумно и пенясь бежали
К берегу ближе и ближе.
В чудном их шуме
Слышался шепот и свист,
Смех и роптанье,
Вздохи и радостный гул и порой,
Тихо-заветное,
Будто над детскою люлькою, пенье...
И мне казалось,
Слышу я голос забытых преданий,
Слышу старинные чудные сказки —
Те, что когда-то ребенком
Слыхал от соседних детей,
Как все мы, бывало,
Вечером летним теснимся
Послушать тихих рассказов
На ступеньках крыльца,
И чутко в нас бьется

Детское сердце,
И с любопытством глядят
Умные детские глазки;
А взрослые девушки
Из-за душистых цветочных кустов
Глядят через улицу в окна...
На розовых лицах улыбка, —
И месяц их óблил сияньем.

3. ЗАКАТ СОЛНЦА

Огненно-красное солнце уходит
В далеко волнами шумящее,
Серебром окаймленное море;
Воздушные тучки, прозрачны и алы,
Несутся за ним; а напротив,
Из хмурых осенних облачных груд
Грустным и мертвенно-бледным лицом
Смотрит луна; а за нею,
Словно мелкие искры,
В дали туманной
Мерцают звезды.

Некогда в небе сияли,
В брачном союзе,
Луна-богиня и Солнце-бог;
А вкруг их роились звезды,
Невинные дети-малютки.

Но злым языком клевета зашипела,
И разделилась враждебно
В небе чета лучезарная.

И нынче днем в одиноком величии
Ходит пó небу солнце,
За гордый свой блеск
Много молимое, много воспетое
Гордыми, счастьем богатыми смертными.
А ночью
По небу бродит луна,
Бедная мать,

Со своими сиротками-звездами,
Нема и печальна...
И девушки любящим сердцем
И кроткой душою поэты
Ее встречают
И ей посвящают
Слезы и песни.

Женским незлобивым сердцем
Всё еще любит луна
Красавца мужа,
И по́д вечер часто,
Дрожащая, бледная,
Глядит потихоньку из тучек прозрачных
И скорбным взглядом своим провожает
Уходящее солнце,
И, кажется, хочет
Крикнуть ему: «Погоди!
Дети зовут тебя!»
Но упрямое солнце
При виде богини
Вспыхнет багровым румянцем
Скорби и гнева
И беспощадно уйдет на свое одинокое,
Влажно-холодное ложе.

Так-то шипящая злоба
Скорбь и погибель вселила
Даже средь вечных богов,
И бедные боги
Грустно проходят по небу
Свой путь безутешный
И бесконечный,
И смерти им нет, и влачат они вечно
Свое лучезарное горе.

Так мне ль — человеку,
Низко поставленному,
Смертью одаренному, —
Мне ли роптать на судьбу?

4. НОЧЬ НА БЕРЕГУ

Ночь холодна и беззвездна;
Море кипит, и над морем,
Нá брюхе лежа,
Неуклюжий северный ветер
Таинственным,
Прерывисто-хриплым
Голосом с морем болтает,
Словно брюзгливый старик,
Вдруг разгулявшийся в тесной беседе...
Много у ветра рассказов —
Много безумных историй,
Сказок богатырских, смешных до уморы,
Норвежских саг стародавних...
Порой средь рассказа,
Далеко мрак оглашая,
Он вдруг захохочет
Или начнет завывать
Заклятья из Эдды и руны,
Темно-упорные, чаро-могучие...
И мóря белые чада тогда
Высоко скачут из волн и ликуют,
Хмельны разгулом.

Меж тем по волной омоченным пескам
Плоского берега
Проходит путник,
И сердце кипит в нем мятежней
И волн и ветра.
Куда он ни ступит,
Сыплются искры, трещат
Пестрых раковин кучки...
И, серым плащом своим кутаясь,
Идет он быстро
Средь грозной ночи.
Издали манит его огонек,
Кротко, приветно мерцая
В одинокой хате рыбачьей.

На море брат и отец,
И одна-одинешенька в хате

Осталась дочь рыбака —
Чудно-прекрасная дочь рыбака.
Сидит перед печью она и внимает
Сладостно-вещему,
Заветному пенью
В котле кипящей воды,
И в пламя бросает
Трескучий хворост,
И дует на пламя...
И в трепетно-красном сияньи
Волшебно прекрасны
Цветущее личико
И нежное белое плечико,
Так робко глядящее
Из-под грубой серой сорочки,
И хлопотливая ручка-малютка...
Ручкой она поправляет
Пеструю юбочку
На стройных бедрах.

Но вдруг распахнулась дверь,
И в хижину входит
Ночной скиталец.
С любовью он смотрит
На белую, стройную девушку,
И девушка трепетно-робко
Стоит перед ним — как лилея,
От ветра дрожащая.
Он наземь бросает свой плащ,
А сам смеется
И говорит:

«Видишь, дитя, как я слово держу!
Вот и пришел, и со мною пришло
Старое время, как боги небесные
Сходили к дщерям людским,
И дщерей людских обнимали,
И с ними рождали
Скипетроносных царей и героев,
Землю дививших.
Впрочем, дитя, моему божеству
Не изумляйся ты много!

Сделай-ка лучше мне чаю — да с ромом!
Ночь холодна; а в такую погоду
Зябнем и мы,
Вечные боги, — и ходим потом
С наибожественным насморком
И с кашлем бессмертным!»

5. ПОСЕЙДОН

Солнце играло лучами
Над вечно-зыблемым морем;
Вдали на рейде
Блестел корабль, на котором
Домой я ехать собрался.
Да не было ветра попутного —
И я еще мирно сидел
На белой отмели
Пустынного берега
И песнь Одиссея читал —
Старую, вечно юную песнь...
И со страниц ее, морем шумящих,
Радостно веяло мне
Дыханьем богов,
И светозарной весной человека,
И небом Эллады цветущим.

Благородное сердце мое
Всюду верно следило
За сыном Лаэрта в скорбях и скитаньях:
Садилось, печальное, с ним
За радушный очаг,
Где царицы пурпур прядут;
И лгать, и бежать ему помогало
Из объятий нимф, из пещер исполинов;
И в киммерийскую ночь
Его провожало;
Было с ним в бурю — в крушенье,
И несказанное
Терпело горе.

Я вздохнул и сказал:
«Злой Посейдон!

Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь не вернуться на родину».

Лишь только я молвил,
Запенилось море,
И из белых волн поднялась
Осокою венчанная
Глава владыки морей,
И он воскликнул с насмешкой:

«Не бойся, поэтик!
Поверь, я не трону твой бедный кораблик
И жизнь твою драгоценную
Не стану смущать опасною качкой.
Ведь ты, поэтик,
Меня никогда не гневил; ни единой
Башенки ты не разрушил в священном
Граде Приама;
Ни волоска не спалил ты в реснице
Моего Полифема, —
И никогда не давала
Мудрых советов тебе
Богиня ума, Паллада Афина».

Молвил — и снова
В море нырнул Посейдон. . .
И над грубою шуткой
Моряка под водой засмеялись
Амфитрита, нелепая женщина-рыба,
И глупые дочки Нерея.

6. ПРИЗНАНИЕ

Тихо с сумраком вечер подкрался;
Грозней бушевало море. . .
А я сидел на прибрежьи, глядя
На белую пляску валов,
И сердце мне страстной тоской охватило —
Глубокой тоской по тебе,
Прекрасный образ,
Всюду мне предстающий,
Всюду зовущий меня,

Всюду — всюду —
В шуме ветра, и в рокоте моря,
И в собственных вздохах моих.

Легкою тростью я написал на песке:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»
Но злые волны плеснули
На нежное слово любви
И слово то стерли и смыли.

Ломкий тростник,
Зыбкий песок и текучие волны!
Вам я больше не верю!
Темнеет небо — и сердце мятежней во мне...
Мощной рукою в норвежских лесах
С корнем я вырву
Самую гордую ель, и ее обмакну
В раскаленное Этны жерло,
И этим огнем напоенным
Исполинским пером напишу
На темном своде небесном:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»

И каждую ночь будут в небе
Неугасимо гореть письмена золотые,
И все поколения внуков и правнуков
Будут ликуя читать
Слова небесные:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»

7. НОЧЬЮ В КАЮТЕ

Свои у моря перлы,
Свои у неба звезды.
Сердце, сердце мое!
Своя любовь у тебя.

Велики море и небо;
Но сердце мое необъятней...

И краше перлов и звезд
Сияет и светит любовь моя.

Прекрасное дитя!
Прийди ко мне на сердце!
И море, и небо, и сердце мое
Томятся жаждой любви.

К голубой небесной ткани,
Где так чудно блещут звезды,
Я прижался бы устами
Крепко, страстно — бурно плача.

Очи милой — эти звезды.
Переливно там играя,
Шлют они привет мне нежный
С голубой небесной ткани.

К голубой небесной ткани,
К вам, родные очи милой,
Простираю страстно руки
И прошу и умоляю:

«Звезды-очи! кротким миром
Осените вы мне душу!
Пусть умру — и буду в небе,
В вашем небе, вместе с вами!»

Из очей небесных льются
В сумрак трепетные искры,
И душа моя всё дальше,
Дальше рвется в страстной скорби.

Очи неба! ваши слезы
Лейте мне в больную душу!
Пусть душа моя слезами,
Переполнясь, захлебнется!

Убаюканный волнами,
Будто в думах, будто в грезах,

Тихо я лежу в каюте,
В уголке, на темной койке.

В люк мне видны небо, звезды...
Звезды ясны и прекрасны...
Это — радостные очи
Дорогой, родной и милой.

Эти радостные очи
Не дремля следят за мною
Кротким светом и приветом
С голубой, небесной выси.

И гляжу я ненаглядно,
Страстно в небо голубое...
Только б вас, родные очи,
Не подернуло туманом!

В дощатую стену,
Куда я лежу головой,
Грезами полной,
Стучатся волны — буйные волны.
Они шумят и бормочут
Мне под самое ухо: «Безумный!
Рука у тебя коротка,
А небо далеко,
И звезды там крепко
Золотыми гвоздями прибиты.
Напрасно тоскуешь, напрасно вздыхаешь...
Уснул бы... право, умней!»

Мне снился тихий дол в краю безлюдном;
Как саван, белый снег на нем лежал.
Под белым снегом я в могиле спал
Сном одиноким, мертвым, беспробудным.

Но теплились, средь ночи голубой,
Родные звезды над моей могилой.
Их взор горел победоносной силой,
Любовью безмятежной и святой.

8. БУРЯ

Ярится буря
И хлещет волны,
И волны, в пене и гневной тревоге,
Громоздятся высоко,
Словно зыбкие, белые горы,
И кораблик на них
Взбирается с тяжким трудом
И вдруг свергается
В черный, широко разинутый зев
Водной пучины.

О море!
Мать красоты, из пены рожденной!
Праматерь любви! пощади меня!
Уж чует труп и порхает над нами
Белым призраком чайка,
И точит о мачту свой клюв,
И, жадная, алчет сердца,
Что звучит хвалою
Дщери твоей,
Что взято в игрушки плутишкою внуком
твоим.

Мои моленья напрасны!
Глохнет мой голос в грохоте бури,
В диком шуме ветров.
Что за гам и за свист! что за рев и за вой!
Словно всё море —
Дом сумасшедших звуков.
Но меж звуками теми
Мне слышится внятно
Чудное арфы бряцанье,
Страстное, душу влекущее пенье —
Душу влекущее, душу зовущее...
И узнаю я тот голос.

Далеко, на темных утесах
Шотландского берега,
Где лепится серым гнездом
За́мок над гневно бьющимся морем, —
Там, под стрельчатым окном,

Стоит прекрасная,
Больная женщина,
Нежно-прозрачная, мраморно-бледная,
И поет и на арфе играет,
А ветер взвевает ей длинные кудри
И темную песню ее
Несет по широкому, бурному морю.

9. МОРСКАЯ ТИШЬ

Тишь и солнце! Свет горячий
Обнял водные равнины,
И корабль златую влагу
Режет следом изумрудным.

У руля лежит на брюхе
И храпит усталый боцман;
Парус штопая, у мачты
Приютился грязный юнга.

Щеки пышут из-под грязи;
Рот широкий, как от боли,
Стиснут; кажется, слезами
Брызнут вдруг глаза большие.

Капитан его ругает,
Страшно топая ногами...
«Как ты смел — скажи, каналья!
Как ты смел стянуть селедку?»

Тишь и гладь! Со дна всплывает
Рыбка-умница; на солнце
Греет яркую головку
И играет резвым плесом.

Но стрелой из поднебесья
Чайка падает на рыбку —
И с добычей в жадном клюве
Снова в небе исчезает.

10. МОРСКОЙ ПРИЗРАК

А я лежал на краю корабля и смотрел
Дремотным оком
В зеркально-прозрачную воду,
Всё глубже и глубже
Взглядом в нее проникая...
И вот в глубине, на самом дне моря,
Сначала как будто в тумане,
Потом всё ясней и ясней
Показались церковные главы и башни,
И наконец, весь в сиянии солнца,
Целый город,
Старобытно-фламандский,
С живою толпою народной.
Важные граждане в черных плащах,
В белых фрезах, в почетных цепях,
С длинными шпагами, с длинными лицами
Проходят по рыночной площади,
Народом кипящей,
К ратуше
С высоким крыльцом,
Где каменной стражей
Стоят императоров ста́туи
С мечами и скиптрами.
Неподалеку, вдоль длинного ряда домов,
Где окна так ярко блестят,
Где пирамидами липы подстрижены,
Гуляют, шелком платьев шумя,
Стройные девушки,
И их цветущие лица
Скромно глядят из-под шапочек черных
И из-под золота пышных волос.
Мимо гордо проходят,
Им головою кивая,
Пестрые франты в испанском наряде.
Старые женщины в желтых
Полинявших платьях,
Со святцами, с четками
Мелкими идут шажками к собору...
Уж с башен благовест льется,
А в церкви орган загудел.

И меня самого эти дальние звуки
Охватили таинственным трепетом...
Бесконечная, страстная грусть
И глубокая скорбь
Тихо крадутся в сердце ко мне —
Едва исцеленное сердце...
И кажется, будто сердечные раны мои
Уста любимые
Лобзаньями вновь открывают,
И снова кровь из них льется —
Горячими, красными каплями,
И капли те падают тихо,
Тихо, одна за другой,
На старый дом, в том глубоком,
Подводном городе,
На старый, с высокою кровлею дом,
Унылый, пустой и безлюдный...
Только внизу, под окном,
Сидит, пригорюнясь, там девушка —
Словно бедный, забытый ребенок...
И я знаю тебя, мое бедное
Дитя позабытое!

Так вот куда,
В какую глубокую глубь
От меня ты скрылась
Из детской прихоти,
И выйти уж больше на свет не могла,
И сидела одна, как чужая,
Средь чуждых людей,
Меж тем как, скорбный душою,
По целой земле я искал тебя —
Всё только искал тебя,
Вечно-любимая,
Давно-утраченная,
Наконец-обретенная!
Да, я нашел тебя — и опять
Вижу прекрасное
Лицо твое, вижу глаза,
Умные, преданно-добрые,
Милую вижу улыбку...
И уж теперь не расстанусь с тобой,

И к тебе низойду,
И, раскрывши объятья,
Припаду на сердце к тебе!

Но вовремя тут капитан
Схватил меня за ногу,
И дальше от края меня оттащил,
И молвил, сердито смеясь:
«В уме ли вы, доктор!»

11. ОЧИЩЕНИЕ

Останься в морской глубине ты,
Безумная греза,
Ты, некогда много ночей
Мне сердце лживым счастьем терзавшая,
А ныне, призраком в лоне морском,
Мне и средь белого дня угрожающая!
Останься ты в бездне на вечные веки!
И я заодно к тебе сброшу
Все мои скорби и все прегрешения,
И шапку безумства, звеневшую
Так долго над жалкой моей головой,
И гладко-холодную
Змеиную кожу
Лицемерия,
Что долго так душу мою обвивала —
Душу больную,
Бога отвергшую, небо отвергшую,
Окаянную душу!
Ой-гой! Ветер крепнет!
Вверх паруса! .. Заплескали они и надулись. . .
Вдоль по погибельно-тихой равнине
Несется корабль —
И ликует душа на свободе!

Часть вторая

12. УТРЕННИЙ ПРИВЕТ

Фалатта! Фалатта!
Привет тебе, вечное море!
Привет тебе десять тысяч раз
От ликующего сердца —
Такой, как некогда слышало ты
От десяти тысяч
Сердец греческих,
С бедами боровшихся,
По отчизне томившихся,
Всемирно славных сердец!

Вставали волны —
Вставали, шумели,
И солнце их обливало
Игривым румяным светом.
Стаи вспугнутых чаек
Прочь отлетали с громкими криками;
Били копытами кони; гремели щиты, —
И разносилось далече кличем победным:
Фалатта! Фалатта!

Привет тебе, вечное море!
Родным языком мне шумят твои воды;
Грезы детства встают предо мной
Над твоим зыбучим простором,
И сызнова мне повторяет
Старая память былые рассказы
О всех дорогих и милых игрушках,
О святочных, пышных подарках,
О красных деревьях коралловых,
О злато-чешуйчатых рыбках,
О жемчуге желтом, о грудах
Раковин пестрых,
Что ты бережливо таишь
В своем прозрачном,
Хрустальном доме.

О! ка́к я в чужбине томился!
Словно увядший цветок
В жестянке ботаника,
Лежало в груди моей сердце.
Мне кажется,
Будто я целую долгую зиму, больной,
Был заперт в темном больничном покое
И вдруг нежданно его покинул —
И мне ослепительно блещет навстречу
Весна изумрудная,
Солнцем пробужденная,
И молодые цветы
Глядят на меня
Душистыми, пестрыми глазками,
И всё благовонием дышит,
И всё гудит, и живет, и смеется,
И в небе лазурном
Распевают птицы...
Фалатта! Фалатта!

О храброе — и в отступлении храброе сердце!
Как часто, как горестно часто
Тебя теснили
Варварки севера;
Сыпали жгучие стрелы в тебя
Из больших, победительных глаз;
Грозили мне грудь раскроить
Кривыми мечами слов;
Гвоздеобразными письмами
Бедный мой, оглушенный
Мозг разбивали...
Напрасно я крылся щитом;
Стрелы свистали, и падал удар за ударом...
И вот оттеснили меня
Варварки севера к самому морю,
И, полною грудью дыша,
Я море приветствую —
Спасительно-чудное море...
Фалатта! Фалатта!

13. ГРОЗА

Тяжко нависла над морем гроза,
И черную стену туч
Зубчатым лучом прорезает
Молния, быстро светя и быстро
Исчезая, как беглая мысль
На челе Крониона.
Далече по бурно-пустынным водам
Грохочет гром,
И скачут белые кони-валы,
Самим Бореем рожденные
От чудных кобылиц Эрихтона,
И в жалком испуге порхает
Морская птица,
Как тень у вод Стикса,
Хароном оттолкнутая
От барки его полуночной.

Бедный, резвый кораблик!
Пришлось пуститься ему
В опасную пляску!
Эол ему выслал
Самых искусных своих музыкантов:
Пусть поиграют погромче, а он веселее
попляшет!
Один громко свищет, другой трубит,
А третий водит по струнам
Глухого баса...
И корабельщик
Едва стоит на ногах у руля,
И смотрит, глаз не сводя, на компас,
Дрожащую душу кораблика,
И руки с мольбой к небесам простирает...
«Спаси нас, Кастор, воинственный всадник,
И ты, кулачный боец Полидевк!»

14. КРУШЕНИЕ

Любовь и надежда! всё погибло!
И сам я как труп —
Выброшен морем сердитым —

Лежу на пустынном,
Унылом береге.
Передо мной водяная пустыня колышется;
За мною лишь горе и бедствие;
А надо мною плывут облака,
Безлично-серые дочери воздуха,
Что черпают воду из моря
Туманными ведрами,
И тащат и тащат ее через силу,
И снова в море ее проливают...
Труд печальный и скучный —
И бесполезный, как жизнь моя.

Волны рокочут, чайки кричат...
Воспоминанья старинные веют мне на́ душу...
Забытые грезы, потухшие образы,
Мучительно сладкие, вновь возникают.

Живет на севере женщина,
Прекрасная, царственно-пышная...
Стан ее, стройный как пальма,
Страстно охвачен белой одеждой;
Темные, пышные кудри,
Словно блаженная ночь
С увенчанной косами
Головы разливаясь, волшебно змеятся
Вкруг чудного, бледного лика;
И, величаво-могучи, горят ее очи,
Словно два черные солнца.

О черные солнцы! как часто —
Как часто восторженно я упивался из вас
Диким огнем вдохновенья
И стоял, цепенея,
Полон пламенным хмелем...
И тогда голубино-кроткой улыбкой
Вдруг оживлялись гордые губы,
И с гордых губ
Сливалось слово
Нежнее лунного света,
Отраднее запаха розы,

И душа ликовала во мне —
И к небу орлом возлетала.

Молчите вы, волны и чайки!
Всё миновало! Любовь и надежда —
Надежда и счастье! Лежу я на береге,
Одинокий, морем ограбленный,
И к сырому песку
Горячим лицом припадаю.

15. НА ЗАКАТЕ

Прекрасное солнце
Спокойно склонилось в море;
Зыбкие волны окрасила
Темная ночь,
И только заря осыпает их
Золотыми лучами;
И шумная сила прилива
Белые волны теснит к берегам,
И волны скачут в поспешном веселье,
Как стада белорунных овец,
Что вечером к дому
Гонит пастух, распевая.

«Как солнце прекрасно!» —
Сказал мне по долгом молчаньи мой друг,
Со мною у моря бродивший...
И полугрустно, полушутливо
Он стал уверять меня,
Будто солнце — прекрасная женщина,
Которой пришлось поневоле
Выйти замуж за старого бога морей...
И днем она радостно по небу ходит
В пурпурной одежде,
Блистая алмазами,
И все ее любят, и все ей дивятся —
Все земные созданья,
И всех созданий земных утешает
Свет и тепло ее взгляда;
А вечером грустно-невольно
Она возвращается

Во влажный дворец, на холодную грудь
Седого мужа.

«Поверь мне! — прибавил мой друг...
А сам смеялся,
Потом вздыхал — и снова смеялся...
Это одно из нежнейших супружеств!
Они или спят, иль бранятся —
Так бранятся, что море высоко вскипает,
И в шуме волн мореходы
Слышат, как старый жену осыпает
Страшною бранью...
«Круглая ты потаскушка вселенной!
Лучеблудница!
Целый ты день горяча для других;
А ночью,
Для меня — холодна ты, устала!»
После таких увещаний постельных, конечно,
Ударяется в слезы
Гордое солнце — и рок свой клянет...
Клянет так долго и горько,
Что бог морской
С отчаянья прочь из постели кидается
И поскорее наверх выплывает —
Воздухом свежим дохнуть, освежиться.

Я сам его видел прошедшею ночью:
По́ пояс вынырнул он из воды
В байковой желтой фуфайке,
В белом как снег ночном колпаке,
Нависшем над старым
Истощенным лицом».

16. ПЕСНЬ ОКЕАНИД

Меркнет вечернее море,
И одинок, со своей одинокой душой,
Сидит человек на пустом берегу
И смотрит холодным,
Мертвенным взором
Ввысь, на далекое,
Холодное, мертвое небо

И на широкое море,
Волнами шумящее.
И по широкому,
Волнами шумящему морю,
Вдаль, как пловцы воздушные,
Несутся вздохи его —
И к нему возвращаются грустны;
Закрытым нашли они сердце,
Куда пристать хотели...
И громко он стонет, так громко,
Что белые чайки
С песчаных гнезд подымаются
И носятся с криком над ним...
И он говорит им смеясь:

«Черноногие птицы!
На белых крыльях над морем вы носитесь;
Кривым своим клювом
Пьете воду морскую;
Жрете ворвань и мясо тюленье...
Горька ваша жизнь, как и пища!
А я, счастливец, вкушаю лишь сласти:
Питаюсь сладостным запахом розы,
Соловьиной невесты,
Вскормленной месячным светом;
Питаюсь еще сладчайшими
Пирожками с битыми сливками;
Вкушаю и то, что слаще всего, —
Сладкое счастье любви
И сладкое счастье взаимности!

Она любит меня! она любит меня!
Прекрасная дева!
Теперь она дома, в светлице своей, у окна,
И смотрит в вечерний сумрак —
Вдаль, на большую дорогу,
И ждет, и тоскует по мне, ей-богу!
Но тщетно и ждет и вздыхает...
Вздыхая, идет она в сад,
Гуляет пó саду
Среди ароматов, в сияньи луны,
С цветами ведет разговор

И им говорит про меня:
Как я — ее милый — хорош,
Как мил и любезен — ей-богу!
Потом и в постели, во сне, перед нею,
Даря ее счастьем, мелькает
Мой милый образ;
И даже утром, за кофе, она
На бутерброде блестящем
Видит мой лик дорогой —
И страстно съедает его, ей-богу!»

Так он хвастает долго,
И порой раздается над ним,
Словно насмешливый хохот,
Крик порхающих чаек.
Вот наплывают ночные туманы;
Месяц — желтый, как осенью лист, —
Грустно сквозь сизого облака смотрит...
Волны морские встают и шумят...
И из пучины шумящего моря
Грустно, как ветра осеннего стон,
Слышится пенье.
Океаниды поют,
Милосердые, чудные девы морские...
И слышнее других голосов
Ласковый голос
Сереброногой супруги Пелея...
Океаниды уныло поют:

«Безумец! безумец! хвастливый безумец!
Скорбью истерзанный!
Убиты надежды твои,
Игривые дети души,
И сердце твое, словно сердце Ниобы,
Окаменело от горя.
Сгущается мрак у тебя в голове,
И вьются средь этого мрака,
Как молнии, мысли безумные!
И хвастаешь ты от страданья!
Безумец! безумец! хвастливый безумец!
Упрям ты, как древний твой предок,
Высокий титан, что похитил

Небесный огонь у богов
И людям принес его,
И, коршуном мучимый,
К утесу прикованный,
Олимпу грозил, и стонал, и ругался,
Так, что мы слышали голос его
В лоне глубокого моря
И с утешительной песнью
Вышли из моря к нему.
Безумец! безумец! хвастливый безумец!
Ты ведь бессильней его,
И было б умней для тебя
Влачить терпеливо
Тяжелое бремя скорбей —
Влачить его долго, так долго,
Пока и Атлас не утратит терпенья
И тяжкого мира не сбросит с плеча
В ночь без рассвета!»

Долго так пели в пучине
Милосердые, чудные девы морские.
Но зашумели грознее валы,
Пение их заглушая;
В тучах спрятался месяц; раскрыла
Черную пасть свою ночь...
Долго сидел я во мраке и плакал.

17. БОГИ ГРЕЦИИ

Полный месяц! в твоем сияньи,
Словно текучее золото,
Блещет море.
Кажется, будто волшебным слияньем
Дня с полуночною мглою одета
Равнина песчаного берега.
А по ясно-лазурному,
Беззвездному небу
Белой грядою плывут облака,
Словно богов колоссальные лики
Из блестящего мрамора.

Не облака это! нет!
Это сами они —

Боги Эллады,
Некогда радостно миром владевшие,
А ныне в изгнаньи и в смертном томленьи,
Как призраки, грустно бродящие
По небу полночному.
Благоговейно, как будто объятый
Странными чарами, я созерцаю
Средь пантеона небесного
Безмолвно-торжественный,
Тихий ход исполинов воздушных.
Вот Кронион, надзвездный владыка!
Белы как снег его кудри —
Олимп потрясавшие, чудные кудри;
В деснице он держит погасший перун;
Скорбь и невзгода
Видны в лице у него;
Но не исчезла и старая гордость.
Лучше было то время, о Зевс!
Когда небесно тебя услаждали
Нимфы и гекатомбы!
Но не вечно и боги царят:
Старых теснят молодые и гонят,
Как некогда сам ты гнал и теснил
Седого отца и титанов,
Дядей своих, Юпитер-Паррицида!
Узнаю и тебя,
Гордая Гера!
Не спаслась ты ревнивой тревогой,
И скипетр достался другой,
И ты не царица уж в небе;
И неподвижны твои
Большие очи,
И немощны руки лилейные,
И месть бессильна твоя
К богооплодотворенной деве
И к чудотворцу божию сыну.
Узнаю и тебя, Паллада Афина!
Эгидой своей и премудростью
Спасти не могла ты
Богов от погибели.
И тебя, и тебя узнаю, Афродита!
Древле златая! ныне серебряная!

Правда, всё так же твой пояс
Прелестью дивной тебя облекает;
Но втайне страшусь я твоей красоты,
И если б меня осчастливить ты вздумала
Лаской своей благодатной,
Как прежде счастливила
Иных героев, — я б умер от страха!
Богинею мертвых мне кажешься ты,
Венера-Либитина!
Не смотрит уж с прежней любовью
Грозный Арей на тебя.
Печально глядит
Юноша Феб-Аполлон.
Молчит его лира,
Весельем звеневшая
За ясной трапезой богов.
Еще печальнее смотрит
Гефест хромоногий!
И точно, уж век не сменять ему Гебы,
Не разливать хлопотливо
Сладостный нектар в собраньи небесном.
Давно умолк
Немолчный смех олимпийский.

Я никогда не любил вас, боги!
Противны мне греки,
И даже римляне мне ненавистны.
Но состраданье святое и горькая жалость
В сердце ко мне проникают,
Когда вас в небе я вижу,
Забытые боги,
Мертвые, ночью бродящие тени,
Туманные, ветром гонимые, —
И только помыслю, как дрянны
Боги, вас победившие,
Новые, властные, скучные боги,
То берет меня мрачная злоба...
. . . .

Старые боги! всегда вы, бывало,
В битвах людских принимали
Сторону тех, кто одержит победу.

Великодушнее вас человек,
И в битвах богов я беру
Сторону вашу,
Побежденные боги!

Так говорил я,
И покраснели заметно
Бледные облачные лики,
И на меня посмотрели
Умирающим взором,
Преображенные скорбью,
И вдруг исчезли.
Месяц скрылся
За темной, темною тучей;
Задвигалось море,
И просияли победно на небе
Вечные звезды.

18. ВОПРОСЫ

У моря, пустынного моря полночного
Юноша грустный стоит.
В груди тревога, сомненьем полна голова,
И мрачно волнам говорит он:

«О! разрешите мне, волны,
Загадку жизни —
Древнюю, полную муки загадку!
Уж много мудрило над нею голов —
Голов в колпаках с иероглифами,
Голов в чалмах и черных, с перьями, шапках,
Голов в париках и тысячи тысяч других
Голов человеческих, жалких, бессильных...
Скажите мне, волны, что есть человек?
Откуда пришел он? куда пойдет?
И кто там над нами на звездах живет?»

Волны журчат своим вечным журчаньем;
Веет ветер; бегут облака;
Блещут звезды безучастно-холодные...
И ждет безумец ответа!

19. ФЕНИКС

Летит с запада птица —
Летит к востоку,
К восточной отчизне садов,
Где пряные травы душисто растут,
И пальмы шумят,
И свежестью веют ручьи...
Чудная птица летит и поет:

«Она любит его! она любит его!
Образ его у ней в сердце живет —
В маленьком сердце,
В тайной, заветной его глубине,
Самой ей неведомо.
Но во сне он стоит перед нею...
И молит она, и плачет,
И руки целует ему,
И имя его произносит,
И с именем тем на устах
В испуге вдруг пробуждается,
И протирает себе в изумленьи
Прекрасные очи...
Она любит его! она любит его!»

На палубе, к мачте спиной прислонясь,
Стоял я и слушал пение птицы.
Как черно-зеленые кони с серебряной гривой,
Скакали бело-кудрявые волны;
Как лебединые стаи,
Мимо плыли,
Парусами блестя, суда гельголандцев,
Смелых номадов полночного моря.
Надо мною, в вечной лазури,
Порхали белые тучки,
И вечное солнце горело,
Роза небесная, пламенно-цветная,
Радостно в море собою любуясь...
И небо, и море, и сердце мое
Согласно звучали:
«Она любит его! она любит его!»

20. У ПРИСТАНИ

Счастлив, кто мирно в пристань вступил,
И за собою оставил
Море и бури,
И тепло и спокойно
В уютном сидит погребке
В городе Бремене.

Как приятно и ясно
В рюмке зеленой весь мир отражается!
Как отрадно,
Солнечно грея, вливается
Микрокосм струистый
В жаждой томимое сердце!
Всё в своей рюмке я вижу:
Историю древних и новых народов,
Турок и греков, Ганса и Гегеля,
Лимонные рощи и вахт-парады,
Берлин и Шильду, Тунис и Гамбург...
А главное — образ милой моей...
Херувимское личико
В золотистом сияньи рейнвейна.

О милая! как ты прекрасна!
Как ты прекрасна! Ты — роза...
Только не роза ширазская,
Гафизом воспетая,
Соловью обрученная...
Не роза шаронская,
Священно-пурпурная,
Пророками славимая...
Но роза ты погребка
В городе Бремене...[1]
О! это роза из роз!
Чем старше она, тем пышнее цветет,
И я упоен
Ее ароматом небесным —
Упоен — вдохновлен — охмелен...
И не схвати меня

[1] Роза — одно из названий рейнвейна. — *Примеч. Михайлова.*

За вихор погребщик,
Я, наверно, под стол бы свалился!

Славный малый! Мы вместе сидели
И пили, как братья.
Мы говорили о важных, тайных предметах,
Вздыхали и крепко друг друга
Сжимали в объятьях,
И он обратил меня
На истинный путь... Я с ним пил
За здравие злейших врагов
И всем плохим поэтам простил,
Как и мне простится со временем...
Я в умилении плакал, и вот наконец
Передо мною отверзлись
Врата спасенья...
. . . .
. . . .

Слава! слава! Как сладостно веют
Вокруг меня пальмы вефильские!
Как благовонно дышат
Мирры хевронские!
Как шумит священный поток
И кружится от радости!
И сам я кружусь... и меня
Выводит скорее на воздух,
На белый свет — освежиться —
Мой друг погребщик, гражданин
Города Бремена.

Ах, мой друг погребщик! погляди!
На кровлях домов всё стоят
Малютки крылатые...
Пьяны они — и поют...
А там — это яркое солнце —
Не красный ли спьяну то нос
Властителя мира Зевеса;
И около этого красного носа
Не спьяну ль весь мир кружится?

21. ЭПИЛОГ

Как на ниве колосья,
Растут и волнуются помыслы
В душе человека; но нежные
Любовные помыслы ярко
Цветут между ними, как между колосьями
Цветы голубые и алые.

Цветы голубые и алые!
Жнец ворчливый на вас и не взглянет,
Как на траву бесполезную;
Нагло вас цеп деревянный раздавит. . .
Даже прохожий бездомный,
Вами любуясь и тешась,
Головой покачает и даст вам
Названье плевел прекрасных.
Но молодая крестьянка,
Венок завивая,
Ласково вас соберет и украсит
Вами прекрасные кудри,
И в этом венке побежит к хороводу,
Где так отрадно поют
Флейты и скрипки,
Или в укромную рощу,
Где милого голос звучит отрадней
И флейт и скрипок!

⟨1859⟩

⟨*РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ*⟩

332. УМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Не всякий цветок
Спасется от ног,
И редкий останется целым:
Все ходят полями
И мнут сапогами
Головки и робким и смелым.

Хоть жемчуг целей
В пучине морей,
Но мы и его добываем:
Сверлим ему зерна
И после позорно
На шелковый шнур их вздеваем.

Как звезды умны!
Мы им не страшны:
Чуждаясь земного предела,
Они средь эфира,
Как светочи мира,
Стоят невредимо и цело.

Между 1862 и 1865 (?)

333

Заставь горячими клещами
Меня щипать, лицо мне рвать,
Сечь розгами, хлестать плетями, —
Не заставляй лишь только ждать!

Заставь мне пыткою ужасной
Все кости вывихнуть, сломать, —
Не заставляй лишь ждать напрасно:
Страшнее муки нет, как ждать!

Вчера прождал я в этой муке
Тебя с полудня до шести.
Ты не пришла. Кусая руки,
Я был готов с ума сойти!

Меня душило нетерпенье,
Как змей. У двери зазвонят —
Вскочу... Не ты!.. В изнеможеньи,
Как труп, я падаю назад.

Ты не пришла. Я рвусь и ною;
А в уши шепчет сатана:

«Безумец старый! над тобою
Не потешается ль она?»

Между 1862 и 1865 (?)

334. ЮДОЛЬ ПЛАЧА

Как свищет ветер в эту ночь!
    На чердаке не спится
В углу двум бедным существам.
    У них так бледны лица!

Она лепечет: «Обними,
    Обвей меня руками —
И я согреюсь. Дай прижмусь
    К твоим губам губами».

Он говорит: «Когда гляжу
    В твои родные очи,
Забыты холод, голод — всё,
    Чего забыть нет мочи».

Они целуются в слезах,
    Жмут руки и вздыхают,
Смеются, даже петь хотят. . .
    Вот смолкли — засыпают.

Квартальному и с ним врачу
    Поутру было дело:
Пришлось свидетельствовать им
    Два свежих мертвых тела.

Осенний ветер, врач решил,
    При пустоте в желудке
Простуду произвел — и смерть.
    Ведь с ним плохие шутки!

«При наступленьи холодов, —
    Сказал, — всего умнее —

Под теплым одеялом спать
И кушать поплотнее».

Между 1862 и 1865 (?)

335. ВИЦЛИ-ПУЦЛИ

ПРЕЛЮДИЯ

Вот она, Америка!
Вот он, вот он, Новый Свет!
Не теперешний, что начал
Увядать в европеизме.

Вот он, Новый Свет, в том виде,
Как он только что Колумбом
Извлечен из океана!
Влажной свежестью он дышит...

Весь осыпан и обрызган
Словно жемчугом — и ярко
Разгорается под солнцем.
Сколько в нем здоровья, силы!

Не кладбище романтизма
Этот свет, не куча хлама,
Крытых плесенью симво́лов,
Париков окаменелых.

На его здоровой почве
Всё здоровые деревья:
Ни в одном нет байронизма,
Ни в одном — спинной сухотки.

На ветвях сидят, качаясь,
Птицы в ярких, пестрых перьях;
Как в очках, глаза их блещут
В круглых черных ободочках.

Важно длинный клюв насупив,
На меня все молча смотрят;

Но всмотревшись, начинают
Тараторить, как торговки.

Что кричат, не понимаю,
Хоть не хуже Соломона,
Мужа тысячи красавиц,
Я язы́ки птичьи знаю.

Соломон же, как известно,
Знал все птичьи диалекты —
И не только все живые,
Но и вымершие даже.

Здесь, на новой почве, новы
И цветы и ароматы.
Ароматы эти страстно
Раздражают обонянье...

Нежат, тешат и щекотят...
И мой нос в недоуменьи
Трудным мучится вопросом:
Где духи такие нюхал?

Может быть, на Риджент-стрите,
На груди у знойно-желтой,
Гибкой, стройной той яванки,
Что всегда цветы жевала?

Или, может, в Роттердаме,
Близко статуи Эразма,
В белой вафельной лавчонке,
За таинственной гардиной?

Но пока в таком смущеньи
Новый Свет я созерцаю,
Сам я, кажется, внушаю
Вдвое большее смущенье.

Увидав мою фигуру,
В куст шмыгнула обезьяна
И, крестясь, кричит в испуге:
«Призрак! призрак старосветский!»

Обезьяна! не пугайся!
Я не призрак, не виденье —
Жизнь в моих струится жилах;
Верь, я сын вернейший жизни!

Но я долго был в сношеньях
С мертвецами — и усвоил
От покойников манеры
И их тайные причуды.

Годы юности цветущей
Проводил я в Венусберге,
Да в Кифгейзере, и в разных
Катакомбах романтизма.

Не пугайся, обезьяна!
Я люблю тебя... Я вижу
На твоей блестящей, голой,
Гладкой заднице три цвета:

Черный, красный, золотистый!
Эти три любезных цвета
Мне родные, — и я с грустью
Вспомнил знамя Барбароссы.

1

Он ходил в венке лавровом,
В золотых блестящих шпорах,
А героем всё же не был, —
Да плохой он был и рыцарь.

Был разбойничьей он шайки
Атаманом, — в книгу славы
Кулаком вписал он наглым
Имя наглое Кортеса.

Он под именем Колумба
Расписался в ней, — и каждый
Школьник нынче вместе учит
Наизусть два эти имя.

За Колумбом Христофором
И Кортеса Фердинанда
Он зовет великим мужем
В новосветном пантеоне.

О, игра судьбы лукавой!
Вместе с именем героя
Слито имя прощалыги
У людей в воспоминаньи.

Уж не лучше ли безвестно
Кануть в вечное забвенье,
Чем влачить с собой в соседстве
В даль веков такое имя?

Христофор Колумб родился
Быть героем. Он как солнце
Светел был великим духом;
Да и щедр он был как солнце.

Были люди, что и прежде
Нам давали много; он же
Подарил нас целым светом,
Что Америкою назван.

Он не мог людей избавить
Из глухой земной темницы;
Но темницу им раздвинул
И длиннее цепь им сделал.

И его чтут свято люди,
Изнывавшие от скуки
И в Европе, и в пределах
Африканских и азийских.

Лишь один из всех героев
Подарил нам нечто больше,
Чем Колумб, и нечто лучше.
Это тот, что дал нам бога.

Мать его Иохабетой,
А отца Амрамом звали;

Самого же — Моисеем.
Он-то мой герой любимый!

Но Пегас мой слишком долго
Застоялся пред Колумбом;
А сегодня я в герои
Взял себе как раз Кортеса.

Поднимайся, конь летучий!
И меня на пестрых крыльях
В Новый Свет неси, в тот чудный
Край, что Мексикой зовется!

В тот дворец меня неси ты,
Где державный Монтесума
Дал гостям своим испанцам
Так радушно помещенье!

И не только кров и пищу
В самом щедром изобильи,
Но и множество подарков
Получили проходимцы.

Кучи редкостных изделий,
Золотых, массивных, ценных,
В ярком свете выставляли
Благодушие монарха.

Он, слепой язычник, чуждый
Просвещения Европы,
Еще верил в честность, в верность,
В святость прав гостеприимства.

Снизошел он и на просьбу
Удостоить посещеньем
Пир, что в честь ему испанцы
Дать в дворце своем хотели.

Простодушен и доверчив,
Царь с придворной свитой прибыл
На испанскую квартиру —
И концертом встречен трубным.

Как торжественная пьеса
Называлась, я не знаю. . .
Может, «Верностью испанской»!
Но Кортес был автор пьесы.

Дал сигнал он — и мгновенно
Монтесуму окружили
И, связавши, удержали
У себя, как аманата.

Тут и умер он. Тогда-то
Прорвалися все заплоты,
Что от гнева мексиканцев
Дерзких выходцев спасали.

Страшно буря разразилась!
Словно бешеное море,
Лезли с воем ближе, ближе
Волны гневного народа.

Храбро гости отбивали
Каждый штурм. Но с каждым утром
Начинался новый приступ, —
И испанцы утомились.

Как не стало Монтесумы,
Истощились и припасы.
Сократилися закуски —
И повытянулись лица.

Отощавшие испанцы
Друг на друга лишь смотрели,
Да, вздыхая, вспоминали
Христианскую отчизну,

Где их сердцу всё родное:
И гуденье колоколен,
И шипенье на жаровне
Смачной оллеа-потриды. . .

Под распаренным горошком
Все наложены колбаски

С чесноком и соблазняют
Аппетитно-сладким паром.

Вождь созвал совет военный, –
И решили отступленье:
Завтра, самым ранним утром,
Выйдет и́з городу войско.

Без труда оно вступило
В город, хитростью Кортеса;
Но в обратный путь грозили
Роковые затрудненья.

Город Мексико построен
Весь на острове, и гордо
Среди озера большого
Поднимается, как крепость,

Сообщаясь с берегами
На плотах лишь, да на лодках,
Иль по гатям, да мостами
На громадных черных сваях.

Еще солнце не всходило,
Как пустились в путь испанцы;
Барабан не бил тревоги,
Не трубил трубач похода.

Сладкий сон своих хозяев
На рассвете потревожить
Не хотелось им. (Сто тысяч
Было в Мексико индейцев.)

Но испанцы собралися
Уходить, не расплатившись, —
И гораздо раньше встали
В это утро мексиканцы.

На мостах, плотах и гатях
Собрались они и ждали,
Чтоб гостям на расставаньи
Поднести прощальный кубок.

На мостах, плотах и гатях
Завязалася пирушка!
Кровь лилась рекой багровой,
И борьба на сме́рть кипела.

С грудью грудь они боролись —
И оттискивались ясно
На груди индейцев голой
Арабески лат испанских.

То-то было рубки, давки!
И отчаянная свалка
Страшно-медленно клубилась
Вдоль мостов, плотов и гатей.

Мексиканцы дико пели
И визжали, а испанцы
Бились молча, покупая
Каждый шаг свой свежей кровью.

В тесноте и давке мало
Было проку от военных
Европейских ухищрений:
От коней, от лат и пушек.

Да к тому ж иной испанец
Много золота награбил
И трудненько подвигался
Со своей греховной ношей.

Из-за адского металла
Очень многим приходилось
Погубить не только душу,
Но и тело вместе с нею.

Той порою челноками
Сплошь всё озеро покрылось.
С челноков летели стрелы
На мосты, плоты и гати.

Попадали в суматохе
И в своих они, конечно;

Но немало положили
И изящнейших гидальго.

На одном мосту свалился
Дон Гастон, державший знамя
Со святым изображеньем
Богородицы Марии.

Даже в этот образ стрелы
Мексиканцев попадали:
Шесть блестящих стрел воткнулись
Прямо в сердце — и остались,

Как мечи те золотые,
Что в великий пост пронзают
Грудь у Mater Dolorosa[1]
На процессиях церковных.

Дон Гастон, прощаясь с жизнью,
Знамя передал Гонсальву;
Но и тот, стрелой сраженный,
Мертвый наземь покатился.

Сам Кортес, сам полководец,
Знамя взял — и нес высоко
Над конем весь день, до ночи,
До конца упорной битвы.

В битве с лишком полтораста
В этот день легло испанцев;
С лишком восемьдесят взяли
В плен живыми мексиканцы.

Много раненых смертельно
После умерло. Средь боя
Лошадей двенадцать было
Иль убито, или взято.

Только к ночи рать Кортеса
Добралась до твердой почвы,

[1] Скорбная мать, богородица (лат.). — *Ред.*

Где лишь несколько плакучих
Ив росло, к воде склоняясь.

2

За кровавым днем сраженья
Наступила ночь триумфа.
Сотни тысяч ярких плошек
Всюду в Мексико пылают.

В свете сотен тысяч плошек
И в огне костров смолистых
Как в дневном стоят сияньи
Все дома, дворцы и храмы, —

И кумирня Вицли-Пуцли,
Что своей кирпично-красной
Массой так напоминает
Колоссальные строенья

Ассириян, вавилонян
И египтян, как их видим
Мы в изящнейших рисунках
Генри Мартина, британца.

Те ж громадные террасы,
По которым кверху, книзу,
Вдоль и вширь свободно ходит
Много тысяч мексиканцев.

На ступенях всюду группы
Диких воинов пируют,
В опьяненьи от победы
И от пальмового сока.

К кровле храма эти всходы
Поднимаются зигзагом,
К окруженной балюстрадой
И громаднейшей платформе.

Там на жертвеннике-троне
Восседает сам великий

Вицли-Пуцли, кровожадный
Бог войны. Он страшно-злобен;

Но наружность так затейна
И так вычурно-забавна,
Что при тайном содроганьи
Смех невольно возбуждает.

Замечаешь в нем, вглядевшись,
Будто родственное что-то
С Бледной базельскою Смертью
И с брюссельским Манкен-Писсом.

Справа всё стоят миряне;
Всё попы стоят налево.
В ризы из узорных перьев
Облачилось духовенство.

А на мраморных ступеньках
Алтаря сидит столетний,
Безволосый, безбородый
Человечек в красной куртке.

Это жрец главнейший. Точит
Он ножи свои; с усмешкой
Точит их — и всё порою
Смотрит искоса на бога.

И как будто понимая
Эти взгляды, Вицли-Пуцли
И ресницами моргает,
И сжимает даже губы.

Тут же жмутся на ступеньках
Храмовые музыканты
С барабанами, с рогами.
Треск и стон стоит ужасный!

Треск и стон стоит ужасный!
Вот и певчие запели
Мексиканское «Te Deum». [1]
Ну, точь-в-точь мяучат кошки!

[1] Тебя бога (хвалим; — лат.). — *Ред.*

Да, точь-в-точь мяучат кошки,
Но из крупной той породы,
Что людей хватают вместо
Крыс — и тиграми зовутся!

И лишь только эти звуки
Донесет на берег ветер,
У испанцев, там приставших,
Заскребут на сердце кошки.

Там, под ивами, уныло
Всё стоят они и смотрят...
Смотрят пристально на город,
Отражающий на темной

Влаге озера, как будто
Им назло, огни триумфа.
Все стоят как бы в партере
Колоссального театра.

Кровля ж храма Вицли-Пуцли
Вся сияет, словно сцена.
Там играют в честь победы
Нынче пьесу под заглавьем:

«Человеческая жертва».
Содержанье очень древне, —
И не так ужасно в нашей
Христианской обработке,

Где вкушаем вместо крови
Мы вино, а вместо тела
Лишь безвредную лепешку
Из муки обыкновенной.

Но не то у этих диких!
Шутка их грозна, серьезна:
Телом будет — точно тело,
Кровью будет — кровь людская.

И на этот раз обилье
Христианской чистой крови,

Не мешавшейся издавна
С кровью мавров иль евреев!

Веселися, Вицли-Пуцли!
Вдоволь есть испанской крови!
Теплым паром этой крови
Ты потешишь обонянье.

Нынче восемьдесят с лишком
Пред тобой врагов заколют;
Будет славное жаркое
У жрецов твоих на ужин.

Ведь жрецы такие ж люди,
И должны, как все, питаться,
И, конечно, жить не могут
Только запахом, как боги.

Чу! вот в смертные литавры
Бьют! вот громко рог рокочет!
Это знак, что уж восходят
К кровле жертвы на закланье.

Да, позорно обнаженных,
Пленных тащат и волочат
По ступеням, — закрутили
За спиной им крепко руки.

Перед ликом Вицли-Пуцли
Силой ставят на колени
И к потешной пляске нудят
Их кровавым истязаньем.

От ужасных мук испанцы
Так кричат и стонут громко,
Что за воплями их глохнет
Каннибальский гам и грохот.

Жутко публике! Кортесу
И его дружине слышны
Эти вопли. Все в тех воплях
Голоса друзей узнали.

И на ярко освещенной
Сцене всё им ясно видно —
И фигуры, и движенья,
Видно нож, и кровь им видно.

Тут испанцы сняли шлемы,
Опустились на колени,
Стали петь псалом надгробный,
Стали петь и «De profundis».[1]

Среди тех, что умирали,
Был Раймондо де Мендоса,
Сын прекрасной аббатиссы,
Молодой любви Кортеса.

Как у юноши на шее
Медальон с ее портретом
Увидал Кортес — слезами
У него глаза затмило.

Но он вытер эти слезы
Жесткой кожаной перчаткой,
Глубоко вздохнул — и начал
Петь с другими: «Miserere!»[2]

8

Всё бледней мерцают звезды,
И над озером туманы
Поднялись как привиденья,
Волоча свой белый саван.

Пир погас, огни потухли;
И попы и прихожане
Разлеглись на кровле храма
И храпят на лужах крови.

Нету сна лишь красной куртке.
При огне последней лампы

---

[1] Из глубины (лат.). — *Ред.*
[2] Помилуй! (лат.). — *Ред.*

С сладострастно-злобным визгом
Жрец лепечет истукану:

«Вицли-Пуцли! Пуцли-Вицли!
Мой божочек Вицли-Пуцли!
Позабавился ты нынче
И понюхал ароматов.

Недурна ведь кровь испанцев?
Как дымилась аппетитно!
А твой лакомый носишка
Так и лоснился довольством!

Завтра мы коней заколем,
Благородно-ржущих чудищ.
Духи ветра их родили,
Любодействуя с моржами.

Будь умен — и я зарежу
Для тебя обоих внуков,
Мальчуганов с сладкой кровью,
Услаждающих мне старость.

Только будь умен — и больше,
Больше дай побед нам новых!
Дай побед нам, мой божочек!
Пуцли-Вицли! Вицли-Пуцли!

Истреби врагов ты наших,
Этих выходцев, приплывших
К нам из дальних и доныне
Не открытых стран заморских!

Что им дома не жилося?
Голод гнал иль преступленье?
Правду молвит поговорка:
От добра добра не ищут!

Что им нужно? Набивают
Нашим золотом карманы
И хотят, чтоб нам блаженство
Где-то нá небе досталось.

Нам сперва казалось — это
Существа породы высшей,
Дети солнца; им, бессмертным,
Гром и молния подвластны.

Но они такие ж люди,
Так же смертны! Нынче ночью
Я ножом своим изведал
Человечность их и смертность.

Те же люди! и не лучше
Нашей братьи. А иные
Есть и гаже обезьяны:
Обросла вся рожа шерстью.

Говорят, в штанах запрятан
У иных и хвост такой же.
Если ты не обезьяна,
И штанов тебе не нужно!

Да и нравственно-то гадки!
Ничего им нет святого:
Слышал я, что пожирают
И своих богов-то даже.

Истреби ты этих гнусных
Нечестивцев, богоедов!
Дай побед нам, Вицли-Пуцли!
Вицли-Пуцли! Пуцли-Вицли!»

И в ответ жрецу раздался
Голос бога, грустный, хриплый
И глухой, как ветер ночи,
Речь ведущий с камышами:

«Жрец ты мой! мясник кровавый!
Резал ты народу много.
Наточи теперь свой ножик,
Распори себе ты брюхо!

Из распоротого брюха
Упрыгнет душа — поскачет

По каменьям, пням и кочкам
На лягушечью трясину.

Там сидит царица жаба,
Тетка мне. Она промолвит:
«Здравствуй, душенька! Здоров ли
Мой племянничек любезный?

Как-то он в сияньи солнца
Вицли-пуцельствует нынче?
Всё ль отмахивает счастье
От него и мух и думы?

Иль в железных, черных лапах,
Омоченных в яд ехидны,
Он сидит у Кацлагары,
Злой богини бед и горя?»

Отвечай, душа без тела:
«Шлет поклон свой Вицли-Пуцли
И от всей души желает,
Чтоб тебе, проклятой, лопнуть!

Ты войну ему внушила,
И совет твой стал бедою.
Наступает исполненье
Горьких древних предсказаний,

Что погибель будет царству
От пришельцев с бородами;
Что с Востока принесут их
Деревянные к нам птицы.

Есть и старое присловье:
Бабья воля — божья воля!
Божья воля крепче вдвое,
Если баба — матерь божья.

А она мне и враждебна,
Гордая царица неба,
Непорочная девица,
Чудотворка, чародейка.

Под ее щитом испанцы
Победят нас, — и погибну
Я, из всех богов жалчайший,
С бедной Мексикою вместе».

Как исполнишь порученье,
Пусть душа твоя в трясину
Заползет — и спит спокойно,
Чтоб моих не видеть бедствий.

Этот храм падет, а сам я
Погребусь в огне и дыме
И в развалинах, — и больше
Никому меня не видеть.

Но я буду жив: мы, боги,
Долголетней попугаев;
Как они же, мы линяем
И меняем только перья.

В край врагов моих, известный
Под названием Европы,
Я уйду. Мне там открыта
Будет новая карьера.

Превращусь из бога в черта,
Адским пугалом там стану
И, как злейший враг, с врагами
Поступать начну жестоко.

Стану их терзать и мучить
И пугать толпой видений;
Предвкушенье ада, серу,
Всюду нос их будет чуять.

Мудрецов их, дураков их
Соблазнять начну я; стану
Щекотить их добродетель,
Чтоб она как .... смеялась.

Да, я буду чертом, чертом!
И сведу теснее дружбу

С Астаротом, Вельзевулом,
Сатаной и Велиалом.

И с тобой сойдусь я, Лили,
Мать греха, змея-ползунья!
Ты изящному искусству
Лжи и зла меня научишь.

Милой Мексики не в силах
Я спасти от разрушенья;
Но отмщу ужасной местью
Я за Мексику родную!»

⟨1863⟩

АВГУСТ ГОФМАН ФОН ФАЛЛЕРСЛЕБЕН

336. ИЗ ОВИДИЕВЫХ ПРЕВРАЩЕНИЙ

Заштопать для царя мундир
Один портной взялся.
Сел шить; но — над одной из дыр
Вдруг дух в нем занялся. 85
«О чудо! о чудо! Да что ж это? что ж?
Ведь вошь это, вошь это! царская вошь!»

Вскочил от радости портной;
В душе и в теле дрожь.
Глядит на вошь он сам не свой
И вдруг — хватает нож.
О чудо! о чудо! Да нож-то на что ж?
Ах, режет он, режет он царскую вошь.

«Мне половину! много всей:
Ведь вон как налилась!
Довольно царской крови в ней,
Чтоб целый вышел князь».
О чудо! о чудо! лишь в рот ее взял —
И князем он, князем потомственным стал!

Кричат закройщики: «А нам?
Что ж позабыл об нас?» —
«Другую половину вам:
Тут на троих как раз».
О чудо! полвши только стоило съесть —
Три графа, три графа сиятельных есть!

И ученик с вопросом тож:
«Все кровью царской вши
Вы причастились; я-то что ж?» —
«На! ножик оближи!
Почище, почище! с обеих сторон!
И выйдешь — хоть плохонький выйдешь
барон».

Между 1862 и 1865 (?)

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

337. ТРОЕ ЦЫГАН

Степью песчаной наш грузный рыдван
Еле тащился. Под ивой,
Рядом с дорогою, трое цыган
Расположились лениво.

В огненных красках заката лежал
Старший с лубочною скрипкой;
Буйную песню он дико играл
С ясной, беспечной улыбкой.

Трубкой дымил над собою другой,
Дым провожая глазами,
Счастлив — как будто нет доли иной
Лучше, богаче дарами.

Третий, раскинувшись, сладко заснул;
Над головою висела
Лютня на иве... По струнам шел гул,
По́ сердцу греза летела.

Пусть из-за пестрых заплат, из прорех
Голое тело сквозится:
Всё на лице у них гордость и смех,
Сколько судьба ни грозится.

Вот от кого довелось мне узнать,
Как тебя, доля лихая,
Дымом развеять, проспать, проиграть,
Мир и людей презирая.

Глаз я не мог отвести от бродяг;
Долго мне будут всё сниться
Головы в черных косматых кудрях,
Темные, смуглые лица.

⟨1860⟩

338. СОВЕТ И ЖЕЛАНИЕ

«Не живи так быстро, так мятежно!
Посмотри — еще весна кругом.
К сердцу радость ластится так нежно. . .
Ты ж бледнеешь, вянешь с каждым днем.

Ненадолго розы увядают:
Лишь пахнет весной — цветут опять;
Соловьи в леса к нам прилетают
И поют. . . иль их не хочешь ждать?»

«Не хочу. Пусть жизнь скорей промчится —
Вольно, бурно, страстью и огнем!
Пусть угасну я, как та зарница,
Что, сверкнув, исчезла за холмом!»

⟨1847⟩, ⟨1861⟩

АРНОЛЬД РУГЕ

339. СВОБОДА СЛОВА

Раз предложили Бюффону вопрос: отчего обезьяна
Не говорит? «Да сказать нечего ей», — был ответ.

Между 1862 и 1865 (?)

340. СВОБОДА ПЕЧАТИ

Пурпуром Кодр вас одень и главою поставь вам Перикла,
Вы же останьтесь чем есть — всё будет рабской печать.

Между 1862 и 1865 (?)

ГЕОРГ ГЕРВЕГ

341. СТАРИКИ И МОЛОДЫЕ

«Ты молод, и твой долг — молчанье.
Ты молод; слушай стариков.
Горячей крови волнованье
Пусть поутишит ряд годов!

Ты молод; испытал ты мало,
Цель жизни для тебя темна.
Ты молод; пусть тебя сначала
Украсит наша седина.

Умей отказываться, милый;
Дай пылу юности простыть;
Сковать дай молодые силы —
Тогда и годен можешь быть!»

«Вы рады, умники, любого
С собою на́ цепь посадить.
Скажите ж, сторожа Былого,
Кому Грядущее творить?

Где, кроме сил могучих наших,
Себе опору вам сыскать?
Кто дочерей полюбит ваших?
Кто будет дом ваш охранять?

По вас, и в речи нашей страстной
И в русых ку́дрях проку нет?
Но — серебро седин прекрасно;
А золоту покорен свет!

Не вам хулить нас! Юность наша
Шумна, конечно, и громка;
А сколько добродетель ваша
Творила зла исподтишка!»

Между 1862 и 1865 (?)

МОРИЦ ГАРТМАН

342. БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО

1

Позорной казни обреченный,
Лежит в цепях венгерский граф.
Своей отчизне угнетенной
Хотел помочь он: гордый нрав
В нем возмущался; меж рабами
Себя он чувствовал рабом —
И взят в борьбе с могучим злом,
И к петле присужден врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо

Покинуть мир! Не смерть страшна:
Больному сердцу в ней отрада!
Ужасно в петле роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадные слетятся,
И над опальной головой
Голодный рой их станет драться.
Но граф в тюрьме, в углу сыром,
Заснул спокойным, детским сном.

Поу́тру, грустно мать лаская,
Он говорил: «Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мне так скоро суждено
Расстаться с жизнью молодою!
Погибнет без следа со мною
И имя честное мое.
Ах, пожалей дитя свое!
Я в вихре битв не знал боязни,
Я не дрожал в дыму, в огне;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать как лист придется мне».

Мать говорила, утешая:
«Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворец пойду, рыдая:
Слезами, воплем и мольбой
Я сердце разбужу на троне...
И поутру́, как поведут
Тебя на площадь, стану тут,
У места казни, на балконе.
Коль в черном платье буду я,
Знай — неизбежна смерть твоя...
Не правда ль, сын мой! шагом смелым
Пойдешь навстречу ты судьбе?
Ведь кровь венгерская в тебе!
Но если в покрывале белом
Меня увидишь над толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схвачен палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!»

И графу тихо, мирно спится,
И до утра он будет спать. . .
Ему всё на балконе мать
Под белым покрывалом снится.

2

Гудит набат; бежит народ. . .
И тихо улицей идет,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь граф приговоренный.
Все окна настежь. Сколько глаз
Его слезами провожает
И сколько женских рук бросает
Ему цветы в последний раз!
Граф ничего не замечает:
Вперед, на площадь он глядит.
Там на балконе мать стоит —
Спокойна, в покрывале белом.

И заиграло сердце в нем!
И к месту казни шагом смелым
Пошел он. . . с радостным лицом
Вступил на по́мост с палачом. . .
И ясен к петле поднимался. . .
И в самой петле — улыбался!

Зачем же в белом мать была? . .
О, ложь святая! . . Так могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью!

⟨*1859*⟩

343. ДВА КОРАБЛЯ

Два корабля, как два гроба глухих,
Встретились молча во мраке ночном.
Далее каждый плывет; а на них —
Сын на одном, мать на другом.

Сын после долгих скитаний и бед
Едет на родину, где его мать.
Мать стосковалась; вести всё нет —
И поплыла она сына искать.

Что с ней такое, не знает она:
Капают слезы, одна за одной.
Дума у сына легка и ясна,
Словно он слушает голос родной.

А корабли, как два гроба глухих,
Дальше несутся во мраке ночном.
Нет человека, чтоб знал, что на них —
Сын на одном, мать на другом.

Между 1862 и 1865 (?)

АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

344. ТРИ ПОЭТА

Куда, скорбя и негодуя,
Идешь ты? — В даль былых веков,
В историю, во тьму гробов
От вашей жизни ухожу я.
Среди дряхлеющих руин,
Холодных камней, мхом покрытых,
Средь мавзолеев позабытых
Я буду жить один — один.
Мне ненавистно это время
Без сил на подвиг и борьбу,
Мне жалко ты, больное племя,
Свою влачащее судьбу
С покорством, свойственным рабу!
Вокруг меня не люди — тени.
Скорее дальше! прочь от них!
Перед гробницами былых
Героев я склоню колени.

Холодный прах их вопрошу,
Душой проникну в их могилу
И мысли их живую силу
В могучем слове воскрешу.

А ты куда? — Туда, где море
В пустынный берег бьет волной,
Уйду глухой лесной тропой
Подальше от людского горя.
Там не смутит моих ушей
Бессильный плач и стон людей,
Закон которых — не свобода,
А воля горсти палачей.
Там обоймет меня природа
Святой гармонией своей.
Ее весны любовный шепот,
Ее громов угрюмый ропот
И тихий сон морских зыбей,
И волн ревущие громады,
Под солнцем молкнущие вновь,
И гнев, не знающий пощады,
И бесконечная любовь —
Моей душе они родные;
Гроза души и тишина
Там встретят отзывы живые.
В строй мировой погружена,
Природы мысль найдет она
И, воплотясь в живое слово,
Людей пробудит к жизни новой.

А ты? — Прощайте! Вам душой
И был и буду я чужой.
Меня не манит жизнь природы,
Не манит жизнь былых племен.
Я не хочу *себе* свободы,
Когда народ порабощен.
Меня влечет в свой омут темный
Жизнь многолюдных городов.
Не их дворцы, не блеск пиров,
А злобный голод, труд бессонный
В углах их горьких бедняков,
С судьбой бессильное боренье,

Стон боли, вопль ожесточенья,
Проклятье жертвы палачу,
Забвение в пороке грязном,
В разврате жалко-безобразном,
Всё это видеть я хочу,
Всё слышать...

Между 1862 и 1865 (?)

АНДРЕ ШЕНЬЕ

345

Мой стих умеет всё так живо рисовать...
Приди, мой друг! Приди скорей ему внимать...
Мой голос нравится; звучит он нежно, стройно.
Всё отражается в элегии спокойной...
Леса зеленые, ручьи и соловей,
И музы, и весна живут согласно в ней.
В моих стихах и вздох и поцелуй палящий;
Ручей серебряный, так сладостно журчащий,
В них катит легкие и чистые струи, —
И часто синевой небес полны они.
Дыханье сладкое, живящее дубровы,
В строфах моих живет и дышит негой новой;
Благоухают в них роскошные цветы:
И те, которыми весна дарит кусты,
И те, что у тебя над щечкой молодою
Так пышно расцвели с шестнадцатой весною.

⟨1847⟩

ПЬЕР ЖАН БЕРАНЖЕ

Книга первая
1810—1815

346. КОРОЛЬ ИВЕТО́

Жил-был король; он не попал
В историю: ложился
Спать рано, поздно днем вставал,
По лаврам не томился, —
И коронован не венцом,
А от Жанеты колпаком
С хохлом.
Ой люли́! ой люли́!
Где такие короли?
Люли́!

Изба была ему дворцом;
Покушав сытно, жирно,
Он ехал на осле верхом
Взглянуть на край свой мирный.
Добряк не ждал народных гроз:
При нем за стражу службу нес
Барбос.
Ой люли́! ой люли́!
Где такие короли?
Люли́!

Не знал затей он дорогих;
Любил лишь выпить вволю.
Счастливя подданных своих,
Себе ли портить долю?
Один налог шел для двора:
Он брал стакан иль полтора
С ведра.
Ой люли́! ой люли́!
Где такие короли?
Люли́!

Красавицы его тайком
Охотно целовали:
Недаром в царстве все отцом
Его именовали.
Не собирал он ратных сил;
Но в цель стрельбу, коль весел был,
Любил.
Ой люли́! ой люли́!
Где такие короли?
Люли́!

Не думал у соседей он
Оттягивать владенья;
Пример монархов, он в закон
Поставил наслажденье.
Тогда лишь, как он век скончал,
Народ, который слез не знал,
Рыдал.
Ой люли́! ой люли́!
Где такие короли?
Люли́!

В портрете верном сохранен
Нам лик его державный,
И служит вывескою он
Харчевни, всюду славной.
По праздникам, как подопьет,
Пред этой вывеской народ
Поет:
«Ой люли́! ой люли́!
Где такие короли?
Люли́!»

⟨*1861*⟩

347. СЕНАТОР

Да, сокровище прямое
Я нашел в своей жене:
Ведь знакомство-то какое
Чрез нее досталось мне!

В тот же день, как я женился,
Вдруг сенатор к нам явился.
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

О, с особою такою
Не сравниться никому!
У министра бал; с собою
Взял жену мою к нему.
Где меня ни повстречает,
Тотчас руку пожимает.
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

Он с женою мил, — ни слова;
Но чтоб куры строил — нет.
А, случится, нездорова,
Я играю с ним в пикет.
В именины, в день рожденья
Шлет поклон и поздравленье.
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

В дождик вечером случится
Дома мне сидеть с женой...
«Не хотите ль прокатиться? —
Говорит он. — Вы со мной
Без чинов, без этикета!
У крыльца моя карета».
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

Раз на дачу снарядился, —
Пригласил и нас с собой.
Ужин, вина. Я спьянился
Так, что спать не мог с женой;
Но в накладе был едва ли:

Спальню лучшую мне дали.
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

Сын родился; я, конечно,
В восприемники *его*.
Как ласкал добросердечно
Он малютку моего!
Дал тогда ж и обещанье:
«Не забуду в завещанье».
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

За обедом посмеяться
Любит он, — и я острю.
Раз случилось мне завраться...
«Я уверен, — говорю, —
Все толкуют, что с женою
Вы смеетесь надо мною!»
Что за честь!
Что за честь!
К высшей знати в дружбу влезть!

Между 1862 и 1865 (?)

348. ВЕСЕЛАЯ ГОЛОВА

Как образец удачный
Для страждущих хандрой,
Родился в век наш мрачный
Веселый мой герой.
Жить смирно, без вниманья
К судьбе, к речам молвы...
Вот в чем и всё призванье
Веселой Головы.

В отцовской шляпе чинно
По праздникам гулять;

Фасон ее старинный
Цветами обновлять...
Плащ — тоже не для чванства:
Все побелели швы...
Вот в чем и всё убранство
Веселой Головы.

Под кровлей стульев пара,
Кроватка, стол кривой,
Колода карт, гитара,
Стакан, сундук пустой,
Портрет (воспоминанье
Хорошенькой вдовы)...
Вот всё и достоянье
Веселой Головы.

Пропеть куплет нескромный;
Учить детей играть;
Большим рассказ скоромный
Забавно передать;
Плясать неугомонно,
Когда б ни звали вы...
Вот весь запас ученый
Веселой Головы.

Коль есть вино плохое,
Хорошего не ждать;
Оставя дам в покое,
У швей любви искать;
Не знать припадков сплина
И мрачности совы...
Вот мудрая доктрина
Веселой Головы.

«Всего себя вверяю,
Творец, любви твоей:
Ты не осудишь, знаю,
Веселости моей
И в смертное мгновенье
Не дашь сказать: увы!» —

Вот скромное моленье
Веселой Головы.

Ты, ропщущий невольно
Бедняк, и ты, богач,
Всем вечно недовольный,
От ваших неудач
Утешьтесь; не тужите,
Что́ б ни терпели вы;
Благой пример берите
С Веселой Головы.

Между 1862 и 1865 (?)

349. БАБУШКА

С рюмки бабушка спьянилась
Раз на празднике у нас
И шутя разговорилась:
«Что́ творила я проказ!
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

«Значит, бабушка, ты тоже. . .»
— «А еще б! В пятнадцать лет
Знала я, что я пригожа.
Ночью сна, бывало, нет.
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

«А потом? потом влюблялась?»
— «Как же! милого нашла.
И недолго дожидалась,
И недолго ждать дала.
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,

Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

«Долго ты его любила?»
— «Да с полгода — одного;
А потом — еще был милый.
Не бросала и того.
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

«Двое, бабушка? и разом?»
— «Так недолго я жила:
Оба прочь! Взялась за разум:
Дед ваш сватал — я пошла.
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

«Ну, и что же муж-то, муж-то?»
— «От другого бы не скрыть.
Но влюбленному неужто
В эти мелочи входить?
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

«Ну, а мужу изменяла?»
— «Вы умны, как посмотрю!
И на исповеди мало
Я об этом говорю.
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

«Ты ведь поздно овдовела?»
— «Но не хмурилась вдова...

Церковь так же не пустела,
Хоть была и не нова.
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

«Ну, а нам как жить, родная?»
— «Не собьетеся с пути.
Ведь по бабушке пошла я:
Что ж и вам по мне нейти?
Жаль и нынче, внучки,
Мне красы своей,
Стройной ножки, полной ручки
И пропащих дней».

Между 1862 и 1865 (?)

350. СЛЕПАЯ МАТЬ

Лиза, выслушай совет...
Что-то лен твой не прядется.
Видно, сердце очень бьется:
Свел с ума тебя сосед.
Ах, не верь ты негодяю!
Хоть слепа, а всё я знаю,
Всё я слышу, всё смекаю:
Ты нет-нет да и вздохнешь.
Скольких эта страсть губила!..
Для чего окно открыла?
Лиза, что ты не прядешь?

Душно в горнице?.. Не ври...
Не с соседом ли в окошко
Полюбезничать немножко?..
Знаю, что ни говори.
Ты твердишь, что я ворчлива.
Ах, и я была красива,
Молода, — и мне не диво
Знать, что всё на свете ложь,
И не верить лицемерью...

Кто такой там стукнул дверью?
Лиза, что ты не прядешь?

Это ветер стукнул? .. Что ж
Я его не замечала?
И собака заворчала...
Ну, за что ее ты бьешь?
Верь — не лгать мне пред могилой, —
Верь, тебя обманет милый.
Будешь плакать ты; но силой
Снова друга не вернешь...
Это что? Могло ли статься!
С кем изволишь целоваться?
Лиза, что ты не прядешь?

Это птичку ты свою
Приласкать вдруг захотела? ..
Брось ее, садись за дело;
Не буди ты злость мою.
Ах, мы ветренностью сами
Губим век свой, — и над нами
Все смеются: меж людями
Сострраданья не найдешь...
И какой конец печальный! ..
Что понадобилось в спальной?
Лиза, что ты не прядешь?

Спать пошла ты? .. Ах, творец!
Так-то тешишься ты мною!
Твой любовник там с тобою.
Вон сейчас, — иль под венец!
Вон сейчас его, нахала!
Чтобы я вам не мешала,
Мужем станет пусть сначала!
А до тех пор не уйдешь
Ни на шаг ты прочь от дела:
Возле этого пострела,
Лиза, горя напрядешь.

Между 1862 и 1865 (?)

351. СЛАВНЫЙ МАЛЫЙ

Есть славный малый здесь.
Он сразу виден весь:
Живой, румяный,
Бровей не хмурит никогда,
Хоть у него всегда
Пусты карманы.
На всё он весело глядит.
«Мне, право... — говорит, —
Мне, право... — говорит, —
Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!

На швей и на вино
Истратил уж давно
Он всё, что было.
Рвут за долги со всех сторон,
Грозят тюрьмой; а он
С улыбкой милой
На всё и всем свое твердит...
«Мне, право... — говорит, —
Мне, право... — говорит, —
Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!

Домой он спать придет, —
Сквозь кровлю дождик льет;
Ложись без свечки.
Зимой дуй в оба кулака:
Дров нету ни куска,
Да нет и печки.
И в холоде он крепко спит.
«Мне, право... — говорит, —
Мне, право... — говорит, —
Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!

Красавица жена
Живет не с ним, одна.
Свои наряды
Берет она не знаю где;

Встречает он везде
Косые взгляды.
Но он на них и не глядит.
«Мне, право... — говорит, —
Мне, право... — говорит, —
Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!

Подагра доняла,
И слег он: смерть пришла.
Попа призвали.
Тот рассуждать, конечно, рад
Про черта и про ад...
«Вы досказали? —
Пред смертью наш больной хрипит, —
Мне, право... — говорит, —
Мне, право... — говорит, —
Мне, право, горя в этом мало».
Ах, славный, славный малый!

Между 1862 и 1865 (?)

352. БЕДНЯКИ

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

Где мы стольких добрых сыщем,
Сколько их меж бедных есть?
Воздадим же честным нищим
Подобающую честь!

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

Счастью легче уживаться
С нищетой. Могу, что прав,

На Евангелье сослаться
И на свой веселый нрав.

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

На Парнасе долго жило
Всё в союзе с нищетой.
Чтó и у Гомера было,
Кроме посоха с сумой?

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

Вы, кого нужда тревожит,
Верьте мне: иной герой,
Коль сапог не впору, может
О лаптях вздыхать порой.

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

Кто спасся из сильных мира
От падений, от измен?
«Вздор — их царская порфира!» —
Думал в бочке Диоген.

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

Что за роскошь в царском доме!
А жильцов томит тоска.
Можно спать и на соломе,
Можно есть и из горшка.

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

Как солома превратилась
В ложе пышное цветов?
Это к бедности явилась
Гостья милая — Любовь.

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

Дружба, всюду холод чуя,
Улетела, говорят.
Нет, она сидит, пируя,
В кабачке меж двух солдат.

Весело живется
Нищим голякам:
Любится, поется.
Слава беднякам!

Между 1862 и 1865 (?)

353. МОЖЕТ БЫТЬ, ПОСЛЕДНЯЯ МОЯ ПЕСНЯ

Я не могу быть равнодушен
Ко славе родины моей.
Теперь покой ее нарушен,
Враги хозяйничают в ней.
Я их кляну; но предаваться
Унынью — не поможет нам.
Еще мы можем петь, смеяться...
Хоть этим взять, назло врагам!

Пускай иной храбрец трепещет, —
Я не дрожу, хотя и трус.
Вино пред нами в чашах блещет;

Я богу гроздий отдаюсь.
Друзья! наш пир одушевляя,
Он силу робким даст сердцам.
Давайте ж пить не унывая!
Хоть этим взять, назло врагам!

Заимодавцы! беспокоить
Меня старались вы всегда;
Уж я хотел дела устроить, —
Случилась новая беда.
Вы за казну свою дрожите;
Вполне сочувствую я вам.
Скорей мне в долг еще ссудите!
Хоть этим взять, назло врагам!

Небезопасна и Лизета;
Беды бы не случилось с ней.
Но чуть ли ветреница эта
Не встретит с радостью гостей.
В ней, верно, страха не найдется,
Хоть грубость их известна нам.
Но эта ночь мне остается. . .
Хоть этим взять, назло врагам!

Коль неизбежна гибель злая,
Друзья, сомкнемтесь — клятву дать,
Что для врагов родного края
Не будет наша песнь звучать.
Последней песнью лебединой
Пусть будет эта песня нам.
Друзья, составим хор единый!
Хоть этим взять, назло врагам!

Между 1862 и 1865 (?)

354. ДЕНЬ ПОМИНОК

Звон церковный — грустный, томный —
Укоряет громко нас,
Что за трапезой нескромной
Застает нас в этот час.

«Души многих в тьме блуждают», —
Скажет вам монах любой.
Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!

Пусть поэзия цветами
В этот день гроба́ дарит,
Пусть слезами перед нами
Лицемерье их кропит.
Вспять судьбы нас увлекают;
Но поет им голос мой:
«Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!»

Злым — огонь пучин бездонных;
Сень невянущих садов
Примет женщин благосклонных
И простых друзей пиров.
В рай ключи Петра впускают
Всех незлобивых душой.
Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!

Чем в уныние вдаваться
У могил отцов своих,
Поучиться б нам смеяться
Над судьбой своей у них.
Вина искрами сверкают;
Лиза дышит добротой.
Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!

Смерть от слез чужих не краше;
Но хотел бы в смертный час
Видеть я, что дети наши
Веселей, умнее нас.
Пусть беспечно распевают
Возле ямы роковой:
«Нынче мертвых поминают;
Вечный им покой!»

Между 1862 и 1865 (?)

355. ЦЕНСУРА

Мы у издателей под игом;
Но пусть его усилят нам
И отдадут нас цензорам;
Пусть этих крыс допустят к книгам. . .
Не станем унывать:
Чтоб посмеяться
И всё сказать,
Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

Пускай предвидит час последний
Себе от прессы туз иной;
Пусть речь свободную хулой
Зовут в палате и в передней. . .
Не станем унывать:
Чтоб посмеяться
И всё сказать,
Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

Пусть эта мудрая палата
На волю пустит крестный ход,
А мысли всякой ход запрет. . .
Она холопством так богата! . .
Не станем унывать:
Чтоб посмеяться
И всё сказать,
Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

Пусть будет цензор назначаться
Уму тюремщиком, — и с ним,
С несчастным узником своим,
Не будет вовсе сообщаться. . .
Не станем унывать:
Чтоб посмеяться
И всё сказать,
Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

И так уж нас в потемках душат;
Но пусть (как новый щедрый дар),
Желая будто снять нагар,
Последний свет у нас потушат...
Не станем унывать:
Чтоб посмеяться
И всё сказать,
Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

Пускай министр, что запрещает
Таланты исчислять свои,
Куплеты новые мои
Хоть в списке про себя читает...
Не станем унывать:
Чтоб посмеяться
И всё сказать,
Не нужно, право, дожидаться,
Чтоб приложил король печать.

Между 1862 и 1865 (?)

356. НОВЫЙ ДИОГЕН

Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

В воде ты почерпал презренье к миру;
Воды не пью, — и нрав мой веселей.
Я пил вино из бочки, чтоб квартиру
Очистить для премудрости своей.

Доволен
И волен,

Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Где ладно мне, я рад остановиться;
Но постоянства нет между людей.
Как время и как счастие, кружиться
Приходится мне с бочкою моей.

Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Смеялся я над партиями много,
И скажут все: «Он бесполезен нам».
Пред бочкой у меня не спросят строго:
«Всё для тебя ничто; да что ты сам?»

Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Люблю над старым хламом посмеяться,
Цвета́ ль кокарды, лента ль то звезды;
В цветы полей привыкла убираться
Моя свобода, чуждая вражды.

Доволен
И волен,

Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Пусть на конгрессе друг и неприятель
Начнут делить весь мир, — у королей
Не побегу справляться я, не кстати ль
Заняться им и бочкою моей.

Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Известно мне, куда ведет сатира;
От пышности дворов я сторонюсь.
Засмейся я поближе к сильным мира,
Они заслонят солнце мне, боюсь.

Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью...
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

В Афинах новых можно бы, я знаю,
Искать и человека днем с огнем;
Но я лишь в ночь фонарь свой зажигаю:
Светильник свой любовь находит в нем.

Доволен
И волен,

Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью. . .
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Хоть от рекрутства я — признаться надо —
И ускользнул, но родину люблю;
Случись нужда при сборе винограда,
Без ропота я бочку уступлю.

Доволен
И волен,
Ношу я мантию твою,
О Диоген! Смеюсь и пью. . .
Доволен
И волен,
Смеюсь и пью, когда хочу,
И бочку весело качу.

Между 1862 и 1865 (?)

357. ШКОЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Ах, повеса, озорник!
Ну, на что это похоже?
Я заснул всего на миг;
А уж он и прочь от книг. . .
Ах, совсем мне с ним беда. . .
И какие строит рожи!
Ах, совсем мне с ним беда.
Поскорее хлыст сюда!

Мало ль он меня бесил!
Я вина принес недавно,
Да поставить в шкап забыл;
Он бутылку утащил. . .
Ах, совсем мне с ним беда. . .
Да и выпил всю исправно.

Ах, совсем мне с ним беда.
Поскорее хлыст сюда!

Поутру́ жена начнет
В спальне мыться, одеваться;
Он из класса ускользнет,
К щелке двери припадет...
Ах, совсем мне с ним беда...
И изволит любоваться.
Ах, совсем мне с ним беда.
Поскорее хлыст сюда!

Раз и с дочерью застал:
Вижу, с нею он приятель.
Знать, уроки ей, нахал,
Он и прежде уж давал...
Ах, совсем мне с ним беда...
Вот хорош преподаватель!
Ах, совсем мне с ним беда.
Поскорее хлыст сюда!

Не уйдешь теперь ты так;
Вспомнишь ты расправу эту.
Что ворчишь ты?.. Я... колпак?..
Что?.. жена... намедни... Как!..
Ах, совсем мне с ним беда...
И детей уж в мире нету!
Ах, совсем мне с ним беда.
Поскорее хлыст сюда!

Между 1862 и 1865 (?)

358. КОШКА

Ну, кто же громко так мяучит!
Совсем ты прогнала мой сон.
Чего тебе? Иль голод мучит,
Что ночью просишься ты вон?
Не мышь ли где скребется близко?
Моя каморка заперта.

Мяу! Чего ты хочешь, киска?
Мяу-мяу! кота.

Как было мне не догадаться!
Ведь мне самой пятнадцать лет.
Ах, перестань ко мне ласкаться!
Чем помогу, коль средства нет?
Одна и я, хоть милый близко;
Я как в тюрьме тут заперта.
Мяу! Чего ты хочешь, киска?
Мяу-мяу! кота.

Ах, не тебе одной досада:
И я — я тоже вся в огне.
Тут есть сосед; и я бы рада
Его позвать, да стыдно мне.
Чердак его отсюда близко...
Нет, что за глупая мечта!
Мяу! Чего ты хочешь, киска?
Мяу-мяу! кота.

Всё это ты ж меня смутила:
Мне не хотелось ничего.
Коль так, уж лучше б разбудила
Ты мне соседа моего.
Вчера он сел ко мне так близко
И руки жал мне не спроста.
Мяу! Чего ты хочешь, киска?
Мяу-мяу! кота.

Но что я вижу! он как кошка
По кровле крадется сюда.
Скорей открыть ему окошко!
Кисурка, уходи туда!
Ах, хорошо ли?.. он уж близко...
А всё моя же доброта!
Мяу! И ты отыщешь, киска, —
Мяу-мяу! кота.

Между 1862 и 1865 (?)

359. НАШ СВЯЩЕННИК

Священник наш живет умно:
Водой не портит он вино,
И, славя милость бога,
Твердит племяннице (ей нет
Еще семнадцати): «Мой свет!
Что хлопотать нам много,
Грешно иль нет в селе живут?
Оставим черту этот труд!
Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

Овцам служу я пастухом
И не хочу, чтоб им мой дом
Был страшен, как берлога.
Твержу я стаду своему:
Кто мирно здесь живет, тому
В рай не нужна дорога.
На проповедь зову приход
Тогда лишь я, как дождь идет.
Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

Запрета в праздник я не дам
Повеселиться беднякам:
Им радостей не много.
У кабачка их смех и гам
Порою слушаю я сам
С церковного порога.
А надо — побегу сказать,
Что меньше можно бы кричать.
Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

Мне дела нет, что у иной
Плутовки фартучек цветной
Раздуется немного...
Полгодом свадьба запоздай,

До свадьбы бог младенца дай —
Не велика тревога:
Венчаю и крещу я всех.
Не подымать же шум и смех!
Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

Наш мэр философом глядит,
И про обедню говорит,
Что толку в ней не много.
Зато еще без ничего
Ни разу нищий от его
Не отходил порога.
Над ним господня благодать:
Кто сеет, будет пожинать.
Э! поцелуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!

На каждый пир меня зовут;
Вином снабжают, и несут
Цветов на праздник много.
Толкуй епископ, злой старик,
Что я чуть-чуть не еретик. . .
Чтобы на лоно бога
Я в рай попал и увидал
Там всех, кого благословлял,
Целуй, целуй меня,
Красавица моя!
Судить не будем строго!»

Между 1862 и 1865 (?)

360. ТРАКТАТ О ПОЛИТИКЕ ДЛЯ РУКОВОДСТВА ЛИЗЕ

О Лиза, милостию бога,
Перед которым все равны,
Ты царствуешь, — и все мы строго
Твоей красой покорены.

В любовниках и обсчитаться
Тебе легко: так много их.
Собьешься ль в чем, позволь смеяться
Для блага подданных твоих.

Как часто, теша самовластье,
Красавицы и короли
Вели любовников в несчастье,
Народ к отчаянью вели.
Не тронь мятежные стихии;
Храни свой будуар от них.
Не ведай, Лиза, тирании
Для блага подданных твоих.

Кокетством женщина похожа
На честолюбца, что идет —
В родном краю лишь горе множа —
Далекий покорять народ.
Что зол от одного каприза!
Примеров не забудь таких.
Побед не делай больше, Лиза,
Для блага подданных твоих.

К монархам доступ затрудняет
Толпа придворных, — и подчас
Он легче к женщине бывает
Под стражей двух ревнивых глаз.
Твой трон — постель, где неподкупна
Для лести воля нег ночных.
О Лиза, будь на нем доступна
Для блага подданных твоих.

Пусть хвалятся цари пред нами,
Что власть им небом вручена, —
Тебе господство над сердцами
Дала природа ли одна?
Да, скипетр в руки взять могла ты;
Но хоть и создан он для них,
От нас принять его должна ты
Для блага подданных твоих.

Чтоб было всё тебе послушно,
Ты в эти истины вникай;

Над нами царствуй благодушно
И наших прав не нарушай.
Венец из роз, любовью свитый,
Так свеж в кудрях твоих густых!
О, много лет его носи ты
Для блага подданных твоих!

Между 1862 и 1865 (?)

361. МНЕНИЕ ЭТИХ ДЕВИЦ

Опять враги к нам на постой!
Так это правда? Лишь нагрянут,
    Вверх дном всё ставить станут.
Пале-Рояль, наш край родной,
    Так оживится!
Да и для нас расчет прямой.
Все наши говорят девицы:
«Как рады мы своим друзьям,
    Своим друзьям-врагам!»

С французов наших что и взять!
Где ж им сравниться с пруссаками?
    Тем больше с казаками.
Им деньги стыдно и считать. . .
    На всех нас стала
Цена вдруг быстро возрастать;
Блох некогда искать, бывало.
Как рады мы своим друзьям,
    Своим друзьям-врагам!

Так станем ждать их. Боже мой!
Опять увижу Тичакова,
    Бюлова и Плятова.
И Сакен с нежною душой
    Опять прибудет,
И этот Блюкер, душка мой. . .
Что наберут, всё наше будет.
Как рады мы своим друзьям,
    Своим друзьям-врагам!

Когда завижу перья их,
Под такт трубам и барабану
Платком махать им стану.
Я из любовников своих
В лицо узнаю
Наверно сотни три меж них.
Окно к их встрече нанимаю.
Как рада я своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!

Как мы, немало честных дам,
Когда те в первый раз явились,
От них же поживились.
В гостиных к пылким казакам
Теснились с лестью,
Хоть наносить убытки нам
Не Сен-Жерменскому б предместью.
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!

«Отлично все дела пойдут», —
Аббат-кутила уверяет;
А он, конечно, знает. . .
Сожгут ли что, или убьют
Кого в народе, —
Еще беды немного тут;
А нас насилуй на свободе!
Как рады мы своим друзьям,
Своим друзьям-врагам!

Между 1862 и 1865 (?)

362. ПРИДВОРНЫЙ КАФТАН

Все наши принципы — химера!
Двор и меня уже пленил.
Обноски после камергера
В лоскутной лавке я купил.
Его высочество заняться
Изволил мной, — намек мне дан.

Как я доволен!
Я во дворец иду являться,
В придворный облачась кафтан.

От честолюбья нет покоя;
Мне грезится мой славный путь.
Шитье на платье золотое
Внушает — ниже спину гнуть.
Вот в зал меня с почетом вводят,
Стараясь угадать мой сан. . .
Как я доволен!
Его высочество выходят. . .
На мне придворный мой кафтан.

Я не завел еще кареты, —
Иду пешком. Вдруг предо мной
Толпа гуляк, друзей Лизеты, —
И тащат завтракать с собой.
«Не пропустить бы лишь парада! —
Твержу, попавшись к ним в капкан. —
Как я доволен!
К его высочеству мне надо.
Придворный видите кафтан?»

Лишь кончен завтрак, в путь я снова.
Навстречу старый добрый друг.
«Ты быть на свадьбе дал нам слово».
И я попал в знакомый круг.
Поют, смеются, веселятся;
Шампанским пенится стакан.
Как я доволен!
Но во дворец я шел являться;
На мне придворный мой кафтан.

Как мне ни весело с друзьями,
Спесь подзывает во дворец.
Иду нетвердыми шагами —
И дотащился наконец.
В толпе неужто Роза это?
Ее походка, стройный стан.
Как я доволен!

Ей, стóящей всех сильных света,
Не нужен вышитый кафтан.

От двери, где ее смешило
Холопство глупой суетой,
Она меня сейчас сманила
В свой скромный уголок с собой.
У Розы мой кафтан расшитый
Мне душит грудь — в глазах туман.
Как я доволен!
Его высочество забыто,
И в угол брошен мой кафтан.

Простился я со спесью жалкой
И прочитал себе урок.
Вооружась дурацкой палкой,
Пойду петь песни в кабачок.
Подчас там можно и забыться:
На совести не будет ран.
Как я доволен!
Кто жаждет во дворец явиться,
Возьми придворный мой кафтан!

Между 1862 и 1865 (?)

363. КОНЕЦ ПОЛИТИКЕ

Не брани меня ты строго,
Ненаглядная моя,
Что любви своей так много
Отдаю отчизне я.
Ты всегда скучать готова
От политики моей.
Успокойся: ни полслова
Не скажу теперь о ней.

Близ тебя еще недавно
Об искусствах речь я вел,
Детях вольности державной.
Но погас наш ореол, —

И, чтоб здесь расцвесть им снова,
Надо ждать времен других.
Успокойся: ни полслова
Не скажу теперь о них.

Несмотря на робость нрава,
После битв любви я смел
Петь тебе о битвах славы:
Наших воинов я пел.
Как их доблести суровой
Трусил сонм владык земных!
Успокойся: ни полслова
Не скажу теперь о них.

Цепь твою нося охотно,
Я свободу призывал,
И в твой лепет беззаботный
Рим и Грецию вплетал.
Хоть мне Титам нашим новым
Что-то верится с трудом, —
Успокойся; ни полсловом
Не промолвлюсь я о том.

Кто мог с Францией сравниться?
Все завидовали ей.
Ты могла ее страшиться,
Как соперницы своей.
Но — увы! судьба сурово
Гасит свет надежд моих.
Успокойся; ни полслова
Не скажу теперь о них.

Да, мой друг, ты судишь здраво:
В мрак безвестности уйдем,
Позабудем голос славы
И на ложе нег уснем:
Для французов цепь готова
От своих и от чужих.
Успокойся; ни полслова
Не скажу теперь о них.

Между 1862 и 1865 (?)

364. МОЕ ПРИЗВАНИЕ

Хилой и некрасивый
Я в этот мир попал.
Затерт в толпе шумливой,
Затем, что ростом мал.
Я полон был тревогой
И плакал над собой.
Вдруг слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

Грязь в пешего кидают
Кареты, мчася вскачь;
Путь нагло заступают
Мне сильный и богач.
Нам заперта дорога
Везде их спесью злой.
Я слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

Вверять судьбе заботу,
О каждом дне страшась,
Не по душе работу
Несу, как цепь, смирясь.
Стремленья к воле много;
Но — аппетит большой.
Я слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

В любви была отрада
Больной душе моей;
Но мне проститься надо,
Как с молодостью, с ней.
Всё чаще смотрят строго
На страстный трепет мой.
Я слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

Да, петь — теперь я знаю —
Вот доля здесь моя!
Кого я утешаю,
Не все ли мне друзья?

Когда приязни много
За чашей круговой,
Я слышу голос бога:
«Пой, бедный, пой!»

Между 1862 и 1865 (?)

365. ПРОСТОЛЮДИН

В моей частичке *де* знак чванства —
Я слышу — видят; вот беда!
«Так вы из древнего дворянства?»
Я? нет; куда мне, господа!
Я старых грамот не имею,
Как каждый истый дворянин;
Лишь родину любить умею.
Простолюдин я; да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Мне надо бы без *де* родиться:
В крови я чувствую своей,
Что против власти возмутиться
Не раз пришлось родне моей.
Та власть, как жернов, всё дробила,
И пал, наверно, не один
Мой предок перед буйной силой.
Простолюдин я; да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Мои прапрадеды не жали
Последний сок из мужиков,
С ножом дворянским не езжали
Проезжих грабить средь лесов;
Потом, натешась в буйстве диком,
Не лезли в камергерский чин
При. . . ну, хоть Карле бы Великом.
Простолюдин я; да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Они усобицы гражданской
Не разжигали никогда;

Не ими леопард британский
Вводим был в наши города.
В крамолы церкви не вдавался
Из них никто, — и ни один
Под лигою не подписался.
Простолюдин я; да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

Оставьте ж мне мое прозванье,
Герои ленточки цветной,
Готовые на пресмыканье
Пред каждой новою звездой.
Кадите, льстите перед властью!
Всем общей расы скромный сын,
Я льстил лишь одному несчастью.
Простолюдин я; да, простолюдин,
Совсем простолюдин.

⟨1861⟩

366. СТАРЫЙ СКРИПАЧ

Мудрецом слыву в селеньи
Я, старик, скрипач простой,
Потому что от рожденья
Не пивал вина с водой.
Любо скрипкой на поляне
Молодежь мне созывать.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

Встарь под этот дуб сходились
За советом, за судом.
Сколько раз враги мирились
Под густым его шатром!
Не слыхал он слова брани,
Видел только тишь да гладь.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

О владельце знатном вашем
Пожалейте: в замке там

Как завидует он нашим
Незатейливым пирам!
Дружный смех тут на поляне;
Он один изволь скучать.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

Не хулите тех, что с вами
Чтить священства не хотят,
А желайте, чтоб плодами
Был богат их луг и сад.
Вместе надо, христиане,
Не молиться, так гулять.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

Если ниву родовую
Ты обнес вокруг плетнем,
Не топчи же и чужую
И не тронь своим серпом.
Будешь знать тогда заране,
Что в наследье детям дать.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

После горя прожитого
Мир опять наш край живит:
Не гоните ж прочь слепого,
Что с дороги бурей сбит.
Скольким в этом урагане
Дом и кров пришлось терять!
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

Вот мое вам наставленье:
Здесь, в тени густых ветвей,
Дети, всем привет, прощенье!
Обнимитеся дружней!
На моей родной поляне
Должен вечно мир сиять.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь под дубом поплясать!

Между 1862 и 1865 (?)

Книга вторая

1816—1821

367. ПТИЦЫ

Зима несет опустошенье
Под наши кровли и в поля;
Знакомых птиц не слышно пенья:
Умчались в чуждые края.
Но пусть там ярче свет денницы, —
Они на родине душой.
Зимою изгнанные птицы
Опять воротятся с весной.

Судьба в изгнанье их послала.
Печально им, — печальней нам:
Их песни эхо повторяло
По бедным избам и дворцам.
Пусть их певучие станицы
Собой счастливят край иной, —
Зимою изгнанные птицы
Опять воротятся с весной.

А нас застигли здесь морозы, —
И нам завидна доля их:
Холодный север шлет угрозы;
Идет всё больше туч седых.
Счастли́в, кто мог, как из темницы,
Отсюда упорхнуть живой!
Зимою изгнанные птицы
Опять воротятся с весной.

Как туч не будет на лазури,
Любовь их снова приманит, —
И дуб, не раз видавший бури,
Опять их дружно приютит.
Чтоб возвестить восход денницы
И новый день стране родной,
Зимою изгнанные птицы
Опять воротятся с весной.

Между 1862 и 1865 (?)

368. ДВЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

Скончавшись строгою черницей,
Святая дева у дверей
Пред раем встретилась с певицей,
Звездой меж театральных фей.
Их жизнь прошла невозмутимо,
И обе вознеслись с земли —
Одна на крыльях серафима,
Другая на руках любви.

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

На страже Петр стоял пред раем...
С черницей *Ave* [1] прочитал;
Потом актрисе: «Мы впускаем
Без исповеди», — он сказал.
Она ему: «Я не отпета
Священником, — зарыли так.
Но бог прости его за это:
Он в жизни не любил, бедняк!»

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

«Везде, — монахиня сказала, —
По хижинам и по дворцам
Страдальцам я приготовляла
Сердца́ врачующий бальзам».

---

[1] Славься (лат.). — *Ред.*

— «Служили мне все боги наши, —
Актриса молвила, — но я
И бедняку из царской чаши
Давала сладкого питья».

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

«Да, часто, — дева говорила, —
Сменив священника собой,
На ложе смерти низводила
Я упованье и покой».
— «О, скольким было в обольщенье, —
Сказала нимфа, — легче жить!
Замена счастью — наслажденье.
Я заставляла жизнь ценить».

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

«Сердца ко благу направляя, —
Сказала дева, — к беднякам
Даянье богачей несла я,
Благословляемое там».
— «А скольких честных, — говорила
Актриса, — падавших в бою,
В ряды бойцов я возвратила,
Давая ласку им свою!»

Любите! это воля бога,
Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
Тот и спасен.

«Войдите, добрые, войдите! —
Сказал им часовой небес. —
Любовью обе вы горите;
А большего не нужно здесь.

Бог всем открыл свои владенья,
Кто осушал потоки слез,
Под жестким ли венцом мученья,
Иль под венками пышных роз».

Любите! это воля бога,
    Его святой закон.
Кто любит горячо и много,
    Тот и спасен.

Между 1862 и 1865 (?)

369. ЭТО НЕ ЛИЗЕТА

В шелку и в кружевах,
Как фея разодета,
С алмазами в ушах, —
Лизета, ты ли это?
  Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
  Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

В атласных башмаках
Тебе нужна карета;
Румянец на щеках
Искусственного цвета.
  Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
  Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Дом роскошью блестит:
Нет скромного предмета;
Лионский шелк хранит
Постель твою от света.
  Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
  Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Улыбка лишена
Открытого привета;
Ты стала так умна, —
Все утверждают это.
   Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
   Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Как роза ты цвела,
Когда вдали от света
Простой швеей была, —
Скромна, бедно одета.
   Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
   Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Любовью ли была
Твоя постель согрета,
К тебе и дружба шла
Без спроса, без запрета.
   Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
   Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Ты тешишь не любя
Отжившего скелета;
Он золотит тебя.
Да разве счастье это?
   Ах, нет, нет, нет!
Ты больше не Лизета.
   Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Жилье любви — чердак;
Ей скользок лоск паркета.
Вы стали важны так!
Ее пугает это.
   Ах, нет, нет, нет!

Вы больше не Лизета.
Ах, нет, нет, нет!
Забудем имя это.

Между 1862 и 1865 (?)

370. ЗИМА

Вновь зима идет сюда;
Гонит птиц, сердито воет,
И покровом снежным кроет
И поля и города.
Всё окно разрисовала
Мне цветами из кристалла.
Дверь на петлях завизжала;
Кот мой съежился клубком.
Ждать уж нечего: отныне
Надо жечь дрова в камине;
Надо греться пред огнем.

Не пускайся, странник, в путь;
А пошел — вернись скорее!
Мой камин горит шумнее:
Ветер начал крепче дуть.
Не страшна мне здесь угроза
Ветра, снега и мороза:
Вот явилась в шубке Роза;
Греет, кутает меня.
Но ты рук не отогрела;
На мои б колени села,
Роза, греться у огня!

Смерклось; ночь густую тень
Над снегами расстилает.
Нас любовь благословляет:
Ради нас уходит день.
Но к нам в гости, распевая,
Входит пара молодая:
Друг, красавица живая. . .
Славно вечер проведем!
Стужи нечего страшиться:

Чтоб попарно разместиться,
Станем греться пред огнем.

Вот нескромный лампы свет
Наши ласки прекращает.
Роза скатерть расстилает;
На столе вино, пастет.
Друг пустился в изложенье
Им прочтенного творенья
Про воров и привиденья;
Смех не молкнет за столом.
Кончен ужин; пунш пылает.
Но пока он поспевает,
Станем греться пред огнем.

Пусть, как в саван, облачит
В снег и лед зима природу,
Шлет к нам вихри, непогоду —
Наших песен не смутит.
Здесь весна любви над нами
Веет тихими крылами,
Незнакомая с грозами,
Неразлучная с добром.
От морозов мы запремся
И, пока цветов дождемся,
Станем греться пред огнем.

Между 1862 и 1865 (?)

371. МАРКИЗ КАРАБÁ

О, с какой грозой
Прибыл наш маркиз домой!
(А на кляче он
Из чужих плелся сторон.)
Всем грозя кругом
Девственным мечом,
Шествует герой
В старый замок свой.
Шапки все долой со лба!
Честь маркизу Карабá!

«Эй, сбирайтесь вмиг,
Кастелан, вассал, мужик!
Я, — гласит он, — я,
Я восставил короля.
Власти лишь моей
Трогать он не смей:
Счет тогда со мной,
Черт возьми! иной».
Шапки все долой со лба!
Честь маркизу Карабá!

«Кто-то слух пустил,
Что мой предок — мельник был.
Вздор! главою нам
Был Пипин Короткий сам.
По гербу судя,
Думаю, что я
Родом поважней
Наших королей».
Шапки все долой со лба!
Честь маркизу Карабá!

«Кто другой здесь есть,
Чтобы смел при троне сесть?
Метит сын меньшой
Быть епископом; другой,
Старший сын, барон,
Хоть не воин он,
Будет в орденах
И в больших чинах».
Шапки все долой со лба!
Честь маркизу Карабá!

«Станем мирно жить. . .
Что? . . Я — подати платить?
Иль я мещанин?
Иль мужик? Я дворянин.
Есть вкруг зáмка вал,
Есть в нем арсенал. . .
Где префект ваш? С ним
Мы поговорим!»

Шапки все долой со лба!
Честь маркизу Карабá!

«Мы за церковь мстим:
Сбор церковный разделим
Пополам. Народ
Всё снесет, как вьючный скот.
Дичь — для нас в лесах;
Девки в деревнях. . .
Их мы брать непрочь
В первую их ночь».
Шапки все долой со лба!
Честь маркизу Карабá!

«Поп, встречать иди!
Мне как следует кади!
Эй, пажи, псари!
Мужиков трави, пори!
Всё из прав святых
Прадедов моих
Перешло вполне
По наследству мне».
Шапки все долой со лба!
Честь маркизу Карабá!

Между 1862 и 1865 (?)

372. МОЯ РЕСПУБЛИКА

Люблю республику — не скрою, —
Взглянув на стольких королей.
Хоть для себя ее устрою
И сочиню законы ей.
Лишь пить считается в ней делом;
Один в ней суд — веселый смех;
Мой стол накрытый — ей пределом;
Ее девиз — свобода всех.

Друзья, придвиньтесь ближе к чашам!
Сенат наш будет заседать. . .

И первым же указом нашим
Нам скуку следует изгнать.
Изгнать? Нет, здесь произноситься
И слово это не должно.
Как может скука к нам явиться?
С свободой радость заодно.

Здесь роскоши не будет тени:
У ней ладов с весельем нет.
Для мысли — никаких стеснений,
Как Бахус дельный дал совет.
Пусть каждый верует как знает
И молится как хочет сам;
Хоть у обедни пусть бывает...
Так говорит свобода нам.

Дворянство к власти всё стремится:
О предках умолчим своих.
Здесь титлов нет, хоть отличится
Иной — и выпьет за троих.
А если злостная затея
Кому придет — стать королем,
Споимте цезаря скорее;
Свободу этим мы спасем.

Так чокнемтесь! Пусть год от году
Цветет республика у нас!
Но чуть ли мирному народу
Уж не ударил грозный час:
Лизета вновь нас призывает
Под иго страсти; как нейти!
Она здесь царствовать желает...
Свободе говори «прости!».

Между 1862 и 1865 (?)

373. ПАЯЦ

Паяцем быть родился я.
Отец, чтоб дать мне ходу,

Пинком спровадил в мир меня...
«Ломайся всем в угоду!
Хоть отрастил брюшко,
Но скачешь ты легко
И мастер кувыркаться.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!»

Мать, снаряжая в путь сынка,
Собственноручно сшила
Одежу мне из тюфяка.
«Он долго, — говорила, —
Служил мне. Делай в нем,
Что делала на нем
И я, чтоб пропитаться.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!»

Мне скоро встретиться бог дал
С особой августейшей —
И во дворце я место взял
Собачки околевшей.
Как начал я скакать, —
С собакой ли сравнять?..
Завистники косятся.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!

Я сладко ел... Вдруг слух идет,
Что из дурного теста
Мой господин и что займет
Законный это место.
Что ж! Тот меня кормил...
И этот будет мил, —
Лишь надо постараться.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!

Лишь стал пред новым я скакать,
Вдруг прежний воротился.
Поесть люблю я, — и опять
Пред ним скакать пустился.
Но снова выгнан он,
И новый сел на трон.
С судьбою где ж тягаться!
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!

Кто ни приди, мне всё равно:
Скакать для всех сумею.
Зато пью славное вино,
Ем сытно — и толстею.
Повсюду скакуны
(Не все лишь так умны)
У нас в краю плодятся.
Для всех, паяц, скачи!
Разузнавать не хлопочи,
Пред кем пришлось ломаться!

Между 1862 и 1865 (?)

371. МОЯ ДУША

Порой бокал свой осушая
В веселом дружеском пиру,
Грядущим дням не доверяя,
Люблю я думать, как умру.
Мне грезятся предсмертные мгновенья,
Хотя вокруг живые голоса. . .
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Ты примешь образ серафима,
В сияньи станешь утопать,
И радостью невозмутимой
Там будет песнь твоя звучать.
Там встретишь мир: его благословенья
С земли спугнула наших войн гроза.

Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Пал под ударами невзгоды
Наш Илион, дививший свет.
Зачем свой жертвенник свободы
Он превратил в алтарь побед?
К нам нес Терсит обиды, оскорбленья
И наглость отвязавшегося пса.
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Найдешь ты в сферах над громами
Своих, умерших в добрый час:
Там сохранилося их знамя
От грязи, падавшей на нас.
С полубогами вступишь ты в общенье;
Тебе подвластна будет там гроза.
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Свобода прочно основала
Свое господство в небесах.
Одна любовь лишь помогала
Мне в этом мире жить в цепях;
Но я боюсь ее исчезновенья:
У узника белеют волоса. . .
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Покинь мир горя и проклятий;
Луч света, в мир лучей лети!
Из женских сладостных объятий
На лоно бога перейди.
Отходной будет круговое пенье;
Рука друзей закроет мне глаза.
Душа моя! лети без сожаленья;
С улыбкой вознесись на небеса.

Между 1862 и 1865 (?)

375. ВАРВАРИЙСКИЙ СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Провозглашен союз священный:
По воле неба непременной
Взаимный заключили мир
Тунис, Марокко и Алжир.
Царям их, доблестным корсарам,
Сулит он выгоды недаром.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Цари, вступив в союз священный,
Решили с тонкостью отменной
Не делать порознь ничего:
«Будь двадцать против одного!»
К ним, несмотря на разность кожи,
Примкнет Христоф, как слышно, тоже.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Нам всем велит союз священный
Его законы чтить смиренно:
Читать Бональда, Алкоран
И то, что пишет граф Ферран.
Вольтер же — нет сомненья в этом —
У варварийцев под запретом.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Французы! в их союз священный
Пошлемте как залог бесценный
Всех старых, новых цензоров,
Судей, чиновников, попов.
С такими верными слугами
Пойдет там лучше торг рабами.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Коль усмотрел союз священный,
Что где-нибудь король почтенный
Свалился с трона, — вмиг на трон
Посажен будет снова он;

Но пусть заплатит все расходы
На сено, провиант, походы.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

При этом наш союз священный
Иметь желает непременно
Гребцов галерных, да немых:
Царям-пиратам как без них?
Но для полнейшего их лада
Народы евнухов им надо.
Цвети, тройной союз и мир!
Ура, Тунис, Марокко и Алжир!

Между 1862 и 1865 (?)

376. МОЙ УГОЛОК

Мириться с светом — труд напрасный;
В свой уголок уйду мечтать.
Друзья, успел один несчастный
Из вашей каторги бежать.
В просторе, где мечтой блуждаю,
Как бедуин свободен я.
Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

Здесь цепи и права народа
Я смело на весы кладу;
Лью слезы по тебе, свобода, —
И предаю царей суду;
В грядущем всем предвозвещаю
Восход негаснущего дня.
Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

Свой жезл мне здесь вручают феи —
Творить добро, лечить печаль.
Готовя чудные трофеи,
Дворцы переношу я вдаль.
Кого на трон я помещаю,

Тому народ его — семья.
Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

Здесь мысль взлетает в мир надзвездный
Крылатым ангелом с земли...
Под нею в пламя адской бездны
Валятся наши короли.
Как верный сын родному краю,
Изъят один лишь из огня.
Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

Здесь слышит бог мои желанья
Добра стране моей родной.
Уважьте же мои мечтанья;
Я свету вашему чужой.
Здесь музы берегут, я знаю,
Покой ночей моих и дня.
Друзья, оставьте, умоляю,
Вы в уголке моем меня.

Между 1862 и 1865 (?)

377. НЕЗАВИСИМЫЙ

Рабы тщеславия и моды,
Не вам кичиться предо мной:
Я независим; дар свободы
Мне бедность принесла с собой.
Одной лишь ею вдохновляться
Давно привыкла песнь моя.
Лизета только вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
Да, независим я.

Всем вашим рабским чужд наукам,
Брожу я в свете дикарем,
С веселостью и с метким луком
Ничьим не буду я рабом:

Довольно стрел, чтоб защищаться,
Кует сатира для меня.
Одна Лизета вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
Да, независим я.

Для всех смешно, что в Лувре можем
Мы услыхать холопский хор
Пред каждым царственным прохожим
Чрез постоялый этот двор;
А есть глупцы, что лирой тщатся
Добыть подачку для себя.
Одна Лизета вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
Да, независим я.

Не каждая ли власть есть бремя?
Несносна доля королей:
Держи чужую цепь всё время.
Их пленным, право, веселей.
Могу ль я властью увлекаться,
Любовь ответит за меня.
Одна Лизета вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
Да, независим я.

В ладу с судьбою, данной небом,
Иду, куда мне путь лежит;
Пою, богат насущным хлебом,
В надежде быть и завтра сыт.
День кончен — нечем сокрушаться,
Когда постель манит меня.
Одна Лизета вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
Да, независим я.

Но Лиза, вижу я, готова,
Во всеоружьи красоты,
Надеть мне брачные оковы,
Рассеять гордые мечты.

Нет, нет! я не могу поддаться;
Мне воля дорога моя.
Будь Лиза вечно вправе улыбаться,
Когда скажу, что независим я, —
Да, независим я.

Между 1862 и 1865 (?)

378. ДОБРАЯ СТАРУШКА

Увянешь ты, подруга дорогая,
Состаришься; в могиле буду я:
Вдвойне мне дни погибшие считая,
Уходит жизнь. Переживи меня;
Не ведая ни скорби, ни недуга,
Останься верным сердцем мне близка
И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.

Когда, найдя под старыми чертами
Следы воспетой мною красоты,
Тебя обступят юноши с словами:
«Кто этот друг, по ком горюешь ты?»
Рассказывай им в тихий час досуга,
Как я любил, как жизнь была ярка,
И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.

Коль спросят: «Что тебе в нем было мило?»
— «Его любила я», — ты дашь ответ.
«И никогда в нем зла не находила?»
Ты с гордостью на это скажешь: «Нет!»
Припомни, как среди родного круга
Касалась нежно струн моя рука,
И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.

Над Францией со мной лила ты слезы, —
И новым поколеньям передай,
Что славы и надежд святые грезы
Я пел, чтоб утешать родной наш край.

Напоминай им, как жестоко вьюга
Губила лавры нашего венка,
И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.

Когда тебя обрадует порою
Молва о славе друга давних лет,
Когда весной ты слабою рукою
Сорвешь цветок — украсить мой портрет, —
Взор обращай в тот мир, моя подруга,
Где нас с тобой соединят века,
И доброю старушкой песни друга,
Как прежде, напевай у камелька.

Между 1862 и 1865 (?)

379. МАРКИТАНТКА

Я маркитантка полковая;
Я продаю, даю и пью
Вино и водку, утешая
    Солдатскую семью.
Всегда проворная, живая...
Звени ты, чарочка моя!
Всегда проворная, живая, —
    Солдаты, вот вам я!

Меня герои наши знали.
Ах, скольких гроб так рано взял!
Меня любовью осыпали
    Солдат и генерал;
Добычей, славой наделяли...
Звени ты, чарочка моя!
Добычей, славой наделяли.
    Солдаты, вот вам я!

Все ваши подвиги я с вами
Делила, поднося вам пить.
Победу — знаете вы сами —
    Могла я освежить:
В бой снова шли вы молодцами...

Звени ты, чарочка моя!
В бой снова шли вы молодцами.
Солдаты, вот вам я!

Я с самых Альпов вам служила.
Мне шел пятнадцатый лишь год,
Как я вам водку подносила
В египетский поход.
Потом и в Вене я гостила...
Звени ты, чарочка моя!
Потом и в Вене я гостила.
Солдаты, вот вам я!

Была пора то золотая
Торговли и любви моей.
Жаль, мало в Риме пробыла я, —
Всего лишь восемь дней, —
У папы служек развращая...
Звени ты, чарочка моя!
У папы служек развращая.
Солдаты, вот вам я!

Я больше пользы оказала,
Чем пэр любой, родной земле:
Хоть дорогонько продавала
В Мадрите — и в Кремле;
Но дома даром я давала...
Звени ты, чарочка моя!
Но дома даром я давала.
Солдаты, вот вам я!

Когда была нам участь брани
Числом лишь вражьим решена,
Я вспомнила о славной Жанне:
Будь тем я, чем она,
Как побежали б англичане!
Звени ты, чарочка моя!
Как побежали б англичане!
Солдаты, вот вам я!

Коль старых воинов встречаю,
Которым довелось страдать

За службу их родному краю,
И выпить негде взять, —
Я цвет лица им оживляю...
Звени ты, чарочка моя!
Я цвет лица им оживляю.
Солдаты, вот вам я!

Награбив золота чужого,
Враги еще заплатят нам.
Наступит день победы снова, —
И ждать недолго вам!
Я прозвонить вам сбор готова...
Звени ты, чарочка моя!
Я прозвонить вам сбор готова.
Солдаты, вот вам я!

Между 1862 и 1865 (?)

380. ИЗГНАННИК

В кругу подруг веселых
Из девушек одна
Сказала: «В наших селах
Всем радостна весна.
Но между нами бродит
Пришелец, нам чужой,
И грустно песнь заводит
О стороне родной.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.

Над быстрою рекою,
Что к Франции бежит,
Поникнув головою,
Сидит он и грустит.
Он знает, эти воды
Туда спешат скорей,
Где зеленеют всходы
Его родных полей.

Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.

Оплакивая сына,
Быть может, мать его
В ногах у властелина
Там молит за него;
А он, судьбой неправой
Покинут в грозный миг,
Бежит с своею славой
От зла земных владык.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.

Он без приюта бродит
Среди чужих полей;
Но не везде ль находит
След доблести своей?
Как вся страна объята
Была у нас войной,
Здесь кровь его когда-то
Лилась за край родной.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.

Когда от бурь военных
Наш бедный край страдал,
Он, слышно, наших пленных
Как братьев принимал.
Напомним время славы
Ему в печальный час;
Пусть он найдет забавы,
Найдет любовь у нас.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;

Пусть будет для изгнанника
Наш край родным.

Когда привет наш примет
И к нам он в дом войдет,
Свою котомку снимет,
Приляжет и заснет, —
Пусть свой напев любимый
Услышит он сквозь сон:
Наверно, край родимый
Во сне увидит он.
Как брата примем странника,
С любовью приютим;
Пусть будет для изгнанника
Наш край родным».

Между 1862 и 1865 (?)

381. ПРИРОДА

Богата негой жизнь природы;
Но с негой скорби в ней живут.
На землю черные невзгоды
Потоки слез и крови льют.
Но разве всё погибло, что прекрасно?
Шлют виноград нам горы и поля.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.

Везде потопы бушевали.
Есть страны, где и в наши дни
Людей свирепо волны гнали. . .
В ковчеге лишь спаслись они.
Но радуга сменила день ненастный,
И голубь с веткой ищет корабля.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.

Готовя смерти пир кровавый,
Раскрыла Этна жадный зев.

Всё зашаталось; реки лавы
Несут кругом палящий гнев.
Но, утомясь, сомкнулся зев ужасный;
Волкан притих, — и не дрожат поля.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.

Иль мало бедствий нас давило?
Чума несется из степей;
Как коршун, крылья распустила
И дышит смертью на людей.
Но меньше жертв, — вольней вздохнул несчастный;
Идет любовь к стенам госпиталя́.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.

Война! Затеян спор ревнивый
Меж королей, — и бой готов.
Кровь сыновей поит те нивы,
Где не застыла кровь отцов.
Но пусть мы к разрушению пристрастны,
Меч устает; мир сходит на поля.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.

Природу ли винить за грозы?
Идет весна — ее поем.
Благоухающие розы
В любовь и радость мы вплетем.
Как рабство после воли ни ужасно,
Но будем ждать, надежды всех деля.
Течет вино, улыбки женщин ясны, —
И вновь утешена земля.

Между 1862 и 1865 (?)

382. ГРОЗА

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.

Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

Вам любо отдыхать, малютки,
От скучной школы средь полей.
Как беззаботны ваши шутки!
Как рады воле вы своей!
Пусть бедный мир наш снова
Ждет бедствий и тревог,
Пусть гром ворчит сурово, —
Плетите ваш венок!

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

По туче молния змеится;
Она ваш взгляд не привлекла.
Таясь, в кустах примолкла птица;
А ваша песня весела.
Что дню недолго тьмиться,
Я верю, видя вас;
Свет скоро отразится
В лазури ваших глаз.

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

Отцы ли ваши не страдали!
Они, в виду измены злой,
Одной рукой оковы рвали,
Другой дрались за край родной.
Их честь не запятналась
Паденьем роковым.
Вам слава их осталась;
В ней было счастье им.

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

При трубных похоронных звуках
Родиться присудил вам рок;
Вам возвестил о наших муках
Сам враг, трубя в свой медный рог.
Еще гремели сшибки
С врагом. Он плен к нам нес, —
И ваших уст улыбки
Мы видели сквозь слез.

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

Вы совладеете с грозами,
В которых истощились мы:
Блеск молний, вившихся над нами,
Нас озарил средь нашей тьмы.
Пусть тучи тяготеют
И прежний страх в нас жив —
Для вас в Грядущем зреют
Посевы наших нив.

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

Гроза, о дети, недалеко:
За молньей снова грянул гром.
Вас не страшат угрозы рока;
Но я — я стал уж стариком.
Быть может, под громами
Я песнь не допою. . .

Украсите ль цветами
Могилу вы мою?

Резвитесь, дети, и играйте!
Ваш возраст — светлая весна;
Гроза вам не страшна.
Играйте, дети, — слез не знайте!
Надеждой даль ясна.

Между 1862 и 1865 (?)

383. НАВУХОДОНОСОР

Библейские сюжеты в моде.
Попробую воспеть я в оде
Царя, что стал быком (тогда
Довольно новая черта).
Все при дворе в восторге были;
Торговцы лестью возгласили,
Слиясь в один хвалебный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Царь замычал. «Ах, как прекрасно!
О государь, взгляните ясно! —
Ему твердят, клоня главы. —
В Египте богом были б вы.
Как без рогов, так и с рогами
Вам можно чернь топтать ногами».
Гласи же громче, верный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Царю пришлось по нраву стойло;
И корм понравился, и пойло.
«Чем, — думал, — я не божество?»
Глупцы острили за него, —
И есть в одной из дедикаций,
Что им проглочен весь Гораций.
На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

«Совет министров собирался;
Царь вместе с ними занимался —

И не дремал, хотя зевал», —
Халдейский извещал журнал.
А царедворцы со слезами:
«Не царь, отец нам дан судьбами!»
На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Когда он вынюхал весь ладан,
Ему урок был тяжкий задан:
Поповский и дворянский род,
Чтоб лучше жать и мять народ,
Царя — коль верить старой были —
К себе в оглобли заложили.
На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Не снес народ, — царя сгоняет;
Другому (хуже?) власть вручает.
А двор, недолго говоря,
На вертел падшего царя.
Да и попы (прости им, боже!)
Весь пост им лакомились тоже.
На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Певцы, за деньги нанятые,
Творцы трагедий покупные!
Возьмитесь-ка за мой сюжет:
В цензуре вам препятствий нет.
Чтоб возле трона подслужиться,
Подчас и Библия годится.
На арфах грянь, согласный хор:
«Ура, Навуходоносор!»

Между 1862 и 1865 (?)

384. ПРОЩАНЬЕ С ПОЛЯМИ

Как кротко-ласково осеннее светило!
Как блеклый лес шумит и в глубь свою зовет!
Уже надежды нет, чтоб ненависть простила

Мои напевы мне и смелый их полет.
Здесь навещал меня мечтаний рой прекрасный;
Здесь слава мне порой шептала свой обет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Зачем не пел я так, как птица меж ветвями?
Как был бы волен здесь я с песнею своей!
Но родина моя — унижена врагами —
Клонила голову под иго злых людей:
Стихами колкими я мстил за край несчастный.
Лишь для стихов любви преследований нет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Их ярость скудных средств меня уже лишила;
Теперь грозят судом веселости моей.
Святою маскою их злость лицо прикрыла:
Заставлю ль их краснеть я прямотой своей?
Пред божествами лжи преступник я опасный;
Пред богом истины вины за мною нет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Величье наше пел я над его могилой,
О славе вспоминал в надгробной песне я;
Но — неподкупная — перед победной силой
Убийства государств хвалила ль песнь моя?
Когда давал ты, лес, мне свой приют прекрасный,
Империю ль я пел? ее ли солнце? Нет!
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Надеясь мне нанесть позор и униженье,
Пусть цепи для меня вымеривает суд!
В цепях и Франция. Оковы, заточенье
В ее глазах венец моим стихам дадут.
Пусть за окном тюрьмы мерцает день ненастный:
Мне слава принесет свой радующий свет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Не навестишь ли ты мой угол, Филомела?
Когда-то от царя терпела горе ты...
Пора: тюремщик ждет; ему так много дела!
Прощайте, нивы, лес, долины и цветы!
Готовы цепи мне; но я душою страстной
Свободе гимн пою, храня ее завет.
О небо, раз еще пошли мне луч свой ясный!
Даль рощи, повтори прощальный мой привет!

Между 1862 и 1865 (?)

Книга третья
1822—1828

385. СВОБОДА

Лишь тронул цепь рукою,
Погасла страсть моя:
Свободу всей душою
Возненавидел я.
Что за свобода!
К чему свобода!

Давнишней верен роли,
Наш мудрый трибунал
Мне рабства и неволи
Законность доказал.
Что за свобода!
К чему свобода!

Ей не дождаться ярых
Моих стихов, — о нет!
Она в пеленках старых
Доныне держит свет.
Что за свобода!
К чему свобода!

От дерева цивизма
Осталась нам одна

Дубина деспотизма, —
И нелегка она.
    Что за свобода!
    К чему свобода!

Нигде ей нету хода:
Сам Тибр не разберет
Пот вольного народа
От папских нечистот.
    Что за свобода!
    К чему свобода!

Кто смысл имеет ясный
И хочет рассуждать,
Тот каторжник несчастный,
Посмевший бунтовать.
    Что за свобода!
    К чему свобода!

Как милы мне оковы
И сторожа мои!
Пусть этот клич мой новый
Снесут и в Лувр они:
    Что за свобода!
    К чему свобода!

Между 1862 и 1865 (?)

386. ТЕНЬ АНАКРЕОНА

«Мы победили! — молвил юный грек,
Кладя венки на свежие могилы. —
Покиньте Стикс! мы повторим ваш век,
О полубоги, древних дней светилы!»
    И пред собой в лучах утра
    Он видит призрак, слышит пенье:
    «Пора на родину, пора,
    Дитя Свободы, Наслажденье!
        Пора!

Мне жизнь была, о греки, сладкий сон
При ваших предках, гнавших прочь печали.

Когда на их пирах Анакреон
Им пел любовь, они цепей не знали.
Душе, не жаждущей добра,
Чужда любовь и вдохновенье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

Всё так же к небесам летит орел;
Песнь соловья полна всё так же чувства...
А где же ваш, о греки, ореол:
Законы, слава, боги и искусства?
Природа так же всё щедра;
А пир ваш глух и нем без пенья.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

Иди же, грек, сражаться, побеждать!
Рви цепь свою! Проснулся страх в тиранах.
Недолго будет варвар сладко спать
На ложе роз твоих благоуханных.
Недолго с данью серебра
Ему брать дев на униженье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

Довольно, греки, потуплять глаза,
Довольно вам краснеть пред древней славой!
Помогут правой мести небеса,
Вернется слава... Мчитесь в бой кровавый!
И почва будет вновь щедра:
Ей кровь тиранов — удобренье.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!

Берите у соседей только меч;
Их рук не нужно, скованных цепями.
Гром Зевса будет с вами в вихре сеч!

Звезда Киприды всходит над полями;
Вин искрометная игра
Ждет победивших из сраженья.
Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!»

Исчезла тень певца. Свой тяжкий плен
Клянут грозней, с мечом в руках, эллины.
Дрожат надеждой камни ваших стен,
Коринф и Фивы, Спарта и Афины!
Тьму ночи гонит свет утра,
И ваших дев нам слышно пенье:
«Пора на родину, пора,
Дитя Свободы, Наслажденье!
Пора!»

Между 1862 и 1865 (?)

387. БОГИНЯ

К женщине, олицетворявшей Свободу на одном из празднеств Революции

Тебя ль я видел в блеске красоты,
Когда толпа твой поезд окружала,
Когда бессмертною казалась ты,
Как та, чье знамя ты в руке держала?
Ты прелестью и славою цвела;
Народ кричал: «Хвала из рода в роды!»
Твой взор горел; богиней ты была,
Богиней Свободы.

Обломки старины топтала ты,
Окружена защитниками края;
И пели девы, сыпались цветы,
Порой звучала песня боевая.
Еще дитя, узнал я с первых дней
Сиротский жребий и его невзгоды, —

И звал тебя: «Будь матерью моей,
Богиня Свободы!»

Что темного в эпохе было той,
Не понимал я детскою душою,
Боясь лишь одного, чтоб край родной
Не пал под иноземною рукою.
Как всё рвалось к оружию тогда!
Как жаждало военной непогоды!
О, возврати мне детские года,
Богиня Свободы!

Чрез двадцать лет опять уснул народ —
Волкан, потухший после изверженья;
Пришелец на весы свои кладет
И золото его и униженье.
Когда, в пылу надежд, для красоты
Мы воздвигали жертвенные своды,
Лишь грезой счастья нам явилась ты,
Богиня Свободы.

Ты ль это, божество тех светлых дней?
Где твой румянец? гордый взгляд орлицы?
Увы! не стало красоты твоей.
Но где же и венки и колесницы?
Где слава, доблесть, гордые мечты,
Величие, дивившее народы?
Погибло всё, — и не богиня ты,
Богиня Свободы.

Между 1862 и 1865 (?)

388. ЛАСТОЧКИ

В плену у племени чужого,
Гляжу с тоской в окно тюрьмы.
Явились, ласточки, вы снова
Из дальних стран, боясь зимы.
Не прилетела ль ваша стая
Сюда к теплу, сюда к весне

Из моего родного края?
Ах, не о родине ль щебечете вы мне?

Три года я молю в неволе
Вас побывать в долине той,
Где мирно жил я, в тихой доле
Надеждой тешась молодой.
У речки, где листвою темной
Сирени клонятся к волне,
Вы не видали ль домик скромный?
Не о долине ль той щебечете вы мне?

Быть может, родилась иная
Из вас под кровлей, мне родной.
Что мать моя? Лежит больная,
И всё-то сына ждет домой,
Всё не дождется... «Кто-то скачет!
Не он ли это на коне?»
Послушает — потом поплачет.
Не о любви ль ее щебечете вы мне?

Что, не при вас ли выдавали
В замужство младшую сестру?
Вы громких песен не слыхали
У ней на свадебном пиру?
Что сверстники мои, со мною
Служившие в святой войне?
Вернулся ль кто домой из бою?
Не о друзьях ли весть щебечете вы мне?

По теплым трупам их, быть может,
В долину нашу враг идет;
Покой сестры моей тревожит,
Свой произвол в наш дом несет.
В могиле спит моя родная, —
И всюду цепи на земле.
О ласточки родного края!
Не о его ль скорбях щебечете вы мне?

Между 1862 и 1865 (?)

389. УЗНИК

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!» —

Так узник пел из-за решетки
Тюремной башни над водой:
Он видел, — каждый день на лодке
Являлась дева под стеной.

«Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Я молод; тяжки эти своды.
В тьме заточенья своего
Что день страстнее, как свободы,
Я жду явленья твоего.

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Твой милый образ отражает
С любовью зеркало волны.
О, что твой парус направляет?
Любовь? иль только дух весны?

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Надеждой веет надо мною. . .
Меня рука твоя спасет!
Освобожденного тобою
Везде с тобою счастье ждет.

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Ты легкий челн свой замедляешь, —
И слезы у тебя в глазах...
Но, как надежда, ускользаешь
Ты вновь, — и я умру в цепях.

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!

Меня схоронят эти своды...
Но нет, — ты машешь мне рукой.
Светило жизни и свободы
Заблещет завтра надо мной!

Царица волн, ты будишь чудным пеньем
Молчанье скал, ведя свой быстрый челн.
В огне лучей, под вешним дуновеньем
Горит залив. Плыви, царица волн!»

Между 1862 и 1865 (?)

390. СМЕРТЬ САТАНЫ

Чтоб просветить моих собратий,
Я чудо расскажу для них:
Его свершил святой Игнатий,
Патрон всех остальных святых.
Он штукой, ловкой для святого
(В другом была б она гнусна),
Устроил смерть для духа злого, —
И умер, умер Сатана.

Святой обедал. Бес явился:
«Пьем вместе или тотчас в ад!»

Тот очень рад, но изловчился
Влить в рюмку освященный яд.
Бес выпил. В пот его кидает;
Упал он; жжет его с вина.
Как еретик он издыхает...
Да, умер, умер Сатана!

Монахи взвыли в сокрушеньи:
«Он умер! Пал свечной доход.
Он умер! За поминовенье
Никто гроша не принесет».
В конклаве все в унынье впали...
«Погибла власть! Прощай казна!
Отца, отца мы потеряли...
Ах, умер, умер Сатана!

Лишь страх вселенной управляет:
Он сыпал нам свои дары.
Уж нетерпимость угасает;
Кто вновь зажжет ее костры?
Все ускользнут из нашей лапы,
Всем будет Истина ясна,
Бог станет снова выше папы...
Ах, умер, умер Сатана!»

Пришел Игнатий: «Я решился
Его права и место взять.
Его никто уж не страшился;
Я всех заставлю трепетать.
Откроют нам карман народный
Убийство, воровство, война.
А богу то, что нам негодно, —
Хоть умер, умер Сатана».

И все кричат: «В беде суровой
Спасенье нам в его руках!»
Своею рясой орден новый
Внушает даже небу страх.
Там ангелы поют в смущеньи:
«Как участь смертного темна!
Ад у Игнатья во владеньи...
Ах, умер, умер Сатана!»

Между 1862 и 1865 (?)

391. НЕГРЫ И КУКЛЫ

В продажу негров через море
Вез португальский капитан.
Они как мухи гибли с горя.
Ах, черт возьми! какой изъян!
«Что, — говорит он им, — грустите?
Не стыдно ль? Полно хмурить лбы!
Идите, кукол посмотрите;
Рассейтесь, милые рабы».

Чтоб черный люд не так кручился,
Театр воздвигли подвижной, —
И вмиг Полишинель явился.
Для негров этот нов герой;
В нем всё им странно показалось.
Но — точно — меньше хмурят лбы;
К слезам улыбка примешалась.
Рассейтесь, милые рабы.

Пока Полишинель храбрился,
Явился страж городовой.
Тот палкой хвать — и страж свалился.
Пример расправы недурной!
Смех вырвался из каждой груди;
Забыты цепи, гнет судьбы:
Своим бедам неверны люди.
Рассейтесь, милые рабы.

Тут черт на сцену выступает,
Всем мил своею чернотой.
Буяна в лапы он хватает...
К веселью повод им другой!
Да, *черным* кончена расправа;
Он стал решителем борьбы.
В оковах бедным снится слава.
Рассейтесь, милые рабы.

Весь путь в Америку, где ждали
Их бедствия еще грозней,
На кукол глядя, забывали
Рабы об участи своей.

И нам, когда цари боятся,
Чтоб мы не прокляли судьбы,
Давать игрушек не скупятся:
Рассейтесь, милые рабы.

Между 1862 и 1865 (?)

Книга четвертая
1829—1833

392. КАМИН В ТЮРЬМЕ

Мне взаперти так много утешений
Дает камин! Лишь вечер настает,
Здесь греется со мною добрый гений,
Беседует и песни мне поет.
В минуту он рисует мир мне целый:
Леса, моря в углях среди огня.
И скуки нет: вся с дымом улетела.
О добрый гений, утешай меня!

Он в юности дарил меня мечтами;
Мне, старику, поет о юных днях.
Он кажет мне перстом между дровами
Большой корабль на вспененных волнах.
Вдали пловцам уж виден берег новый
В сиянии тропического дня.
Меня же крепко держат здесь оковы.
О добрый гений, утешай меня!

А это что? Орел ли ввысь несется
Измеривать путь солнечных лучей?
Нет; это шар воздушный. . . Вымпел вьется;
Я вижу лодку, — человека в ней.
Как должен он жалеть, взносясь над нами,
Дыша всей грудью вольным светом дня,
О людях, обгороженных стенами.
О добрый гений, утешай меня!

А вот Швейцария... ее природа...
Озера, ледники, луга, стада...
Я мог бежать: я знал, близка невзгода;
Меня Свобода кликала туда,
Где эти горы гордо громоздятся
В венцах снегов. Но был не в силах я
От Франции душою оторваться.
О добрый гений, утешай меня!

Вот и опять переменилась сцена...
Лесистый холм, знакомый небосклон...
Напрасно шепчут мне: «Согни колена —
И мы тюрьму отворим; будь умен».
Назло тюремщикам, назло оковам,
Ты здесь — и вновь с тобою молод я...
Я тешусь каждый миг виденьем новым...
О добрый гений, утешай меня!

Между 1862 и 1865 (?)

393. ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ

Как память детских дней отрадна в заточеньи!
Я помню этот клич, во всех устах один:
«В Бастилью, граждане! к оружию! отмщенье!»
Всё бросилось — купец, рабочий, мещанин.
То барабан бил сбор, то пушка грохотала...
По лицам матерей и жен мелькала тень.
Но победил народ; пред ним твердыня пала.
Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!

Все обнимались, все — и нищий и богатый;
Рассказ чудесных дел средь женщин не смолкал.
Вот криком радостным все встретили солдата:
Герой осады он, — народу помогал.
С любовью Лафайет, я слышал, поминался;
Король же... вкруг него черней сгущалась тень.
Свободна Франция!.. Мой разум пробуждался...
Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!

Назавтра был я там: уж за́мок с места срыли.
Среди развалин мне сказал седой старик:
«Мой сын, здесь произвол и деспотизм душили
Народный каждый вопль, народный каждый крик.
Для беззащитных жертв им мест недоставало...
Изрыли землю всю: то яма, то ступень.
При первом натиске, шатаясь, крепость пала.
Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!

Свобода, древняя, святая бунтовщица,
Вооруженная обломками желез,
Зовет — торжественно над нами воцариться —
Святое Равенство, сестру свою, с небес.
Они своих борцов уж выслали насилью:
Для громов Мирабо двор — хрупкая мишень.
Народу он кричит: «Еще, еще Бастилью!»
Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!

Где мы посеяли, народы пожинают.
Десятки королей, заслышав наш погром,
Дрожа, свои венцы плотнее нажимают;
Их подданные нас приветствуют тайком.
Отныне светлый век — век прав людских — начнется,
Всю землю обоймет его святая сень.
Здесь новый мир в пыли развалин создается.
Как солнце радостно сияло в этот день,
В великий этот день!»

Уроки старика я живо вспоминаю;
И сам он как живой встает в уме моем.
Но через сорок лет я этот день встречаю —
Июльский славный день — в темнице, за замком.
Свобода! голос мой, и преданный опале,
Звучит хвалой тебе. В окне редеет тень...
И вот лучи зари в решетках засверкали...
Как солнце радостно восходит в этот день,
В великий этот день!

Между 1862 и 1865 (?)

394. РЫЖАЯ ЖАННА

Двухлетний сын ей обвил шею
Из-за спины; в руках другой;
А третий, старший, рядом с нею
Бежит иззябший и босой.
Отца застигли так нежданно!
Он за решеткой, за замком.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

Я знал ее довольной, ясной;
Видал за чтеньем, за иглой.
В селе казалась всем прекрасной
Она своею добротой.
Я руку ей с отрадой странной
Жал часто в танце круговом.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

К ней фермер сватался, мы знали, —
Богатый, с нею лет одних.
Но Жанну рыжей называли,
Смеялись, — и отстал жених.
Не он один... От бесприданной
Шли прочь жених за женихом.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

«Будь мне женой, — сказал бездомный, —
Ты мне и рыжая мила.
С ружьем не страшен лес нам темный,
Хоть рыщет стража без числа.
Постель в траве лесной поляны
Благословить — попа найдем».
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

Любить, быть матерью — всё звало
Ее давно. Пошла она, —
И в горькой радости рожала
Три раза, в тьме лесной, одна.

Малютки бодры и румяны,
Как почки на цветке лесном.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

Что за любовь у ней святая
В улыбке доброго лица!
Она твердит, детей лаская:
«Черноволосы, — все в отца».
Ее улыбкою нежданной
Мрак озарится пред отцом.
Что будет с бедной рыжей Жанной?
Взят браконьер в лесу с ружьем.

Между 1862 и 1865 (?)

395. СТАРИК БРОДЯГА

Я стар и хил; здесь у дороги
Во рву придется умереть.
Пусть скажут: «Пьян — не держат ноги».
Тем лучше; что меня жалеть?
Один мне в шапку грош кидает;
Другой и не взглянув идет.
Спешите! пир вас ожидает.
Старик бродяга и без вас умрет.

От старости я умираю;
Не умер с голоду. Я ждал —
Хоть при смерти покой узнаю.
Да нет, — в больницу не попал.
Давно везде народ набился;
Всё нет ему счастливых дней!
Я здесь, на улице родился,
Старик бродяга, и умру на ней.

Я смолоду хотел трудиться;
Но слышал в каждой мастерской:
«Не можем сами прокормиться;
Работы нет. Иди с сумой!»
У вас, твердивших мне о лени,

Сбирал я кости по дворам
И часто спал на вашем сене.
Старик бродяга благодарен вам.

Приняться мог за воровство я;
Нет, лучше пó миру сбирать.
Дорогой яблоко чужое
Едва решался я сорвать.
Но двадцать раз меня сажают
В острог благодаря судьбе;
Одно, что было, отнимают:
Старик бродяга, солнца нет тебе!

Отечества не знает бедный.
Что в ваших тучных мне полях?
Что в вашей славе мне победной,
В торговле, в риторских борьбах?
Когда врагу ваш город сдался,
Поил-кормил гостей чужих,
С чего слезами обливался
Старик бродяга над подачкой их?

Что, люди, вы не раздавили
Меня, как вредного червя?
Нет, лучше б вовремя учили,
Чтоб мог полезен стать и я!
Я был бы не червем — пчелою.
Но от невзгод никто не спас.
Я мог любить вас всей душою —
Старик бродяга проклинает вас!

Между 1862 и 1865 (?)

396. ОРАНГУТАНГИ

Орангутанги (так в Езопе
Читал я) славились в Европе
Речами, — и от них идет
Всех адвокатов наших род.
Их предок раз в ученом пренье
Сказал: «В науке твердо мненье,

Что люди всех веков и стран
Лишь обезьянят обезьян.

Не нам ли следуя вначале,
Они копить запасы стали?
Не нам ли довелось учить
Их с палкой, выпрямясь, ходить?
Не действуют ли в нашем вкусе
Они и с небом, сильно труся?
Да, люди всех веков и стран
Лишь обезьянят обезьян.

Любовь их — наши же интрижки...
Но нам всегда верны мартышки.
Им было более под стать
Бесстыдство наше перенять.
От нас их Диоген великий
Усвоил образ жизни дикий.
Да, люди всех веков и стран
Лишь обезьянят обезьян.

Не нам ли люди подражали,
Когда и войско создавали?
Какой не знал орангутанг,
Что́ правый фланг, что́ левый фланг?
У нас и до паденья Трои
Считались сотнями герои.
Да, люди всех веков и стран
Лишь обезьянят обезьян.

Копье ль, дубину ль, шпагу ль в руки,
Лишь бей!.. Прекрасней нет науки, —
И *мы* ее преподаем.
А человек вдруг стал царем!
Где ж, боги, правосудье ваше?
Ведь образ ваш — подобье наше.
Да, боги, человек всех стран
Лишь обезьянит обезьян».

Досадно слушать Зевсу стало.
«Вся тварь мне уши прокричала,
Что человек мой очень туп

И неискусен. Да, он глуп, —
Зато мне лесть всегда готова.
А вы? .. Отнять у них дар слова!
А люди всех веков и стран
Пусть обезьянят обезьян!»

Между 1862 и 1865 (?)

397. БЕЗУМЦЫ

Мы, как солдаты для парада,
По струнке чинно в ряд стоим;
А выйдет человек из ряда,
«Безумец!» — хором закричим.
Его тиранят, убивают;
Потом, подумав век, другой,
Ему стату́ю воздвигают,
И им гордится род людской.

Как бесприданная невеста,
Идея долго мужа ждет.
Глупец кричит: «Ты не у места!»
А умник: «Не кажись в народ».
Но, с верой в будущность, находит
Ее безумец и с собой
На свет из сумрака выводит,
Чтоб осчастливить род людской.

Я знал пророка Сен-Симона.
Он был богат и нищим стал;
Но слово нового закона
Провозглашать не уставал.
Чтоб дать ему осуществленье,
Старик был рад идти с сумой;
Он верил, что его ученье
От зла избавит род людской.

Фурье нас звал: «Свою дремоту
Покинь, обманутый народ!
Сомкнись в фаланги; за работу!
Тебя в ней наслажденье ждет.

Конец бедам! Земля вступила
В союз небес; разумный строй,
Согласно движущий светила,
Миротворит и род людской».

Цепь с женщин Анфантен снимает
И к нашим их зовет правам.
«Безумцы! — всякий восклицает, —
Они смешны все трое нам».
Но кто же к счастью нас направит?
А счастья молим мы с тоской.
Хвала безумцу, коль заставит
О нем погрезить род людской!

Кто новый свет нам открывает?
Безумец, возбуждавший смех.
Толпа безумца распинает;
Распятый — богом стал для всех.
Да, если б над землей смущенной
Не встало утро чередой,
Безумец факел бы зажженный
Тебе принес, о род людской!

Между 1862 и 1865 (?)

Книга пятая

1834—1851

398. КОНЕЦ СТИХАМ

Конец стихам, как ни кипит желанье!
Старинной силы в рифмах нет моих.
Теперь мне школьник страшен в состязанье,
По пальцам составляющий свой стих.
Когда, как встарь, мой голос начинает
Беседу с сердцем в глубине лесов,
Родной их шум мне прозой отвечает.
Меня покинул светлый дар стихов.

Конец стихам! Как осенью глухою
Поселянин в увядший сад идет
И смотрит: под последнею листвою
Не притаился ль где забытый плод?
Так я хожу, ищу. Но всё увяло;
На дереве ни листьев, ни плодов;
Корзины не наполнить, как бывало.
Меня покинул светлый дар стихов.

Конец стихам! Но я душой внимаю
Зов бога к вам, поникшие сердца:
«Воспрянь, народ! тебя провозглашаю
Отныне я наследником венца!»
И радостен и полон веры ясной,
Тебе, народ-дофин, я петь готов
О милости и кротости... Напрасно!
Меня покинул светлый дар стихов.

Между 1862 и 1865 (?)

399. МУРАВЬИ

Муравейник весь в движеньи;
Всё шумит, кричит, снует.
Войско в сборе к выступленью;
Царь ведет его в поход.
Полководец горячится,
Возглашая храбрецам:
«Целый мир нам покорится!
Слава, слава муравьям!»

Войско в марше достигает
До владений гордой тли,
Где былинка вырастает
Из-за камня, вся в пыли.
Царь командует: «Смелее!
С нами бог — и смерть врагам!
Молодцы, ударь дружнее!
Слава, слава муравьям!»

Есть у тли свои герои
Для свершенья славных дел:
Всё помчалось в вихорь боя.
Сколько крови, мертвых тел!
Наконец — хоть храбро билась —
Тля бежит по всем углам.
Участь варваров свершилась!
Слава, слава муравьям!

Двое старших адъютантов
Сочинили бюллетень:
Днем сражения гигантов
В нем был назван этот день.
Край разграбить покоренный
Остается молодцам.
Что́ трухи тут запасенной!
Слава, слава муравьям!

Вот, под аркой из соломы,
Триумфальный вьется ход.
Чернь, работавшая дома,
Натощак «ура» ревет.
Местный Пиндар в громкой оде
Всем другим грозит врагам.
(Оды были очень в моде.)
Слава, слава муравьям!

В пиитическом паренье
Бард гласит: «Сквозь тьму времен
Вижу мира обновленье;
Муравьи, ваш данник он!
И когда земного шара
Все края сдадутся нам,
Ты, о небо, жди удара!
Слава, слава муравьям!»

Он еще не кончил слова
Пред восторженной толпой,
Как нечаянно корова
Залила их всех мочой.

Лишь какой-то Ной остался...
«Океан на гибель нам, —
Говорит он, — разливался!»
Слава, слава муравьям!

Между 1862 и 1865 (?)

400. АПОСТОЛ

«Куда ты, Павел?» — «В мир несу спасенье.
Над богом дан закон любви».
— «Апостол, отдохни мгновенье!
Устал ты, ноги все в крови».
— «Нет, нет; я в мир несу спасенье.
Нам богом дан закон любви».

«Куда ты, Павел?» — «Проповедать людям
Весть мира, братства, правоты».
— «Останься с нами; вместе будем
Жить для наук и красоты».
— «Нет; я иду поведать людям
Весть мира, братства, правоты».

«Куда ты, Павел?» — «Со стези неправой
Направить души в путь прямой».
— «Светлей всего дорога славы.
Коль хочешь славы, с нами пой!»
— «Нет; я иду с тропы неправой
Направить души в путь прямой».

«Куда ты, Павел?» — «Благовестье бога
В селенья скудные несу».
— «Страшись! трудна туда дорога:
В горах злодеи, зверь в лесу».
— «Нет; я благословенье бога
В селенья скудные несу».

«Куда ты, Павел?» — «В города; пороки
Искоренить во всех сердцах».

— «Страшись! насмешки там жестоки,
И много зла кипит в страстях».
— «Нет; я иду туда — пороки
Искоренить во всех сердцах».

«Куда ты, Павел?» — «К бедным и несчастным;
Сказать им: бог один велик!»
— «Ты бич вручишь врагам всевластным,
И сгубит бедных твой язык».
— «Нет; я иду сказать несчастным
И бедным: бог один велик!»

«Куда ты, Павел?» — «На прибрежья моря,
Дрожащих ободрять друзей».
— «Как! ни года, ни труд, ни горе
Не потрясли души твоей?»
— «Нет; я иду к прибрежьям моря,
Дрожащих ободрять друзей».

«Куда ты, Павел?» — «Высказать всё прямо
Гнетущим свой народ царям».
— «Страшись! за горстку фимиама
Ты будешь выдан их жрецам».
— «Нет; выскажу я правду прямо
Гнетущим свой народ царям».

«Куда ты, Павел?» — «В суд; свое ученье
Перед судьями возгласить».
— «Смягчи уступкой обвиненье,
Хитрей старайся говорить».
— «Нет; я иду свое ученье
Перед судом провозгласить».

«Куда ты, Павел?» — «Я несу на плаху
Седую голову свою».
— «Лишь слово дай промолвить страху —
И старость озлатят твою».
— «Нет, нет; я понесу на плаху
Седую голову свою».

«Куда ты, Павел?» — «В тихой сени рая
По трудном отдохнуть пути».

— «И жизнь и смерть твоя святая
Примером будут нам. Прости!»
— «В небесной, тихой сени рая
По трудном отдохну пути».

Между 1862 и 1865 (?)

---

401. ПРОЩАНИЕ

Прости, прости, о Франция родная!
Мой смертный час, я чувствую, пробил;
Но я пою тебя и умирая;
Кто так любил, как я тебя любил!
Я пел тебя ребенком, до науки;
Вот смерть меня готова унести,
Чуть дышит грудь, но в ней всё те же звуки, —
За всю любовь пролей слезу. Прости!

Когда врагов гнели тебя союзы
И грудь твою разили десять стран,
Не я ль щипал на корпию их узы
И лил бальзам для язв твоих и ран?
Из праха ты восстала в полном цвете,
Чтоб с торжеством из века в век расти:
Ты, мысль свою посеяв в целом свете,
Пожнешь и плод; он в равенстве. Прости!

И мнится мне, что я среди могилы.
О, призри тех, кто мил душе моей!
Ведь это — долг: твой голубь легкокрылый
Не брал зерна с отеческих полей.
Но бог зовет! Чтоб сердца стон и пламень
Твоим сынам до сердца довести,
Я поддержал на миг могильный камень;
Увы, нет сил! он падает... Прости!

⟨1859⟩

С ВЕНГЕРСКОГО

ШАНДОР ПЕТЕФИ

402

Проснувшись, плачет дитя больное.
Над люлькой мать
Запела песню — и смолк младенец,
И спит опять.

Проснется ль с плачем в душе кручина,
Дитя невзгод,
Я запеваю за песней песню —
Авось заснет!

⟨1861⟩

403. В КАБАКЕ

Наш кабак одной стеною
Покосился над рекою.
Весь он виден был бы в ней,
Будь немножко ночь светлей.

Ночь же больше всё темнеет;
Над рекой туман густеет;
Веслы убраны с челна;
По деревне тишина.

В кабаке лишь крик и грохот,
Бубен, скрипка, пляска, хохот.
Спор кипит, поют, шумят —
Только окна дребезжат.

«Ну, красавица хозяйка!
Подходи-ка, наливай-ка!
Хорошо твое вино;
Жаль, что есть у чарок дно.

Эй, цыган! притих ты что-то;
А вот мне плясать охота.
Разутешь-ка плясовой!
Деньги есть ведь за душой».

Вдруг в окошко постучались.
«Что вы так разбушевались?
Барин вам велел сказать:
Разошлись бы, — лег он спать!»

«Взяли б вас обоих черти!
Пить и петь хочу до смерти.
С плеч рубашку заложу,
А уж вам не угожу!»

Но опять стучат в окошко.
«Пели б тише вы немножко!
Очень матушка больна;
Хоть заснула бы она».

И цыгану все кивают,
Чарки молча допивают,
Все за шапку — и домой...
Всё притихло над рекой.

Между 1862 и 1865 (?)

ИЗ СЛАВЯНСКИХ ПОЭТОВ

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

404. К ОСНОВЬЯНЕНКЕ

На Днепре шумят пороги;
Всходит, как бывало,
В небе месяц... Только Сечи —
Сечи уж не стало!
Камыши, к воде склоняясь,
Синий Днепр пытают:
«Где же, где же наши дети?
Где они гуляют?»
С жалким стоном вьется чайка,
Словно деток ищет;
По казачьей вольной степи
Буйный ветер рыщет.
А вдоль степи за могилой
Высится могила,
С буйным ветром те могилы
Шепчутся уныло:
«Где же наши? где вы, братья?
Где запировались?
Воротитесь! поглядите...
Мы одни остались, —
Где паслися ваши кони,
Где трава шумела,
Где татарской, ляшской кровью
Степь кругом алела...

Воротитесь!»
— «Не вернутся! —
Глухо простонали
Волны в море. — Не вернутся!
Все навек пропали!»

Правда, правда, сине море:
Такова их доля.
Не вернутся удалые,
Не вернется воля,
Не вернется век казачий,
Не придут гетма́ны,
Не покроют всей Украйны
Красные жупаны.
Над Днепром она горюет
Жалкой сиротою
И ничьей души не тронет
Горькою бедою.
Только враг один смеется:
Лишь ему забава!
Смейся! Всё пускай погибнет —
Не погибнет слава;
Не погибнет и расскажет,
Что творилось в свете,
Чья неправда и чья правда,
Скажет, чьи мы дети.
Нашей думы, нашей песни
Ворог наш не сгубит —
И родную нашу славу
Песня та протрубит.
Нет в ней злата, камней цветных —
Степи да оковы,
А громка, свята, правдива,
Как господне слово.
Так ли, так ли, мой сердечный?
Правду ль говорю я?
Эх, и рад бы молвить больше,
Да молчишь, горюя.
А кругом земля чужая
Да чужие люди.
Может, скажешь: «Пой, не бойся!»
Что ж в том проку будет?

Осмеют псалом мой горький,
Вылитый слезами...
Осмеют его... Ах, тяжко,
Тяжко жить с врагами!
Может, я и поборолся б,
Если б стало силы,
И запел бы — только голос
Стужей захватило.
Таково-то мое горе,
Милый мой, родимый!
Затяну ль средь зимней вьюги
Свой напев любимый —
Голос рвется. Ты ж, сердечный, —
Все тебя там знают,
Все тебя за голос громкий
Люди уважают.
Пой про Сечь им, голубь сизый,
Пой им про могилы,
Кто насыпал их, кого в них
Мать-земля укрыла.
Пой про старь, про то, что было
И чего уж нету...
Пой, чтоб голос твой далеко
Разнесся по свету;
Пой, что делалось в Украйне,
Как она терзалась,
Отчего казачья слава
С края в край промчалась!
Пой, орел мой! я с тобою
Сердцем погорюю,
Хоть во сне ее увижу —
Родину святую;
Пусть хоть раз еще услышу,
Как море играет,
Как под вербою девица
«Грицю» запевает;
Пусть хоть раз я на чужбине
Встрепенусь душою...
А уж там засыплют очи
Мне чужой землею.

1860

405. ИВАН ПОДКОВА

1

Было время — по Украйне
Пушки грохотали.
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Всё-то минуло — остались
Лишь могилы в поле,
Те высокие могилы,
Где лежит зарыто
Тело белое казачье,
Саваном повито.
И чернеют те могилы,
Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю.
Славу дедовскую ветер
По полю разносит...
Внук услышит — песню сложит,
И с той песней косит.

Было время — на Украйне
В пляску шло и горе:
Как вина да меду вдоволь —
По колено море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь —
Как-то легче станет сердцу,
Веселее взглянешь.

2

Встала туча над Лиманом,
Солнце заслоняет;
Лютым зверем сине море
Стонет, завывает.
Днепр надулся. «Что ж, ребята,
Время мы теряем?

В лодки! Море расходилось...
То-то погуляем!»
Высыпают запорожцы.
Вот Лиман покрыли
Их ладьи. «Играй же, море!»
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноет; казаки же
Веселее стали.
Плещут веслы, песня льется,
Чайка вкруг порхает...
Атаман в передней лодке —
Путь-дорогу знает.
Сам всё ходит вдоль по лодке;
Трубку сжал зубами;
Взглянет вправо, взглянет влево —
Где б сойтись с врагами?
Закрутил он ус свой черный,
Вскинул чуб косматый;
Поднял шапку — лодки стали...
«Сгинь ты, враг проклятый!
Поплывемте не к Синопу,
Братцы-атаманы;
А в Царьград поедем — в гости
К самому султану!»
— «Ладно, батька!» — загремело.
«Ну, спасибо, братцы!»
И накрылся.

Вновь горами
Волны громоздятся...
И опять он вдоль по лодке
Ходит, не садится;
Только молча, исподлобья
На волну косится.

⟨1860⟩

406. ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, похороните,
Братья, вы мой труп остылый
Средь родной широкой степи,
На моей Украйне милой!

Чтоб вокруг поля родные
Расстилались, колосились,
Чтоб с Днепра раскаты бури
До могилы доносились.

И как Днепр помчится к морю,
Кровью вражеской окрашен,
Я покину степь родную,
Днепр и ширь полей и пашен.

Понесусь душою вольной
В небо, к богу; стану много
Там молиться... А дотоле
Что мне бог? Мне нету бога.

Хороните да вставайте,
Разрывайте, братья, цепи,
Окропляйте вражьей кровью
Нашу волю, наши степи!

И меня в семье великой,
В вашем круге вольном, новом,
Не забудьте — помяните,
Братья, теплым братским словом!

Между 1862 и 1865 (?)

АДАМ МИЦКЕВИЧ

407. К ПОЛЬКЕ-МАТЕРИ

О полька-мать! Коль в детском взгляде сына
Надеждами тебе заблещет гений
И ты прочтешь в нем гордость гражданина,
Отвагу старых польских поколений;
Коль отрок сын твой, игры покидая,
Бежит он к старцу, что поет былины,
И целый день готов сидеть внимая,
Всё слушать, весь недетской полн кручины,
Словам былин о том, как жили деды, —
О полька-мать! сыновнею забавой
Не тешься, — стань пред образом скорбящей,
Взгляни на меч в ее груди кровавой;
Такой же меч тебе готовит враг грозящий.
И если б целый мир расцвел в покое,
Всё примирилось — люди, веры, мненья,
Твой сын живет, чтоб пасть в бесславном бое,
Всю горечь мук принять — без воскресенья.
Пусть с думами своими убегает
Во мрак пещер; улегшись на рогоже
Сырой, холодный воздух там вдыхает
И с ненавистным гадом делит ложе;
Пусть учится таить и гнев и радость,
Мысль сделает бездонною пучиной
И речи даст предательскую сладость,
А поступи — смиренный ход змеиный.
Христос — ребенком в Назарете
Носил уж крест, залог страданья.
О полька-мать! пускай свое призванье
Твой сын заране знает.
Заране руки скуй ему цепями,
Заране к тачке приучай рудничной,
Чтоб не бледнел пред пыткою темничной,
Пред петлей, топором и палачами.
Он не пойдет, как рыцарь в стары годы,
Бить варваров своим мечом заветным
Иль, как солдат под знаменем трехцветным,

Полить своею кровью сев свободы.
Нет! зов ему пришлет шпион презренный,
Кривоприсяжный суд задаст сраженье,
Свершится бой в трущобе потаенной,
Могучий враг произнесет решенье.
И памятник ему один могильный —
Столб виселицы с петлей роковою,
А славой — женский плач бессильный
Да грустный шепот земляков порою.

Между 1862 и 1865 (?)

ЗИГМУНТ КРАСИНСКИЙ

408

От слез и крови мутны и черны,
Клубятся волны жизни, вечным стоном
И скрежетом зубов оглашены.
                В тумане похоронном
Бесплодный берег прошлого исчез;
А впереди далекий край небес
        Кровавым заревом пылает.
        Вокруг плывущих мрак сырой,
        Знобит их стужа — и с тоской
        И воплем каждый повторяет,
Плывя во тьме: «Проклятье надо мной!»

⟨1860⟩

КОНСТАНТИН РИГАС

409. ВОЕННЫЙ ГИМН

Что ж, братья паликары,
До коих будем пор
Мы, словно львы, гнездиться
По кручам диких гор?
В лесах да по ущельям,
Вдали от городов
И от людей таиться,
Чтоб не носить оков?
Бежать всего, что сердцу
Дороже и милей:
Семьи, друзей и кровных —
И родины своей?

Дохнуть и час свободой
Отрадней, чем в гюрьме
Прожить хоть полстолетья
В невольничьем ярме.
Что проку в долгой жизни,
Коль цепь на нас гремит,
Коль произвол нам смертью
И день и ночь грозит?
Визирь ли ты, паша ли,
Носи в душе боязнь,
Что и тебя, быть может,
Неправая ждет казнь!

Как ни служи тирану,
Как ни клонись главой,
Твоей он жаждет крови, —
И час ударит твой!
Вспомянем лучших греков,
Красу Фанара! В том,
Что было с ними, ясно
Мы свой удел прочтем.
Князей отважных, граждан,
Священников, мирян,
Больших и малых резал,
Как одурев, султан.
А что ромейцев! турок!
Все жертвы счесть нет сил...
Кто стал безвинно нищим,
Кто голову сложил.

Пора! Пусть вспыхнет сердце
У всех святым огнем!
Сюда! обет священный
Дадим перед крестом.
Совет из верных, честных
Сынов земли родной
Пусть всё ведет и рядит
Разумною рукой;
А им да правит свято
Во всем закон один!
Из их среды пусть выйдет
И вождь родных дружин!
Как рабство, беспорядье
Нам пагубно теперь,
Где люди рвут друг друга,
Как зверя дикий зверь.
Поднимем руки к небу!
Душой и языком
Торжественную клятву
Пред богом принесем!

«Твоею вечной правдой,
О господи, клянусь:
Пред волею тиранов
Челом я не склонюсь.

Моей не сломят воли
Ни зло их, ни приязнь,
Ни золото, ни голод,
Ни почести, ни казнь.
Пока дышу, мной править
Святая будет месть;
В фаланги турок буду
Я меч и пламя несть.
Как верный сын отчизны,
На шаг не отступлю
Пред грозной силой, — жизни
Позором не куплю!
И если слово клятвы
На миг забуду я,
Да грянет гром твой, боже!
И разразит меня!»

Восток и Запад, Север
И Юг — куда ни глянь,
Всё за родную землю
В святую рвется брань.
Болгары! арваниты!
Ромейцы! сербы! в бой!
Кто с островов, кто с твердой
Земли — все в дружный строй!
Все в битву за свободу
Из горькой рабства тьмы!
Пусть видит мир, что сто́им
Отцовской славы мы!
И вы, что на чужбине,
На гибель злым врагам,
Владеть мечом учились,
Скорее, братья, к нам!
Скорей сюда! Эллада
В объятья вас зовет.
Здесь ждет вас дом, ждет дружба,
Ждет слава, счастье ждет!
Скорей домой! Довольно
Служил ваш меч чужим.
Скорей домой! Победа
Нужна теперь своим.
Какая слава выше,

Какой святей почет,
Чем смерть на ратном поле
За волю, за народ!

Майноты! сулиоты!
Недаром славны вы.
Вставайте! По берлогам
Дремать довольно, львы!
И вы, львы Мавровуни!
Орлы Олимпа! в бой!
Вы, соколы Аграфы!
В один смыкайтесь строй!
Вы, христиане с Савы,
С дунайских берегов!
Идите к братьям! вместе
Ударим на врагов!
Пусть дрогнет правой злобой
В вас сердце! Стар и млад,
Клянитесь — мстить злодеям,
Пока в руке булат!
Вставайте, македонцы!
Как тигры вы в бою.
Залейте вражьей кровью
Святую месть свою!
Вы, с островов драконы,
Дельфины с вод морских,
Врагов разите наших!
Как молнья гряньте в них!
Неситесь, чайки Гидры!
Вы, псариоты! Миг
Настал: святой отчизны
Призывный громок клик.

За меч, сыны Эллады!
Сряжайте корабли!
Огнем твердыни вражьи
Снесем с лица земли!
Одна да будет воля,
Один в нас дух! Вперед!
Пока наш меч тиранству
Корней не подсечет.
Зальем все земли турок

Пожаром — от полей
Боснийских до бесплодных
Аравии степей!
Пусть на знаменах наших
Священный крест горит!
И враг наш, как перуном
Сраженный, побежит.
Не думайте, что с силой
Своей он тверд теперь.
Нет! он дрожит от страха,
Как всполошенный зверь.
От трехсот кирсалидов
Узнал уж он, как слаб
И с пушками пред храбрым
Тот, кто душою раб.

Что ж медлите! Проснитесь!
Без споров, без вражды
Друг друга выручайте
От общей всем беды!
Как древле предки наши,
Орлы и львы душой,
Вставали за свободу,
Кидались в ярый бой, —
Так мы восстанем, братья!
За ружья! за мечи!
Дружнее в бой! и дрогнут
Пред нами палачи.
Как стаю кровожадных
Волков, разгоним их;
Не унести из боя
Им рабских душ своих!
Над морем и над сушей
Да светит крест святой!
Да рухнет сила вражья
И ложь пред правотой!
Да сгинет бич тиранства!
И с битвы мы придем
Свободны — жить в свободном
Отечестве своем!

Между 1862 и 1865 (?)

АЛЕКСАНДР ИПСИЛАНТИ

410. ПТИЧКА-ИЗГНАННИЦА

Грустная птичка, залетная странница,
Где твое гнездышко? путь твой куда?

«Я из родимого края изгнанница:
Цели мне нету; да нет и гнезда!
Всё мне равно, куда путь мой направится:
Сердце от горьких тревог не избавится,
Счастья ему не найти никогда.
Раем была ты мне, родина милая!
Сладко жилось мне под миртами там;
Весело песню свою заводила я
И по росистым утрам,
И по румяным вечерним зарям.
Пелось отрадно! С подругой любимою
С детства душой я сжилась.
Вдруг с своей жадностью ненасытимою
Коршун нагрянул на нас.
Всё, что мне было и свято и дорого,
Пухом по ветру пустил.
Мало и этого было для ворога:
Он и гнездо разорил.
И понесла я в края чужедальные
Крылья усталые, песни печальные.
Родины нет! милой нет!
Темен мне весь белый свет.
Пусть меня носит, куда ему хочется,
Ветер изменчивый! буря пусть бьет!
Рано ли, поздно ль туда ж занесет,
Где всё навеки покончится,
Где не найдет меня грозный налет
Коршуна жадного,
Где неповинная птичка заснет
После пути своего безотрадного».

Между 1862 и 1865 (?)

ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА

411. ВИЛЛИ И МАРГАРИТА

Вилли в конюшне у стойла стоит,
Гладит коня своего.
Нá руку белую вдруг полилась
Из носу кровь у него.

«Матушка, корму коню положи!
Ужинать конюху дай!
Еду сейчас к Маргарите: поспеть
Засветло надо. Прощай!»

«Вилли, останься! не езди, родной!
Ветер студеный шумит;
Смеркнется скоро, а ночи темны...
Путь через речку лежит».

«Пусть не бывало темнее ночей,
Ветра сильней, холодней —
Еду сейчас к Маргарите: поспеть
Засветло надо мне к ней».

«Вилли, не езди! Поедешь — добра
Ты и не жди! Прокляну!
Клейд и широк и глубок — и пойдешь
Ты, словно камень, ко дну».

Он оседлал вороного коня,
Сел на него — и погнал.
Клейд еще был далеко, а в полях
Ветер и выл и стонал.

Вилли в долину съезжает с холма, —
Вся потемнела река;
Зверем ревет она, бешено бьет
Темной волной в берега.

Сердцем он пылок, отважен душой:
Клейду ль его испугать?
Только звучит всё в ушах у него,
Словно клянет его мать.

Вплавь на коне переправился он,
Как ни бурлила река.
К милой поспел он уж в темной ночи́...
Спят все; нигде огонька.

Долго вкруг дома ходил он; стучал
Долго у двери кольцом...
Дверь на замке, и все окна темны —
Словно как вымер весь дом.

«Ах, отвори, Маргарита моя!
Ах, отвори поскорей!
Мерзнет вода у меня в сапогах;
Весь я продрог до костей».

«Как тебе, Вилли, я дверь отворю?
Матушка спать улеглась.
Петли скрипят, половицы скрипят...
Встану — проснется как раз».

«Если к себе ты не пустишь меня,
К Вилли не будешь добра,
Ты мне хоть угол какой укажи,
Где б отдохнуть до утра».

«Вилли, нельзя тебе здесь ночевать:
Поздно приехал-ко мне.

Были три горницы в доме пустых;
Заняты нынче оне:

Хлебом одна и соломой одна;
В третьей приезжие спят —
Три молодца разудалых: они
Завтра весь день прогостят».

«Бог же с тобой, Маргарита! прощай!
Вижу — ты хочешь мне зла.
Видно, недаром, как ехал к тебе,
Мать меня грозно кляла».

Сел он, погнал вороного коня;
Сердце в нем ныло тоской.
Пó полю ветер и выл и стонал;
Небо темнело грозой.

Вилли в долину съезжает с холма, —
Вся почернела река;
Зверем ревет она, бешено бьет
Черной волной в берега.

С берега в воду спустил он коня;
Сам же дрожит весь как лист.
Ветер, кидаясь по бурным волнам,
Вырвал из рук его хлыст.

Вилли поймать его хочет: к воде
Он наклонился с седла.
Буря, кидаясь по темным волнам,
Шляпу с него сорвала.

Вилли поймать ее хочет: к воде
Он наклонился с седла.
Буря, кидаясь по черным волнам,
Вилли с коня сорвала.

С берега брат ему старший кричит:
«Очень же, малый, ты прост!

Плавать не можешь, так знал бы держал
Крепче коня — хоть за хвост!»

«Плавай не плавай — беды не избыть!
Что мне держаться коня?
Мать, провожая, на смерть обрекла
Грозным проклятьем меня!»

Молвил — и камнем он в воду пошел,
И не поднялся со дна.
Временем тем Маргарита его
Вдруг пробудилась от сна.

«Матушка, встань! разгадай мне мой сон!
Снилась мне бурная ночь...
Снилось мне: милый стучал у дверей;
Ты прогнала его прочь».

«Спи, Маргарита, родное дитя!
Спи, не страшись ничего!
Милый твой был, и тебя он будил;
Я не впустила его».

Тихо с постели тут дочь поднялась;
К двери идет и дрожит...
Из дому вышла — кричит и зовет...
Ветер всё пуще шумит.

К клейдским волнам прибежала она;
В воду ступила ногой...
«Господи боже мой! Грозен ты, Клейд!
Видно, не быть мне живой!»

Дальше ступила — по белую грудь
В бурные волны ушла.
«Глубже пойду я, грозы не боюсь —
Только бы Вилли нашла!»

Глубже ступила... Уж ветер волной
Ей через плечи плескал;

Вдруг обо что-то запнулась она:
Тут ее Вилли лежал.

«Вилли, мой друг! Недобра к тебе мать;
Мать и ко мне недобра...
Вместе мы ляжем и вместе уснем,
Словно как брат и сестра!»

⟨1858⟩

СЕРБСКИЕ ПЕСНИ

412

Девушка ý моря сидела,
Говорила она, вопрошала:
«Господи сильный и правый!
Что шире синего моря?
Что просторнее чистого поля?
Что коня лихого быстрее?
Что меду сотового слаще?
Что милее брата родного?»

Молвила ей рыбка морская:
«Девушка, зелен твой разум.
Шире синего моря — небо,
А просторней чистá поля — море,
Взор быстрее коня лихого,
Слаще меду сотового — сахар,
Милый друг милей брата родного».

⟨1847⟩

413

Будь у меня, Лазо,
Царская казна,

Знала бы я, Лазо,
Что себе купить;
Я купила б, Лазо,
Садик над рекой.
Знала бы я, Лазо,
Что в нем посадить:
Посадила б много
Розанов, гвоздик.

Будь у меня, Лазо,
Царская казна,
Знала бы я, Лазо,
Что себе купить;
Я б себе купила
Лазо-молодца:
Будь садовник, Лазо,
У меня в саду!

⟨1861⟩

414. АРАПСКАЯ ЦАРЕВНА

Мать пытала кралевича Марка:
«Ты скажи мне, милый сын мой Марко,
Что ты строишь столько храмов божьих?
Или тяжко богу согрешил ты?
Иль добра ты много добыл даром?»

Отвечает ей кралевич Марко:
«Вот тебе, как перед богом, правда!
Был, родная, я в Земле Арапской
И пошел поу́тру к водопою —
Своего напоить хотел Шарца.
Как пришел с конем я к водопою,
Там двенадцать стояло арапов.
Не хотел я череда дожидаться,
Подошел к водопою я с Шарцем.
Не пустили меня арапы,
И затеяли мы ссору, родная.
Как взмахнул я тяжкой булавою,
Положил я одного на месте.

Положил одного; а в отместку
На меня одиннадцать напало.
Я двоих убил — напало десять;
Я троих убил — напало девять;
Четверых убил — напало восемь;
Пятерых — тут семеро напало;
Шестерых — тут шестеро напало.
Шестеро меня одолели,
За спиной руки мне связали,
К своему царю потащили;
Засадил меня их царь в темницу.

Семь годов просидел я в темнице.
Не знал, когда лето наступало;
Не знал, когда зима приходила.
Лишь одна была мне примета:
Как снежками девушки кидались,
Попадал мне снег в окно, родная;
Вот и знал я — зима наступила!
Как цветы мне в окно залетали,
Вот и знал я, что лето, родная!
Как пришел восьмой год заточенью,
Не темница уж меня сокрушала,
Сокрушала девушка-арапка,
Арапского царя дочь родная.
Утром рано и вечером поздно
Подходила к темничному окошку;
Кликала мне: «Бедный ты мой Марко!
Чахнешь ты и вянешь ты в темнице.
Поручись мне верным своим словом,
Что возьмешь меня себе женою, —
И тебя я выпущу на волю;
Выведу и Шарца из подполья;
Золотых возьму с собой дукатов,
Сколько твоей душеньке угодно!»

Умудрился я в беде, родная.
Снял шапку, положил на колени
И стал своей шапке божиться:
«Видит бог! с тобой не расстанусь.
Видит бог! не увидишь измены.

И солнышко клятве изменило:
Зимой не по-летнему греет;
Я же слова вовек не нарушу!»

Поверила обману царевна:
Думала, я ей побожился.
Как начало вечером смеркаться,
Отперла она в темницу двери,
Вывела меня из заточенья,
Привела мне удалого Шарца,
Для себя ж коня уда́лей Шарца;
На обоих по мешку дукатов.
На коней мы сели с царевной,
В ночь проехали Арапскую Землю.

Только стало утро заниматься,
Я сошел с коня на малый отдых;
Сел, и села со мною арапка,
Обняла меня черными руками.
Как взглянул я на нее, родная:
Сама черная, белые зубы, —
Обуял меня страх и ужас.
Выхватил я острую саблю
И всадил ей в шелковый пояс.
Насквозь ее сабля пронизала.

На коня вскочил я без оглядки.
Провещала тут голова арапки:
«Брат ты мой о господе, Марко!
Что́ меня, несчастный, покидаешь?»

Вот как согрешил я перед богом,
Вот свое добро откуда добыл,
Вот зачем я храмы божьи строю!»

⟨1860⟩

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПЕСНИ

415. МОЛОДОЙ МОНАХ

Молодой монах из кельи,
Притаясь, в окно глядит:
Под окном, внизу, девица
Зарумянившись стоит.

По кусочку белый сахар
Он кидает из окна
Ей за пазуху; а сверху
Грудь лебяжья вся видна.

«Эй, сиди, монашек, смирно!
Не застали бы тут нас,
Не проведал бы игумен:
Расстригут тебя как раз».

«Расстригут — клобук свой сброшу,
Алый фес надену я.
Мигом свадебку сыграем,
Ненаглядная моя!»

⟨*1862*⟩

416

Как в ночи́ мы целовались,
От людей мы схоронились;
А от звездочек небесных
Наших ласк и не таили.

С неба звездочка упала
И про нас сказала морю;
Море веслам проболталось;
Рыбаку сказали веслы.

Как в ночи́ мы целовались,
Рассказал рыбак невесте —
И про нас теперь повсюду
Девки песни распевают.

⟨1847⟩, ⟨1861⟩

ЛИТОВСКИЕ ПЕСНИ

417

Как в лес меня послали
По ягоду чернику,
Я в лес не заходила
И ягод не сбирала:
Пошла я на кладбище,
К родимой на могилу;
Над нею залилася
Горючими слезами.

«Кто плачет над могилой?
Меня в могиле будит?»

«Я, матушка родная,
Пришла к тебе поплакать
Сиротскими слезами.
Кто косы мне расчешет?
Кто личико умоет?
Кто лаской приголубит?»

«Иди домой ты, дочка!
Там мать тебе другая
И волосы расчешет
И личико умоет;
А суженый молодчик
И лаской приголубит».

⟨1859⟩

418. ВОРОН

Пролетает черный ворон;
Руку белую несет он,
С золотым на пальце перстнем.
Ты скажи, скажи мне, птица,
Ты ответь мне, черный ворон:
Где взял белую ты руку
С золотым на пальце перстнем?

Отвечает ворон вещий:
«Я войну большую видел,
На великом был сраженьи.
Там плетни плели из сабель,
Рыли ружьями могилы,
Разливалась кровь ручьями.
Не один там сын зарублен,
Не одна там мать рыдает».

Этим перстнем обручилась
Я с моим сердечным другом.
Лейтесь, слезы мои, лейтесь!
Не воротится он к милой.

Между 1862 и 1865 (?)

419. ПИРУШКА

Собрáлся отец на охоту в лесок.
Недаром ходил он: был важный стрелок.

Присел за кустом да навел из ружья —
И сразу убил наповал воробья.

В телегу коня сыновья запрягли
И с песнями птицу домой привезли.

«Ну, сестры! огонь разводите скорей!
А мы созывать разойдемся гостей».

Дичину в сметане обжарила мать.
«Идите-ка, дочки, на стол накрывать!»

Сестрицы жаркое на стол подают;
И только поставили — гости уж тут.

Раскланялись, чинно уселись за стол,
И есть да похваливать каждый пошел.

А есть, так и выпить, обычай у нас...
И выпили пива две бочки как раз.

Между 1862 и 1865 (?)

420

У меня был коник —
Малый, да удалый;
Возил меня коник,
Возил меня верно:
Нá гору шел рысью,
Пóд гору шел скачью,
Через ямы прыгал,
Через речки плавал.
Встретил я девицу,
Горе-мастерицу:
Ни спрясти потоньше,
Ни соткать покрепче.
У меня ли плетка
Связана тоненько,
Сплетена крепонько;
Научила плетка
Прясть и ткать девицу:
Ниточки не рвутся,
Тканье не дерется.

Между 1862 и 1865 (?)

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ МИХАЙЛОВУ

И. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
или
Н. И. УТИН

421. УЗНИКУ

Из стен тюрьмы, из стен неволи,
Мы братский шлем тебе привет,
Пусть облегчит в час злобной доли
Тебя он, наш родной поэт!

Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя обнять
И дань любви, и дань участья
Тебе, учитель наш, воздать.

Но день придет, и на свободе
Мы про тебя расскажем всё,
Расскажем в русском мы народе,
Как ты страдал из-за него.

Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам,
Верь, плод взойдет — и наше племя
Отмстит сторицею врагам.

И разорвет позора цепи,
Сорвет с чела ярмо раба
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя!

Ноябрь 1861

П. Н. ТКАЧЕВ

422. 14 ДЕКАБРЯ 1861

Памяти Михайлова

Еще одним их меньше стало,
Убыл еще из их кружка!..
На этот раз судьба избрала
Свободы лучшего бойца.
Закинутый в краю далеком,
И там, окованный, в цепях,
Быть может, сгибнет одиноко
В сырых и мрачных рудниках!
За что?.. За то ль, что он свободно
Восстал за угнетенных кровь,
Что отозвался благородно
На стоны страждущих рабов?
За то ль, что был он Человеком
Среди рабов и палачей,
Смеющихся над нашим веком
И пляшущих под звук цепей!
За то ль, что вопль ме́ньших братий
В нем сердце кровью обливал
И что невольные проклятья
За них тиранам посылал!

Какая радость, ликованье!
Закон продажный «подведен»,
На муки, на изгнанье
Несчастный брат наш осужден!
У нас, как прежде у евреев,
Свели Спасителя к кресту,
Что обличал он фарисеев, —
Ведут к позорному столбу
Для площадно́го поруганья
Подкупленных продажных слуг
Того, кто «сильных» за тиранья
Смел обличать свободно, вслух.

Лишь только слово искушенья
Коснется чутких их ушей,

Кричат тираны в исступленьи:
«В Сибирь его, оков, цепей!»
Но не умрет живое слово,
Его цепями не сковать!
Оно воскреснет снова
И будет снова волновать
Рабов желанием свободы.
Его услышат с рудников,
И встанут мощные народы,
И отомстят за эту кровь!

18 декабря 1861

Н. П. ОГАРЕВ

423. МИХАЙЛОВУ

Сон был нарушен. Здесь и там
Молва бродила по устам,
Вспыхала мысль, шепталась речь —
Грядущих подвигов предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страх
Привычно жил еще в сердцах,
И надо было жертвы вновь —
Разжечь их немощную кровь.
Так, цепенея, ратный строй
Стоит и не вступает в бой;
Но вражий выстрел просвистал —
В рядах один из наших пал!..
И гнета трепет боевой
Объемлет вдохновенный строй.
Вперед, вперед! разрушен страх, —
И гордый враг падет во прах.

Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй,
Не побоится палачей,
Ни тюрьм, ни ссылок, ни смертей.

Твой подвиг даром не пропал —
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал — не жалей!

Царь не посмел тебя казнить...
Ведь ты из фрачных... Может быть,
В среде господ себе отпор
Нашел бы смертный приговор...
Вот если бы тебя нашли
В поддевке, в трудовой пыли —
Тебя велел бы он схватить
И, как собаку, пристрелить.
Он слово «казнь» не произнес,
Но до пощады не дорос,
Мозг узок и душа мелка —
Мысль милосердья далека.

Но ты пройдешь чрез те места,
Где без могилы и креста
Недавно брошен свежий труп
Бойца, носившего тулуп.
Наш старший брат из мужиков,
Он первый встал против врагов,
И волей царскою был он
За волю русскую казнен.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Закован в железы с тяжелою цепью,
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль,
Идешь бесконечною, снежною степью,
Идешь в рудокопы на труд и печаль.
Иди без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

И верь неослабно, мой мученик ссыльный,
Иной рудокоп не исчез, не потух —
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный дух.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он роется мыслью, работает словом,
Он юношей будит в безмолвьи ночей,
Пророчит о племени сильном и новом,
Хоронит безжалостно ветхих людей.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он создал тебя и в плену не покинет,
Он стражу разгонит и цепь раскует,
Он камень от входа темницы отдвинет,
На праздник народный тебя призовет.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

1861

П. Л. ЛАВРОВ

424. ПОСЛАНИЕ МИХ. ИЛ. МИХАЙЛОВУ

С Балтийского моря на Дальний Восток
Летит бурный ветер свободно,
Несет он на крыльях пустынный песок,
Несет вздох тоски всенародной...
Несет он привет от печальных друзей
Далекому милому другу...
Несет он зародыши грозных идей
От Запада, Севера, Юга...
И шепчет: «Я слышал, в полях, в городах
Уж ходит тревожное слово;
Бледнеют безумцы в роскошных дворцах...
Грядущее дело готово.
Над русской землею краснеет заря;
Заблещет светило свободы —
И скоро уж спросят отчет у царя
Покорные прежде народы...
На празднике том уж готовят тебе
Друзья твои славное дело,

Торопят друг друга к великой борьбе
И ждут, чтоб мгновенье приспело...
И шлют издалёка сердечный привет,
Надежду, тоску ожиданья
И твердую веру: Свобода придет,
И скоро... Борец, до свиданья!»

23 мая 1862

Н. Л. ПУШКАРЕВ

425. ПАМЯТИ М. Л. МИХАЙЛОВА

Я знал его. Дитя страданья,
Дитя тревог, сомненья и борьбы,
Он трудный крест земного испытанья
Сам сбросил с плеч по прихоти судьбы.
Недоносил он свой венец терновый,
Недотянул он песни начатой, —
Могила ранняя сурово
Сломила гений молодой.

Бог одарил его умом и даром песен
И чудный путь поэту указал.
Но этот путь ему казался тесен
И он иной себе избрал.
Он гордо оттолкнул ту ласковую музу,
Что веет грезами о счастье и любви, —
Его к иному, лучшему союзу,
С иной, забрызганной в крови,
Угрюмой, мстительной и бледной
Звал гений музой... Но, увы!
Не осенил венец победный
Его страдальческой главы!

Иной венец, терновый и позорный,
Коснулся гордого чела:
В крови, на помост плахи черной,
Покорно славная легла!

⟨1869⟩

С. С. СИНЕГУБ

426. ПАМЯТИ М. Л. МИХАЙЛОВА

Там, в стране далекой,
Гибнет много сил,
Есть там много-много
Дорогих могил.
И средь них могила
Гордого борца,
Равенства и братства
Светлого певца.
Родиной забытый,
В каторге глухой
Умер он, измучен
Сердцем и душой.
Беззаветно, страстно
Родину любил,
За нее страдал он,
Для нее лишь жил!
Не свои страданья
Мучили его, —
Ждал он жадно счастья
Только одного:
Чтобы ты, воспрянув,
Родина моя,
Сбросила вериги
Рабского житья! ..
Умер — сбросил цепи
Горя своего,
И кандальник вырыл
Яму для него.
Кое-как с досадой,
Торопливо поп
Прочитал молитвы,
Запечатал гроб...
Опустили в яму
Этот гроб простой,
Крепко надавили
Твердою землей,

И никто не пролил
Над могилой слез
И цветов прощальных
К гробу не принес...
Хоть бы крест сосновый
Миру говорил:
«Здесь лежит, кто честно
Родину любил!»
Только мать-природа
Раннею весной
Красит ту могилу
Шелковой травой,
Да зимой над нею
Высится курган
Снежный, что навеет
Буря-ураган.

Между 1873 и 1877

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

427. НА УТЕСЕ ПОЭТА[1]

Внизу, в котловине угрюмой, — селенье.
Пустыня вокруг. Замыкая простор,
Как будто на страже, стоят в отдаленьи
Вершины уныло темнеющих гор.

Здесь, в этой глуши чужедальней, почило
Кипучее сердце поэта, уста
Тревожные смолкли...
Но где же могила?

[1] Известный поэт 60-х годов Михаил Ларион⟨ович⟩ Михайлов, осужденный в каторжные работы по делу о прокламации «К молодому поколению» и умерший в 1865 г. в дер. Кадаé (Забайкал. обл., Нерчинск. округа).

Лишь высятся два одиноких креста
Над славой кровавою Польши. Печален
Нерусской их надписи смысл и звучит
Упреком судьбе горделивым; повален
Грозою, их третий товарищ лежит.
А русской заветной могилы забыто
И самое место — уж спорят о нем.
Природа к погибшим добрее: покрыта
Вся горка живых незабудок ковром;
В безбрежном, лазурью сверкающем поле
Незримое пенье весь день разлито —
О жизни, о счастье, о солнце, о воле,
О всем, что любил он и верил во что...

Сажусь на поваленный крест и к былому
Мечтой улетаю... «О дух дорогой,
Мой старший товарищ по делу святому,
Ты слышишь ли оклик приветственный мой?
Увы, не посол и не гость добровольный,
Не с доброю вестью пришел я к тебе —
Поведать, что жребий счастливый и вольный
Отчизне достался в суровой борьбе.
Узнай: не светлей была доля и наша,
Победа венком не венчала и нас...
. . . .

И, чудо! лишь смолк я — витающий гений
Поэта с лазурной пропел вышины:
«Усилья отбиты двух-трех поколений —
Ну что же? Иль три в океане волны?..
За днем опускается ночь, но смениться
Рассветом в урочную пору должна;
Волна за волною бесплодно промчится —
Победная, знаю я, грянет волна!
Пускай же сгущаются мрак и ненастье,
Пусть дикая пу́рга о смерти поет, —
Верь в молодость! Верь в ее силу и счастье,
Зови ее песней отважной вперед!»
Таинственный кончил певец, но звучали
Аккорды любви и надежды во мне.
Уверенным взором, без прежней печали,

Смотрел я на запад, пылавший в огне.
С востока уж мрачные тучи сползали,
В долине всё было уныло, мертво,
А там было солнце... Туда улетали
Два братские сердца — *мое* и *его*!..

1894
Дер. Кадая

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихи Михайлова публиковались начиная с 1845 г. в различных периодических изданиях, но поэт не успел сам издать ни одного сколько-нибудь полного их собрания. Единственным изданным им сборником являются «Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова» (СПб., 1858), включающие 62 стихотворения.

В 1861 г. Михайлов начал готовить сборник своих стихотворных переводов, но арест помешал ему довести дело до конца. После его осуждения цензура запретила издание сборника в России, и друзья поэта смогли выпустить книгу только в Берлине (1862).

Хотя Михайлов продолжал писать и на каторге, лишь часть из последних его произведений была напечатана в дореволюционных журналах, нередко под различными псевдонимами: Мих. Илецкий, Л. Мелихов, М. Л. М., М. М—ов и др.; некоторые стихотворения публиковала Л. П. Шелгунова за своей подписью. Только в советское время увидели свет многие революционные стихи Михайлова, а другие, ранее публиковавшиеся, были восстановлены в их подлинном виде, освобожденные от цензурных искажений.

Следует иметь в виду, что далеко не все поэтическое наследие Михайлова (особенно оригинальные произведения) дошло до нас. Значительная часть его стихотворений, причем именно тех, которые не могли быть опубликованы по цензурным условиям, по-видимому, безвозвратно утрачена.

В настоящем собрании стихотворений публикуется все сколько-нибудь существенное из дошедшего до нас поэтического наследия Михайлова.[1] По сравнению с предыдущим изданием в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1953) здесь добавлены 46 стихотворных произведений; исключены 13. Четыре стихотворения (№№ 22, 54, 58, 59) впервые включаются в собрание стихотворений Михайлова. Кроме того, в специальном приложении помещены стихотворения русских поэтов, посвященные трагической судьбе Михайлова.

---

[1] Подробное обоснование текстологических принципов изложено нами в статье «Издание стихотворений М. Л. Михайлова» (в кн.: «Издание классической литературы. Из опыта „Библиотеки поэта“». М., 1963, с. 198—234).

Произведения Михайлова, входящие в сборник, расположены в двух основных отделах: 1) оригинальные стихотворения и 2) переводы и подражания. Такое построение отражает характер поэтического наследия Михайлова и стало уже традиционным в собраниях его стихотворений.

В первый отдел не вошли наиболее слабые юношеские стихи (из написанного до 1852 г.) и три не представляющих особого интереса стихотворения «на случай». Переводы отбирались главным образом из издания 1862 г., состав которого был в основном определен самим поэтом. Добавлены преимущественно поздние переводы, сделанные в ссылке, а также пять ранних переводов, не вошедших в издание 1862 г. В конце примечаний помещен список стихотворений, не вошедших в настоящее издание.

Оригинальные стихотворения расположены в хронологическом порядке, поскольку он может быть установлен. Ввиду отсутствия, как правило, авторских указаний относительно времени написания стихотворений, они датируются по первой публикации, если были напечатаны при жизни Михайлова, а стихотворения, публиковавшиеся посмертно, — по содержанию стихотворений, сопоставленному с фактами биографии поэта. Год, не позднее которого написано данное стихотворение (напр., год первой публикации), заключен в угловые скобки. Даты написания, установленные предположительно, отмечаются вопросительным знаком.

Особую трудность представляет собою датировка стихотворений, написанных после осуждения, в Сибири. Н. С. Ашукин, опубликовавший впервые бо́льшую их часть в 1934 г., печатал их под общей датой «1862—1865», и это повторялось в последующих изданиях. Готовя стихотворения Михайлова к изданию в Большой серии «Библиотеки поэта» (1953), мы попытались датировать сибирские стихотворения более дифференцированно. При этом учитывалось не только содержание стихотворений, но и внешние данные сохранившихся рукописей (почерк, бумага, последовательность стихотворений и т. д). Результатом явились предположительно установленные датировки, которые сохранены и в настоящем издании.

В расположении переводных стихотворений в основном сохранена общая композиция, которую выработал сам Михайлов для издания 1862 г.; добавлены три раздела, отсутствовавшие там: «Из поэтов Древней Греции», «Из французских поэтов», «Из поэтов новой Греции». В соответствии с композицией берлинского издания, ставшей традиционной, американский поэт Лонгфелло помещен в разделе «Из английских поэтов».

Расположение переводимых авторов устанавливается там, где это возможно, по изданию 1862 г. Отдельные авторы, отсутствовавшие в этом издании, введены соответственно историко-литературной последовательности. Переводы из одного автора, в тех случаях, когда их порядок не может быть установлен по изданию 1862 г. (напр., у Гете, ввиду незначительного числа его стихотворений, опубликованных в этом издании), расположены соответственно канонической последовательности оригиналов. Особые случаи оговорены в примечаниях.

Поскольку оригинальные стихотворения Михайлова сохранились в одной редакции (за исключением стихотворения «Когда ж

минует испытанье...», № 55), составитель отказался от специального отдела вариантов, немногие сохранившиеся черновики частично приведены в примечаниях.

Публикуемые тексты проверялись по сохранившимся рукописям, которые особенно существенны для стихотворений, публиковавшихся после ареста Михайлова, без его участия. Поскольку некоторые из поздних стихотворений (публикуемые ниже под №№ 69, 70, 81, 83, 87, 88, 90—98, 335, 336, 407, 409) сохранились только в списках, сделанных современниками поэта, эти списки по их значению приравниваются к автографам.[1]

Отсутствие точных датировок переводных стихотворений, имеющих две или больше редакций, вынуждало указывать под соответствующими произведениями громоздкие многосоставные и в то же время очень приблизительные даты. Однако мы не видим способа избежать этого неудобства.

В примечаниях, в библиографической их части, указывается первая публикация стихотворения и — при наличии нескольких редакций — дальнейшая история текста. Перепечатка переводных стихотворений, публиковавшихся до 1862 г., в издании 1862 г. и переводов из Гейне, публиковавшихся до 1858 г., в «Песнях Гейне» не отмечается.

Приводятся сведения о цензурном вмешательстве в публикации стихотворений Михайлова. Соответствующие цензурные дела хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде. Часть документов воспроизведена в статье Н. С. Ашукина «Из истории издания сочинений М. Л. Михайлова» (в кн.: М. Л. Михайлов, Полн. собр. стих., М.—Л., 1934, с. 647—655). Все приведенные цитаты из цензорских донесений уже печатались в предыдущем издании Большой серии «Библиотеки поэта», поэтому в настоящем издании они даются без особых ссылок.

Составитель считает своим долгом выразить благодарность за советы и помощь Н. Н. Скатову и Н. А. Чистяковой.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

БдЧ — «Библиотека для чтения».

БП — М. Михайлов, Собрание стихотворений (Вступительная статья А. В. Кушакова. Подготовка текста и примечания Ю. Д. Левина), «Б-ка поэта», (Б. с.), Л., 1953.

Воспоминания — Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов, Воспоминания в двух томах, ⟨М.⟩, 1967.

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).

---

[1] Хранятся в Рукописном отделе Пушкинского дома. См. описание: Л. П. Клочкова, Рукописи М. И. Михайлова. — Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. 5, М.—Л., 1955, с. 58—59 (№ 28), с. 74—75 (№ 109); рукопись № 28, определяемая Л. П. Клочковой предположительно как автограф, по нашему мнению, является списком.

Гейне — Песни Гейне в переводе М. Л. Михайлова, СПб., 1858.
Гете — Собрание сочинений Гете в переводах русских писателей, изд. под ред. Н. В. Гербеля, т. 1, СПб., 1878.
ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
Д — «Дело».
ЖО — «Живописное обозрение».
И — «Иллюстрация».
Изв. ОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.
ЛА — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, т. 6, М.—Л., 1961.
ЛГ — «Литературная газета».
М — «Москвитянин».
Н — «Неделя».
ОЗ — «Отечественные записки».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР (Ленинград).
ПССоч. — Полное собрание сочинений М. Л. Михайлова. Под ред. П. В. Быкова, т. 1. Стихотворения оригинальные и переводные, СПб., ⟨1913⟩.
ПССтих. — М. Л. Михайлов, Полное собрание стихотворений. Редакция, биографический очерк и комментарий Н. С. Ашукина, М.—Л., 1934.
РВ — «Русский вестник».
РМ — «Русская мысль».
РС — «Русское слово».
С — «Современник».
Смирдин — Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина, т. 6, СПб., 1859.
Соч. I, III — М. Л. Михайлов, Сочинения в трех томах. (Под общ. ред. Б. П. Козьмина. Вступительная статья М. И. Дикман и Ю. Д. Левина), т. 1. Стихотворения. (Подготовка текста и примечания Г. Ф. Коган); т. III. Критика и библиография. Записки. (Подготовка текста и примечания Э. С. Виленской, М. И. Дикман, Г. Ф. Коган, Ю. Д. Левина, П. С. Рейфмана), М., 1958.
Соч. 1950 — М. И. Михайлов, Сочинения в двух томах. (Вступительная статья, подготовка текста и примечания П. Фатеева), т. 1. Стихотворения, Чита, 1950.
ССоч. — М. И. Михайлов, Собрание сочинений в пяти томах. Под общ. ред. М. В. Нечкиной. (Подготовка текста и комментарии П. С. Фатеева), т. 1. Стихотворения, Чкалов, 1951.
ССтих. — Собрание стихотворений М. Михайлова, СПб., 1890.
ст. — стих.
Стих. 1862 — Стихотворения М. Л. Михайлова, Берлин, 1862.
Стих. 1866 — Стихотворения М. Л. Михайлова. Ред. изд. Н. В. Гербеля, СПб., 1866.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской рево-

люции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (Москва).

Шиллер I, II — Лирические стихотворения Шиллера в переводах русских поэтов, изд. под ред. Н. В. Гербеля, тт. I, II, СПб., 1857.

Шиллер IV — Драматические сочинения Шиллера в переводах русских писателей, изд. под ред. Н. В. Гербеля, т. IV, СПб., 1858.

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. И, 1845, № 11, с. 175. Первое опубликованное стихотворение Михайлова.

2. И, 1845, № 30, с. 478, с опечаткой в ст. 11 («вздор печальный»).

3. И, 1846, № 8, с. 126. Тема стихотворения — перенесение в 1840 г. праха Наполеона с острова св. Елены в Париж. В стихотворении ощутимо влияние «Воздушного корабля» Лермонтова.

4. БдЧ, 1847, № 1, с. 11.

5. БдЧ, 1847, № 1, с. 12; последний ст., по-видимому, исключен цензурой.

6. И, 1847, № 7, с. 111.

7. И, 1847, № 7, с. 111.

8. ЛГ, 1847, № 11, с. 164, с цензурным изменением в ст. 8 («Как дышит эта жизнь нездешней красотой»). Исправлено в БП по автографу ПД. *Шенье* — см. примеч. на с. 564.

9. БП, с. 58. Автограф — ПД. Стихотворение было послано в ЛГ вместе с №№ 8 и 10, но осталось неопубликованным.

10. ЛГ, 1847, № 11, с. 164. Автограф — ПД.

11. ЛГ, 1847, № 18, с. 277. Сочувствие и уважение к «падшей» женщине как жертве уродливых общественных условий, характерные для передовой демократической морали, нашли свое выражение в поэзии некрасовского направления 1840—1850-х годов. Ср.: «Когда из мрака заблужденья. . .» (1845), «Еду ли ночью по улице темной. . .» (1847), «Встреча» (1855) Некрасова; «Не диво доброе влеченье. . .», «Я знаю всё: упала ты глубоко. . .» (1857) Добролюбова и др.

12. ЛГ, 1847, № 18, с. 277. Положено на музыку А. Е. Варламовым.

13. ЛГ, 1847, № 18, с. 278, с примеч. редакции к подписи автора: «Читатели наши, вероятно, обратили внимание на весьма замечательные стихотворения, под которыми встречается эта фамилия. Не зная лично поэта, мы считаем долгом благодарить его за нас и за многих из наших читателей за доставление его прекрасных стихотворений».

14. ЛГ, 1847, № 19, с. 294, под цензурным загл. «Охотник», с пропуском слова «свобода» в ст. 5, с заменой ст. 69—70 многоточием и со след. цензурными вариантами:

Ст. 54 В себе воскресил я разгульный свой дух!
Ст. 59—64 С житьем ни за что не расстанусь раздольным,
Дышу теперь вдоволь я духом привольным!..
Ко мне, братец, лучше сюда приезжай:
Изделья в деревне моей изучай!»
Эй, Ванька! Скорее собак собирай!
Эй, Сенька! Живее мне лошадь седлай!
Ст. 71—72 Что ж, Ванька-каналья! Чего же ты ждешь?
Да скоро ль ты, Сенька, Гнедка приведешь?

В Соч. 1950 восстановленный текст, но с сохранением загл. «Охотник» и искаженного ст. 62. Полностью восстановлен в БП по автографу ПД. Стихотворение связано с борьбой демократического лагеря против славянофильства в 1845—1847 гг. и обличает крепостническую сущность славянофилов. Ср.: статьи Белинского «Русская литература в 1844 году», «Русская литература в 1845 году», «„Тарантас" гр. В. Соллогуба» и др.; стихотворения Некрасова «Послание к соседу», «Послание к другу (из-за границы)», так же напечатанные в ЛГ. *Жорж Санд* — псевдоним французской романистки Авроры Дюдеван (1804—1876). *Гизо* Ф. (1787—1874) — французский буржуазный историк и политический деятель. *«Пчела»* — реакционная официальная газета «Северная пчела», издававшаяся с 1825 г. Ф. В. Булгариным.

15. ЛГ, 1847, № 23, с. 356.

16. ЛГ, 1847, № 23, с. 356. *Восемь в червях* — термин карточной игры, объявление числа взяток и козырной масти.

17. И, 1847, № 27, с. 35.

18. ЛГ, 1847, № 32, с. 501.

19. ЛГ, 1847, № 32, с. 501. *Лаура* — возлюбленная итальянского поэта Ф. *Петрарки* (1304—1374), воспетая в его стихотворениях.

20. ЛГ, 1847, № 42, с. 661, под общим загл. «Антологические стихотворения» (со стих. «Люблю я на тебе мои покоить взоры...»).

21. ЛГ, 1847, № 42, с. 661. Тема путника, странника, проходящая через всю лирику Михайлова (ср. №№ 2, 29, 44—46, 60, 61, 78), — одна из характерных тем поэзии петрашевцев 40-х годов. Ср.: «Странник» С. Ф. Дурова (1847), «„Песня странника". Из Рюккерта» (1844), «Странник» (1845) Плещеева и др.

22. ЛГ, 1847, № 42, с. 661, подпись: Αβγ. О принадлежности псевдонима Михайлову см.: ЛА, с. 200.

23. ЛГ, 1847, № 45, с. 709. *Анакреон* — см. примеч. на с. 534.

24. ЛГ, 1847, № 49, с. 774, с заменой в ст. 5 слов «любовию святою» точками. В ПССоч., ПССтих. и ССоч. пропуск заменен словами «полна больной страною» (по-видимому, придуманы Быковым). Текст восстановлен в БП по автографу ПД. Поводом к написанию стихотворения послужило, очевидно, первое посмертное издание стихотворений Кольцова (1846), под редакцией и со вступительной статьей Белинского. Михайлов любил и высоко ценил творчество Кольцова, считал его замечательным народным поэтом. О раннем знакомстве с песнями Кольцова Михайлов писал в автобиографическом рассказе «Уленька (Рассказ NN)» (1857).

25—28. ЛГ, 1848, № 1, с. 6.

29. ЛГ, 1848, № 14, с. 211.

30. ЛГ, 1848, № 17, с. 266, с цензурными искажениями: без загл. и строф 3 и 6; ССоч. — полностью, но без загл. Заглавие восстановлено в БП по автографу ПД.

31. ЛГ, 1848, № 17, с. 265, с цензурной купюрой строфы 10. Восстановлено в Соч. 1950 по автографу ПД (ст. 16 в автографе первоначально: «Либерально страх»). Разоблачение романтического идеализма и романтического героя — одна из основных тем передовой русской литературы 1840-х годов (ср.: Белинский, «Русская литература в 1845 году», «„Тарантас“ гр. В. Соллогуба», «Петербург и Москва» и др.). *Гидальго* — представитель низшего разряда дворянства в Испании; здесь имеется в виду Дон-Кихот.

32. ЛГ, 1848, № 19, с. 291, без ст. 52, по-видимому, по цензурным причинам.

33—36. ЛГ, 1848, № 20, с. 307.
2. *Помона* (римск. миф.) — богиня плодов. *Цианы* (лат.) — здесь: васильки.

37. И, 1848, № 40, с. 247.

38. И, 1848, № 42, с. 275.

39. ЛГ, 1849, № 1, с. 7. *Троя* (или *Илион*) — древний город в малоазийской области Троаде, был осажден и взят греками; войне греков и троянцев посвящена «Илиада» Гомера. *Скамандр* — река близ Трои. *Симоис* — приток Скамандра. *С другом, где Ахилл зарыт.* Патрокл, друг греческого героя Ахилла, был убит троянским героем *Гектором,* который после этого пал от руки Ахилла. *Ида* — горная цепь в Троаде. *Гаргар* — одна из двух главных вершин Иды.

40. М, 1849, сентябрь, кн. 1, с. 79. Автограф — ГБЛ.

41. БП, с. 100. Автограф — ГБЛ (архив М. П. Погодина).

42. М, 1851, ноябрь, кн. 2, с. 218.

43. БП, с. 103. Автограф — ГБЛ (архив М. П. Погодина).

44—46. 1 — БП, с. 104; 2 и 3 — С, 1852, № 8, с. 320 и 321 (см. примеч. 48—53). Автограф — ГБЛ (архив М. П. Погодина).

47. «Нижегородские губ. ведомости», 1851, 14 июля, часть неофициальная, с. 110, вместо подписи: ***. Примеч. редакции после статьи «Н. В. Самойлова в Нижнем»: «Заключим наши слова стихотворением одного молодого любителя изящного, г. М. Михайлова, вдохновленным превосходною игрой нашей дорогой гостьи». *Самойлова Надежда Васильевна* (1818—1899) — известная петербургская комедийная актриса. Михайлов в пору пребывания в Нижнем Новгороде (1848—1852) увлекался нижегородским театром, переживавшим тогда пору расцвета. Близкое знакомство с театром дало писателю материал для романа «Перелетные птицы» (1854).

48—53. С, 1852, № 7, с. 125, 129, 130; № 8, с. 325, 326, 327, подпись: М. О принадлежности стихов Михайлову см.: Изв. ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 5, с. 424—426. *«Камелия»* — пародийный роман Михайлова, включен в серию его статей «Хроника петербургских новостей и увеселений» и примыкает к печатавшимся в С фельетонам и пародиям Нового поэта (И. И. Панаева). В стихах героя романа бедного поэта *Лиодора* осмеивались банальность, бессодержательность и оторванность от действительности лирической поэзии начала 50-х годов, когда, по словам Добролюбова, «пустота содержания в лирике дошла до того, что превосходила всякую пародию» (Собр. соч., т. 6, М.—Л., 1963, с. 213). Михайлов, в частности, пародирует и поэзию Фета, сборник стихов которого вышел в 1850 г. Прямое указание на это содержится в романе. Лиодор начал свое первое стихотворение так:

Сосна так темна, хоть и месяц
Глядит между темных ветвей;
То клонит ко сну, то очнется,
То мельница, то соловей...

После чего, «подумав немного, он вспомнил, что читал начинающееся этими строками стихотворение с подписью г. Фета», и далее следует уже его собственное стихотворение «Опять налетают роями...»; оно «оказалось не совсем удачным подражанием г. Фету». Наряду со стихотворениями, имитирующими стилистическую манеру Фета («Месяц в тумане вставал...», «Мой нежный друг, мой чистый гений...»), Михайлов приписал своему герою и собственные стихи, созданные без пародийных целей и посылавшиеся им в 1851 г. в М: 2-ю и 3-ю части «Странника» (см. №№ 45, 46) и «О мой призрак далекий...» (№ 50). В «Камелии» комический эффект достигается пу-

тем противопоставления возвышенного тона стихотворений прозаической обыденности обстановки и событий, служащих Лиодору поводом для поэтических излияний. Так, стихотворение «Сердцу трудно, оку больно...» (№ 46) возникает тогда, когда «ноги Лиодора так были утомлены долговременною ходьбой по аллеям сада Минеральных вод и шествием от пристани пароходов домой по пустым улицам, что он готов бы был, кажется, сесть где-нибудь на тумбочку, если бы не боялся испачкать свой и без того неказистый пальто», и т. д. Последнее стихотворение «Я видел во сне человека...» — явное подражание Гейне — завершает творчество Лиодора, который, разбогатев, прекращает писание стихов. Свой роман Михайлов в какой-то мере соотносил с «Романтической школой» Гейне — памфлетом на немецкий романтизм с характерным для этого направления бегством от действительности. В предшествовавшем «Камелии» фельетоне «Хроники петербургских новостей и увеселений» (С, 1852, № 6) — Михайлов поместил отрывок из «Романтической школы», посвященный немецкому писателю Новалису, чье болезненное творчество и проповедь ухода от реальной жизни Гейне критиковал, утверждая, что поэт силен лишь до тех пор, пока не покидает почвы действительности. В конце фельетона Михайлов обещал в следующем номере журнала рассказать «похождения одного прекрасного юноши, очень похожего на Генриха Офтердингена» (герой одноименного романа Новалиса).

54. «СПб. ведомости», 1853, 26 апреля, в фельетоне «Русская журналистика», без подписи. О принадлежности фельетона Михайлову см.: ЛА, с. 199, 201. Стихотворение представляет собою пародию на «Эпизод из поэмы „Адвокатство женщины"» Евгении Сарафановой («Пантеон», 1853, кн. 4). Под псевдонимом «Сарафанова» скрывался Григорий Петрович *Данилевский* (1829—1890), впоследствии реакционный исторический романист, который в начале 1850-х годов стяжал печальную славу беспринципного литератора, сплетника и враля. Михайлов, видимо, знал истинного автора поэмы, так как указывал в фельетоне, что Евгения Сарафанова «есть не более как псевдоним какого-нибудь охотника строить стихи», а в конце пародии упомянул Данилевского. Непосредственным объектом пародии является приведенный в фельетоне отрывок из поэмы, в котором, по словам Михайлова, автор «рисует свой идеал житейского комфорта»:

Люблю портреты я Зарянки,
Высоких комнат теплоту,
И *пух* ковров, и оттоманки,
И *камелечек у лежанки,* (?)
И блеск, и всюду чистоту!
Люблю я *кресла кабинета,*
Рабочий стол, рояль в углу,
И нежный трепет полусвета,
И мех медвежий на полу...
Люблю я милую небрежность
Домашних *платий* и речей,
Работ обдуманных *прилежность*
И грезы пылкие ночей...

Мой идеал мотив Шопена,
Семейный мир мой идеал,
В часы *волшебной грезы плена*
С друзьями выпитый бокал,
Библиотека, статуэтки
Львов журналистики родной,
И *лавра славы модной ветки*
Над вдохновенной головой.

(курсив Михайлова). «Не будем распространяться о герое г-жи Сарафановой... — писал далее Михайлов, — приведем лучше одно место из поэмы «Досужество мужчины», которую, вдохновясь г-жею Евгенией Сарафановой, мы сами задумали написать и в которой будет много сходного с приведенными выше стихами». *Палкин, Борель* — владельцы ресторанов в Петербурге. *Жорж Санд* — см. примеч. 14. *Шекспир.* Данилевский опубликовал в 1850—1851 гг. свои переводы: «Жизнь и смерть короля Ричарда Третьего» и «Цимбелин». *Кейф* — приятное безделье. *В окошке Беггрова.* Имеется в виду петербургский магазин художественных изделий, принадлежавший И. П. Беггрову. *Камена* (римск. миф.) — муза. *Пассаж.* Имеется в виду петербургский Пассаж — крытая торговая галерея, соединяющая две улицы. *Шарль Сен-Жюльен* — преподаватель Петербургского университета; выступал во французской печати со статьями о русской литературе. В том же фельетоне «Русская журналистика» Михайлов возмущался заявлением Сен-Жюльена в «Journal de St. Pétersbourg» о том, что он готовит этюд для «Revue de deux mondes» «о г-не Григорье Данилевском (!), ученике Гоголя (!!), поэте, стоящем во главе современной русской поэзии (!!!)... Воля ваша, c'est trop fort! [1]».

55. «Нива», 1910, № 15, с. 290, др. ред. по автографу 1853 г. из альбома Н. В. Гербеля — ГПБ. Список Гербеля этой ред., под загл. «России», — ПД. Печ. по сб. «Шестидесятые годы», М.—Л., 1940, с. 448. Два автографа последней ред. 1858 г. — ПД. Варианты в «Ниве» — ст. 1: «Когда пройдут искуса годы?»; ст. 4: «Животворящий луч свободы?»; ст. 8—9: «Когда же тьма сойдет с востока? Когда под заревым огнем». *Столб Мемнона* — колоссальная статуя египетского фараона близ Фив; при первых лучах восходящего солнца статуя издавала звук, напоминающий звук лопающейся струны.

56. «Нива», 1910, № 15, с. 290. Автограф — ГПБ (альбом Н. В. Гербеля).

57. БП, с. 112. Список — ПД (архив В. Р. Зотова), подпись: М. Авторство Михайлова указано в рукописном сборнике неизданных стихотворений, составленном П. А. Ефремовым (ЦГАЛИ; сообщил Е. Г. Бушканец). Стихотворение направлено против казенного лжепатриотизма реакционных литераторов, которые воспевали Крымскую войну. Ср.: «Не гром войны, не бой кровавый...» (1855) Доб-

[1] Это уж слишком! (франц.)

ролюбова. По мнению В. Г. Базанова, Михайлов имеет в виду поэта Ф. Н. Глинку, перешедшего после разгрома декабристов в лагерь реакции. В 1854 г. Глинка активно сотрудничал в официозной «Северной пчеле», где публиковал ура-патриотические стихи, написанные в библейском стиле (так, в № 86 помещено его стихотворение «К богу, защитнику правых» — переложение 70-го псалма).

58. Изв. ОЛЯ, 1962, т. 21, вып. 4, с. 344, по списку ЦГАЛИ (сборник П. А. Ефремова). Печ. по списку Н. В. Гербеля (ПД). *Данилевский* Г. П. — см. примеч. 54. *Булгарин* Ф. В. (1789—1859) — официозный журналист, крайний реакционер.

59. Изв. ОЛЯ, 1962, т. 21, вып. 4, с. 344, по списку ЦГАЛИ (сборник П. А. Ефремова). Печ. по списку Н. В. Гербеля (ПД). *Старчевский* Альберт (Адальберт)-Войтех Викентьевич (1818—1901) — поляк по происхождению, историк и журналист, с 1848 по 1856 г. редактор БдЧ. *Печаткин* В. П. (1819—1898) — издатель БдЧ с 1848 г. Беспринципный журналист-делец, привлеченный Печаткиным к сотрудничеству в БдЧ в качестве второго редактора, Старчевский постепенно оттеснил первого редактора О. И. Сенковского от руководства журналом и начал посягать на права издателя. В 1854—1855 гг. Михайлов сотрудничал в БдЧ. Он писал об этом в 1856 г. А. В. Дружинину, сменившему Старчевского на посту редактора: «Что я до сих пор был не совсем аккуратен относительно «Библиотеки», это происходило от ее управления Старчевским и Печаткиным. Первый меня недолюбливал и не раз заставлял работать понапрасну (были статьи неоконченные в печати по его милости), а второй постоянно торговался со мною донельзя, зная, что мне нужны деньги» («Письма к А. В. Дружинину», М., 1948, с. 215; о сотрудничестве Михайлова в БдЧ см.: ЛА, с. 164—180).

60. Л. П. Шелгунова, Из далекого прошлого, СПб., 1901, с. 58. Стихотворение было написано в альбом Шелгуновой за два дня до отъезда Михайлова в Оренбургский край в литературно-этнографическую командировку по поручению Морского министерства (1856—1857).

61. РС, 1859, № 12, с. 243. Автограф — ПД. Первоначально написано в альбом Шелгуновой, где имеет подзаг. «Май 1856 г.» и датировано: «Лисино, 10 июня 1857 г.» (см.: «Литературный архив», изд. П. А. Картавовым, СПб., 1902, с. 89). Таким образом, стихотворение сочинено во время пребывания Михайлова в литературно-этнографической командировке, а записано в альбом, когда, по возвращении из нее 6 июня 1857 г., он поселился у Шелгуновых в Лисине (Царскосельский уезд Петербургской губернии).

62. Т. А. Богданович, Любовь людей шестидесятых годов, Л., 1929, с. 326. Копия Л. П. Шелгуновой — ПД (в письме Я. П. Полонскому от 31 августа 1857 г.). Поводом для стихотворения явилась болезнь Михайлова; находясь летом 1857 г. в Лисине (см. примеч. 61), он, как вспоминала Шелгунова, «страшно захворал тифом с каким-то страшным осложнением... Михайлов прохворал очень долго и долго боролся со смертью» (Воспоминания, т. 2,

с. 83). *Полонский* Яков Петрович (1819—1898) — поэт, близкий друг Михайлова. *И потому в Женеве дальней.* В августе 1857 г. Полонский приехал в Женеву с намерением обучаться живописи.

63. Н. В. Шелгунов, Из прошлого и настоящего. Соч., т. 2, СПб., 1891, с. 704. Написано ко дню рождения Н. В. Шелгунова и стилизовано под «Одиссею» Гомера. *Встала младая из мрака с перстами пурпурными Эос* — первая строка 2-й песни «Одиссеи» в переводе В. А. Жуковского. *Эос* (греч. миф.) — богиня утренней зари. *Пенелопа* (греч. миф.) — жена Одиссея. *Лесоводственный муж.* Шелгунов по профессии был лесоводом. *Алкиной* (греч. миф.) — феакийский царь, у которого нашел приют потерпевший кораблекрушение Одиссей.

64. «Искра», 1860, № 30, с. 324, подпись: Джон Карманников. По утверждению П. В. Быкова, стихотворение было взято без ведома автора редактором «Искры» В. С. Курочкиным «из одного письма Михайлова к приятелю, которое Михайлов послал ему из-за границы» (ПССоч., с. XXV). Написано, по-видимому, во время пребывания в Лондоне в феврале—марте 1859 г. Предположение Г. Ф. Коган о связи стихотворения с арестом Н. Я. Якушкина (см.: Соч. I, с. 556) лишено какого-либо основания.

65. ПССтих., с. 609. Автограф — ПД. *Гипербореи* (греч. миф.) — сказочный народ, живущий на севере «по ту сторону *Борея*» (северного ветра), в блаженной стране, вечно юный, наслаждающийся теплом и светом незаходящего солнца; каждый гиперборей может жить 1000 лет, но, утомившись жизнью, прекращает ее, кидаясь со скалы в море. *Фракия* (др.-греч.) — страна в северо-восточной части нынешнего Балканского полуострова. *Элида* (др.-греч.) — северо-западная часть Пелопоннесского полуострова. *Астрея* (греч. миф.) — богиня справедливости; астреин век — время справедливости, некогда царившее на земле. *Орхомен* (др.-греч.) — торговый город в центре Греции.

66. ПССтих., с. 605, с неточностью в ст. 66. Исправлено в БП по автографу ПД. Стихотворение связано с раздумьями Михайлова над революционными возможностями русского народа, с борьбой против смирения и покорности, прославлявшимися официозными кругами и славянофилами. В основу стихотворения положена легенда из древнейшей русской летописи «Повесть временных лет» о странствиях по Руси ученика Христа *апостола Андрея Первозванного* (согласно Евангелию, он первый был призван Христом): «И приде в Словени, идеже ныне Новгород, и виде ту люди сущая, како есть обычай им, и како ся мыют и хвощются (хлещутся), и удивися им. И иде в Варяги, и приде в Рим, и исповеда, елико научи и елико виде и рече им: «Дивно видех Словеньскую землю, идучи ми семо. Видех бани древены, и пережгуть е рамяно (докрасна), и совлокутся (разденутся), и будут нази (нагие), и облеются квасом уснияным, и возьмут на ся прутье младое, и бьються сами, и того ся добьють, едва слезуть, ле живи, и облеются водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по все дни, не мучими ником же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собе, а не мученье». *Даниил* — биб-

лейский пророк; брошенный на растерзание львам, остался жив и невредим. *Вавилонская печь* — по библейской легенде, огненная печь, в которую царь Вавилона Навуходоносор приказал бросить трех отроков за отказ поклониться золотому тельцу; благодаря чуду они остались живы. *Патрас* — город в Древней Греции, где, по библейскому сказанию, был распят апостол Андрей. *Великий у русских царит человек.* Петр I в 1698 г. учредил орден Андрея Первозванного, которым награждались лица царской фамилии и высшие государственные сановники. В своих взглядах на Петра I и его деятельность Михайлов солидаризовался с мнениями, высказанными Чернышевским в статье «Апология сумасшедшего», посвященной П. Я. Чаадаеву и предназначенной для № 1 «Современника» за 1861 г. (статья не была опубликована).

67. «Колокол», 1862, л. 119—120, с. 997. В списке из архива А. Н. Пыпина (ПД; напечатан — Соч. I), содержащем незначительные разночтения в ст. 24—26, имеется эпиграф из стихотворения Шамиссо «Старый мельник» («Der alte Müller»):

Das Wort wird That, das Kind wird Mann,
Der Wind wird Sturm, — wer zweifelt daran?

Chamisso

(«Слово становится делом, ребенок становится мужем, ветер — бурей, — кто в этом сомневается?») В конце списка скопирована также приписка Михайлова: «Стихи эти невольно сложились у меня в голове вечером в день похорон бедного Бова, и я записал их, чтобы откликнуться из своей клетки на общее наше горе. Сообщите их друзьям покойника. Они не станут искать в них эстетических красот, как не искал бы он сам, но верно найдут чувство, похожее на свое Бедный, бедный Бов; мне так и представляется его доброе прекрасное лицо со слезами на щеках. Да, умирать в такие годы горько». (Бов — псевдоним Добролюбова.) В ПССоч, ПССтих. и ССоч. стихотворение печаталось в редакции, впервые опубликованной в сб. «Русская муза». Сост. П Я⟨кубович⟩ (перераб. и доп. изд. «Русского богатства», СПб., 1907, с. 274), без строфы 5 и с разночтениями в ст. 7, 11, 14, 34. Сидя в крепости и ожидая приговора, Михайлов с тревогой спрашивал в письмах: «Кстати, меня очень изумило, что в последнем «Современнике» нет ничего Добролюбова. Что это значит? Уж не болен ли он?» «Вы не поверите, как у меня сжимается сердце за бедного Добролюбова. Неужто его не спасут? Вот будет потеря-то страшная» (Воспоминания, т. 2, с. 434, 437). Есть основания полагать, что Михайлова и Добролюбова, помимо личной дружбы, связывала также нелегальная революционная деятельность. По утверждению Чернышевского, арест Михайлова ускорил смерть Добролюбова (см.: Ю Д Левин, Об отношениях Н. А. Добролюбова и М. Л. Михайлова в 1861 году. — Изв. ОЛЯ, 1961, т. 20, вып. 5). Написанное в Петропавловской крепости, стихотворение быстро распространилось по Петербургу, а также было послано в Лондон Герцену. 4-я строфа стихотворения без обозначения автора была использована в качестве эпиграфа в кн.: П. А. Бибиков, О литературной деятельности Н. А. Добролюбова, СПб.,

1862. Стихотворение стало песней, которая пользовалась огромной популярностью среди революционного студенчества, особенно в Московской Петровской академии — очаге революционного студенческого брожения 1870-х годов; неоднократно включалось в сборники нелегальных стихов и песен. *В темном царстве лжи и зла* — намек на известные статьи Добролюбова «Темное царство» (1859), и «Луч света в темном царстве» (1860).

68. «Колокол», 1862, прибавл. к л. 119—120, с. 1001. Карандашный автограф (?), под загл. «К студентам», — ПД (архив Я. П. Полонского). Список, под загл. «Прощанье к молодому поколению», в деле Михайлова — ЦГАОР. Написано в Петропавловской крепости в ответ на стихотворное послание студентов (см. № 421). Впоследствии Михайлов вспоминал: «Еще до произнесения мне приговора в сенате получил я известные стихи и письмо от заключенных в крепости студентов. И то и другое сильно меня растрогало. Я не мог удержаться от слез и тотчас же отвечал им стихами...» (Воспоминания, т. 2, с. 325). Ответ Михайлова сопровождался припиской: «Спасибо вам за те слезы, которые вызвал у меня ваш братский привет. С кровью приходится мне отрывать от сердца все, что дорого, чем светла жизнь! Дай бог лучшего времени, хоть, может, мне уже и не суждено воротиться». Михайлову удалось переслать стихотворение заключенным студентам, которые переписали его (см.: Воспоминания, т. 2, с. 330) и по выходе из крепости распространили в списках. Послание студентов и ответ Михайлова вместе с другими материалами были опубликованы в «Колоколе» под общим загл. «Михайлов и студентское дело». Стихотворение Михайлова публиковалось также в нелегальных сборниках. Исполнявшееся на мотив «Моряков» Вильбоа стихотворение стало студенческой революционной песней.

69. ПССтих., с. 620. Список — ПД. Судя по содержанию, стихотворение написано вскоре после обнародования манифеста 19 февраля 1861 г. об «освобождении» крестьян.

70. ПССтих., с. 610. Копия Л. П. Шелгуновой, с искажениями в строфе 20 («Пусть погибнет наше дело Не умрем...»), — ПД; то же в ПССтих. Исправлено в Соч. 1950. Продолжая декабристскую традицию, Михайлов использовал историческую тему о Вадиме Новгородском в агитационно-политических целях. *Вадим* Храбрый — по летописному сказанию, предводитель восставших новгородцев, недовольных самовластием Рюрика и окружавших его варягов.

71. ПССтих., с. 620, с ошибкой в ст. 8 («свой мне стон несет»). Исправлено в Соч. 1950. Автограф — ПД. По-видимому, написано по дороге на каторгу в декабре 1861 г. Впоследствии в Сибири Михайлов писал: «...не кидалась уже в глаза та голая, вопиющая нищета, какая возбуждала тягостную тоску в Вологодской и Вятской губерниях» (Воспоминания, т. 2, с. 342).

72. ПССтих., с. 614, в ст. 25 оставлено лишь слово «гробницы», остальное заменено прочерком как не поддающееся прочтению.

В БП ст. 25, сильно поврежденный в автографе ПД, восстановлен предположительно. Прочтение этого ст. в ССоч. — «Стоят царей роскошные гробницы» — представляется ошибочным. Стихотворение посвящено пятерым декабристам, казненным царским правительством, — К. Ф. Рылееву, П. И. Пестелю, С. И. Муравьеву-Апостолу, М. П. Бестужеву-Рюмину и П. Г. Каховскому. *Близ места вашей казни.* Пять декабристов были повешены 13 (25) июля 1826 г. на валу Петропавловской крепости, в соборе которой находятся гробницы русских царей, начиная с Петра I.

73. ПССтих., с. 622. Автограф — ПД. Корреспонденции «Северной пчелы» в мае—июле 1862 г. свидетельствовали о неблагополучии в Российской империи, причем затронуты были почти все слои общества. В газете сообщалось о студенческих беспорядках, о репрессиях, гражданских казнях, ссылках, о неповиновении временно обязанных крестьян помещикам, об экзекуциях в сельских местностях, о конфликтах между помещиками и сельским духовенством, об убийствах и самоубийствах, об упадке кредита и росте дороговизны, о литературных скандалах и т. д. Беспокойство вызывалось также отменой винных откупов и заменой их акцизным сбором. Особенно сильное волнение вызвали пожары в Петербурге во второй половине мая, которые дали повод официозной прессе для травли революционной демократии.

74. ОЗ, 1870, № 1, с. 168, подпись: Мих. М—в. Автограф — ПД.

75. ПССтих., с. 633. Автограф — ПД.

76. ОЗ, 1870, № 4, с. 436, подпись: М. М. Автограф — ПД. Обращено к Л. П. Шелгуновой.

77. ОЗ, 1870, № 1, с. 264, подпись: Мих. М—в. Автограф — ПД. Сохранился список следующего варианта окончания стихотворения:

Бодрой рукою кинжал ты взяла,
Грудь обнажила и, с мужеской силой
В сердце ударив себя, подала
Мужу кинжал, и бодро могла
Молвить пред смертью: «Не больно, мой милый» —

а также черновые наброски к этому окончанию (ПД). *Аррия* — жена римлянина Цецины Пета, который был приговорен к смертной казни за участие в восстании против императора Клавдия в 42 г. н. э. Пету оставался один исход — самоубийство. Видя нерешительность мужа, Аррия сама вонзила себе в грудь кинжал и затем передала мужу со словами: «Пет, не больно».

78. Д, 1866, № 2, с. 33, с пропуском ст. 57—60 и 73—76, подпись: Л. Шелгунова; ПССтих., полностью, но с искажением, как и в Д, ст. 1, 35, 53. Искажения устранены в БП по автографу ПД. Обращено к Л. П. Шелгуновой.

79. ПССтих., с. 634. Автограф — ПД. Рассказывая в «Записках» о весне 1862 г., когда он находился на Казаковском прииске (см. примеч. 80), Михайлов писал: «С томительным нетерпением ждал я весны, следил каждый день за этими горами, за этим лугом, которые начинали зеленеть так туго... Теперь так хорошо все кругом моего жилища; зеленая падь полна цветов, горы тоже позеленели и стоят уже не сплошной темной грудой... Из-за этих гор идут несколько дорог к самому почти дому; но как редко, какими урывками приходят по этим дорогам дорогие вести!» (Воспоминания, т. 2, с. 426).

80. ОЗ, 1870, № 1, с. 98, подпись: Мих. М—в. Автограф — ПД. В марте 1862 г. Михайлов, после пребывания в Петропавловской крепости, а затем в сибирских острогах по дороге на каторгу, поселился неофициально у своего брата Петра Ларионовича на Казаковском золотом прииске (официально он числился каторжником на одном из рудников).

81. Н, 1874, № 1, с. 14, под загл. «Из посмертных стихотворений М. Л. М—ва». Список — ПД. Обращено к Л. П. Шелгуновой, приезда которой на Казаковский рудник Михайлов ждал с нетерпением. Текст стихотворения находится в одном списке со стихотворениями, несомненно написанными на каторге (напр., «Только помыслишь о воле порой...», «Деспоту»); это обстоятельство, а также загл. первой публикации заставляют отвергнуть предлагавшиеся ранее датировки: 1857 (ПССтих., ССоч.) и 1858 гг. (Соч. I).

82. Д, 1866, № 2, с. 64, подпись: Л. Шелгунова. Сохранились черновые наброски (ПД, впервые опубликованы — ПССтих., с. 742), характерные для работы Михайлова над стихами:

В твоей любви, как в сияньи солнца,
Прояснилось передо мною всё:
И сам я, и весь мир.
Я понял, что в них велико, что ничтожно,
Всё, что ист⟨инно⟩ и ложно.
Когда сердце мое билось биением твоего сердца,
Я чуял биенье мировой жизни.
О свет! воззвавший меня из мрака на служенье Истине,
Дай мне и умереть в твоих лучах.

В моей ночи зарею обновленья
Взошла любовь твоя.
В ее лучах весь мир, его явленья
И мир души моей уразумел я.
Мне ясно стало всё, что истинно и ложно,
Всё, что велико, что ничтожно
Во мне самом и вне меня.
Когда во мне сердце забилось
Одним биением с тобой,
В моей груди тогда вместилось
Биенье жизни мировой.

О свет, из тьмы меня воззвавший,
Мне силу на деянье (?) давший,
Не покидай меня, не покидай,
В своих лучах ⟨нрзб.⟩ мне дай.

Н. С. Ашукин (ПССтих., с. 600) датировал стихотворение 1857 г. Однако ст. 15 явно указывает, что оно создано на каторге. Стихотворение обращено к Шелгуновой; в нем нашло яркое выражение новое понимание любви, свойственное революционным демократам. Ср. автобиографический роман Михайлова «Вместе» (Д, 1870, № 1, с. 26).

83—89. ПССтих., с. 621, 622, с неточностями в стихотворениях 4, 5 и 6. Исправлены в БП по рукописи. Списки стихотворений 1, 5, 6 и автографы 2, 3, 4, 7 — ПД. Эпиграммы впервые объединены в один цикл в БП.

1. *Сняли опалу.* Александр II отменил запрещение Николая I носить бороды военным, чиновникам и дворянам, служившим по выборам. *Слышатся толки везде.* В 1862 г. либеральное дворянство, напуганное ростом революционного движения, усиленно пропагандировало идею созыва царем земской думы или земского собора. *«Уставя брады»* — выражение из сочинения Г. Котошихина (XVII в.) «О России в царствование Алексея Михайловича». Описывая, как царь обращался к боярской думе за советом, автор добавлял: «...Иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе и многие из них грамоте не ученые и не студерованые...» (Г. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906, с. 24).

7. *Новый земский устав.* Подразумевается земская реформа 1 января 1864 г. В. И. Ленин писал, что посредством этой реформы «... русское „общество“ *отманивали* от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень маловажная, позиция, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции...» (Полн. собр. соч., т. 5, с. 65.)

90. ПССтих., с. 623. Список — ПД. В России начала 1860-х годов сложились такие условия, при которых, как указывал В. И. Ленин, «...самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» (Полн. собр. соч., т. 5, с. 30). Эти условия давали основание революционным демократам намечать начало народной революции сперва на 1861 г., а затем на весну 1863 г. — окончание срока временно-обязанного состояния крестьян и подписания уставных грамот. Как вспоминает П. В. Быков, Михайлов еще в 1860 г. был уверен в близости революции: «Голос его слегка дрожал, когда он говорил, что народ просыпается, прозревает и скоро нужно ждать дня, когда он поднимется и «растопчет многоглавую гидру» (подлинные слова его)» (П. В. Быков, Силуэты далекого прошлого, М.—Л., 1930, с. 149). Толчком к написанию стихотворения, возможно, послужили известия о начале восстания 1863 г. в Польше.

91. ПССтих., с. 615, с повторением ошибки, содержащейся в списке ПД в ст. 1 («Резец истории тебя, ханжа лукавый»). Исправлено в Соч. 1950. Обращено к Александру II. *Он знаменье креста творил рукою правой.* Манифест Александра II об «освобождении» крестьян 19 февраля 1861 г. оканчивался словами: «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного». *А левой распинал народы на кресте.* Очевидно, имеется в виду кровавое подавление Александром II польского восстания 1863 г.

92. ПССтих., с. 630. В списке ПД в ст. 9 прочерк: по-видимому, переписывался испорченный автограф.

93. Н, 1874, № 1, с. 14, под загл. «Из посмертных стихотворений М. Л. М—ва». Список — ПД.

94—97. ПССтих., с. 628, 633, 634. Списки — ПД. Стихотворения обращены к Л. П. Шелгуновой.

98. ПССтих., с. 634. Список — ПД.

99. Н, 1876, № 1, с. 25, с подзаг. «Из посмертных стихотворений М—ва». Высказывалось предположение (см.: Соч. I, с. 551), что стихотворение является ответом на «Послание Мих. Ил. Михайлову» П. Л. Лаврова (см. № 424), написанное в 1862 г.

100. ПССтих., с. 631. Автограф — ПД. Написано под впечатлением известий, полученных Михайловым в ссылке, о реакции в России и о подавлении восстания в Польше.

101. Д, 1867, № 3, с. 76, с изменением ст. 6, подпись: Л. Шелгунова. Исправлено в ПССтих. по автографу ПД. В системе устойчивых для революционной поэзии символов Михайлов выразил уверенность революционных демократов в том, что, несмотря на их личную гибель, победоносная революция неизбежна.

102. Д, 1867, № 3, с. 136, подпись: Л. Шелгунова. Автограф — ПД.

103. ПССтих., с. 628, с ошибкой в ст. 2 («По скалам голых гор»). Исправлено в БП по автографу ПД.

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

104. ПССтих., с. 625, с ошибкой в ст. 19. Исправлено по черновому автографу ПД. Сохранились первоначальные черновые наброски (ПД), состоящие из двух частей. Первая опубликована в ПССтих., с. 748. Вторая приводится ниже:

Еще покрыто всё снегами,
Холодный ветер пашет с гор,

Поля мертвы, и над лесами
Не слышен птиц веселый хор.

И лес стоит суровый голый,
На небе облака висят
И на реке еще веселой
Стада на льду скользят.

Но в вое ветра, в стоне леса
И в земных глубинах
Как будто разорвать завесу
На небесах,

Всё говорит в согласном хоре:
Близка весна, близка весна.

105. ПССтих., с. 747, в примеч. к «Посланию узника» (№ 99), с неточностями. Печ. по черновому автографу ПД, с восстановлением некоторых зачеркнутых и дополнением недописанных слов. Стихотворение представляет собою ответ на помещенные в «Колоколе» под общим загл. «Михайлов и студентское дело» (см. примеч. 68) обращения Н. П. Огарева (стих. «Михайлову» — см. № 423) и А. И. Герцена (заметка «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге»). Михайлов познакомился с Герценом и Огаревым в феврале 1859 г., когда специально для этого приехал с Шелгуновыми в Лондон. Затем он неоднократно встречался с издателями «Колокола» летом 1861 г. во время печатания в лондонской Вольной русской типографии прокламации «К молодому поколению». Помимо революционной деятельности, Герцена и Михайлова связывали взаимное дружеское расположение и глубокая симпатия (см.: Воспоминания, т. 1, с. 122—127, 165; т. 2, с. 97—98, 261—262; Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, М., 1959, с. 160). Возможно, что номер «Колокола» с обращениями Герцена и Огарева был передан Михайлову Шелгуновыми, приехавшими к нему на Казаковский прииск осенью 1862 г. *Слова твоего благословенья, Слова твоих надежд и веры.* Имеется в виду заключение заметки Герцена «Годовщина четырнадцатого декабря в С.-Петербурге»: «Иди же с упованьем, молодой страдалец, в могилу рудников, в подземной ночи их между ударами молота и скрипом тачки ты еще ближе услышишь стон народа русского, а иной раз долетят до тебя и голоса твоих друзей — их благословенье, их слезы, их любовь, их гордость тобою. А там... мало ли что может быть в шесть лет!» (Собр. соч. т. 16, М., 1959, с. 23).

106. ПССтих., с. 748, в примеч. к «Посланию узника» (№ 99). Черновой автограф — ПД.

107. ПССтих., с. 625, с ошибками в ст. 11, 16, 47 и 48. Исправлено в ССоч. и БП по черновому автографу ПД.

108. ПССтих., с. 629, 749 (последние 4 строфы ошибочно помещены в примечаниях как первоначальная редакция «Праздника

весны»). Объединены в ССоч., с. 201. Ошибка в ст. 10 исправлена по черновому автографу ПД. После подавления польского восстания 1863 г. царское правительство высылало в Сибирь на каторгу большие партии повстанцев. В Кадае Михайлов жил с ссыльными поляками. Как и вся русская революционная демократия, он горячо сочувствовал польскому национально-освободительному движению, тесно связывая вопрос о независимости Польши с судьбами революции в России. Образ Михайлова, друга польских борцов за свободу, сохранился в памяти его товарищей по каторге и впоследствии стал обрастать легендами (см.: Ю. Д. Левин, М. Л. Михайлов и деятели польского национально-освободительного движения. — Сб. «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.», М.—Л., 1963).

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОМУ

Джалаледдин Руми

Джалаледдин Руми (1207—1272) — персо-таджикский поэт-лирик. Его стихотворения (газели, касыды, рубайи) тесно связаны с народными песнями и пользуются широкой популярностью в странах Востока.

109. РС, 1859, № 1, с. 175, под загл. «Газель Джелаледдина Руми». Печ. по Стих. 1862, с. 3. Автограф ранней редакции (до РС) — ПД. Перевод с немецкого перевода Ф. Рюккерта «Ghasele 26» («Ich bin die Reb', o komm, und sei der Rebe ...»).

Муслихиддин Саади

Муслихиддин Саади (1184—1291). Примеч. Михайлова: «Саади был персидский писатель XIII века христианского летоисчисления. Он родился в персидском городе Ширазе; первую треть жизни провел в занятиях науками, вторую — в путешествиях и военной службе, третью — в уединенном размышлении и воспоминании прошедшего; всего он прожил до ста лет. Его общительный характер и путешествия доставили ему возможность близко познакомиться с людьми разных сословий и званий, с их нравами и обычаями, добродетелями и пороками. Все виденное он описывал в своих произведениях с поучительною целью. Самое известное из его сочинений — «Гюлистан», собрание нравоучительных заметок, басен, анекдотов и пр. До сих пор это одна из настольных книг грамотного персиянина» («Подснежник», 1858, № 2, с. 3—4).

110. «Подснежник», 1858, № 2, с. 4, с разночтением в ст. 4. Печ. по Стих. 1862, с. 5, с исправлением опечатки в ст. 5 («боли») по первой публикации.

111. «Подснежник», 1858, № 2, с. 3.

Фаридаддин Аттар

Фаридаддин Аттар (1119 — ?) — персо-таджикский поэт-мистик, автор морально-дидактических произведений «Беседы птиц», «Книга назидания» и «Книга восхождения».

112. ССтих., с. 5. Автограф — ПД. Перевод, вероятно, связан с воспоминаниями Михайлова о предательстве В. Д. Костомарова, с которым он находился в дружественных отношениях.

Бхартрихари

Бхартрихари (VII в.) — индийский поэт, автор любовных стихотворений и сборника пословиц; писал на санскрите. В одной из рецензий Михайлов отметил, что бóльшая часть стихотворений Бхартрихари «может быть поставлена наряду с лучшими отрывками из греческой антологии» (РС, 1860, № 6, с. 91).

113. Стих. 1862, с. 6. Положено на музыку Г. А. Демидовым.

114, 115. Стих. 1862, с. 7.

116. ССтих., с. 4. Автограф — ПД.

117. ССтих., с. 4, с ошибкой в ст. 3. Исправлено в Соч. 1950. Автограф — ПД.

Из «Ши-Кинг»

«Ши-Кинг» — «Шицзин» («Книга стихов»), древнее собрание китайских народных песен и гимнов, записанных, по преданию, философом Конфуцием (551—479 до н. э.).

118. Стих. 1862, с. 8. Перевод с немецкого перевода Ф. Рюккерта «Der Einzige» («Der im Lammfell glänzend helle. . .»). Положено на музыку Г. А. Демидовым.

Из Корана

119. БдЧ, 1855, № 7, с. 46.

Из Талмуда

120, 121. Стих. 1862, с. 10.

Мирза Шаффи Вазех

Мирза Шаффи Вазех (1796—1852) — азербайджанский поэт. Михайлов первый перевел его стихи на русский язык с немецких переложений Ф. Боденштедта (1819—1892), поэта и переводчика, который в 1843—1845 гг. обучался в Тифлисе у Вазеха татарскому языку. Переведя стихотворения Вазеха и издав их отдельной книгой («Lieder des Mirza Schaffi», 1851), Боденштедт впоследствии выдал их за собственные произведения. В Стих. 1862 оба перевода Михайлова, объединенные общим загл. «Песни Мирзы Шаффи», были помещены в разделе немецкой поэзии как стихотворения Боденштедта; такое расположение повторялось во всех последующих изданиях, кроме Соч. I.

122. «Развлечение», 1860, № 6, с. 72, под загл. «Песня Мирзы Шаффи». Перевод с немецкого перевода Боденштедта «Mirza Schaffi! liebliche Biene...».

123. С, 1855, № 4, с. 396, под загл. «Песня Мирзы Шаффи». Перевод с немецкого перевода Боденштедта «Schlag die Tschadra zurück!».

ИЗ ПОЭТОВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Сафо

Сафо (около 628—568 до н. э.) — лирическая поэтесса. Михайлов опубликовал в 1847 г. переведенную с французского статью Э. Дешанеля «Сафо и лесбосские гетеры» (ЛГ, 1847, №№ 35, 38, 39). Стихотворения Михайлова из Сафо являются вольными переложениями греческих оригиналов.

124. Стих. 1866, с. 15. Автограф — ПД. Перевод стих. «Δέδυκε μὲν ἀ σέλαννα».

125. ЛГ, 1847, № 33, с. 518. В Стих. 1862 не входило. Перевод стих. «Τῷ γριπεῖ Πελάγωνι...»

Анакреон

Анакреон (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий лирик. Любовь, вино, веселье — основные темы его поэзии. Его именем названо направление в поэзии XVIII—XIX вв. — «анакреонтическая лирика» (ср. стих. Михайлова «Анакреон», № 23). Михайлову принадлежит анонимная рецензия на «Песни Анакреона» в переводе Ба-

женова (С, 1861, № 8). Статья Михайлова «Анакреон» для Энциклопедического словаря под ред. П. Л. Лаврова (1861) была задержана III Отделением как «предосудительная» и в печати не появилась. Стихотворения Михайлова из Анакреона представляют собою вольные переложения греческих оригиналов.

126. Стих. 1866, с. 14. Автограф — ПД. Перевод стих. «ὅς μ'ἐσδῶν γένει'ον. . .»

127. ЛГ, 1848, № 32, с. 503. В Стих. 1862 не входило. Перевод стих. «Πῶλε Θρηκίη, τί δή. . .» *Фракия* — древняя страна в сев.-вост. части нынешнего Балканского п-ова. Стихотворение Анакреона переводилось Пушкиным («Кобылица молодая. . .», 1828).

Из Антологии

Антология Палатинская — собрание древнегреческой эпиграмматической поэзии, составленное в X в. Константином Кефалой. Михайлов перевел несколько эпиграмм из Антологии еще в 40-е годы. В ссылке он вновь обратился к ней: перевел несколько новых эпиграмм и переработал некоторые из старых переводов.

128. ССтих., с. 19. Перевод стих. «Οὔνομα μευ Σαπφώ. . .». *Антипатр Сидонский* (II в. до н. э.) — древнегреческий философ-стоик и поэт; автор эпиграмм и эпитафий. Это и следующее стихотворение Михайлов в соответствии с некоторыми изданиями Антологии приписывал древнегреческому поэту Симониду Кеосскому (VI—V в. до н. э.); атрибуция эта повторялась во всех предшествующих перепечатках. *Сафо* — см. с. 534.

129. ЛГ, 1847, № 45, с. 709, др. ред., под загл. «Надгробие спартанцам». Печ. по ССтих., с. 19. В Стих. 1862 не входило. Перевод стих. «Ὦ ξεῖν', ἄγγειλον Λακεδαιμονίοις, ὅτι τῇδε. . .». *Фермопилы* — узкий горный проход, где в 480 г. до н. э. 300 спартанцев, предводительствуемых царем Леонидом, ценою своей жизни задержали нашествие многотысячной армии персов на Грецию. *Лакедемон* — Спарта.

130. ЛГ, 1847, № 45, с. 709, др. ред., под загл. «Око богов». Печ. по ССтих., с. 19. В Стих. 1862 не входило. Автограф — ПД. Перевод стих. «'Ανθρώπους μὲν ἴσως λήσεις. . .». *Лукиан* (II в. н. э.) — греческий писатель, сатирик и моралист.

Эсхил

Эсхил (525—456 до н. э.) — первый из трех великих драматургов-трагиков Древней Греции. В его «Скованном Прометее» впервые в европейской поэзии был создан образ титана — непримиримого борца с тиранией за человеческую культуру и свободу, символ дерзающей человеческой мысли.

131. С, 1863, № 1—2, с. 55, подпись: Мих. Илецкий. Перевод последней сцены «Προμηθεὺς δεσμότης». Михайлов приступил к переводу «Скованного Прометея» в начале 1862 г., находясь в Тобольском остроге по дороге на каторгу; он переслал перевод Л. П. Шелгуновой по рукам из Иркутска (см.: Воспоминания, т. 2, с. 371). «Скованный Прометей» был опубликован в первом же номере С, вышедшем после восьмимесячной приостановки журнала (с июня 1862 г.) и ареста Чернышевского (7 июля 1862 г.), и воспринимался как отклик на расправу царского правительства с руководителями революционного движения. Сведения о том, что под псевдонимом Мих. Илецкий скрывается «государственный преступник» Михайлов и что перевод доставлен из Сибири бывшим студентом Петербургского университета, уроженцем Иркутска Рассказовым, каким-то образом дошли до III Отделения, и соответствующий запрос был послан в июле 1863 г. в Петербургский цензурный комитет и далее в редакцию С. Отвечая комитету, Некрасов как редактор журнала утверждал, что перевод оставался в бумагах редакции со времени сотрудничества Михайлова (см.: В. А. Алексеев, К истории журнала «Современник». — «Ученые записки ЛГУ», № 200, 1955, с. 238—239). «Скованный Прометей» был особо отмечен в докладе цензора Ф. П. Еленева по поводу Стих. 1866: «Прикованный к скале Прометей предсказывает Зевесу падение и гибель, но отказывается открыть тайну о том, кто низвергнет Зевеса с престола. Стихотворение это останавливает на себе внимание единственно потому, что известное теперь всем участие Михайлова в политическом заговоре, имевшем целью ниспровержение существующего порядка, может в уме читателей вызвать сближение между словами Прометея и замыслами заговорщиков. Нельзя также не обратить внимания на то, что издатель начал книгу именно этим стихотворением, как бы желая сделать из него апотеоз автора». *Крон* (греч. миф.) — бог, отец Зевса, низвергшего его в Тартар. *Посейдон* (греч. миф.) — бог морей. *Гермес* (греч. миф.) — сын Зевса, вестник олимпийских богов.

ИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

Кристофер Марло

Кристофер Марло (1564—1593) — английский драматург эпохи Возрождения, наиболее значительный из предшественников Шекспира. Марло создал тип героической трагедии, в центре которой стоит титаническая мятежная личность. «Трагическая история доктора Фауста» — первая обработка средневековой народной легенды об Иоганне Фаусте, продавшем душу дьяволу за земные наслаждения. Фауст у Марло — титан, стремящийся познать мир и овладеть им. В 1860 г. Михайлов задумал серию статей «Современники Шекспира», из которой была напечатана только первая статья, посвященная Джону Форду (РС, 1860, № 8). Впоследствии трагедии Марло переводил сын Михайлова — М. Шелгунов.

132. PC, 1860, № 2, с. 416, под загл. «Смерть Фауста». Печ. по Стих. 1862, с. 15. Черновой автограф — ГПБ. Перевод последней сцены «The tragical history of Doctor Faustus». *O, lente, lente currite, noctis equi!* Согласно греческой мифологии, богиня Ночь ехала по небу в колеснице, запряженной черными конями. *Пифагор* (VI в. до н. э.) — древнегреческий ученый и философ; философская система Пифагора включала в себя учение о переселении душ.

Роберт Бернс

Роберт Бернс (1759—1796) — шотландский народный поэт. В середине 1850-х годов, когда Михайлов работал над переводами из Бернса, большой интерес к нему проявлял Некрасов (см. письмо к Тургеневу от 30 июня 1855 г.), а Тургенев намеревался написать статью «Кольцов и Бернс».

133. С, 1856, № 6, с. 229. Печ. по Стих. 1862, с. 18. Два автографа (один редакции С в альбоме С. Г. Мей) — ГПБ. Перевод стих. «John Anderson, my jo».

134. С, 1856, № 6, с. 230. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «To a mouse, on turning her up in her nest with the plough».

135. С, 1856, № 6, с. 231. Печ. по Стих. 1862, с. 21. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Stanzas to a mountain daisy, on turning one down with the plough». Положен на музыку С. И. Габелем («Пахарь и цветок», 1881).

136, 137. С, 1856, № 6, с. 233, 234. Автографы — ГПБ. Переводы стих. «Lines on a merry ploughman», «John Barleycorn».

138. С, 1856, № 6, с. 236. Перевод стих. «Luckless fortune».

Томас Мур

Томас Мур (1779—1852) — английский поэт, ирландец по происхождению. В «Ирландских мелодиях» (1807—1834) поэт прославлял родную страну, воспевал борьбу ее народа против английских поработителей, скорбел о павших. В русских демократических кругах Мур воспринимался как певец ирландского освободительного движения (ср. переводы А. Н. Плещеева «Из ирландских мелодий»). Единственный известный перевод Михайлова из Мура имеет в автографе общее загл. «Ирландские мелодии» и помечен цифрой 1; это показывает, что Михайлов перевел или намеревался перевести и другие стихотворения Мура.

139. Д, 1869, № 12, с. 72, под загл. «Ирландская мелодия». Автограф — ПД. Перевод стих. «Peace to the slumb'rers» из сборника «National airs» («Песни народов», 1818). Михайлов ошибочно относил стихотворение к «Ирландским мелодиям».

Джордж Байрон

140. С, 1860, № 10, с. 639, с эпиграфом — первыми четырьмя строками оригинала. Печ. по Стих. 1862, с. 28. Перевод «Childe Harold's pilgrimage», I, 13. *Йомен* — здесь: слуга знатного дворянина.

Барри Корнуол

Барри Корнуол — псевдоним английского драматурга и поэта Брайана Уоллера Проктера (1787—1874). «Драматические сцены» Барри Корнуола повлияли на «маленькие трагедии» Пушкина. Публикации перевода «Лодовико Сфорца» Михайлов предпослал статью «Драматические сцены Барри Корнволя». «...На языке и манере Барри Корнволя, — писал Михайлов, — заметно влияние глубокого изучения драматических поэтов елизаветинского времени. Но не одни опыты в драматическом роде поставили Проктера в ряд замечательных английских поэтов последнего времени. Он стоит внимания и как лирик». Михайлов указывал, что, работая над переводом, он обратился к последнему изданию «Dramatic scenes» (1857), заново выправленному Корнуолом, которым при этом «руководило верное чувство зрелого художника». В заключение Михайлов отмечал: «Я старался передать подлинник с возможной верностью; что же касается до выбора сцен (переводить их все мне казалось лишним) — его решил мой личный вкус» (РС, 1860, № 3, с. 217—219). Помимо «Лодовико Сфорца» из драматических произведений Корнуола Михайлов перевел «Хуана» (опубл. после осуждения Михайлова — «Время», 1863, № 4) и «Разбитое сердце» (опубл. посмертно — Стих. 1866).

141. РС, 1860, № 3, с. 220, с эпиграфами из трагедий: «Белый дьявол» Вебстера и «Трагедия девы» Бомонта и Флетчера, с разночтениями в ст. 215, 216, с примеч. переводчика: «Эта сцена основана отчасти на действительном факте италиянской истории. Лодовико Сфорца, дядя молодого герцога Миланского, присутствовал при его бракосочетании с Изабеллой, внучкою неаполитанского короля. Сфорца был сильно поражен красотою Изабеллы; предполагали, что он и отравил племянника своего Галеаццо. Последняя сцена, происходящая год спустя, вымышлена». Печ. по Стих. 1862, с. 40. Перевод драмы «Ludovico Sforza». Сцена 1. *Диана* (римск. миф.) — богиня охоты, считалась покровительницей женского целомудрия. *Из стихий рожденная богиня.* Афродита, согласно греческому мифу, родилась из морской пены. Сцена 2. *Гера* (греч. миф.) — царица олимпийских богов, супруга Зевса. *Так будь ты девой чудных древних басен.* Имеется в виду античный миф о похищении Прозерпины богом подземного мира Плутоном, который сделал ее своей женой; Прозерпина также считалась богиней плодородия. *Прочесть про старца одного, поэта.* По преданию, Анакреон (см. примеч. на с. 534) умер, задохнувшись от попавшей ему в горло виноградной косточки.

142. Д, 1869, № 11, с. 103. Автограф — ПД. Перевод стих. «The song of a felon's wife».

Фелиция Гименс

Фелиция Гименс (1793—1835) — английская лирическая поэтесса.

143. С, 1862, № 4, с. 707, подпись Мих. Илецкий. Перевод стих. «I dream of all things free!».

Томас Гуд

Томас Гуд (1799—1845) — английский поэт-юморист; в конце жизни под влиянием рабочего движения в Англии посвятил свое творчество изображению нужды и страданий пролетариев. Именно эти стихи создали Т. Гуду известность за пределами Англии, в частности в России, где они получили распространение в революционно-демократических кругах. Михайлов был первым переводчиком стихотворений Т. Гуда на русский язык. Кроме того, он написал обширный очерк «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд» (С, 1861, №№ 1, 8). «Соперники Гуду по остроумию, — писал Михайлов, — найдутся у англичан; но не найдется у них лирического поэта, который сумел бы выразить с таким глубоким трагизмом скорби бедной и страждущей братии». Его стихотворения, «в которых нашли свой голос бедствия бедных классов», «служили... делу освобождения и оттого были встречены с таким сочувствием и так скоро выучены наизусть всеми» (Соч. III, с. 167—168, 187, 192). В то же время Михайлов критиковал английского поэта за непоследовательность его общественных взглядов, выразившуюся в проповеди классового мира.

144. РВ, 1858, апрель, кн. 1, с. 441. Автограф — ГПБ. Включалось в очерк «Юмор и поэзия в Англии. Томас Гуд» (С, 1861, № 1, с. 305). Перевод стих. «The death bed». Положен на музыку А. Рамадзе (1875).

145. С, 1860, № 9, с. 63. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «The song of the shirt». Примеч. Михайлова: «В этом опыте перевода знаменитой песни английского поэта встречаются некоторые не совсем правильные стихи, как и в самом подлиннике. Переводчику ничего не стоило сгладить все неровности, перерифмовать всю пьесу и вообще сделать ее вполне согласною с правилами строгой версификации; но едва ли в таком виде она сохранила бы то беспорядочное и страстное движение, которое составляет ее существенный характер. Насколько можно при несходстве языков, переводчик старался сберечь не только внутренний строй, но и внешние оттенки выражения оригинала. «Песня о рубашке» пользуется такою громкою известностью, что допускать в ней переделки, смягчения и проч. (которые вдобавок обыкновенно кажутся желанием исправлять подлинник) было бы непростительно». Михайлов использовал цитаты из «Песни о рубашке» в своих публицистических произведениях: «Лондонских заметках» (1859; при описании «лохмотных кварталов») и статье «Женщины, их воспитание и значение в семье

и обществе» (1860). Перевод неоднократно подвергался цензурным преследованиям, в частности, был исключен цензором из ССтих. со следующей мотивировкой: «В этом стихотворении преподается ядовитый укор богатым за безучастное отношение к беднякам». Перевод пользовался большой популярностью в России, включался в нелегальные сборники; он вдохновил Мусоргского на создание фортепьянной пьесы «Швея» (1871).

146. С, 1862, № 4, с. 708, подпись: Мих. Илецкий. Перевод стих. «Stanzas» («Farewell, life! My senses swim...»). В очерке «Юмор и поэзия в Англии» Михайлов отмечал эти последние «прекрасные стансы Гуда, написанные им в одну из тех минут, когда болезнь позволяла ему вздохнуть несколько свободнее», и приводил стихи в прозаическом переводе (Соч. III, с. 198—199). Вторая строфа стихотворения приведена в романе Чернышевского «Что делать?» (гл. 5, XXIII), где ей придан политический, революционный смысл.

147. РС, 1863, № 10, с. 128, с изменением в ст. 12, подпись: Л. Мелихов. Исправлено в БП по автографу ПД. Перевод стих. «The exile».

Эбенезер Эллиот

Эбенезер Эллиот (1781—1849) — английский радикальный политический поэт, примыкавший одно время к пролетарскому движению в Англии — чартизму (1830—1850-е годы). Эллиот изображал эксплуатацию английских трудящихся, их нужду и страдания, критиковал современный ему политический строй. Михайлов писал о нем: «Общее недовольство народа нашло себе энергического, хотя не столь глубокого и даровитого поэта, как Гуд, в Эбеназаре Эллиоте. Он сам вышел из рабочих классов, своим опытом узнал всю тягость и горечь положения фабричных и земледельцев, и песни его против хлебных законов вошли в народ, пелись всюду и значительно поддерживали тревожное настроение... В стихотворениях Эллиота больше ожесточения и угрозы, чем призывов к милосердию, как у Томаса Гуда» (Соч. III, с. 192).

148. Д, 1869, № 11, с. 152, с цензурным искажением ст. 8 («Тюрьма — чертог — гроба»). Исправлено в ПССтих. по автографу ПД. Перевод стих. «A poet's epitaph». Исключен из ССтих. цензором, который писал: «В этом стихотворении превозносится певец людских скорбей, клеймящий врагов народа».

Альфред Теннисон

Альфред Теннисон (1809—1892) — английский поэт, эпигон романтизма, с 1850 г. — официальный придворный поэт. Михайлов писал в 1861 г., что творчество Теннисона свидетельствует об упадке английской поэзии (С, 1861, № 1, с. 97—98). В то же время Михайлов ценил стихотворение Теннисона «Годива», считая, что автору удалось воссоздать в нем дух народной поэзии (см. ниже).

149. С, 1859, № 9, с. 5. Перевод стих. «Godiva». В статье «Последняя книга Виктора Гюго» (1860) Михайлов писал: «По поводу того, как следует воссоздавать старые предания поэту нашего времени, нельзя не вспомнить прелестной легенды Теннисона о графине Годиве, легенды, которая считается классическим произведением в английской литературе. В ней такое полное отсутствие всяких искусственных приемов, такая естественная последовательность рассказа, что, и переведенная в прозе, она почти не утрачивает своей удивительной красоты и грации. Это большая похвала, потому что только произведения народной поэзии выдерживают такое испытание» (Соч. III, с. 91). *Ковентри* — город в центре Англии. *Исав* (библ.) — старший сын патриарха Исаака, бесстрашный охотник; руки его были косматыми.

Генри Лонгфелло

Генри Лонгфелло (1807—1882) — американский поэт. Обзор его жизни и творчества Михайлов сделал в очерке «Американские поэты и романисты» (статья вторая), где отмечал, что «главная сила таланта Лонгфелло проявляется в его чисто лирических произведениях». К этому, писал дальше Михайлов, «следует прибавить, что во многих пьесах... слышится строгий голос твердого гражданского чувства... Всюду в произведениях Лонгфелло чувствуется также горячее биение сердца, полного любви к человечеству. За эти достоинства прощаешь Лонгфелло его подчас несколько романтическую меланхолию и наклонность к туманному миру, в котором утопали душой немецкие романтики» (С, 1860, № 12, Совр. обозр., с. 318).

150. ПССоч., с. 73. Автограф — ГПБ. Михайлов назвал это стихотворение «высоко поэтическим произведением, полным глубокой мысли...». «...В идеальном образе юноши, отказывающегося от мира и счастья и неудержимо идущего навстречу верной и неминуемой гибели, поэт хотел олицетворить энтузиазм, которым проникает все существо человека служение идее... Мы думаем, что чувство, которым проникнуто стихотворение Лонгфелло, одно из лучших, наиболее чистых и благородных человеческих чувств» (С, 1860, № 12, Совр. обозр., с. 315—316; см. там же прозаический перевод стих.). Из 9-ти строф «Excelsior» Михайлов перевел в стихах три первых.

151—158. С, 1861, № 3, с. 269—278, с вариантами ст. 1, 21, 27 в стих. 6, с цензурными изменениями загл.: «Песни о неграх» (общее), «Негр в Проклятом болоте» (№ 4), «Пенье негра в полночь» (№ 5), с примеч. переводчика. Печ по Стих. 1862, с. 60—72. Автографы — ГПБ. Перевод «Poems on slavery». Из примеч. Михайлова: «Я перевел их ⟨«Песни»⟩ все, сохранив, где только было возможно, размер подлинника, и со всею верностью, какой мог добиться от своего стиха». В статье «Американские поэты и романисты» Михайлов дал общую характеристику «Песен о невольничестве»: «Они проникнуты горячим чувством негодования и полны горьких укоризн свободной стране, которая до сих пор не может

смыть с себя черного пятна невольничества. Картины богатой и щедрой природы, посреди которой совершаются оскорбляющие человечество несправедливости, сообщают еще более силы песням Лонгфелло» (С, 1860, № 12, Совр. обозр., с. 315). Борьба за отмену рабства негров в Америке встречала сочувствие русских революционных демократов. В 1850—1860-е годы в России рабство негров уподоблялось крепостному праву. В этих условиях публикация в подцензурной печати «Песен о невольничестве» приобретала яркий антикрепостнический и революционный смысл. (У самого Лонгфелло эти стихи носили характер либерального призыва к гуманности). «Песни» были переведены Михайловым в канун крестьянской реформы и набраны для С, 1861, № 2, но цензор В. Бекетов потребовал их исключения, указав: «Стихотворения из Лонгфелло (перевод г. Михайлова) — «Песни невольников» *в настоящее время* разрешены к печати быть не могут» («Вопросы литературы», 1965, № 3, с. 251). Публикация была разрешена лишь после обнародования манифеста от 19 февраля об «освобождении» крестьян, в следующем номере С, где «Песни» помещались рядом со статьей В. А. Обручева «Невольничество в Северной Америке». После ареста Михайлова «Песни» распространялись в списках.

1. Перевод стих. «To William E. Channing». *Вильям Чаннинг* (1780—1842) — американский богослов, писавший по вопросам социальной жизни; известны его проповеди против рабства. *Патмос* — остров в Эгейском море, куда, согласно христианской легенде, был сослан *Иоанн* Богослов, который считается автором Апокалипсиса — последней книги «Нового завета», содержащей откровение о «конце мира».

2. Перевод стих. «The slave's dream». *Тамаринд* — тропическое вечнозеленое дерево. *Кафры* — название темнокожих племен Юж. Африки.

3. Перевод стих. «The good part that shall not be taken away». *Благая часть, яже не отымется* — выражение из Евангелия от Луки. *Кенгава* — река в Сев. Америке.

4. Перевод стих. «The slave in the Dismal Swamp». Из примеч. Михайлова: «Бесчеловечная травля бежавших невольников собаками, которая послужила темой четвертому стихотворению, не исключительный случай в невольничьих штатах, а общепринятый способ возвращать непокорных рабов под власть хозяев. Читатели знаменитого романа г-жи Бичер-Стоу, разумеется, помнят из него поражающие ужасом сцены побега невольника. Заметим, что пьеса Лонгфелло написана десятью годами ранее „Хижины дяди Тома“».

5. Перевод стих. «The slave singing at midnight». *Давид* (библ.) — царь израильский, которому приписывается создание псалмов — религиозно-патриотических песнопений. *Пел Сион освобожденный.* Подразумевается один из псалмов Давида. *Павел* и *Сила* (еванг.) — апостолы, последователи Христа и распространители его учения; здесь имеется в виду рассказ из кн. «Деяния апостолов».

6. Перевод стих. «The witnesses».

7. Перевод стих. «The quadroon girl». *Кватронка* (или квартеронка) — дочь белого и терцеронки; терцероны — дети белых и мулатов.

8. Перевод стих. «The warning». Из примеч. Михайлова: «Пред-

вестие, которым кончаются переведенные мною «Песни о неграх», сбывается; но вполне сбудется оно только над южными штатами, если они останутся до конца верны самому гнусному из всех зверских инстинктов, еще гнездящихся в темных углах человеческой природы». Революционное звучание этого перевода не ускользнуло от внимания цензуры. Цензор Коссович писал в 1889 г.: «В этом стихотворении порабощенный народ сравнивается с Самсоном. «Он в скорби исступленный», восклицает поэт, «пошатнет столпы и основанья наших стен» (последняя строфа)». В ССтих. и ПССоч. перевод печатался без последней строфы. *Самсон* — по библейской легенде, герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами — поработителями его народа. Лишив Самсона силы с помощью хитрости, враги ослепили его и заставили выполнять унизительную работу. Приведенный на посмеяние в филистимский храм, он сокрушил его и погиб под развалинами вместе с толпой находившихся там филистимлян.

ИЗ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

Христиан Фридрих Шубарт

Христиан Фридрих Шубарт (1739—1791) — поэт периода «бури и натиска»; выступал против деспотизма и произвола феодальных князей.

159. Д, 1880, № 11, с. 37, с неточностями. Различные неточности в последующих изданиях. Исправлено в БП по автографу ПД. В ССтих. и ПССоч. цензурное изъятие ст. 33—36. Перевод стих. «Der ewige Jude». В основе стихотворения — христианская легенда об *Агасвере* — еврее, который отказался помочь Христу, шедшему на распятие, нести крест и был за это осужден на вечные скитания, — «красивая и жуткая легенда о человеке, который извечно ходит по земле, бессмертно живет среди людей, являясь свидетелем их заблуждений и ошибок, радостей и горя, глупости и зверства» (Горький, Несобранные литературно-критические статьи, М., 1941, с. 302). *Кармил* — горный кряж в Палестине. *Нерон* (37—68), *Христиерн* (1699—1746), *Мулей Измаил* (1646—1727) — римский император, датский король и император Марокко, отличавшиеся деспотизмом и жестокостью.

Иоганн Готфрид Гердер

Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803) — писатель и философ.

160. ЛГ, 1847, № 33, с. 518, без обозначения, что это перевод из Гердера. В Стих. 1862 не входило. В ПССоч., ПССтих. и ССоч. ошибочно печаталось как перевод из Сафо. Перевод стих. «Als Herodotus einst die Musen freundlich bewirtet...». *Геродот* (V в.

до н. э.) — греческий историк. *Сестры олимпийские* — музы; сочинение Геродота разделялось на девять книг, названных именами девяти муз.

Иоганн Вольфганг Гете

В рецензии на «Фауста» в переводе Н. Грекова (1859) Михайлов назвал Гете «одним из величайших представителей не только своего времени и своей страны, но и всего человечества во всех веках». В «Фаусте» «в символическом изображении своих собственных стремлений и страданий он дал нам картину стремлений и страданий человека вообще» (Соч. III, с. 60). Михайлов переводил поэтические произведения Гете на протяжении всей своей творческой деятельности. Еще в 1847—1848 гг. он перевел полностью «Фауста» (см. его письма к В. Р. Зотову: ЛА, с. 138, 139, 146, 149), но из-за цензурных препятствий не смог опубликовать перевода кроме одной сцены (ЛГ, 1848, № 20). В письме из предварительного заключения Михайлов назвал Гете в числе авторов, книги которых он хотел бы взять в ссылку.

161. Смирдин, с. 125. Перевод стих. «Selbstbetrug». Положено на музыку К. Ю. Давидовым (1870-е годы) и В. Соколовым (1874).

162. Гете, с. 11, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Erster Verlust».

163. Смирдин, с. 126, под загл. «Близость милой», с вариантами ст. 11 и 13 (ст. 13: «И я везде с тобой, далекая от взора!»). Печ. по Стих. 1862, с. 79. Перевод стих. «Nähe des Geliebten». Изменение первоначальной редакции вызвано исправлением ошибочного прочтения стихотворения Гете (см.: Е. Эткинд, Поэзия и перевод, М.—Л., 1963, с. 128—129). Перевод положен на музыку А. Н. Миклашевским (1881) и В. А. Сениловым (1915).

164. Гете, с. 402, с ошибкой в ст. 2 («Неподвижно лоно вод»), подпись: М. М. Исправлено в БП по автографу ПД. Перевод стих. «Meeresstille».

165. Гете, с. 104, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Glückliche Fahrt». *Эол* (греч. миф.) — повелитель ветров.

166. Гете, с. 124, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Erinnerung».

167. Стих. 1866, с. 130, не полностью (ст. 1—16). Печ. по ССтих., с. 107. Перевод стих. «Willkommen und Abschied».

168. М, 1851, ноябрь, кн. 2, с. 217. Печ. по Стих. 1862, с. 80. Перевод стих. «Neue Liebe, neues Leben». Положен на музыку А. Балобановым (1880).

169. Стих. 1866, с. 129, др. ред. (1855). Печ. по Гете, с. 75, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Herbstgefühl».

170. Стих. 1862, с. 82. Перевод стих. «Wonne der Wehmuth».

171. БдЧ, 1855, № 2, с. 16. Перевод стих. «Wanderers Nachtlied» («Der du von dem Himmel bist. . .»).

172. М, 1851, ноябрь, кн. 2, с. 217, др. ред. Печ. по Стих. 1862, с. 80. Перевод стих. «Jägers Abendlied».

173. РС, 1859, № 12, с. 243. Перевод стих. «Mignon».

174. Д, 1869, № 11, с. 192, с ошибкой в ст. 4, подпись: М. М. Печ. по ССтих., с. 104. Перевод стих. «Die Spinnerin».

175. Д, 1869, № 11, с. 151, без указания, что это перевод из Гете. Перевод стих. «Vor Gericht».

176. Стих. 1862, с. 78. Перевод стих. «Sarkophagen und Urnen verzierte. . .».

177. Гете, с. 126, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Seh' ich den Pilgrim. . .».

178. Стих. 1862, с. 82. Перевод стих. «Diese Gondel vergleich' ich. . .».

179. Гете, с. 127, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Mache der Schwärmer sich Schüler. . .».

180. Гете, с. 126, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Göttlicher Morpheus, umsonst bewegst du. . .».

181. Гете, с. 125, с ошибкой в ст. 4 («Только живое хранит небо благие дары»), вместо подписи: ***. Исправлено по смыслу оригинала в ССоч. Перевод стих. «Tun die Himmel sich auf und regnen. . .».

182. И, 1847, № 10, с. 157, др. ред. Печ. по Гете, с. 126, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Sorge! sie steiget mit dir zu Ross. . .».

183. Гете, с. 127, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Leben muss man und lieben. . .».

184. Стих. 1862, с. 78. Перевод стих. «Nimm dem Prometheus die Fackel. . .». *Прометей* — см. примеч. 191.

185. Гете, с. 126, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Wem zu glauben ist, redlicher Freund. . .».

186. Гете, с. 125, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Süsse Sorgen».

187. Гете, с. 124, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Dem Ackermann».

188. И, 1847, № 10, с. 156, др. ред.; Смирдин. Печ. по Стих. 1862, с. 77. Перевод стих. «Anakreons Grab». Михайлов отступил от формы оригинала, состоящего из 6 строк, написанных элегическими двустишиями. *Анакреон* — см. примеч. на с. 534.

189. Гете, с. 123, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Erkanntes Glück».

190. Гете, с. 122, подпись: М. М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Erwählter Fels».

191. Н, 1871, № 1, с. 23, с ошибками и неточностями в ст. 117, 200, 219, 345, 459, 460. Исправлены по Гете, с. 131, с проверкой по оригиналу. Черновой автограф ст. 1—83 — ПД. Перевод драматического отрывка «Prometheus». Находившийся в ссылке Михайлов, переводя произведение Гете, вторично обратился к античному мифу о непокорном богоборце, создателе, просветителе и защитнике людей, титане *Прометее*, в котором находил воплощение близких ему идей. *Эпиметей* — брат Прометея, являющийся его противоположностью, тупой и покорный. *Пандора* (буквально: «всем одаренная»; греч. миф.) — прекрасная женщина, которую Гефест сотворил из земли и воды, а боги наделили всеми дарами. Зевс, чтобы наказать человечество, для которого Прометей похитил божественный огонь, подарил ее Эпиметею. Пандора сняла крышку с сосуда, в котором были заключены бедствия, и они распространились по земле.

Фридрих Шиллер

В конце 1850-х годов Н. В. Гербель предпринял издание произведений Шиллера в переводах русских писателей. В числе переводчиков был Михайлов, который помогал Гербелю и в подготовке издания. Чернышевский и Добролюбов в статьях, посвященных этому изданию (С, 1857, №№ 1, 12; 1858, № 7; 1859, № 12), приветствовали публикацию русских переводов произведений Шиллера, высоко оценивая его как поэта благородных гуманистических идеалов. «Пора такой поэзии не прошла и никогда не пройдет, — писал Чернышевский, — пока человек будет стремиться к чему-нибудь лучшему, нежели окружающая его действительность» (Полн. собр. соч., т. 4, М., 1948, с. 507). Михайлов также опубликовал рецензию на издание Гербеля (РС, 1859, № 11), в которой называл Шиллера «благороднейшим, чистейшим», «величайшим по гуманности поэтом последнего времени», «одним из тех немногих вечных наставников и руководителей человечества, с которых начинаются новые периоды его развития» (Соч. III, с. 46, 48). Помимо стихотворений Шиллера, Михайлов перевел его прозаическую трагедию «Коварство и лю-

бовь» и роман «Духовидец». Как один из лучших переводчиков Шиллера, Михайлов получил в 1861 г. диплом от немецкого Шиллеровского общества (Schillers Verein; см.: Соч. I, с. 576).

192. БдЧ, 1855, № 2, с. 145. Печ. по Стих. 1862, с. 84. Перевод стих. «Die Grösse der Welt».

193. Шиллер IV, с. 319. Перевод стих. «Die Gunst des Augenblicks». *Церера* (римск. миф.) — богиня плодородия. *Оры* (греч. миф.) — три богини порядка, правильного чередования времен года. *Ирида* (греч. миф.) — богиня радуги.

194. «Сын отечества», 1847, № 3, с. 2, др. ред. Печ. по Стих. 1862, с. 88. Перевод стих. «Hektors Abschied». В основе стихотворения — сцена из «Илиады» (песнь 6). В несколько измененном виде стихотворение использовано в драме Шиллера «Разбойники» (акт 2, сцена 2) — одном из наиболее любимых произведений Михайлова в годы юности. Михайлов отступил от размера оригинала (пятистопный хорей). *Гектор, Ахилл, Патрокл, Илион* — см. примеч. 39. *Орк* (римск. миф.) — божество смерти; его именем называлось и подземное царство мертвых. *Пергам* — троянская крепость. *Стикс* (греч. миф.) — река, окружающая подземное царство мертвых. *Приам* — царь Трои, отец Гектора. *Коцит* (греч. миф.) — река в подземном царстве, приток Стикса. *Лета* (греч. миф.) — река забвения в царстве мертвых.

195. БдЧ, 1855, № 5, с. 42, под загл. «Надовесский похоронный плач», с вариантами. Печ. по Стих. 1862, с. 89. Автограф первой редакции — ГПБ. Перевод стих. «Nadowessiers Totenlied». *Надовессии* — племя американских индейцев, называющееся также дакотами. *Томагóк* — томагавк, ударное и метательное оружие индейцев.

196. Шиллер II, с. 114, др. ред., написанная белым свободным стихом, под загл. «Истукан в Саисе»; Шиллер IV. Печ. по Стих. 1862, с. 91. Черновой автограф первой ред., с датой «1853», — ГПБ. Автограф окончательной ред. — ГПБ. Перевод стих. «Das verschleierte Bild zu Sais». Михайлов отступил от размера подлинника (пятистопный ямб) и ввел отсутствующие у Шиллера рифмы. *Изида* (егип. миф.) — богиня сокровенной мудрости, плодородия и искусств. *Сáис* — город в Египте на берегу Нила.

197. ОЗ, 1854, № 2, с. 333, др. ред., под загл. «Коломб»; Шиллер I. Печ. по Стих. 1862, с. 95. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Kolumbus».

198. И, 1848, № 42, с. 275, др. ред.; Шиллер I. Печ. по Стих. 1862, с. 95. Перевод стих. «Odysseus». *Сцилла* (греч. миф.) — хищное чудовище с шестью головами и двенадцатью ногами. *Харибда* (греч. миф.) — чудовище, поглощавшее и извергавшее морскую воду. Между Сциллой и Харибдой находился узкий пролив, который с трудом миновал Одиссей, потеряв шестерых спутников. *Аид* (греч. миф.) — преисподняя, царство мертвых. *Итака* — один из ионических островов, родина Одиссея.

199. Шиллер I, с. 248. Перевод стих. «Der Sämann».

200. Шиллер II, с. 206, др. ред. Печ. по Шиллер IV, с. 331. Перевод стих. «Die Übereinstimmung».

201. Стих. 1862, с. 97. Перевод стих. «Archimedes und der Schüler». *Самбука* — осадная машина.

202. И, 1848, № 42, с. 275, др. ред.; Шиллер I. Печ. по Стих. 1862, с. 98. Перевод стих. «Erwartung und Erfüllung».

203, 204. И, 1848, № 42, с. 275, др. ред. Печ. по Стих. 1862, с. 99. Перевод стих. «Freund und Feind», «Das Kind in der Wiege».

205. Шиллер IV, с. 323.

206. Шиллер I, с. 251, под загл. «Ложное стремление к науке». Печ. по Стих. 1862, с. 99. Перевод стих. «Falscher Studiertrieb».

207. И, 1848, № 42, с. 275, др. ред. Печ. по Шиллер IV, с. 331. Перевод стих. «Der gelehrte Arbeiter».

208. И, 1848, № 42, с. 275, др. ред. Печ. по Стих. 1862, с. 100. Перевод стих. «Das gemeinsame Schicksal».

209. И, 1848, № 42, с. 275. Печ. по Стих. 1862, с. 100. Перевод стих. «An die Muse».

210. ЛГ, 1847, № 33, с. 518, др. ред. Печ. по Стих. 1862, с. 100. Перевод стих. «Der Schlüssel».

211. ЛГ, 1847, № 33, с. 518, др. ред., под загл. «Нынешнее поколение». Печ. по Стих. 1862, с. 100. Перевод стих. «Jetzige Generation».

212. Шиллер IV, с. 323. Перевод стих. «Der Zeitpunkt».

213. Шиллер II, с. 203, др. ред.; ССтих., с искажением в ст. 1. Исправлено в ПССтих. по автографу ПД. Перевод стих. «Pflicht für jeden».

214. И, 1848, № 42, с. 275, др. ред. Печ. по Стих. 1862, с. 102. Перевод стих. «Die Gunst der Musen». *Мнемозина* (греч. миф.) — богиня памяти, мать муз.

Людвиг Уланд

Людвиг Уланд (1787—1862) — поэт, поздний романтик, глава так называемой «швабской школы», идеализировавшей прошлое Германии. В предисловии к «Песням Гейне» Михайлов отмечал, что немецкая поэзия 1820-х годов «терялась тогда в туманах роман-

тики... Только в Уланде заметно было стремление к некоторой безыскусственности» (Гейне, с. XIV). Михайлов выбирал для перевода стихотворения Уланда, в которых использованы темы и формы народных песен, изображаются сцены из народной жизни и быта.

215. ССтих., с. 152. Автограф — ПД. Перевод стих. «Des Knaben Berglied». Перевод не был разрешен цензором к напечатанию в Д в 1874 г.

216. ЛГ, 1847, № 33, с. 519, др. ред.; Смирдин. Печ. по Стих. 1862, с. 103. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Seliger Tod».

217. Смирдин, с. 123. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Des Hirten Winterlied».

218. Стих. 1862, с. 106. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Frühlingsruhe».

219. Стих. 1862, с. 107. Перевод стих. «Lebewohl».

220. ССтих., с. 153. Автограф — ПД. Перевод стих. «Der gute Kamerad».

Август Копиш

Август Копиш (1799—1853) — поэт-юморист и живописец; в своем творчестве использовал народные предания и сказки.

221. Стих. 1862, с. 108. Перевод стих. «Ständchen am Vesuv».

222. Стих. 1862, с. 109. Перевод стих. «Historie von Noah». Перевод по цензурным условиям не входил в Стих. 1866, ССтих. и ПССоч. В основу стихотворения положена библейская легенда о патриархе *Ное,* который спасся с семьей в ковчеге во время всемирного потопа, а в дальнейшем первый насадил виноградник и научился изготовлять вино.

Фридрих Рюккерт

Фридрих Рюккерт (1788—1866) — поэт и ученый-ориенталист. По переводам Рюккерта Михайлов знакомился с произведениями восточных поэтов.

223. РС, 1859, № 1, с. 174. Перевод стих. «Süsses Begräbnis».

224. ЛГ, 1847, № 17, с. 261, др. ред. Печ. по РВ, 1858, март, кн. 2, с. 292. Автограф редакции ЛГ — ПД. Перевод стих. «Vor den Türen».

Иозеф Эйхендорф

Иозеф Эйхендорф (1788—1857) — «даровитейший из немецких романтических лириков», по определению Михайлова (Соч. III, с. 214).

225. РВ, 1859, апрель, кн. 1, с. 434. Автограф — ПД. Перевод стих. «Heimweh» («Du weisst's, dort in den Bäumen...»).

Адальберт Шамиссо

Адальберт Шамиссо (1781—1838) — писатель-романтик. Одна из центральных тем его поэзии — судьба простого человека. По переводам Шамиссо Михайлов знакомился с некоторыми народными песнями на неизвестных ему языках (см. ниже, с. 577).

226. «Век», 1861, № 4, с. 134, с вариантами, без ссылки на Шамиссо, с указанием в подзаг. «Из Андерсена» (стихотворение Шамиссо является вольным переложением стихотворения Г.-Х. Андерсена). Печ по Стих. 1862, с. 115. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Der Müllergesell».

Фердинанд Фрейлиграт

Фердинанд Фрейлиграт (1810—1876) — революционный поэт, член «Союза коммунистов»; был дружен с К. Марксом. После 1851 г. Фрейлиграт постепенно отошел от революционного движения. В рецензии на «Стихотворения А. Н. Плещеева» Михайлов назвал Фрейлиграта «поэтом образов ярких и блестящих», отметив при этом, что у него «есть две-три пьесы... в элегическом рефлективном тоне» (Соч. III, с. 215).

227. С, 1860, № 12, с. 467. Перевод стих. «Die Schreinergesellen».

Генрих Гейне

Генрих Гейне (1797—1856) был любимым поэтом Михайлова. В статье, предпосланной изданию своих переводов, Михайлов определял Гейне как «одного из величайших поэтов нашего времени» и писал: «Гейне родился вместе с веком, как говорит он где-то сам, и все волнения и тревоги времени отразились в его произведениях». «По праву ставят его во главе литературной школы, которую именуют обыкновенно „юною Германией“». «Гейне был барабанщиком этого воинственного легиона. Страх пасть перед силою господствующих предубеждений не смущал поэта. Но посмотрим на Гейне не как на человека известной партии, а как на лирического поэта, певца любви и природы. Едва ли не это титло даст ему главное право на долгую жизнь в потомстве. Произведения его, посвященные современным вопросам и интересам, особенно сильны тем поэ-

тическим элементом, который повсюду чуется в них. Влияние его на литературу как публициста было далеко не так обширно, как влияние его поэзии. Отголоски песен Гейне слышатся везде в современной лирике — и у английских, и у американских, и у французских, и у русских поэтов. Что касается поэтов Германии, едва ли можно назвать хоть одного, который волей-неволей не носил бы на себе его влияния» (Гейне, с. III, IX—XIII). Михайлов переводил Гейне с начала своей творческой деятельности до конца жизни. Известно свыше 140 его стихотворных переводов из Гейне, но, по-видимому, их было значительно больше. Еще в 1848 г. он писал В. Р. Зотову о Гейне: «Я почти всего его перевел» (ЛА, с. 157). Однако далеко не все переводы Михайлов опубликовал. Переводы наиболее острые социально, очевидно, не были опубликованы по цензурным причинам. Так, до нас не дошел перевод 1847 г. поэмы «Германия. Зимняя сказка» (см.: ЛА, с. 129). Цензурным репрессиям подвергались даже те переводы Михайлова, которые однажды удавалось опубликовать. При запрещении Стих. 1866 Петербургский цензурный комитет указывал на то, что некоторые переводы «обнаруживают черты того легкомысленного отношения к религиозным верованиям, которое так часто выражалось в сочинениях Гейне». Цензурная история отдельных переводов сообщается ниже. Помимо стихов Михайлов переводил прозу Гейне («Путешествие на Гарц», «Идеи. Книга Ле гран», «Путевые картины. Италия»), а также опубликовал «Биографические заметки о Гейне» (БдЧ, 1858, № 6). Композиционное расположение переводов и распределение их по разделам, установленные Михайловым в сб. «Песни Гейне» (1858) и повторенные в расширенном виде, согласно указаниям поэта (см. письмо к Шелгуновым из Петропавловской крепости осенью 1861 г. — Воспоминания, т. 2, с. 436), в Стих. 1862, сохранены и в настоящем издании. Некоторые неточности, допущенные в Стих. 1862, здесь исправлены. Стихотворения, отсутствовавшие в том издании, внесены в тот или иной раздел по аналогии; четыре из них помещены под рубрикой: «Разные стихотворения».

228. БдЧ, 1858, № 1, с. 147, без загл., с вариантами. Печ. по Гейне, с. 1. Перевод стих. «Vorrede zur dritten Auflage».

Грезы

В этом разделе Михайлов объединил стихотворения, темой которых являются сновидения.

229. РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 141. Перевод стих. «Mir träumte einst von wildem Liebesglühn...». Положен на музыку Н. А. Римским-Корсаковым («К моей песне», 1870).

230. Гейне, с. 8. Перевод стих. «Mir träumte von einem schönen Kind...». Положен на музыку М. А. Балакиревым («Сон», 1865).

231. РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 144. Печ. по Гейне, с. 9. Автограф ред. начала 50-х годов — ГБЛ. Перевод стих. «Nacht lag auf meinen Augen...».

232. С, 1858, № 3, с. 114. Перевод стих. «Ein Traum gar seltsam schauerlich...».

233. Гейне, с. 17. Перевод стих. «Ich hatte einst ein schönes Vaterland...».

234. С, 1860, № 8, с. 471, с цензурными искажениями: под загл. «Сумерки», с заменой в ст. 74 слов «твердыни неба» точками, с пропуском ст. 77—82, 85—95. Печ. по Стих. 1862, с. 132. Перевод стих. «Götterdämmerung». Перевод подвергался цензурным преследованиям и в дальнейшем. В Стих. 1866 исключены ст. 79—82 и 93—95, в ССтих. и ПССоч. купюра от ст. 77 до конца. В донесении по поводу ССтих. цензор указывал: «В этом стихотворении под видом описания погибели скандинавских богов изображается падение христианского бога. (Конец стихотворения)».

235. Д, 1869, № 11, с. 188. Перевод стих. «Ratcliff».

На Гарце

Гарц — горная местность на юге Германии.

236. С, 1858, № 3, с. 117, под загл. «На Гарце. (Пролог)». Печ. по Гейне, с. 21. Перевод стих. «Prolog».

237. Чч. 1, 3 — С, 1858, № 3, с. 118. Чч. 1—3 — РВ, 1859, март, кн. 2, с. 269 (ч. 2 без трех последних строф). Печ. по Стих. 1862, с. 138. Перевод стих. «Berg-Idylle».

238. РВ, 1859, март, кн. 2, с. 287. Перевод стих. «Auf dem Brocken».

Песни

В этом разделе Михайлов объединил лирические стихотворения Гейне из разных циклов: «Лирическое интермеццо», «Опять на родине», «Новая весна» и др. В предисловии к своим переводам Михайлов писал: «Песня Гейне зазвучала свежестью и простотой народной песни. При этой внешней простоте, уменье схватывать самые неуловимые движения сердца, подмечать самые тонкие черты и отношения в природе составляет обаятельную силу поэзии Гейне. Вся окружающая природа живет какою-то особенною, сочувственною человеку жизнью в его песнях. В них слышны щебетание птиц и гармония леса; от них веет ароматом весны и ее цветов». Заключал Михайлов словами о сердце Гейне: «Оно угомонилось; но памятью волнений его остались нам песни поэта — вечные жемчужины поэзии» (Гейне, с. XIV, XVIII).

239. ЛГ, 1847, № 42, с. 661, др. ред. Печ. по РВ, 1856, май, кн. 2, с. 382. Перевод стих. «Lieb Liebchen, leg's Händchen aufs Herze mein...». Положен на музыку И. А. Помазанским (1874).

240. И, 1847, № 9, с. 142, др. ред. Печ. по РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 141. Перевод стих. «Aus meinen Thränen spriessen...». Положен на музыку Н. А. Римским-Корсаковым (1866) и А. К. Лядовым (1873).

241. РВ, 1856, май, кн. 2, с. 381, др. ред. Печ. по ССтих., с. 177. Автограф — ПД. Перевод стих. «Lehn deine Wang' an meine Wang'...». Положен на музыку Н. А. Римским-Корсаковым (1865), Г. О. Коргановым (1877), А. Кириаковой (1883) и А. Вилламовым («Перед разлукой», 1886).

242. РВ, 1856, май, кн. 2, с. 383. Печ. по Гейне, с. 37. Перевод стих. «Es stehen unbeweglich...».

243. ЖО, 1887, № 11, с. 162, подпись: Мих. Илецкий. Автограф — ПД. Перевод стих. «Auf meiner Herzliebsten Äugelein...». *Канцонеты, октавы, триолеты, терцеты* — строфические формы лирической поэзии.

244—247. ССтих., с. 180—181. Автографы — ПД. Переводы стих. «Wie die Wellenschaumgeborene...», «Ich grolle nicht und wenn das Herz auch bricht...», «Ja, du bist elend, und ich grolle nicht...», «Das ist ein Flöten und Geigen...».

248. ОЗ, 1874, № 5-6, с. 370, с неточностью в ст. 15, подпись: М. Исправлено в ССтих. Автограф — ПД. Перевод стих. «Und wüsten's die Blumen, die kleinen...».

249. ОЗ, 1874, № 7, с. 199, подпись: М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Warum sind denn die Rosen so blass...». Положен на музыку Ц. А. Кюи (1893).

250. РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 142. Перевод стих. «Wir haben viel für einander gefühlt...».

251. И, 1845, № 11, с. 175, др. ред., под загл. «Сосна и пальма». Печ. по РВ, 1856, май, кн. 2, с. 383. Перевод стих. «Ein Fichtenbaum steht einsam...». Положен на музыку Н. А. Римским-Корсаковым («Ель и пальма», 1866).

252. РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 142. Перевод стих. «Seit die Liebste war entfernt...».

253. Стих. 1862, с. 172. Перевод стих. «Manch Bild vergessener Zeiten...».

254. Гейне, с. 42. Перевод стих. «Höor' ich das Liedchen klingen...». Положен на музыку П. Григорьевым (1875) и П. Щуровским (1877).

255. Стих. 1862, с. 173. Перевод стих. «Sie haben mich gequälet...».

256. И, 1847, № 4, с. 63, др. ред. Печ. по РВ, 1856, май, кн. 2, с. 381. Автограф, под загл. «Лето и зима», с датой: «1856 г.», — ЦГАЛИ (альбом Е. А. Штакеншнейдер). Перевод стих. «Es liegt der heisse Sommer. . .».

257. РВ, 1856, май, кн. 2, с. 381. Перевод стих. «Vergiftet sind meine Lieder. . .».

258. ЛГ, 1847, № 42, с. 661, др. ред. Печ. по РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 143. Перевод стих. «Ich hab' im Traum geweinet. . .». Положен на музыку Ц. А. Кюи, Н. Лодыженским (1871) и В. Ельховским (1869).

259. ЛГ, 1848, № 25, с. 385, др. ред.; Гейне. Печ. по Стих. 1862, с. 172. Перевод стих. «Die Mitternacht war kalt und stumm. . .».

260. ЖО, 1888, № 10, с. 159, подпись: Мих. Илецкий. Автограф — ПД. Перевод стих. «Am Kreuzweg wird begraben. . .».

261. РС, 1859, № 10, с. 183. Перевод стих. «In mein gar zu dunkles Leben. . .».

262. РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 145. Печ. по Гейне, с. 49. Перевод стих. «Mein Herz, mein Herz ist traurig. . .».

263. РВ, 1856, май, кн. 2, с. 384. Автограф ранней ред. — ГБЛ. Перевод стих. «Im Walde wandl' ich und weine. . .».

264. ЛГ, 1847, № 27, с. 421, др. ред.; РВ, 1856, ноябрь, кн. 1. Печ. по Гейне, с. 52. Перевод стих. «Du schönes Fischermädchen. . .». Текст первой редакции положен на музыку А. Е. Варламовым.

265. Гейне, с. 53. Перевод стих. «Der Wind zieht seine Hosen an. . .».

266. РС, 1859, № 10, с. 181. Перевод стих. «Der Sturm spielt auf zum Tanze. . .».

267. РС, 1859, № 10, с. 179. Печ. по Стих. 1862, с. 169. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Am fernen Horizonte. . .».

268. ОЗ, 1857, № 12, с. 733. Перевод стих. «Ich stand in dunklen Träumen. . .».

269. ЖО, 1887, № 10, с. 147, подпись: Мих. Илецкий. Автограф — ПД. Перевод стих. «Ich unglücksel'ger Atlas! eine Welt. . .». *Атлас* (греч. миф.) — титан, держащий на плечах небесный свод.

270. ССтих., с. 195, с искажением в ст. 1. Исправлено в ПССоч. Автограф — ПД. Перевод стих. «Die Jahre kommen und gehen. . .».

271. Гейне, с. 57. Перевод стих. «Das ist ein schlechtes Wetter. . .».

272. РС, 1859, № 10, с. 180. Печ. по Стих. 1862, с. 170. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Herz, mein Herz, sei nicht beklommen...».

273. РС, 1859, № 10, с. 180. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Wenn ich auf dem Lager liege...».

274. РВ, 1856, март, кн. 2, с. 108, в статье «Генрих Гейне». Перевод стих. «Mag da draussen Schnee sich türmen...».

275, 276. Гейне, с. 63, 64. Автографы ранней ред. — ГБЛ. Переводы стих. «An deine schneeweisse Schulter...», «Es blasen die blauen Husaren...». Второй перевод положен на музыку Ц. А. Кюи.

277. ЛГ, 1847, № 24, с. 373, др. ред. Печ. по РВ, 1856, март, кн. 2, с. 104. Перевод стих. «Der Tod, das ist die kühle Nacht...».

278. С, 1859, № 5, с. 211, под загл. «Новая весна», с вариантами; РВ, 1859, апрель, кн. 2, под загл. «Весна». Печ. по Стих. 1862, с. 170. Автограф редакции С — ПД; автограф последней ред. — ГПБ. Перевод стих. «Unterm weissen Baume sitzend...».

279. РВ, 1857, июнь, кн. 1, с. 437. Перевод стих. «Die blauen Frühlingsaugen...». Положен на музыку П. И. Чайковским и В. Е. Савинским («Моя тайна», 1893).

280. ЛГ, 1847, № 33, с. 518, др. ред. Печ. по РВ, 1857, июнь, кн. 1, с. 437. Перевод стих. «Wie des Mondes Abbild zittert...». Положен на музыку С. К. Буличем (1882).

281. ЛГ, 1848, № 3, с. 37, др. ред. Печ. по РВ, 1857, июнь, кн. 1, с. 438. Перевод стих. «Es haben unsre Herzen...».

282. РВ, 1857, июнь, кн. 1, с. 438. Автограф ранней ред. — ГБЛ. Перевод стих. «Hab' ich nicht dieselben Träume...».

283. Гейне, с. 75. Автограф ранней ред. — ГБЛ. Перевод стих. «Mit schwarzen Segeln segelt mein Schiff...».

284. РВ, 1857, июнь, кн. 1, с. 439. Перевод стих. «Das Meer erstrahlt im Sonnenschein...».

285. РС, 1859, № 10, с. 179. Автограф — ГПБ; автограф ранней ред. — ГБЛ. Перевод стих. «Es treibt dich fort von Ort zu Ort...».

Думы

В этот раздел Михайлов включил стихотворения Гейне разных циклов, обличающие социальную несправедливость и неблагоустроенность враждебного поэту мира.

286. РВ, 1856, март, кн. 2, с. 105, в статье «Генрих Гейне». Ст. 21 («Чем с камышом остаться жить») исправлен в БП по списку Н. В. Гербеля (ПД). Перевод стих. «Ich tanz' nicht mit, ich räuchre nicht den Klötzen...». В переводе Михайлов отступил от формы стихотворения Гейне — сонета.

287. С, 1858, № 3, с. 125, с цензурными искажениями в ст. 2 («И гипотезы пустые!»), 9 («Кто виной? Закону ль правды»), 11 («Иль она играет нами?»); Гейне, ст. 9 («Кто виной? Иль силе правды»), ст. 2 и 11 — как в С. Печ. по «Былое», 1906, № 2, с. 287. Автограф — ПД; другой автограф, с датой: «18 мая 1858. СПб.», — ГБЛ. (Дата указывает на время записи, но не создания перевода, который был сделан раньше.) Перевод стих. «Lass die heil'gen Parabolen...». При запрещении Стих. 1866 цензор писал об этом стихотворении: «Довольно определенно выражается мысль, что в мире нет провидения, а по ту сторону гроба не будет награды за добродетель».

288. Гейне, с. 83. Перевод стих. «Affrontenburg». *Афронтенбург* (букв. «замок оскорблений») — загородная вилла дяди Гейне, банкира, у которого поэт провел в молодости несколько лет, полных унижений. *Старик придирчивый Борей* — здесь: самодур, глава дома Соломон Гейне.

289. С, 1858, № 3, с. 123. Печ. по Гейне, с. 87. Перевод стих. «Nachtgedanken».

Романсы и баллады

290. И, 1846, № 40, с. 641, др. ред. Печ. по Гейне, с. 93, с исправлением ошибки в ст. 5 («Придется им — слышать — увидеть») по смыслу оригинала (впервые исправлено в БП). Перевод стих. «Die Grenadiere».

291. И, 1848, № 42, с. 275, др. ред., под загл. «Весть». Печ. по Гейне, с. 96. Перевод стих. «Die Botschaft». Положен на музыку Н. А. Римским-Корсаковым (1866).

292. Стих. 1862, с. 214; ССтих., с изменением в ст. 30. Исправлено в ССоч. по автографу ПД. Перевод стих. «Belsatzar». *Валтасар* (библ.) — последний вавилонский царь, убитый на пиру, после того как на стене возникла чудесным образом таинственная огненная надпись, предвещавшая ему гибель. *Егова* (библ.) — одно из имен бога.

293. РВ, 1857, июнь, кн. 1, с. 436. Перевод стих. «Tragödie».

294. Гейне, с. 103. Перевод стих. «Ein Weib».

295. РВ, 1857, июнь, кн. 2, с. 602. Перевод стих. «Ritter Olaf».

296. Гейне, с. 111. Перевод стих. «König Harald Harfagar». *Гаральд Гарфагар* (863—933) — норвежский король, который вел многочисленные войны за объединение норвежских земель.

297. БдЧ, 1857, № 11, с. 125, с вариантом в ст. 12 и с цензурным пропуском ст. 109—112. Печ. по Гейне, с. 113. Перевод стих. «Schlachtfeld bei Hastings». Примеч. Михайлова: «Вот что говорит Августин Тьерри в своей «Истории покорения Англии норманнами» о погребении короля Гарольда: „Два саксонских монаха Асгод и Эльрик, отправленные вальтамским аббатом, испросили позволение перенести к себе в церковь бренные останки своего благодетеля. Они пошли к куче тел, с которых были уже обобраны и доспехи и одежда, тщательно разобрали их и не узнали того, кого искали, так раны его обезобразили. Горюя и отчаиваясь в успехе своих поисков, они обратились к женщине, которую Гарольд, еще до королевства своего, содержал как любовницу, и просили ее помочь им. Имя ее было Эдифь; звали ее также *Красавицей с Лебединою Шеей*. Эдифь согласилась пойти с монахами и была счастливее их: она узнала труп того, кого любила“» (Гейне, с. 138—139). *Проигран при Гастингсе бой.* В 1066 г. в битве около прибрежного города Гастингса (юг Англии) войско нормандского герцога Вильгельма разбило войско англо-саксонского короля Гарольда.

298. Стих. 1862, с. 209. Черновой автограф — ГПБ. В ССтих. цензурные искажения (то же в ПССоч.):

ст. 16 Гулкий колокол, не голос.
ст. 19—24 Служат длинную обедню
Христианские монахи —
И кадят и распевают
Пред иконами своими.
Всюду пенье, дым кадила
И мерцанье многих свечек.
ст. 116 В храме слышен вой и стоны.

Перевод стих. «Almansor». *Кордуанский собор* — католический собор в городе Кордова (Испания), переделанный из мусульманской мечети, построенной арабами в VIII в.

299. И, 1858, № 12, с. 192. Печ. по Гейне, с. 120. Перевод стих. «Die Wallfahrt nach Kevlaar». В донесении Петербургскому цензурному комитету по поводу Стих. 1866 цензор писал об этом стихотворении: «Насмешка над религиозною верою в заступление святых». *Кевлар* — город в прусской рейнской провинции, где находилась икона богоматери, слывшая чудотворной и привлекавшая в Кевлар толпы паломников.

На смертном одре

В этот раздел включены стихотворения Гейне главным образом из цикла «Сетования» (раздел «Лазарь»), написанного в годы, когда разбитый параличом немецкий поэт лежал в «матрацной могиле». Михайлов так характеризовал эти стихи: «Горькая и мрач-

ная история последних страдальческих лет поэта осталась нам во многих предсмертных произведениях его. Некоторые из них кажутся каким-то страшным криком боли, и их нельзя читать без содрогания» (Гейне, с. III).

300. С, 1853, № 1, с. 160. Перевод стих. «Das Glück ist eine leichte Dirne. . .».

301. ПССтих., с. 365. Автограф — ПД. Перевод стих. «Weltlauf».

302. С, 1853, № 1, с. 158. Печ. по Гейне, с. 130. Перевод стих. «Rückschau».

303. «Поэты всех времен и народов», ч. 2, СПб., 1862, с. 122. Печ. по Стих. 1862, с. 219. Перевод стих. «Im Mai». *Орк, Стикс* — см. примеч. 194. *Стимфалиды* (греч. миф.) — смертоносные птицы с медными клювами, когтями и перьями, обитавшие вблизи города Стимфала. *Персефона* (греч. миф.) — богиня подземного мира.

304. БдЧ, 1857, № 3, с. 4, без загл. Печ. по Гейне, с. 133. Перевод стих. «Sterbende».

305. ПССтих., с. 367, с неточностью в ст. 12. Исправлено в ССоч. по автографу ПД. Перевод стих. «Lumpentum».

306. ПССтих., с. 368, с неточностью в ст. 4. Исправлено по автографу ПД. Перевод стих. «Unvollkommenheit». *Лукреция* — добродетельная жена римского аристократа Тарквиния Коллатина; по преданию, обесчещенная сыном последнего римского царя Тарквиния Гордого, она закололась. *«Генриада»* (1728) — эпическая поэма Вольтера. *«Мессиада»* (1751—1773) — религиозная эпическая поэма немецкого поэта Клопштока (1724—1803). *Массман* Г.-Ф. (1797—1874) — немецкий филолог. *Александр Дюма (отец) — метис.* Бабушка А. Дюма по отцовской линии была негритянкой.

307. ПССтих., с. 369. Автограф — ПД. Перевод стих. «Fromme Warnung».

308. «Труд», 1893, № 5, с. 343. Автограф — ПД. Перевод стих. «Der Abgekühlte».

309. С, 1864, № 11-12, с. 386, без подписи, с цензурными искажениями ст. 1 («Забытый часовой в войне известной») и ст. 3 («Победы я не ждал, сражаясь честно»). Печ. по Стих. 1866, с. 237. Автограф — ПД.

310. БдЧ, 1857, № 3, с. 4. Печ. по Гейне, с. 134. Перевод стих. «Babylonische Sorgen». *Скорбь вавилонская.* Гейне употребил библейское выражение, подразумевая под Вавилоном Париж, где он жил в конце жизни. *Кайман,* или аллигатор, — разновидность крокодила.

Северное море

311—331. РС, 1859, № 11, с. 108—140, с цензурными искажениями в стих. 17 и 20, стих. 21 публиковалось раньше в др. ред. (см. ниже). Перевод цикла «Die Nordsee». Предисловие Михайлова: «Отдел «Путевых картин», предлагаемый здесь в переводе, разделяется на три части. Первая и вторая написаны стихами, третья — прозой. Точно ли верно название «стихи» для этих кадансированных строк без определенного количества стоп или ударений, даже без постоянного ритма, не стану разбирать. Дело не в названии. Эта форма, получившая еще со времени Гете право гражданства в немецкой литературе, у нас очень нова. Были, правда, попытки писать такими стихами; но они как-то не принялись. Тем не менее, я не считал себя вправе своевольничать, переводя такое популярное в германской литературе произведение, как «Северное море», и удержал в своем переводе размер или, лучше сказать, форму подлинника Не знаю, в какой мере удалось мне сохранить характер стихов Гейне; но считаю не лишним сказать, что за ними в оригинале признается достоинство стройности, благозвучия и поэзии. Последнее качество не может совершенно сгладиться и в самом слабом переводе, как скоро он хоть немного верен. Что касается моего перевода, я могу, разумеется, ручаться только за возможную верность. Впрочем, в числе этих стихов, освобождающих себя от всяких законов метрики и подчиняющихся единственно музыкальному чувству, попадаются две пьесы, из которых одна целиком, а другая частью написаны четырехстопным хореем без рифм, любимым размером испанских романсов; конечно, этим же размером я и перевел их, как конец пьесы «Ночью в каюте» пятистопным ямбом, согласно подлиннику. Порядок размещения пьес в первых двух частях взят мною из позднейшей редакции их в «Книге песен». «Северное море» написано Гейне в 1825—1826 году».

1. Перевод стих. «Krönung».

2. Перевод стих. «Abenddämmerung». Автограф ред. нач. 50-х годов. — ГБЛ.

3. Перевод стих. «Sonnenuntergang».

4. Перевод стих. «Die Nacht am Strande». *Эдда* — собрание старинных исландских саг, песен и сказаний. *Руны* — древние германские и скандинавские письмена, высеченные на камне.

5. Перевод стих. «Poseidon». *Посейдон* — см. примеч. 131. *Сын Лаэрта* (греч. миф.) — Одиссей. *Киммерийская ночь.* В «Одиссее» киммерийцы — народ, живущий на крайнем Западе, в местах, куда не проникает солнце. *Град Приама* (греч. миф.) — Троя. *Полифем* (греч. миф.) — сын Посейдона, одноглазый великан; Одиссей, которого он держал в плену, выжег ему глаз. *Амфитрита* (греч. миф.) — супруга Посейдона, одна из нереид — морских нимф, дочерей морского божества, вещего старца *Нерея.*

6. Перевод стих. «Erklärung».

7. Перевод стих. «Nachts in der Kajüte».

8. Перевод стих. «Sturm».

9. Перевод стих. «Meeresstille».

10. Перевод стих. «Seegespenst».

11. Перевод стих. «Reinigung».

12. Перевод стих. «Meergruss». *Фалатта! Фалатта!* (Θάλαττα — греч.). «Море! Море!» — этим возгласом, по рассказу древнегреческого историка Ксенофонта (в его сочинении «Анабазис»), десять тысяч греков приветствовали море, к которому они пробились после долгого и трудного перехода по горам Малой Азии при отступлении из Персии.

13. Перевод стих. «Gewitter». *Кронион* (греч. миф.) — сын Крона, Зевс. *Борей* (греч. миф.) — северный ветер; волны — его дети от кобылиц царя Эрихтона (ср. «кони-валы»). *Стикс* — см. примеч. 194. *Харон* (греч. миф.) — перевозчик душ умерших через Стикс. *Эол* — см. примеч. 165. *Кастор* и *Полидевк* (Поллукс) (греч. миф.) — братья-герои, сыновья Зевса и Леды, считались покровителями мореходов; в астрономии — название двух крупнейших звезд в созвездии Близнецы.

14. Перевод стих. «Der Schiffbrüchige». Положен на музыку В. А. Сениловым (1915).

15. Перевод стих. «Untergang der Sonne».

16. Перевод стих. «Der Gesang der Okeaniden». *Супруга Пелея* — морская богиня Фетида, мать Ахиллеса. *Ниоба* (Ниобея) — жена фиванского царя, оскорбившая богиню Латону, мать Аполлона и Артемиды, которые в наказание убили ее детей; сама Ниоба окаменела от горя. *Титан, что похитил небесный огонь,* — Прометей. *Атлас* — см. примеч. 269.

17. Перевод стих. «Die Götter Griechenlands». По цензурным условиям в первой публикации были изъяты ст. 48—49 и 88—91. Здесь восстановлены по Стих. 1862. В ССтих. и ПССоч. опущены ст. 41—53, 88—91. Цензор, просматривавший ССтих., писал по поводу этих строк: «В двух местах этого стихотворения встречаются крайне кощунственные сопоставления богов Греции с богородицей и святыми христианской церкви. (Средина стихотворения)». В переводе имеется невосстановимое цензурное изъятие (после ст. 91 — 7 строк немецкого оригинала). *Кронион* — см. примеч. 323 (13). *Гекатомба* — у древних греков умилостивительная жертва богам в сто быков. *Паррицида* — отцеубийца. *Гера* — см. примеч. 141. *Либитина* (римск. миф.) — богиня погребений; иногда отождествлялась с Венерой, как богиня, управляющая одновременно рождением и смертью. *Арей* (греч. миф.) — бог войны. *Гефест* (греч. миф.) — бог огня и кузнечного дела — и *Геба* (греч. миф.) — богиня юности — во время пиров на Олимпе подносили богам нектар.

18. Перевод стих. «Fragen». Цензор, докладывавший Петербургскому цензурному комитету о Стих. 1866, писал по поводу этого стихотворения: «Выражается иносказательно дух полного отрицания религиозных верований человека». Перевод положен на музыку В. А. Сениловым (1915).

19. Перевод стих. «Der Phönix». *Феникс* — легендарная птица у древних египтян, согласно поверью, сжигавшая себя каждые пятьсот лет и возрождавшаяся из пепла. *Гельголандцы* — жители о-ва Гельголанд в Северном море, занимались лоцманским делом. *Номады* — кочевники.

20. Перевод стих. «Im Hafen». Ст. 29 исправлен по немецкому оригиналу; в первой публикации опечатка («Не роза ты погребка»). Там же ст. 71 из-за цензуры заменен точками; то же в Стих. 1862.

Здесь восстановлен по Стих. 1866, хотя, возможно, принадлежит не Михайлову, а Гербелю, так как написан с явным расчетом на цензуру, с отступлением от смысла оригинала. В ССтих. также изъяты ст. 65—73 по указанию цензора, который писал: «В конце стихотворения мерещатся пьяному пьяные ангелы на крышах». В переводе имеется невосстановимое цензурное изъятие (после ст. 51 — 13 строк немецкого оригинала). *Ганс Э.* (1797—1839) — берлинский профессор права, друг Гейне в юности. *Шираз* — город в Персии, славился прекрасными розами. *Гафиз* (1330—1389) — персидский поэт-лирик. *Шарон* (Сарон), *Вефиль, Хеврон* — местности в Палестине, упоминаются в Библии.

21. Перевод стих. «Epilog». Впервые — ЛГ, 1848, № 51, с. 804, др. ред.

⟨Разные стихотворения⟩

332. ОЗ, 1874, № 7, с. 200, подпись: М. Автограф — ПД. Перевод стих. «Kluge Sterne».

333. ЖО, 1888, № 10, с. 159, с неточностью в ст. 14, подпись: Мих. Илецкий. Исправлено в «Труде», 1893, № 5, с. 343. Автограф — ПД. Перевод стих. «Lass mich mit glühnden Zangen kneipen...».

334. ПССтих., с. 378. Автограф — ПД. Перевод стих. «Jammerthal». В 1874 г. публикация перевода в Д была запрещена цензором, потому что в стихотворении изображались люди, «умирающие от холода и голода».

335. БдЧ, 1864, № 1, с. 1, с цензурными искажениями ст. 59 («И кричит в испуге»), 76 («Гладкой з...... три цвета»), 338 («Все жрецы стоят налево»), 391 («Мясом будет — точно мясо»), заменены точками ст. 383—388, 511—512, слова «богоедов» в ст. 514 и «Под щитом ее» в ст. 561, исключены ст. 553—560, подпись: Л. Ш.; полностью, с устранением цензурных изменений, — ПССтих., с неточностями в ст. 1, 59, 90, 270, 385, 415, 591. Исправлено в БП по писарской копии ПД. Перевод стих. «Vitzliputzli». В донесении Петербургского цензурного комитета Главному управлению по делам печати по поводу Стих. 1866 указывалось: «Особенно в сем отношении ⟨речь идет о «легкомысленном отношении к религиозным верованиям», — *Ю. Л.*⟩ обращает на себя внимание стихотворение «Вицли-Пуцли», в котором есть хотя искусно замаскированное, но тем не менее кощунственное сближение Моисея с Колумбом и Кортесом, христианского бога с мексиканским идолом и христианского таинства с человеческими жертвоприношениями язычников». В основу стихотворения положена история кровавого завоевания Мексики испанскими конквистадорами (1519—1526) под командой Фернандо *Кортеса* (1485—1547); у Михайлова — *Фердинанд. Вицли-Пуцли* — бог войны у древних мексиканцев. *Риджент-стрит* — улица в Лондоне. *Статуя Эразма* — памятник Эразму Роттердамскому (1466—1536), выдающемуся ученому-гуманисту эпохи Возрождения, на его родине в г. Роттердаме (Голландия). *Венусберг* — Венерина гора, название нескольких гор в Германии, в которых, по

народным сказаниям, живет богиня Венера. *Кифгейзер* — гряда гор в Тюрингии (Германия), в которых находятся развалины замка Кифгаузен, известного по мифологическим сказаниям. *Барбаросса* (Рыжая Борода) — прозвище германского императора Фридриха I (XII в.). *Монтесума* (1466—1520) — последний царь Мексики. *Оллеа-потрида* — испанское кушанье, род горячего винегрета с мясом. *Мартин* Джон (у Гейне ошибочно — *Генри*) (1789—1854) — английский живописец. *Базельская Смерть* — «Пляска смерти», фреска в Базельском соборе (Швейцария) в память эпидемии чумы. *Манкен писс* — статуя над фонтаном в Брюсселе, изображающая мальчика, мочащегося в бассейн. *Te Deum* — католическая молитва. *De profundis* и *Miserere* — католические заупокойные молитвы. *Астарот* (Астарта) — имя главной богини у семитов-язычников; символом ее служили два рога. *Вельзевул, Велиал* — имена сатаны. *Лили* (Лилит) — первая жена Адама, мать злых духов.

Август Гофман фон Фаллерслебен

Август Гофман фон Фаллерслебен (1798—1874) — политический поэт и филолог, один из основоположников антифеодальной бюргерской лирики 1840-х годов.

336. ПССтих., с. 398, с неточностью в ст. 27. Исправлено в Соч. 1950 по писарской копии ПД. Перевод стих. «Aus Ovids Metamorphosen». *Овидиевы Превращения* (или «Метаморфозы») — эпическое произведение римского поэта Публия Овидия Назона (43 до н. э. — 17 н. э.) о мифических превращениях людей в растения, птиц, зверей и т. п. Гофман иронически уподоблял превращения мастеровых в аристократов «овидиевым» превращениям людей в животных и неодушевленные предметы.

Николаус Ленау

Николаус Ленау — литературный псевдоним Нимбша фон Штреленау (1802—1850), австрийского поэта-романтика.

337. С, 1860, № 11, с. 191. Печ. по Стих. 1862, с. 272. Перевод стих. «Die drei Zigeuner».

338. ЛГ, 1847, № 33, с. 519, др. ред.; «Век», 1861, № 3, под загл. «Из Ленау». Печ. по Стих. 1862, с. 273. Перевод стих. «Warnung und Wunsch».

Арнольд Руге

Арнольд Руге (1802—1880) — радикальный публицист и политический деятель. В середине 1840-х годов был близок к Марксу, который, однако, вскоре порвал с ним. Впоследствии Руге стал сторонником Бисмарка.

339. ПССтих., с. 407. Автограф — ПД. Перевод стих. «Redefreiheit». *Бюффон* Ж.-Л.-Л. (1707—1788) — французский естествоиспытатель.

340. ПССтих. с. 407. Автограф — ПД. Перевод стих. «Pressfreiheit». *Кодр* (XI в. до н. э.) — легендарный царь Аттики (Древняя Греция), пожертвовавший жизнью для спасения родного города, после чего власть в стране стала выборной. *Перикл* (ок. 490—429 до н. э.) — глава афинского государства, при котором оно достигло наивысшего расцвета.

Георг Гервег

Георг Гервег (1817—1875) — революционный поэт и политический деятель. Лучшие его произведения написаны в период, предшествовавший революции 1848 г., когда поэт был близок к К. Марксу. К их числу принадлежит и стихотворение, переведенное Михайловым (из сб. «Стихи живого человека», 1841). После 1848 г. Гервег разошелся с Марксом и отказался от революционной борьбы.

341. ССтих., с. 317. Автограф — ПД. Перевод стих. «Die Jungen und die Alten».

Мориц Гартман

Мориц Гартман (1821—1872) — австрийский политический поэт и беллетрист, родом из Чехии; участник революции 1848 г., левый буржуазный демократ. Михайлов относил Гартмана к числу «действительно замечательных поэтов» и в статье «Стихотворения Плещеева» писал о его стихах: «У Гартмана вы редко встретите что-нибудь сочиненное, насильно придуманное... напротив, все у него прочувствованно, всюду слышен голос человека, глубоко проникнутого убеждением» (Соч. III, с. 214, 216).

342. С, 1859, № 3, с. 174, с подзаг. «Старинная баллада, из Морица Гартмана». Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Der weisse Schleier». В письме к Шелгуновым от 13 ноября 1861 г. из Петропавловской крепости Михайлов выражал опасение: «Как бы цензура не запретила теперь некоторых вещей с моим именем, хоть они и были все напечатаны. Например, «Белое покрывало». А было бы жаль» (Воспоминания, т. 2, с. 433). Перевод пользовался широкой популярностью в русских демократических кругах в 1860—1870-е годы. Строки «Своей отчизне угнетенной Хотел помочь он...» были использованы в качестве эпиграфа к эмигрантской брошюре «На смерть М. Л. Михайлова» (Женева, 1865).

343. ОЗ, 1874, № 7, с. 198, с неточностью в ст. 7, подпись: М. Исправлено в ССоч. по автографу ПД. Перевод стих. «Zwei Schiffe».

Альфред Мейснер

Альфред Мейснер (1822—1885) — поэт и беллетрист; до революции 1848 г. — видный представитель поэзии «истинного социализма», буржуазный демократ. Наибольшее значение имели его политические стихи, собранные в книге «Стихотворения» (1845); одно из них перевел Михайлов.

344. «Слово», 1878, № 8, с. 183, подпись: Мих. Ил. Вольная разработка темы, заимствованной из стих. «Drei Poeten».

ИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ

Андре Шенье

Лирика Андре Шенье (1762—1794) проникнута античными мотивами, широко распространенными во французской литературе накануне буржуазной революции 1789 г. На русский язык стихотворения Шенье переводили Пушкин, Баратынский, Козлов, А. Толстой и др. Михайлов увлекался Шенье в юности (см. стих. № 8).

345. ЛГ, 1847, № 18, с. 277. В Стих. 1862 не включалось. Перевод стих. «Mes chants savent tout peindre; accours, viens les entendre. . .».

Пьер Жан Беранже

Михайлов высоко ценил народность песен Беранже (1780—1857) и внимательно следил за русскими их переводами. В 1859 г. он с возмущением писал о «в клочки изорванном Беранже» в результате деятельности недобросовестных переводчиков (Соч. III, с. 53). Находясь в 1858 г. в Париже, Михайлов посетил могилу незадолго до того умершего французского поэта-песенника (см. там же, с. 271). Переводить Беранже Михайлов начал в конце 1850-х годов: несколько стихотворений было переведено до ареста (при котором были отобраны автографы переводов «Короля Ивето», «Простолюдина» — ЦГАЛИ). Но бóльшую часть переводов Михайлов осуществил в последние годы жизни, находясь в ссылке. Он готовил отдельное издание своих переводов из Беранже: составил план статьи о жизни и творчестве французского поэта (автограф — ПД), которой, видимо, предполагал открыть сборник, наметил порядок размещения отдельных стихотворений, придерживаясь последовательности, принятой в сборниках песен французского поэта (этот порядок сохранен в настоящем издании). Сохранилась также его рукопись примечаний к переводам (ПД), составленных главным образом из примечаний самого Беранже (в некоторых случаях Михайлов давал только перевод примечания Беранже без каких-либо своих добавлений; часть примечаний Михайлова приведена ниже; полностью — в ПССтих., с. 717—728). Сборник переводов Михайлова из

Беранже не мог быть издан в царской России. Почти половина переводов, в том числе наиболее острые политически, оставалась неопубликованной до советского времени; впервые напечатаны полностью в ПССтих. Автографы всех переводов из Беранже, кроме «Прощания» (№ 401), хранятся в ПД; ниже в примечаниях это не оговаривается.

346. ПССтих., с. 419. Другой автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Le roi d'Yvetot». Из примеч. Михайлова: «Написано в мае 1813 г. Вот примечание к этой песне самого Беранже: „Когда эта песня ходила по рукам в рукописи в 1813 г., на нее смотрели как на акт большой смелости, до такой степени дух оппозиции был в то время подавлен во Франции... Старинное предание рассказывает, что в виде удовлетворения за какое-то преступление, совершенное одним из королей меровингской династии, владелец Ивето, города в Нормандии, получил право возвести свою маленькую область на степень королевства...“» Песня Беранже, написанная в то время, когда Наполеон I, разгромленный в России, объявил новый набор для продолжения войны, была направлена против императора, его захватнической политики, тяжелых налогов, которыми он обложил население, пышности его двора.

347. ПССтих., с. 421. Перевод стих. «Le sénateur». Примеч. Михайлова: «Написано в 1813. Вот примечание Беранже: «В то время все до такой степени жаждали оппозиции, не видя решимости на нее нигде, что на эту невинную песню, ради ее заглавия, смотрели как на сатирическую выходку против правительства. Эта странность кажется непостижимой теперь, и уже поэтому сто́ит, чтобы упомянуть о ней». Для нас, русских, время подобных странностей еще не миновало».

348. ЖО, 1886, № 48, с. 346, подпись: Мих. Илецкий. Перевод стих. «Roger Bontemps». Из примеч. Михайлова: «„Веселая голова“. Такой именно смысл, смысл беззаботного весельчака, имеет провербиальное французское название Roger Bontemps».

349. ПССтих., с. 425. Перевод стих. «Ma grand'mère».

350. ПССтих., с. 427. Перевод стих. «La mère aveugle».

351. ПССтих., с. 429. Перевод стих. «Le petit homme gris».

352. Д, 1867, № 12, с. 223, с пропуском ст. 13—28 и с цензурными искажениями ст. 39 («Что их пурпур и порфира!») и 45 («Что за роскошь в барском доме!»), подпись: Л. Шелгунова; ССтих., с цензурным пропуском ст. 37—52; ПССтих., полностью, но с неточностями в ст. 14, 18. Исправлены в Соч. 1950. Перевод стих. «Les gueux». Цензор, запретивший в ССтих. ст. 37—52, писал: «В двух строфах стихотворения изображается ничтожество царского сана». Примеч. Михайлова: «Написано в 1812 г. *Лапти* в 4-м куплете (не считая припева) заменили у меня французские деревянные *сабо*». *Диоген* — см. примеч. 356.

353. Д, 1869, № 12, с 239. Перевод стих. «Ma dernière chanson, peut-être». Из примеч. Михайлова: «Написана в конце января 1814 г. Примечание самого Беранже: «Неприятель приближался к Парижу, и автор еще не осмеливался повысить тон песни. Не будь этого, он, конечно, выразил бы в более серьезной форме чувства, которые волновали его тогда...» Это не совсем так, по-моему. Беранже еще сильно колебался в своих полит⟨ических⟩ убеждениях, когда написал эту песню...» *Враги хозяйничают в ней*. Войска антинаполеоновской коалиции (Англия, Россия, Австрия) в январе 1814 г. вступили во Францию.

354. PM, 1888, № 2, с. 41, с изменением ст. 12 (возможно, цензурным: «Милосердье их кропит») и 13. Исправлено в ССтих. Перевод стих. «Le jour des morts». Примеч. Михайлова: «В припеве (предпоследняя строка) подлинник пользуется старинным французским припевом *mirliton, mirlitaine*, который я выпустил в переводе. Праздник поминок Всех Душ (Jour des Morts) установлен, как известно, для скорейшего допущения в рай душ, блуждающих по мытарствам. Этим объясняются 5 и 6 стихи первого куплета». *В рай ключи Петра впускают*. Согласно католической легенде, апостол Петр является хранителем ключей от райских врат.

355. ПССтих., с. 435. Перевод стих. «La censure». Примеч. Беранже, приведенное Михайловым: «В скором времени после первой Реставрации министерство, в лице Аббата Монтескиу, заведывавшего внутр⟨енними⟩ делами, требовало репрессивного закона для печати. По этому закону разные журналы получали цензоров, и палата не представила почти никакого сопротивления этому ограничению самого важного из общественных прав. Во время Ста Дней автору предлагали место цензора при «Journal général»; он отказался, несмотря на свою крайнюю бедность, говоря, что довольно старался унизить это ремесло и поэтому не видит заслуги в отказе от него, даже при жаловании в 6000 франков».

356. ПССтих., с. 436. Перевод стих. «Le nouveau Diogène». *Диоген* (IV в. до н. э.) — древнегреческий философ, представитель школы киников, проповедовавших освобождение от внешних условий: материальных потребностей и общественных обязанностей; по преданию, жил в бочке. *Пусть на конгрессе*. Имеется в виду Венский конгресс 1815 г. держав-победительниц наполеоновской Франции. *Они заслонят солнце мне*. Согласно легенде, когда Александр Македонский пришел к Диогену и спросил, чего бы он хотел, тот ответил: «Не заслоняй мне солнца». *Искать и человека днем с огнем*. По преданию, Диоген бродил днем с зажженным фонарем, говоря, что ищет человека. *Хоть от рекрутства я... и ускользнул...* Из примеч. Михайлова: «В последнем куплете мы находим черту из жизни самого Беранже: это то, как он ускользнул от конскрипции».

357. Д, 1870, № 11, с. 112. Перевод стих. «Le maître d'école».

358. ПССтих., с. 441, с неточностью в ст. 18. Исправлено по автографу. Перевод стих. «La chatte».

359. ПССтих., с. 442. Перевод стих. «Mon curé». Из примеч. Михайлова: «В издании 1821 г. к этому заглавию было прибавлено: „Песня не для тех, кто отличается нетерпимостью“. Примечание Беранже: „Эта песня была написана после первой Реставрации, когда, по королевскому приказу, везде было поставлено в обязанность запирать по воскресеньям лавки; вскоре священники перещеголяли и эту меру: во многих общинах они запретили танцы по праздникам. После этого можно было судить, до чего может духовенство довести свою нетерпимость, столь естественную в нем, видя помощь себе, как это было в то время, в ханжестве двора“».

360. ПССтих., с. 444. Перевод стих. «Traité de politique à l'usage de Lise». Из примеч. Михайлова: «Сто Дней, май 1815. Примечание самого Б⟨еранже⟩: «Эта песня, написанная во время Ста Дней, вскоре по возвращении Наполеона, явилась в печати в нескольких журналах... В первом сборнике своих песен, изданном в конце 1815 г., ⟨Беранже⟩ не поместил этой песни, потому что смотрел на нее как на слишком прямую критику импер⟨аторского⟩ правления и находил ее не совсем уместной при новых обстоятельствах. Не надо забывать, что Б⟨еранже⟩ все еще не решался сообщить избранному им роду поэзии формы, более соответственной идеям, занимавшим тогда франц⟨узский⟩ народ. Этим объясняется и тон и рамка „Трактата о пол⟨итике⟩“».

361. ПССтих., с. 445. Перевод стих. «L'opinion de ces demoiselles». Из примеч. Михайлова: «„Во время Ста Дней, — говорит в примечаниях сам Б⟨еранже⟩, — роялизм и злонамеренность призывали всеми своими желаниями иностранные войска. Автор думал поразить их насмешкой, вложив мнение дам Сен-Жерменского предместья в уста девиц, о которых идет дело в песне. Беранже хотелось заклеймить в песне, которая могла сделаться популярной, партию, преступные и антипатриотические замыслы и интриги которой должны были бы сделать ее ненавистною всем честным сердцам“. Песня эта в подлиннике написана на патуа́ или, проще сказать, на испорченном наречии необразованного и безграмотного класса. Сохранять эту тонкость в переводе казалось мне лишним; довольно, думал я, сохранить общий тон, о чем и старался. Вот что замечает Беранже о языке этой песни: „Беранже мало пользовался патуа в своих песнях... и всякий раз жалел, что прибегал к нему“. Эти слова могут служить лучшим извинением переводчику, что он не уснастил своего перевода словами вроде *знамши, ейный, выглядит* и т. п., что, конечно, было бы для него не трудно». *Пале-Рояль* — дворец в Париже, с конца XVIII в. — средоточие притонов и увеселительных заведений; сад при нем служил убежищем для проституток. *Тичаков, Бюлов, Плято́в, Сакен, Блюкер* — полководцы, участники войны с Наполеоном (некоторые имена намеренно искажены): русский адмирал П. В. Чичагов (1767—1849), прусский генерал Ф.-В. Бюлов (1755—1816), атаман донских казаков М. И. Платов (1751—1818), генерал-фельдмаршал русской армии Ф. В. Остен-Сакен (1752—1837), прусский фельдмаршал Г.-Л. Блюхер (1742—1819). *Сен-Же́рменское предместье* — аристократический квартал Парижа.

362. РМ, 1882, № 4, с. 162, с неточностями в ст. 22, 51. Исправлены в ССоч. Перевод стих. «L'habit de cour, ou Visite à une Altesse». Из ССтих. исключено по указанию цензора, который писал: «Все стихотворение проникнуто едким сарказмом над этикетом при дворе».

363. Д, 1870, № 1, с. 105, с изменениями ст. 19, 20. Исправлены в ПССтих. Перевод стих. «Plus de politique». Из примеч. Михайлова: «Написана в июле 1815 г. «Во второй раз неприятель был под стенами Парижа, на долгое сопротивление которого нельзя было рассчитывать, когда автор написал эту песню... Успех, какой имела эта песня, утвердил Б⟨еранже⟩ в его мысли, что народ, со времени революции, получил значение в направлении своих собственных дел и что род, считаемый выражением народных чувств, должен принять наконец все тоны для передачи этих чувств. Похвала любви и вину должна была большею частью служить только рамкою идей, которые следовало отныне выражать песне, по крайней мере в эпоху, когда все сколько-нибудь значительные обстоятельства имели воздействие на многочисленные массы и на более просвещенные индивидуумы». (Прим⟨ечание⟩ самого Беранже)». *Тит* Флавий Веспасиан (39—81) — римский император, прославленный древними историками как справедливый государь.

364. Д, 1871, № 3, с. 105, с изменениями в ст. 1, 9, 33. Исправлены в Соч. 1950. Перевод стих. «Ma vocation».

365. РМ, 1882, № 4, с. 164, с неточностью в ст. 31. Исправлено в ССтих. Перевод стих. «Le vilain». Из примеч. Беранже в переводе Михайлова: «Отец Б⟨еранже⟩, обманутый несколькими смутными преданиями, верил в дворянство своей фамилии, хотя был сыном простого харчевника... и всегда прибавлял к своему имени дворянскую частичку. Автор получил ее также в актах о своем рождении. Он никогда не украсился бы ею, если б не необходимость установить разницу между своим именем и именами нескольких Беранже, которые во время его дебюта имели некоторую литер. известность... Долго Сен-Жерменское предместье считало его действительно дворянином, даже после песни „Простолюдин“, и это немало способствовало увеличению ненависти, которую он внушал. Когда же он твердо доказал свое простолюдинство, эти г-да и дамы говорили, что Б⟨еранже⟩ оттого сражается против привилегии, что сам низкого происхождения. Третий куплет намекает на всех этих господ старого дворянства, которые, соскучась своим невольным уединением в своих замках, выпрашивали место в передней нового Карла Великого». В ССтих. строфа 3 исключена по указанию цензора за «резкие нападки на дворянство». То же в ПССоч. *Карл Великий* (742—814) — король франков. *Леопард британский Вводим был в наши города.* В средние века английские войска неоднократно вмешивались во французские феодальные междоусобицы по призыву какой-либо из враждующих сторон. *Лига* (XVI в.) — союз французских католиков против гугенотов.

366. Д, 1871, № 2, с. 172. Перевод стих. «Le vieux ménétrier». Примеч. Михайлова: «„Эта песня была написана посреди проскрип-

ций и экзекуций, помрачавших вторую Реставрацию, и которые должны были надолго отвратить от нее истинно честные и патриотические сердца. Не песнями и не стихами можно внушить истину королям и факциям; но поэтам все же не следует унывать“. (Пр⟨имечание⟩ Б⟨еранже⟩)».

367. «Слово», 1878, № 11, с. 144, с неточностью в ст. 2, подпись: М. И. Исправлено в ССоч. Перевод стих. «Les oiseaux». Из примеч. Михайлова: «Эти куплеты обращены к Арно, отправлявшемуся в изгнание, в январе 1816». Арно А. (1766—1834) — французский поэт, друг и покровитель Беранже.

368. ПССтих., с. 455. Перевод стих. «Les deux sœurs de charité». Из примеч. Михайлова: «Примечание Беранже: „Это одна из тех песен, против которых с особенным ожесточением гремел Маршанжи, королевский адвокат, во время процесса Беранже. Она попала в число осужденных песен. Автор припоминает в конце второго куплета отказ в обряде погребения, так часто даваемый нашими священниками актерам и актрисам“». *Петр* — см. примеч. 354. *Ave* — «Ave, Maria...», католическая молитва.

369. ПССтих., с. 458, с неточностью в ст. 62. Исправлено в БП. Перевод стих. «Ce n'est plus Lisette».

370. «Труд», 1893, № 4, с. 143. Перевод стих. «L'hiver».

371. ПССтих., с. 461. Перевод стих. «Le marquis de Carabas». Сатира на возвращение помещиков на свои земли после восстановления монархии во Франции в 1816 г. *Маркиз Карабá* — в сказке Перро «Кот в сапогах» — сын мельника, самозванный маркиз, женившийся на дочери короля. *Кастелан* — смотритель замка. *Пипин Короткий* (714—762) — один из первых королей франков. *Кто другой здесь есть, Чтобы смел при троне сесть?* Знатнейшие дворяне имели особую привилегию — право сидеть в присутствии короля и королевы.

372. ПССтих., с. 463, с неточностью в ст. 32. Исправлено в ССоч. Перевод стих. «Ma république». Примеч. Михайлова: «„Какой парижанин, не выезжая из Франции, мог видеть столько королей, как тот, кто видел, во-первых, в детстве своем, Людовика XVI, потом Наполеона, его сына, его братьев, Жозефа, Луи, Жерома и Мюрата, и вслед за ними королей Этрурии, Виртемберга, Саксонии, Баварии, папу, двух королей испанских, Карла IV и Фердинанда, и, наконец, во время двух вторжений во Францию, Александра, Франциска II, Фридриха-Вильгельма Прусского, Вильгельма Нидерландского, Бернадотта и *tutti quanti*? Прибавьте к этому, и без того большому числу, Людовика XVIII и Карла X, не считая *Матюрена Брюно*. Надеюсь, этого довольно для республиканца“ (Прим⟨ечание⟩ Б⟨еранже⟩)».

373. ОЗ, 1870, № 5, с. 1, подпись: М.—Л.—М. Перевод стих. «Paillasse». Из примеч. Михайлова: «Написано в декабре 1816 г. Примечание самого Беранже: „Многие думали и говорили, что эта

песня написана на Дезожье. Следовало бы вспомнить, что Беранже никогда не выставлял в своей сатире личностей, кроме личностей сильных людей... «Паяц» был общим изображением стольких людей, которые возвысились и получили значение повыше Дезожье"». Перевод был исключен из ССтих. по указанию цензора, который писал: «В этом стихотворении вельможа приравнивается паяцу, готовому угождать всякому властелину».

374. ПССтих., с. 466. Перевод стих. «Mon âme». *Илион* — Троя; здесь иносказательно: Париж. *Терсит* — персонаж «Илиады», безобразный урод, наглец и трус; здесь подразумевается Александр I.

375. ПССтих., с. 468, с искажениями в ст. 45, 46. Исправлены в БП. Перевод стих. «La Sainte Alliance barbaresque». Сатира на «Священный союз» — объединение международной реакции в начале XIX в. с целью подавления революционного движения в Европе. Договор о «Священном союзе» подписали 14 сентября 1815 г. русский царь Александр I, австрийский император Франц I и прусский король Фридрих-Вильгельм III. *Тунис, Марокко* и *Алжир* — здесь иносказательно: Россия, Австрия и Пруссия. *Христоф* (1767—1820) — негритянский король на острове Гаити. *Бональд* Л.-Г.-А. (1754—1840) — французский реакционный философ и публицист, мракобес, ярый враг революции. *Ферран* К. (1751—1825) — французский реакционный политический деятель и публицист, крайний монархист.

376. ПССтих., с. 469. Перевод стих. «Mon petit coin».

377. ПССтих., с. 471, с неточностью в ст. 4. Исправлено в БП. Перевод стих. «L'indépendant». *Лувр* — королевский дворец в Париже.

378. ЖО, 1882, № 18, с. 278, с изменением в ст. 12, подпись: Мих. Илецкий. Исправлено в ССтих. Перевод стих. «La bonne vieille».

379. ПССтих., с. 473. Перевод стих. «La vivandière». Примеч. Михайлова: «1817 г. Б⟨еранже⟩ говорит в примечании: „Вот одна из тех патриотических песен Б⟨еранже⟩, которые имели наиболее успеха: она проникла в особенности в низшие классы, которым нравиться автор всегда считал необходимым, в интересе самой поэзии, которая, по его мнению, слишком долго пренебрегала у нас публикой, могшей привесть нас к большей естественности и правде. «Маркитантка» особенно не понравилась полиции, и ее запрещали петь в народных трактирах"». В стихотворении упоминаются основные этапы движения наполеоновской армии: переход через *Альпы* во время итальянской кампании (1796), *египетская* экспедиция (1798—1799), вступление войск в *Вену* (1805), *Рим* (1808), *Мадрид* (1808), Москву (*Кремль* — 1812). *Когда была нам участь брани Числом лишь вражьим решена.* Имеется в виду разгром наполеоновской армии войсками коалиции при Ватерлоо в 1815 г. *Жанна* д'Арк (1412—1431) — национальная героиня Франции, крестьянская девушка, возглавившая освободительную борьбу против англичан.

380. ОЗ, 1870, № 5, с. 2, с изменением ст. 26, подпись: М.—Л.—М. Исправлено в ССтих. Перевод стих. «L'exilé».

381. Д, 1871, № 1, с. 339, с изменениями ст. 36, 46. Исправлены в ССтих. Перевод стих. «La nature». Во второй строфе Беранже использовал образы библейской легенды о всемирном потопе и Ноевом ковчеге (см. примеч. 222).

382. Д, 1871, № 1, с. 283, с неточностями в ст. 12, 50. Исправлены в ССтих. Перевод стих. «L'orage».

383. ПССтих., с. 482. Перевод стих. «Nabuchodonosor». *Навуходоносор* (VI в. до н. э.) — царь древнего Вавилона; по библейской легенде, за жестокость и высокомерие бог покарал его безумием, — он вообразил себя быком, ходил на четвереньках, питался травой. *Дедикация* — посвящение. *Халдеи* — древний народ, обитавший на северо-западном побережье Персидского залива.

384. РМ, 1888, № 1, с. 109, с неточностями в ст. 10, 35. Исправлены в ССтих. Перевод стих. «Adieux à la campagne». Из примеч. Михайлова: «Эта песня, написанная в ноябре 1821, была переписана и роздана в суде, в день первого осуждения Беранже. «Скудные средства» в третьем куплете — это место экспедитора, которое Беранже занимал в течение двенадцати лет. В 1821 г., когда появился сборник песен, подвергшийся преследованию, министерство принудило членов университетского совета отнять у Беранже его скромную должность... В предпоследнем куплете (стих второй) я поставил слово «суд» вместо имени генерального прокурора в Парижском королевском суде Беллара, обвинителя Беранже. Конечно, этот стих Беранже один сохранит надолго от забвения имя этого ничтожного, но вредного холопа Людовика XVIII». *Филомела* (греч. миф.) — дочь афинского царя, которую похитил, обесчестил и держал в заточении царь Фракии Терей; боги превратили ее в соловья.

385. ПССтих., с. 485. Перевод стих. «La liberté». Примеч. Михайлова: «Это — первая песня, написанная Беранже в тюрьме Sainte Pélagie в январе 1822 г. Во втором куплете поименован Маршанжи, королевский адвокат. Я заменил его более общим понятием». *Цивизм* — гражданственность. *Тибр* — река в Италии, на которой стоит Рим. *Лувр* — см. примеч. 377.

386. РМ, 1882, № 5, с. 44, с заменой ст. 29 и 42 многоточием. Восстановлены в ССтих. Перевод стих. «L'ombre d'Anacréon». Из примеч. Михайлова: «Эта песня написана Беранже в тюрьме Sainte Pélagie, 1822. Греческое восстание, начатое в 1821 г., одержало уже много побед» (имеется в виду восстание греческого народа против турецкого ига). *Анакреон* — см. примеч. на с. 534. *Стикс* — см. примеч. 194. *Коринф и Фивы, Спарта и Афины* — города-государства Древней Греции.

387. Д, 1869, № 4, с. 304, без подзаг., подпись: М. М—ов. Подзаг. впервые в ССтих. Перевод стих. «La déesse». Примеч. Михайлова: «Добавочное заглавие правильнее переводится так: «К особе,

которую автор видел в роли Свободы на одном из празднеств Революции». Эта добавка достаточно объясняет стихотворение».

388. Д, 1867, № 4, с. 228, с изменениями в ст. 13, 38, подпись: Л. Шелгунова. Исправлены в ССтих. Перевод стих. «Les hirondelles». Примеч. Михайлова: «В первом стихе Беранже определяет точнее место плена героя этого романса; он называет „Мавританский берег“. Желая сохранить пьесе ее средневековый характер, я назвал войну, о которой упоминается в предпоследней строфе, „святою“».

389. Д, 1883, № 2, с. 318, подпись: М. Илецкий. Перевод стих. «Le prisonnier».

390. ПССтих., с. 492. Перевод стих. «La mort du diable». Примеч. Михайлова: «Игнатий, о котором рассказывает песня, есть Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов». *Конклав* — собрание кардиналов для избрания папы.

391. ПССтих., с. 494. Перевод стих. «Les nègres et les marionnettes». Примеч. Михайлова: «В подлиннике эта песня названа басней». *Полишинель* — комический персонаж во французском кукольном театре, аналогичный русскому Петрушке.

392. ОЗ, 1870, № 5, с. 6, подпись: М.—Л.—М. Перевод стих. «Le feu du prisonnier». Примеч. Михайлова: «Эта песня написана в тюрьме La Force, в 1829 г. Беранже замечает к четвертому куплету, что „некоторые особы писали ... из Швейцарии, предлагая убежище, в случае, если я захочу избежать угрожавшего мне заточения“. К последнему куплету: „Пробовали намекать мне, что от меня самого зависит получить облегчение в моем положении“».

393. ПССтих., с. 496, с неточностью в ст. 53. Исправлено в БП. Перевод стих. «Le quatorze Juillet». Из примеч. Михайлова: «Эта песня написана Беранже в тюрьме La Force, 1829. 14 июля — день взятия Бастильи. В примечании к припеву своей песни Беранже говорит: „14 июля 1789 была чудная погода; 14 июля 1829 был тоже прекрасный день, хотя лето вообще было страшно дождливо“». *Лафайет* М.-Ж. (1757—1834) — французский генерал; после взятия Бастилии командовал Национальной гвардией. *Мирабо* О.-Г.-Р. (1749—1791) — вождь крупной либеральной буржуазии во французской революции XVIII в., выдающийся оратор.

394. ОЗ, 1870, № 5, с. 4, с неточностью в ст. 13, подпись: М.—Л.—М. Исправлено в ССтих. Перевод стих. «Jeanne-la-rousse, ou La femme du braconnier».

395. Д, 1869, № 4, с. 88, с цензурным искажением последнего ст. («Старик бродяга забывает вас!»), подпись: М. М—ов. Исправлено в ССтих. Перевод стих. «Le vieux vagabond». Примеч. Михайловa: «В предпоследней строфе намек на сдачу Парижа».

396. РМ, 1882, № 5, с. 46. Перевод стих. «Les orangs-outangs». *Езоп* (VI в. до н. э.) — легендарный древнегреческий баснописец. *Диоген* — см. примеч. 356.

397. ПССтих., с. 502. Перевод стих. «Les fous». В примеч. Михайлова приводится полностью примеч. Беранже, содержащее биографию К.-А. *Сен-Симона* (1760—1825) и характеристику трудов Ш. *Фурье* (1772—1837) — французских социалистов-утопистов, предшественников научного социализма, которые выступили в начале XIX в. с критикой буржуазного общества и разрабатывали системы нового справедливого общественного устройства. *Фаланга* — основная производственно-потребительская ячейка в утопическом обществе Фурье. *Анфантен* Б.-П. (1796—1864) — ближайший ученик и последователь Сен-Симона, поборник женского равноправия.

398. ССтих., с. 363, с неточностями в ст. 5, 22. Исправлены в БП. Перевод стих. «Plus de vers». *Дофин* (франц.) — наследник королевского престола.

399. ОЗ, 1870, № 5, с. 7, с цензурным искажением ст. 52—53 («Залила их всех... Ой! ой!.. Лишь один чуть жив остался...»), подпись: М.—Л.—М. В ССтих. последняя строфа исключена по указанию цензора как «неприличное осмеяние всемирного потопа»; то же в ПССоч. Полный текст в ПССтих., с ошибочной перестановкой строф 6 и 7. Исправлено в ССоч. Перевод стих. «Les fourmis». *Пиндар* (518—442 до н. э.) — древнегреческий поэт, автор хвалебных од. *Ной* — см. примеч. 222.

400. ОЗ, 1870, № 5, с. 8, с неточностью в ст. 64, подпись: М.—Л.—М. Исправлено в ССтих. Перевод стих. «L'apôtre». Из примеч. Михайлова: «Под заглавием в подлиннике стоит посвящение: „К Ламне". В самой песне Беранже характеризовал апостольскую фигуру и деятельность Ламне, с которым был очень дружен в последние годы жизни знаменитого апостола-трибуна. В манере пьесы есть сходство с манерою „Слов верующего", именно, если не ошибаюсь, с главой, где Ламне обращается к солдату с вопросом: «Куда ты, солдат?» (Справиться)». Ламне (точнее: Ламенне) Ф. Р. (1782—1854) — французский аббат, проповедник так называемого «христианского социализма»; в своем памфлете «Слова верующего» (1834) обличал буржуазное общество с позиций христианской морали.

401. «Шехеразада», 1859, № 27, с. 1, с подзаг. «Последнее стихотворение Беранже». В Стих. 1862 не входило. Перевод стих. «Adieu».

С ВЕНГЕРСКОГО

Шандор Петефи

Шандор Петефи (1823—1849) — революционный поэт, один из вождей революционно-демократического крыла венгерского национально-освободительного движения. Михайлов первый начал переводить стихотворения Петефи на русский язык, когда имя венгерского поэта еще не было известно в России. Впоследствии, в 1870-е — на-

чале 1880-х годов творчество Петефи популяризовалось тем же демократическим журналом «Дело» (переводы А. Михайлова (Шеллера), М. Шелгунова и др.), где посмертно публиковались многие произведения М. Михайлова.

402. Стих. 1862, с. 285. Перевод стих. «Bőlcsőben síraz éber csesemő...».

403. Д, 1881, № 1, с. 127, с неточностями в ст. 7, 35. Исправлены в ССтих. Автограф — ПД. Перевод стих. «Falu végén kurta kocsma...».

ИЗ СЛАВЯНСКИХ ПОЭТОВ

Тарас Шевченко

Тарас Григорьевич Шевченко (1814—1861) был лично знаком с Михайловым. Вернувшись в марте 1858 г. после десятилетней ссылки-солдатчины в Петербург, Шевченко сблизился с редакцией С, в которую входил Михайлов. Кроме того, оба поэта были связаны с польскими демократическими деятелями, находившимися в России (см.: «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.», М.—Л., 1963, с. 128, 131—132). Выходу в 1860 г. «Кобзаря» Шевченко Михайлов посвятил специальную статью (РС, 1860, № 4), в которой писал: «Тесная связь певца с народом, связь и кровная и нравственная, одинаковые радости, одинаковые страдания дали характер чисто народный его песням». Поэзия Шевченко привлекала Михайлова «силой поэтического чувства, глубоким, сердечным пониманием лишений и нужд, печалей и радостей народных, безыскусственным, прямым и ясным складом мысли и речи...» (Соч. I, с. 112, 107). В письме из Петропавловской крепости от 8 ноября 1861 г. Михайлов писал: «У меня все на уме сегодня из стихов Шевченко: „Тяжко, важко!“» (Воспоминания, т. 2, с. 431).

404. Стих. 1862, с. 289, с изменениями в ст. 45, 53, 55, 79. Исправлены по черновому автографу ГПБ. В ГПБ также хранится копия рукою Н. В. Гербеля, текст которой значительно отличается от автографа; на первой странице надпись: «Не дозволить. Медем»; в конце приписка Гербеля: «Перевод Михайлова, исправленный мною по его просьбе для напечатания в моем издании «Кобзаря» Шевченки, но запрещенный председателем цензурного комитета бароном Медемом, что значится на первой странице». Перевод стих. «До Основ'яненка». Исключен из ССтих. на основании замечания цензора: «Стихотворение это есть обращение к патриотическому чувству малороссиян». В статье о «Кобзаре» Михайлов писал: «Особенно полно гайдамацкой грусти и силы послание к Основьяненке; могучие стихи этой пьесы сразу западают в память и уже не забываются. В звуках этих стихов есть что-то родное и стону ветра, рыскающего по казачьей степи, и ропоту днепровских порогов, и заунывному воплю чайки...» (Соч. III, с. 113). *Основьяненко Грыцко* — псевдо-

ним Григория Федоровича Квитки (1778—1843), украинского писателя, друга Шевченко. *«Гриця» запевает*. Возможно, имеется в виду популярная украинская песня «Пішов Гриць зажуривсь...», сочинение которой приписывается Квитке.

405. PC, 1860, № 4, с. 41, в конце статьи Михайлова о «Кобзаре» Шевченко, без указания переводчика, с вариантами. Печ. по сб.: «Кобзарь Тараса Шевченка в переводе русских поэтов». Под ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1860, с. 57. Автограф — ГПБ. Перевод стих. «Іван Підкова». *Иван Подкова* (XVI в.) — авантюрист, неудачный претендент на молдавский трон; Подкова у Шевченко не соответствует историческому лицу, но представляет собою собирательный образ былой казацкой вольницы, бесстрашной даже перед таким сильным врагом, как султанская Турция. *Лиман* — устье Днепра. *Синоп* — турецкий город на южном берегу Черного моря.

406. ПССтих., с. 526. Перевод стих. «Заповіт».

Адам Мицкевич

Михайлов еще в юности перевел стихотворение Мицкевича (1798—1855) «Сон» (ЛГ, 1848, № 3). Вторичное обращение его к поэзии Мицкевича в ссылке было проявлением сочувствия к польскому народу, боровшемуся за свое освобождение (см. примеч. 108).

407. ПССтих., с. 629, в отделе «Оригинальные стихотворения», с неточностью в ст. 27. Исправлено в БП по списку ПД. Как перевод из Мицкевича — в ССоч. Перевод стих. «Do matki Polki». По-видимому, не завершен и был переписан с несохранившегося чернового автографа (ср. ст. 26—29). *Назарет* (еванг.) — город в Палестине, где провел детство Христос. *Под знаменем трехцветным.* Трехцветное знамя — государственный флаг французской республики и затем империи Наполеона; здесь подразумевается участие польского легиона в действиях наполеоновской армии; поляки рассчитывали, что Наполеон поможет им освободить их страну.

Зигмунт Красинский

Зигмунт Красинский (1812—1859) — польский писатель-романтик. Помимо стихотворения, Михайлов перевел, вероятно на каторге, драму Красинского «Небожественная комедия» (опубликовано посмертно: «Новости», 1878, №№ 310, 316, 330, 335; см.: «Slavia orientalis», 1959, № 1, s. 71—75).

408. С, 1860, № 8, с. 474, под загл. «Жизнь», с эпиграфом — первой строкой оригинала. Печ. по Стих. 1862, с. 299. Перевод стих. «Ah, mętne krwią i łsami pędza życia fale...».

Константин Ригас

Константин Ригас (1754—1798) — поэт-революционер, боровшийся за освобождение Греции от турецкого владычества; расстрелян турецкими властями. «Военный гимн», который перевел Михайлов, имел широкое распространение в Греции, особенно в период революции 1821—1827 гг., когда он приобрел значение национального гимна. Михайлов ошибочно приписал «Военный гимн» греческому ученому и поэту Адамантию Кораису (1748—1833). Авторство Ригаса указано в ПССтих. (с. 716; ср.: ССоч., с. 611).

409. С, 1865, № 3, с. 97, с ошибками в ст. 53, 152, без подписи (в оглавлении: -ва). Исправлено в ССтих. Список — ПД. Перевод стих. «Ὡς πότε, παλληκάρια». *Паликары* — нерегулярная милиция в Греции, выступавшая в борьбе против турецкого ига. *Фанар* — квартал в Константинополе, населенный греческой аристократией; фанариоты принимали деятельное участие в борьбе за национальную независимость. *Арваниты* — греческое название албанцев. *Ромейцы* — одно из греческих племен, живущее в Европейской Турции. *Майноты* — греки, жители Танарского п-ова. *Сулиоты* — греко-албанское горное племя. *Мавровуни* — львы Черногории. *Аграфа* — Аграфские горы в Греции, где были сосредоточены отряды греческих борцов за свободу. *Сава* — приток Дуная. *Гидра* — греческий остров около юго-восточного берега Пелопоннеса. *Псариоты* — жители греческого о-ва Псарос, имевшие большой флот. *Кирсалиды* — повстанцы в Сирии, поднявшие в XVIII в. восстание против турецкого султана.

Александр Ипсиланти

Александр Константинович Ипсиланти (1792—1828) — поэт, один из вождей национально-освободительной борьбы в Греции в 1820-е годы.

410. С, 1865, № 3, с. 103, без подписи (в оглавлении: -ва). Автограф — ПД.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

На всем протяжении своего творческого пути Михайлов проявлял глубокий интерес к народному творчеству. В рецензии на «Песни, собранные П. В. Киреевским», он писал: «Старинная песнь — почти единственный отклик, в котором доходит до нас народная дума... Все, что волнует душу народа и просит внешнего выражения, переходит в песню, сказку, пословицу, и в этой безыскусственной, но

верной форме переживает века, повторяется сотнями поколений и часто умирает только вместе с народом. Это самый твердый исторический памятник...» (РС, 1860, № 11, с. 33). Михайлов сам изучал и собирал фольклор и использовал его в своем творчестве. При переводах он уделял особое внимание поэтам, которые прибегали к темам и формам народных песен, а также перевел более десяти песен различных народов.

Шотландская баллада

411. С, 1858, № 7, с. 5. Печ. по Стих. 1862, с. 303. *Клейд* — река в Шотландии.

Сербские песни

412. ЛГ, 1847, № 45, с. 710, др. ред. Печ. по «Народное чтение», 1859, кн. 4, с. 206.

413. Стих. 1862, с. 310.

414. РС, 1860, № 1, с. 305, под загл. «Из песен о Марке Кралевиче». Печ. по Стих. 1862, с. 311.

Новогреческие песни

415. С, 1863, № 1-2, с. 120, подпись: Мих. Илецкий. Автограф — ПД. Перевод исключен по указанию цензора из ССтих.

416. И, 1847, № 7, с. 111, др. ред., под загл. «Измена». Печ. по Стих. 1862, с. 315. Перевод с немецкого перевода Шамиссо «Veratene Liebe (Neugriechisch)». Положен на музыку А. Г. Рубинштейном.

Литовские песни

417. «Народное чтение», 1859, кн. 4, с. 207. Перевод с немецкого перевода Шамиссо «Die Waise (Lithauisch)».

418. Д, 1870, № 6, с. 215. Автограф — ПД.

419. Д, 1870, № 6, с. 216. Автограф — ПД. Перевод с немецкого перевода Шамиссо «Familienfest (Lithauisch)».

420. Стих. 1866, с. 399.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ МИХАЙЛОВУ

421. «Колокол», 1862, прибавл. к л. 119—120, с. 1001, без подписи. Списки в ЦГАЛИ имеют заглавия: «М. Л. М.», «Письмо студентов к Михайлову». В изъятой при обыске тетради студента Петербургского университета П. Крампфа стихотворение сопровождалось припиской, обращенной к Михайлову: «Михаил Ларионович, наш близкий привет Вам, наше полное неизменное уважение к заслугам Вашим перед обществом. Мы полны веры в Вас и грядущее время. Тяжелая участь, доставшаяся Вам на долю, не сломит Вас, и Вы скоро опять будете между нами и снова с той же готовностью будете служить народу. Вот все, что мы желаем и что могли высказать Вам. Пусть это будет сопутствием Вам на Вашу дальнюю дорогу и пусть в тяжелые минуты ссылки останется Вам утешением, что есть *молодое поколение,* сочувствующее и уважающее Вас. Не забывайте этого, это хотя несколько облегчит Ваш тяжелый труд» (цит. по: Е. Г. Бушканец, Особенности изучения памятников нелегальной революционной поэзии XIX века, Казань, 1962, с. 35). См. примеч. 68. Вопрос об авторе не решен. По свидетельству Н. Я. Николадзе (Воспоминания о шестидесятых годах. — «Каторга и ссылка», 1927, № 4, с. 44—45), автором стихотворения был Иван Александрович Рождественский (ум. 1876), который находился в числе студентов, арестованных за участие в волнениях. Л. Ф. Пантелеев (Воспоминания, М., 1958, с. 179) называл автором деятеля «Земли и воли» Николая Исааковича Утина (1840?—1883). Стихотворение неоднократно включалось в нелегальные сборники.

422. Мих. Лемке, Политические процессы в России 1860-х гг., М.—Пг., 1923, с. 136; напечатано как анонимное по списку в тетради, взятой при обыске у Ткачева 17 ноября 1862 г. Авторство установлено Н. Ф. Бельчиковым (Стихотворные опыты П. Н. Ткачева. — «Русская литература», 1958, № 4, с. 183—184). Загл. стихотворения — дата гражданской казни Михайлова. Петр Никитич *Ткачев* (1844—1885) — в 1861 г. студент Петербургского университета, в дальнейшем — революционный деятель, критик и публицист.

423. «Колокол», 1862, прибавл. к л. 119—120, с. 1001. Черновые автографы — ЦГАЛИ. Вторая часть стихотворения (от «Закован в железы, с тяжелою цепью. . .») неоднократно перепечатывалась в нелегальных сборниках. Исполнявшаяся на мотив песни А. Ф. Мерзлякова «Среди долины ровныя. . .», эта часть вошла в репертуар русской революционной песни. Об отношениях Михайлова с Герценом и Огаревым см. примеч. 105. Ответ Михайлова — см. № 105. *Ведь ты из фрачных* — т. е. из неслужащего дворянства. *Брошен свежий труп Бойца, носившего тулуп.* Имеется в виду крестьянин Антон Петров, возглавивший крестьянский бунт в с. Бездна Казанской губернии и расстрелянный по приговору военно-полевого суда 17 апреля 1861 г.

424. «Былое», 1906, № 5, с. 185. До этого стихотворение распространялось в списках. Петр Лаврович *Лавров* (1823—1900) — выдающийся теоретик революционного народничества, в начале 1860-х годов полковник, профессор Артиллерийской академии, а также главный редактор «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами». Лавров привлек Михайлова к работе над словарем в качестве редактора отдела словесных наук; он также сотрудничал с Чернышевским и Михайловым при организации литературно-политического «Шахматного клуба», объединившего ведущих прогрессивных писателей и ученых Петербурга. После ареста Михайлова Лавров подписал петицию петербургских литераторов министру народного просвещения Е. В. Путятину с ходатайством об освобождении Михайлова. Первоначальный проект петиции, написанный Лавровым, был отвергнут «за *резкость* выражений» (Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки, М.—Л., 1934, с. 294). Когда в 1866 г. Лавров предстал перед военным судом, его обвинили, наряду с писанием нелегальных стихов и распространением «вредных идей» в печати, в «сочувствии и близости к людям, известным правительству своим преступным направлением» — Чернышевскому и Михайлову («Былое», 1907, № 2, с. 260).

425. «Стихотворения Н. Пушкарева», СПб., 1869, с. 66, под загл. «С итальянского», с эпиграфом: «Dulce et decorum est pro patria mori» («Приятно и почетно умереть за отчизну». Гораций, «Оды», кн. III, 2), с вариантами. Печ. по машинописной копии ГПБ (архив П. А. Картавова), подготовленной автором в 1905 г. для неосуществленного собрания сочинений. *Пушкарев* Николай Лукич (1842—1906) — поэт-демократ некрасовской школы. Н. К. Крупская называла его в числе поэтов-шестидесятников, оказавших «несомненно очень сильное влияние на поколение, к которому принадлежал Ленин... Стихотворения братьев Курочкиных, Д. Минаева, Пушкарева и других переходили из уст в уста, запоминались со слов. Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, авторов не знали, а стихи знали. Ленин знал их немало» (Н. К. Крупская, Поэты «Искры». — Педагогические сочинения в десяти томах, т. 3, М., 1959, стр. 663).

426. «Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенников по политическим причинам в период 1873—77 гг., осужденных и ожидающих „суда“», Женева, 1877, с. 6, др. ред., под загл. «Могила. (Посвящается памяти Михаила Михайлова)», подпись: Вербовчанин. Печ. по сб.: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1968, с 135, где опубликовано по рукописной поздней редакции, сохранившейся у внука поэта. Сергей Силович *Синегуб* (1851—1907) — поэт-народник.

427. П. Я., Стихотворения, СПб., 1898, с. 120, без загл., с цензурными изъятиями ст. 8—17, 24, 28—31, 34, 35. Печ. по: П. Я. (П. Якубович-Мельшин), Стихотворения, т. 2, 4-е испр. и доп. изд., СПб., 1910, с. 5. Петр Филиппович *Якубович* (псевдоним — Л. Мельшин; 1860—1911) — деятель революционного народничества, писатель. Осужденный в 1887 г. на каторжные работы, он в конце

1893 г. был переведен в Кадаю, где в 1865 г. умер и был похоронен Михайлов. Якубович с трудом отыскал заброшенную могилу поэта, крест с которой был похищен. В своих воспоминаниях он описал местность вокруг могилы: «Глаз приятно поражается прежде всего обилием растущих тут незабудок: весь холм буквально залит ими и синеет под ногами, как огромный голубой ковер... Глубоко внизу, по темной лощине тянется серая лента деревни, а с других сторон, по краям горизонта, высятся унылые остроконечные сопки, словно стерегущие невозмутимый сон мертвецов... В ясные солнечные дни воздух оглашается несмолкаемыми бесчисленными трелями жаворонков, привольно купающихся в небесной лазури, и под их торжественные звуки невольно вспоминаются стихи М. Л. Михайлова...» (далее приводится стихотворение «Вышел срок тюремный...» — П. Ф. Якубович, В мире отверженных, т. 2, М.—Л., 1964, с. 374. Ср.: Л. Мельшин, На могиле М. Л. Михайлова. — «Степной край», 1896, № 54). *Лишь высятся два одиноких креста Над славой кровавою Польши... повален Грозою, их третий товарищ лежит.* Рядом с могилой Михайлова находились могилы ссыльных участников польских восстаний 1831 и 1863 гг.

СТИХОТВОРЕНИЯ МИХАЙЛОВА, НЕ ВОШЕДШИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ[1]

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Был я младенцем невинным, не знал ни заботы, ни горя. . .» — И, 1847, № 9, с. 142.

«В улице далекой. . .» — И, 1848, № 40, с. 247.

Вассал — ЛГ, 1847, № 49, с. 774.

Вдохновение — И, 1847, № 7, с. 111.

Весна — И, 1848, № 40, с. 247.

«Где консьержа вечно плещет. . .» (1859) — Л. П. Шелгунова, Из далекого прошлого, СПб., 1901, с. 89.

Дервиш и мышь — «Искра», 1860, № 30, с. 324, подпись: М. М.

Дриада — И, 1847, № 9, с. 142.

Дума — И, 1847, № 4, с. 62.

Зимний вечер — И, 1847, № 9, с. 141.

Зов — И, 1847, № 7, с. 111.

Искушение (1850-е годы) — ССоч., с. 184. Автограф — ГБЛ.

Кудри — ЛГ, 1847, № 49, с. 774, подпись: М. М.

«Люблю я на тебе мои покоить взоры. . .» — ЛГ, 1847, № 42, с. 661.

Мелодия («В лодке я легкой катался. . .») — ЛГ, 1848, № 25, с. 385.

«Много звезд блестящих. . .» — ЛГ, 1847, № 24, с. 372.

Няня — ЛГ, 1847, № 27, с. 422.

«Опять в ночной тиши напрасно сон зову я. . .» — М, 1849, ноябрь, кн. 2, с. 148.

«Отряхнув следы мороза. . .» (1850—1851?) — Изв. ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 5, с. 437. Автограф — ГБЛ.

* Первый снег (1850—1851?) — автограф ГБЛ.

Призыв — И, 1847, № 7, с. 111.

---

[1] Звездочкой отмечены неопубликованные стихотворения. Стихотворения, публиковавшиеся в собраниях сочинений Михайлова ошибочно или без достаточных оснований, в список не включены.

«Словно смеется гладь моря, солнца лучами играя...» — ЛГ, 1847, № 26, с. 405.

Смех — ЛГ, 1848, № 19, с. 292.

Статуя — ЛГ, 1847, № 26, с. 405.

* Флора и Зефир (1849?) — автограф ГБЛ.

Художнику — И, 1847, № 9, с. 142.

Эпиграмма («Мне твой стих надоедает...») — ЛГ, 1847, № 45, с. 709.

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

Алкей

Гезиод — ЛГ, 1847, № 45, с. 709.

Анакреон

«На пиру, за полной чашей...» — ЛГ, 1849, № 1, с. 7.

«Ты розою роскошной расцветаешь...» — ЛГ, 1847, № 33, с. 518. Автограф — ПД.

Байрон Джордж

Подражание португальскому — И, 1847, № 4, с. 62.

Беранже Пьер-Жан

Залоги. Арабская сказка — «Шехеразада», 1859, № 17, с. 521.

Бхартрихари

«Лесом шла она; смотрел я...» — Стих. 1862, с. 7.

«Слеза упоенья...» — Стих. 1862, с. 6.

Гейне Генрих

Асра — РС, 1859, № 10, с. 181.

«Безбрежное море кругом...» — ОЗ, 1857, № 12, с. 732.

«Беспрестанно я мечтаю...» (начало 1850-х годов) — Изв. ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 5, с. 438. Автограф — ГБЛ.

«В роще я прилег под те березы...» — ЛГ, 1848, № 25, с. 385.

Воспоминание (между 1862 и 1865?) — ПССтих., с. 367. Автограф — ПД.

«Дитя мое, свет глуп и слеп...» (между 1862 и 1865?) — ЖО, 1888, № 10, с. 159, подпись: Мих. Илецкий. Автограф — ПД.

«Дождался я светлого мая...» — РВ, 1856, май, кн. 2, с. 383. Ранняя редакция («Весна наступила...») — И, 1847, № 9, с. 142.

«Заря золотая погасла...» — ЛГ, 1848, № 22, с. 335.

«И розы на щечках у милой моей...» — РС, 1859, № 10, с. 180.

Ильза — РВ, 1859, март, кн. 2, с. 246.

«Как расстаются двое...» — РС, 1859, № 10, с. 180. Автограф — ГПБ.

«Как сквозь облачного дыма...» — Гейне, с. 59. Предшествующая редакция («Как из облачного дыма...») — ОЗ, 1857, № 12, с. 733.

«Когда гляжу тебе в глаза...» — РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 142.

Король Ричард — С, 1858, № 3, с. 123.

Морфины (между 1862 и 1865?) — ЖО, 1887, № 7, с. 98, под загл. «Сон и смерть», подпись: Мих. Илецкий. Автограф — ПД.

«На бледном лице ты моем. . .» — ЛГ, 1848, № 20, с. 308.

«Нависла над морем немая скала. . .» (начало 1850-х годов) — Изв. ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 5, с. 438. Автограф — ГБЛ. Другая редакция («Над морем, поникнув на голый гранит. . .») — см. наст. изд., с. 37—38. Автограф — ГБЛ.

«Непонятной тоской. . .» — ЛГ, 1847, № 42, с. 660.

* «Околдована душа. . .» (начало 1850-х годов) — автограф ГБЛ.

«Опустясь головкой сонной. . .» — «СПб. ведомости», 1853, 26 апреля. Автограф, под загл. «Лотос», — ГПБ (альбом Н. В. Гербеля).

Оставь меня! — ЛГ, 1847, № 32, с. 502.

«Падает звездочка с неба. . .» — РВ, 1856, ноябрь, кн. 1, с. 143.

Пастор («Сквозь облака месяц осенний. . .») — РС, 1859, № 10, с. 183, без загл. Ранняя редакция, с цензурными изменениями и пропусками, под загл. «Мертвец», — ЛГ, 1848, № 32, с. 502.

Пастух — РВ, 1859, март, кн. 2, с. 275.

«Покрыт ночным туманом путь далекий. . .» — И, 1847, № 9, с. 142. Другая редакция («Ночной туман скрывает путь далекий. . .») — Стих. 1866, принадлежит, видимо, Н. В. Гербелю.

«Скажи мне, кто вздумал часы изобресть. . .» — РВ, 1857, июнь, кн. 1, с. 438.

«Случайно со мной повстречалась. . .» — РС, 1859, № 10, с. 182.

«Снова роща зеленеет. . .» — РС, 1859, № 10, с. 182.

«Тебя умчит далеко. . .» (между 1862 и 1865?) — ССтих., с. 178. Автограф — ПД.

«Тень — любовь твоя и ласки. . .» — Гейне, с. 74. Автограф редакции начала 50-х годов («Эта страсть и эти ласки. . .») — ГБЛ.

«Ты как цветок весенний. . .» — РВ, 1856, май, кн. 2, с. 382. Ранняя редакция («Ты словно цветочек весенний. . .») — И, 1847, № 9, с. 142.

«У хаты рыбачьей, над морем. . .» (начало 1850-х годов) — Изв. ОЛЯ, 1953, т. 12, вып. 5, с. 438. Автограф — ГБЛ.

«Я духа звал, — и он явился. . .» — ЛГ, 1848, № 25, с. 385. Другая редакция («Я беса звал, — и он ко мне сейчас явился. . .») — ПССоч., принадлежит, видимо, П. В. Быкову.

«Я при первой нашей встрече. . .» — РВ, 1856, май, кн. 2, с. 382.

Гете Иоганн Вольфганг

Близость («Часто мы друг другу чужды. . .») — БдЧ, 1855, № 2, с. 15, без загл.

Границы человечества (между 1862 и 1865?) — Гете, с. 397, подпись: М. М. Автограф — ПД. Ранняя редакция — И, 1847, № 10, с. 157.

Китаец в Риме — И, 1848, № 40, с. 247.

«Мидас, горька твоя участь была: в деснице дрожащей. . .» — И, 1847, № 10, с. 157.

Неравный брак (между 1862 и 1865?) — Гете, с. 126, подпись: М. М. Автограф — ПД.

Новый Амур — И, 1847, № 10, с. 156.

Песня Клары — Стих. 1862, с. 77.
Сон и Дремота — Стих. 1862, с. 82. Ранняя редакция («Близнецы») — ЛГ, 1848, № 25, с. 386.
Из «Фауста». Собор — ЛГ, 1848, № 20, с. 306.
Филомела (между 1862 и 1865?) — Гете, с. 412, подпись: М. М.

Гименс Фелиция
«Убаюкай, родная, больную меня...» — БдЧ, 1855, № 7, с. 46, под загл. «Песня».

Гомер
Из «Илиады» — РС, 1860, № 6, с. 272.

Готье Теофиль
Бегство — ЛГ, 1849, № 1, с. 7.

Гюго Виктор
Вакханка — ЛГ, 1847, № 24, с. 373.
«Могила розе говорит...» — ЛГ, 1848, № 14, с. 211.
«О, подойди ко мне! поговори со мной...» — ЛГ, 1848, № 14, с. 211.
Паж — ЛГ, 1847, № 42, с. 660.
«Так, как в глубоких водах, усыпленных под сенью деревьев...» — И, 1847, № 27, с. 35.

Делавинь Казимир
Нанна — И, 1846, № 9, с. 142.

Джами Абдуррахман
«Кедр, твоей вершины стройной...» (между 1862 и 1865?) — ССтих., с. 6.

Испанская песня
«Спишь ли ты, моя девица?..» — ЛГ, 1847, № 33, с. 518.

Кернер Юстин
Расставанье — М, 1850, июль, кн. 1, с. 6.
Старая родина — ЛГ, 1848, № 20, с. 307.

Корнуол Барри
Разбитое сердце — Стих. 1866, с. 85.
Хуан — «Время», 1863, № 4, с. 249, подпись: Мих. Илецкий.

Ламартин Альфонс
Бабочка — И, 1848, № 42, с. 275.

Ленау Николаус
Тяжелый вечер — ЛГ, 1847, № 11, с. 164. Автограф — ПД.

Лэм Чарльз
Былые, знакомые лица — «Шехеразада», 1859, № 19, с. 585.

Мильвуа Шарль
Возвращение — ЛГ, 1847, № 33, с. 518.

Мицкевич Адам
Сон — ЛГ, 1848, № 3, с. 37.

Мосх
«Если зефиры легко пробегают лазурное море. . .» — ЛГ, 1847, № 26, с. 405.

Палад
Время — ЛГ, 1847, № 45, с. 709.
Удел человека (между 1862 и 1865?) — ССтих., с. 19. Автограф — ПД.

Редвиц Оскар
Юноша («Ясно надо мною. . .») — ОЗ, 1854, № 2, с. 334.

Рюккерт Фридрих
Хидгер (между 1862 и 1865?) — ОЗ, 1870, № 4, с. 469, подпись: М. М—в.

Сафо
«Горесть и слезы жить не должны в жилище поэта. . .» — ЛГ, 1847, № 33, с. 518.
«Чем эта женщина могла тебя пленить. . .» — И, 1847, № 9, с. 142.

Симонид
Статуя Ниобеи («В камень живую меня превратили всесильные боги. . .») (между 1862 и 1865?) — ССтих., с. 19. Ранняя редакция («В камень меня превратили всесильные боги. Из камня. . .») — ЛГ, 1847, № 33, с. 519. Автограф — ПД.

Спенсер Эдмунд
Раздумье — И, 1847, № 4, с. 62.

Таннер Карл
Говор волн — Стих. 1862, с. 114.

Уланд Людвиг
Король на башне — Смирдин, с. 121. Автограф — ГПБ.
Мать и дитя — «Подснежник», 1858, № 3, с. 1. Автограф — ГПБ.
Ночью — И, 1848, № 40, с. 247.
Развалины — Стих. 1862, с. 105. Автограф — ГПБ.
Серенада — ЛГ, 1848, № 22, с. 335.

Фрелих Абрагам Эмануил
«Змеенок матери сказал. . .» — И, 1847, № 9, с. 142.

Шамиссо Адальберт
Зима — ЛГ, 1847, № 49, с. 774.

Шатобриан Франсуа-Рене

Изгнанник — И, 1846, № 4, с. 63.

Шенье Андре

«Близ Верекинфа раз Сатир нашел, гуляя...» — ЛГ, 1847, № 18, с. 277.

Шиллер Фридрих

Благо и величие — Шиллер IV, с. 323.

Данаиды («Веки черпаем ситом и камень у сердца мы греем...») — Стих. 1862, с. 98. Ранняя редакция («Много мы лет решето наполняем водою и греем...») — И, 1848, № 42, с. 275.

Дифирамб — ОЗ, 1855, № 8, с. 316.

Илиада («Рвите Гомеров венок и считайте отцов совершенной...») — Стих. 1862, с. 97. Ранняя редакция («Рвите венок Гомера, считайте отцов совершенной...») — ЛГ, 1848, № 19, с. 292.

Натуралисты и трансцендентальные философы — Шиллер IV, с. 324.

Нения — ЛГ, 1848, № 22, с. 335.

Печать с изображением головы Гомера — Стих. 1862, с. 102. Ранняя редакция («Печать с головой Гомера») — ЛГ, 1847, № 33, с. 518.

Шотландская баллада

Два ворона — ЛГ, 1847, № 49, с. 773.

Неизвестные авторы

Могила Ахиллеса — ЛГ, 1847, № 45, с. 709.

Молитва — ЛГ, 1847, № 45, с. 709.

С персидского («Что не могу в моих стихах...») — Стих. 1862, с. 11.

Угроза Эроту (между 1862 и 1865?) — ССтих., с. 19. Автограф — ПД.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ[1]

[1] Входящие в приложение стихотворения, посвященные Михайлову, в указатель не включены.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* М. Л. Михайлов. Фотография. Около 1860 г. — ПД.

2—3. *Между с. 64 и 65.* М. Л. Михайлов в молодости. Фотография. Между 1852 и 1856 гг. — ПД.

На обороте: М. Л. Михайлов. Шарж Н. А. Степанова. 1854 г. — ГПБ (альбом Г. П. Данилевского).

4—5. *Между с. 96 и 97.* Л. П. и Н. В. Шелгуновы. Фотография. Около 1860 г. — ПД.

На обороте: М. Л. Михайлов в сибирской тюрьме. Ксилография. 1862 г. — ПД.

6. *С. 115.* Автограф стихотворения «И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье. . .» — ПД.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Незавершенные стихотворения

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

ПОДРАЖАНИЯ ВОСТОЧНОМУ

Джалаледдин Руми

Муслихиддин Саади

Фаридаддин Аттар

Бхартрихари

Из «Ши-Кинг»

Из Корана

Из Талмуда

Мирза Шаффи Вазех

ИЗ ПОЭТОВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Сафо

Анакреон

Из антологии

Эсхил

ИЗ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ

Кристофер Марло

Роберт Бернс

Томас Мур

Джордж Байрон

Барри Корнуол

Фелиция Гименс

Томас Гуд

Эбенезер Эллиот

Альфред Теннисон

Генри Лонгфелло

ИЗ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

Христиан Фридрих Шубарт

Иоганн Готфрид Гердер

Иоганн Вольфганг Гете

Фридрих Шиллер

Людвиг Уланд

Август Копиш

Фридрих Рюккерт

Иозеф Эйхендорф

Адальберт Шамиссо

Фердинанд Фрейлиграт

Генрих Гейне

Август Гофман фон Фаллерслебен

Николаус Ленау

Арнольд Руге

Георг Гервег

Мориц Гартман

Альфред Мейснер

ИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ

Андре Шенье

Пьер Жан Беранже

Книга первая (1810—1815)

Книга вторая (1816—1821)

Книга третья (1822—1828)

Книга четвертая (1829—1833)

Книга пятая (1834—1851)

С ВЕНГЕРСКОГО

Шандор Петефи

ИЗ СЛАВЯНСКИХ ПОЭТОВ

Тарас Шевченко

Адам Мицкевич

Зигмунт Красинский

ИЗ ПОЭТОВ НОВОЙ ГРЕЦИИ

Константин Ригас

Александр Ипсиланти

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Шотландская баллада

Сербские песни

Новогреческие песни

Литовские песни

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ МИХАЙЛОВУ

Михайлов
Михаил Ларионович

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1969 г.
624 стр. Тем. план вып. 1969 г. № 336

Редактор *В. С. Киселев*
Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *Э. И. Панова*

Сдано в набор 26/VI 1969 г. Подписано в печать 20/X 1969 г. М 22468. Бумага $84\times108^{1}/_{32}$, № 1. Печ. л. 19,5+3 вкл. (33,08). Уч.-изд. л. 30,55. Тираж 25 000 экз. Заказ № 888. Цена 1 руб. 24 коп.

Издательство «Советский писатель».
Ленинградское отделение.
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3

«БИБЛИОТЕКА ПОЭТА»

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

(Второе издание)

Готовятся к изданию

«Ленин в советской поэзии»

«Вольная русская поэзия
XVIII — первой половины XIX века»

«Стихотворная сказка (новелла)
XVIII — начала XIX века»

«Песни народов Дагестана»

Хамза Хаким-заде Ниязи

«**БИБЛИОТЕКА ПОЭТА**»

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

(Второе издание)

Вышли из печати

И. П. Мятлев

А. С. Хомяков

Н. А. Добролюбов

«Стихотворная сатира
первой русской революции
(1905—1907)»

М. Ф. Рыльский

Ованес Туманян